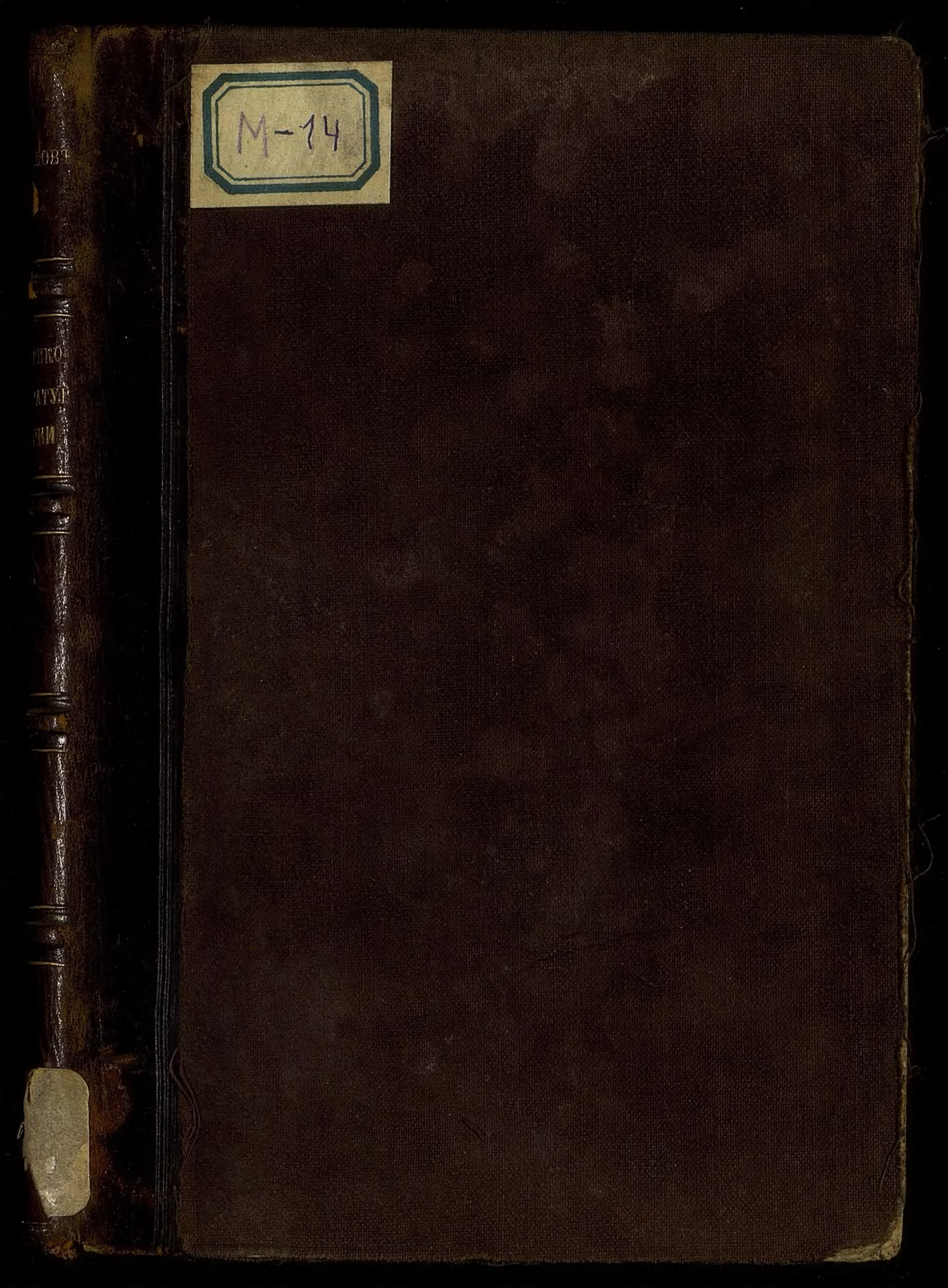
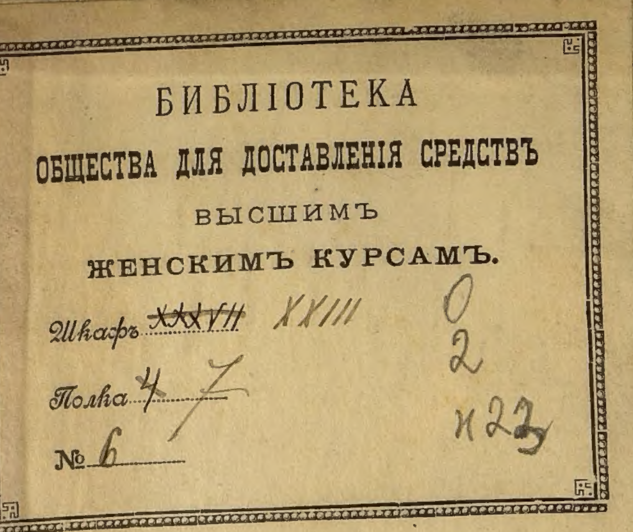

М-14

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

Л. МАЙКОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

Крыловъ.—Жуковскій.—Батюшковъ.

Пушкинъ.

Плетневъ.—Погодинъ.—Фетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1895.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

ПЕРВЫЕ ШАГИ И. А. КРЫЛОВА

НА ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПОПРИЩѢ.

(Посвящается А. А. М.).

Немногимъ изъ русскихъ писателей суждено было пріобрѣсти такую всенародную славу, какая выпала на долю Крылова. Не только вся грамотная Россія знаетъ его басни, но и оригинальная личность баснописца пользовалась въ свое время большою популярностью, особенно въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ бо́льшую часть своей долгой жизни и гдѣ умеръ 9-го ноября 1844 года. И не смотря на то, о немъ сохранилось больше анекдотовъ, чѣмъ достовѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній. Громкая слава началась для него лишь на четвертомъ десяткѣ жизни: когда, въ 1806 году, появились въ печати басни, впервые подписанныя его именемъ, ему было уже тридцать-семь лѣтъ отъ роду—возрастъ, въ которомъ скончался Пушкинъ. А когда, черезъ два, три десятка лѣтъ, слава Крылова достигла своего апогея, когда для его читателей сдѣлалась интересною самая личность баснописца, оказалось, что онъ пережилъ всѣхъ своихъ литературныхъ сверстниковъ, тѣхъ писателей, вмѣстѣ съ которыми выступилъ на поприще словесности. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ уже не отъ кого было собирать свѣдѣнія о раннемъ періодѣ его литературной жизни, и приходилось довольствоваться его собственными разсказами: источникъ драгоцѣнный,—но Крыловъ мало и какъ-то неохотно говорилъ о своихъ молодыхъ годахъ, такъ что современникамъ его бодрой старости удалось записать отъ него очень немногое и нерѣдко довольствоваться одними его намеками. Мало

говорилъ онъ о себѣ и въ своихъ произведеніяхъ; дневника, конечно, не велъ, писемъ писать не любилъ, и ихъ уцѣлѣло отъ него небольшое количество. Словомъ, его литературное наслѣдство тоже не богато матеріалами для его біографіи.

Первое, появившееся въ печати, извѣстіе о жизни Крылова помѣщено Н. И. Гречемъ въ его «Опытѣ краткой исторіи русской литературы» (С.-Пб. 1822); но это не болѣе какъ краткое извлеченіе изъ его формулярнаго списка. Другая, болѣе пространная на видъ, біографія знаменитаго баснописца напечатана въ «Портретной и біографической галлереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи» (С.-Пб. 1841). Въ фактическомъ отношеніи она ничего не прибавляетъ къ извѣстію Греча, кромѣ нѣсколькихъ анекдотовъ, да и тѣ разсказаны невѣрно, какъ было въ свое время замѣчено П. А. Плетневымъ [1]). Если очеркъ этотъ кажется пространнѣе Гречева извѣстія, то лишь потому, что авторъ наполнилъ его безсодержательными общими разсужденіями и громкими фразами: по нимъ легко узнать, что составителемъ этой ничтожной статейки былъ довольно извѣстный въ свое время подражатель Марлинскаго П. П. Каменскій; къ ней-то и относится слѣдующая записка, посланная къ Крылову его сослуживцемъ по Императорской Публичной Библіотекѣ М. Е. Лобановымъ 31-го января 1841 года: «Вотъ ваша біографія, написанная Каменскимъ, почтенный Иванъ Андреевичъ. Прочитайте ее, поправьте или вымарайте, что заблагоразсудите. Я боленъ и не могу къ вамъ сойти. Вашъ Лобановъ». Очевидно, статья Каменскаго была сообщаема Крылову еще въ рукописи; но онъ возвратилъ ее Лобанову вмѣстѣ съ его запиской, на которой приписалъ карандашемъ:

Прочелъ.
Ни поправлять, ни выправлять
Ни время, ни охоты нѣтъ [2]).

Крылову на старости не хотѣлось шевелить свое прошлое. На-

---

[1]) Въ *Современникѣ*. Ср. Сочиненія П. А. Плетнева, т. II, стр. 320—321.

[2]) Подлинникъ этой записки находится у П. Н. Тиханова, а напечатана она въ *Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. VI. Я. К. Гротъ, не имѣя въ виду статьи П. П. Каменскаго, полагалъ, что записка Лобанова относится къ біографіи Крылова, написанной Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ для его второго Словаря достопамятныхъ людей Русской земли (С.-Пб. 1847).

шлось однако лицо, которое, приблизительно въ то же время, сумѣло выспросить у баснописца нѣкоторыя подробности о его дѣтствѣ и молодости. Это была Елизавета Алексѣевна Карлгофъ, рожденная Ошанина. Изъ сдѣланныхъ ею замѣтокъ составилась статья, напечатанная еще при жизни Крылова въ дѣтскомъ журналѣ *Звѣздочка* (1844 г. № 1). Въ сущности, и до сихъ поръ она должна служить главною канвою для его жизнеописанія, такъ какъ изъ нея черпали его первые посмертные біографы—П. А. Плетневъ и М. Е. Лобановъ [1]). Правда, будучи сами въ короткой пріязни съ Крыловымъ, они могли дополнить замѣтки Е. А. Карлгофъ своими собственными воспоминаніями; будучи лучше ея знакомы съ нашею литературой конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, могли воспользоваться кое-чѣмъ и изъ этого источника; но все же, и послѣ ихъ трудовъ, статья г-жи Карлгофъ не теряетъ своего значенія первоисточника: нѣкоторыя обстоятельства жизни Крылова изложены здѣсь въ болѣе вѣрномъ свѣтѣ, чѣмъ у Плетнева и Лобанова.

Еще одному лицу изъ позднихъ современниковъ Крылова удалось, въ бесѣдахъ съ нимъ, уловить нѣсколько воспоминаній о его прошломъ: мы разумѣемъ его младшаго сослуживца по Публичной Библіотекѣ И. П. Быстрова. Замѣтки свои, накопленныя въ теченіе многолѣтнихъ ежедневныхъ сношеній съ Крыловымъ, онъ собирался привести въ порядокъ, но къ сожалѣнію, не исполнилъ своего намѣренія. Отъ него осталось лишь нѣсколько «Отрывковъ изъ записокъ объ И. А. Крыловѣ», напечатанныхъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1845 и 1846 годовъ [2]). Наконецъ, въ 1846 году были еще напечатаны въ *Тверскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ* «Матеріалы для біографіи И. А. Крылова», въ которыхъ анонимный авторъ (Н. М. Коншинъ?) сообщилъ воспоминанія о немъ какого-то тверскаго старожила, знавшаго Крылова въ Твери въ началѣ 1780-хъ годовъ, и помѣстилъ

[1]) Статья Плетнева впервые напечатана при «Полномъ собраніи сочиненій И. Крылова», изданномъ Ю. Юнгмейстеромъ и Э. Веймаромъ въ 1847 г.; впослѣдствіи она вошла въ академическое изданіе Сочиненій и переписки П. А. Плетнева (С.-Пб. 1885). Статья Лобанова «Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова» помѣщена въ *Сынѣ Отечества* 1847 г., кн. I, и вышла тогда же отдѣльною книжкой.

[2]) 1845 г. №№ 203 и 205; 1846 г. № 63. Замѣтки Быстрова почти цѣликомъ внесены въ «Указатель статей о Крыловѣ и его сочиненіяхъ», приложенный къ труду *В. Ѳ. Кеневича*: Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. С.-Пб. 1868.

любопытный офиціальный документъ о ранней его службѣ, отысканный въ архивѣ Тверскаго губернскаго правленія [1]).

Къ этимъ скуднымъ матеріаламъ для біографіи Крылова, появившимся въ сороковыхъ годахъ и собраннымъ большею частью при его жизни, впослѣдствіи прибавилось также немного. Даже столѣтній юбилей со дня его рожденія, отпразднованный въ 1868 году, вызвалъ лишь небольшое количество новыхъ сообщеній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Изъ появившагося въ шестидесятыхъ годахъ наиболѣе цѣнны: воспоминанія о Крыловѣ Ф. Ф. Вигеля [2]), затѣмъ свѣдѣнія, сообщенныя П. В. Алабинымъ о дѣвушкѣ, которую любилъ двадцатитрехлѣтній Крыловъ [3]), и наконецъ, нѣсколько офиціальныхъ документовъ и свидѣтельствъ современниковъ, которые помѣщены въ *Сборникѣ* II-го отдѣленія Академіи Наукъ (т. VI).

Эти архивныя данныя отчасти помогли исправить преданія, записанныя первыми біографами баснописца; но все это лишь отрывочныя черты его внѣшней жизни, не дающія настоящаго ключа къ разъясненію его внутренняго развитія до той поры, когда онъ сталъ писать басни, которыя доставили ему значеніе классическаго писателя. Эта послѣдняя задача не разрѣшается даже превосходною характеристикой нравственной личности Крылова, данною Плетневымъ; не разрѣшена она и А. Д. Галаховымъ на тѣхъ прекрасныхъ страницахъ, которыя онъ посвятилъ Крылову въ своей «Исторіи русской словесности». Плетневъ лично узналъ Крылова уже на шестомъ десяткѣ его жизни, когда онъ писалъ однѣ басни; Галаховъ основалъ свое сужденіе о немъ также преимущественно на басняхъ, какъ на замѣчательнѣйшемъ изъ его произведеній. Иначе сказать, и біографъ, и критикъ имѣли въ виду Крылова главнымъ образомъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ убѣжденіями, выработанными всѣмъ прежнимъ ходомъ его жизни. А если такъ, то становится возможнымъ слѣдующій вопросъ: то праздное благоразуміе, та безжизнен-

---

[1]) Эти «Матеріалы» перепечатаны въ *Сѣверной Пчелѣ* 1846 г. № 292, а также въ вышеупомянутомъ «Указателѣ» *Кеневича*.

[2]) Замѣтки Вигеля о Крыловѣ были извѣстны еще Плетневу (см. въ его статьѣ гл. XV); въ печати онѣ появились въ *Русскомъ Архивѣ* 1863 г., а потомъ вошли въ составъ Воспоминаній Ф. Ф. Вигеля. М. 1866, ч. I, стр. 141—145.

[3]) *Русскій Архивъ* 1868 г.: «Къ біографіи Крылова: молодая любовь его къ А. А. Константиновой».

ная мудрость, то равнодушіе къ высшимъ интересамъ человѣческаго бытія, тотъ покой безстрастія—не симпатичныя черты, которыя Плетневъ и Галаховъ видятъ въ окончательно сложившемся характерѣ Крылова и въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, были ли онѣ коренными, исконными свойствами его духовной природы, или же онѣ образовались съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ? Другими словами: какимъ человѣкомъ Крыловъ былъ смолоду, испыталъ ли онъ порывы и увлеченія, свойственныя юнымъ годамъ, и что́ подавило въ немъ живую дѣятельность ума и потушило душевный огонь? Что́, наконецъ, заставило его творчество замкнуться въ узкую сферу одного поэтическаго рода, гдѣ онъ проявилъ себя великимъ мастеромъ слова, но въ то же время холоднымъ мудрецомъ, который въ глубинѣ души, кажется, ничего ни любилъ, ни ненавидѣлъ?

Эти важные вопросы, къ сожалѣнію, слишкомъ мало останавливали на себѣ вниманіе біографовъ и критиковъ Крылова, а потому до сихъ поръ онъ во многихъ отношеніяхъ остается для насъ такою же «загадкою», какою представлялся поэту Батюшкову въ 1809 году [1]). Не имѣя притязанія разгадать эту мудреную задачу, попытаемся, на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ матеріаловъ, изложить нѣсколько соображеній, которыя могутъ послужить къ разъясненію дѣятельности Крылова въ годы его молодости [2]).

Извѣстно, что Иванъ Андреевичъ Крыловъ не могъ получить сколько-нибудь систематическаго образованія въ дѣтствѣ и юности. Ему едва минуло семь лѣтъ (родился онъ 2-го февраля 1768 года), когда его отецъ, армейскій капитанъ, оставилъ военную службу въ

---

[1]) Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 53.

[2]) Чтобы не пестрить статьи множествомъ примѣчаній, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи не дѣлаемъ постоянныхъ ссылокъ на статьи г-жи Карлгофъ, Плетнева, Лобанова и Быстрова, а также на документы, напечатанные въ т. VI *Сборника* II-го отдѣленія Академіи. Должно однако замѣтить, что даже въ офиціальныхъ документахъ о службѣ Крылова встрѣчаются неясности и противорѣчія. Такъ, даты, выставленныя въ аттестатѣ, который былъ выданъ Крылову въ 1810 году при увольненіи его изъ монетнаго департамента (Примѣчанія *Кеневича*, стр. 296), не согласны съ хронологическими указаніями, содержащимися въ документахъ о службѣ Крылова въ Тверскомъ магистратѣ и въ С.-Петербургской казенной палатѣ (*Сборникъ* II-го отдѣленія Академіи, т. VI). Даты этихъ послѣднихъ документовъ, очевидно, заслуживаютъ предпочтенія и потому приняты въ нашемъ изложеніи.

Оренбургскомъ краѣ и поселился съ женою въ Твери. Здѣсь не было въ то время никакихъ учебныхъ заведеній, кромѣ духовной семинаріи: первая школа для купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей возникла здѣсь лишь въ 1776 году, а дворянское училище еще позже, въ 1779 [1]). Крыловъ не былъ помѣщенъ ни въ то, ни въ другое, а нанимать для него домашнихъ учителей было не по средствамъ его родителей. Обученный въ семьѣ грамотѣ и письму, мальчикъ считался уже годнымъ къ гражданской службѣ и девяти лѣтъ, въ 1777 году, былъ уже опредѣленъ подканцеляристомъ въ Калязинскій нижній земскій судъ. Весьма вѣроятно, что на первое время служба эта была чисто номинальная; но вскорѣ она должна была сдѣлаться дѣйствительною, такъ какъ въ мартѣ 1778 года умеръ отецъ Крылова, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію, и ея главною опорой сталъ отнынѣ старшій изъ сыновей, будущій писатель. Нашлись однако добрые люди, которые помогли бѣдной вдовѣ: черезъ три мѣсяца по смерти отца маленькій подканцеляристъ былъ переведенъ изъ Калязинскаго суда въ Тверской магистратъ на такую же должность и въ то же время получилъ возможность пользоваться кое-какими уроками въ домѣ помѣщиковъ Львовыхъ. Полагаютъ, что именно у Николая Петровича Львова, который съ 1778 года состоялъ совѣтникомъ намѣстническаго правленія, а послѣ предсѣдателемъ уголовной палаты въ Твери, жилъ тотъ французъ-гувернеръ, отъ котораго Крыловъ пріобрѣлъ первыя познанія во французскомъ языкѣ. Притомъ мальчикъ пристрастился къ чтенію, пользуясь книгами, оставшимися послѣ отца и получаемыми отъ знакомыхъ. Тѣмъ не менѣе, недостатокъ правильнаго образованія остался для Крылова на всю жизнь не восполненнымъ и не только давалъ поводъ инымъ, какъ напримѣръ, Сперанскому, называть его «порядочнымъ невѣждой» [2]), но и имъ самимъ чувствовался вполнѣ

---

[1]) Описаніе Тверскаго намѣстничества, рукопись библіотеки Общества любителей древней письменности, № 3915, Q. CCIII, л. 9.

[2]) Отзывъ Сперанскаго относится къ 1819 г. (см. *Р. Архивъ* 1868 г., стр. 1190), но встрѣчаться съ Крыловымъ Сперанскій могъ еще въ 1793 г. у своего товарища по С.-Петербургской духовной академіи И. И. Мартынова (Памятники новой русской исторіи, т. II, отдѣлъ 2, стр. 87). По всей вѣроятности, и Крыловъ не долюбливалъ Сперанскаго; еще до паденія послѣдняго, въ 1811 году, Крыловъ написалъ басню „Орелъ и паукъ“, содержаніе которой впослѣдствіи примѣняли къ судьбѣ Сперанскаго (см. Примѣчанія *Кеневича*, стр. 97).

ясно: сравнивая впослѣдствіи свои скудныя, случайно пріобрѣтенныя познанія со свѣдѣніями, которыми обладалъ въ языкахъ, исторіи и философіи одинъ изъ его литературныхъ сверстниковъ Рахманиновъ, Крыловъ сознавался, что много уступалъ ему въ этомъ отношеніи.

Но если образованіе не далось Крылову, за то служба въ томъ возрастѣ, когда ему слѣдовало бы сидѣть на школьной скамьѣ, и постоянная нужда очень рано развили въ немъ способность понимать людскія свойства и сложную сѣть общественныхъ отношеній. Объ этомъ можно заключать по той наблюдательности и трезвости мысли, которыя обнаруживаются въ его первомъ литературномъ опытѣ, написанномъ въ время, когда ему было всего шестнадцать лѣтъ: мы говоримъ о комической оперѣ «Кофейница».

Е. А. Карлгофъ и Плетневъ относятъ сочиненіе «Кофейницы» къ 1782 году, а Лобановъ—къ 1784. Это послѣднее извѣстіе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ до пріѣзда въ Петербургъ Крылову едва ли случалось видѣть театральныя представленія; а пріѣхалъ онъ въ Петербургъ въ 1783 году вмѣстѣ съ матерью, рѣшившеюся хлопотать о назначеніи ей пенсіи за службу мужа. Хлопоты эти оказались однако безуспѣшными, и бѣдной семьѣ пришлось жить въ Петербургѣ на то ничтожное жалованье, какое получалъ Иванъ Андреевичъ, опредѣлившійся здѣсь въ томъ же 1783 году въ казенную палату приказнымъ служителемъ.

Переселеніе въ столицу было для юноши событіемъ чрезвычайной важности: онъ попалъ въ новую среду, гдѣ жизнь была разнообразнѣе и богаче умственными интересами, чѣмъ въ провинціи. Однако и здѣсь сближеніе съ людьми просвѣщенными, которые могли бы содѣйствовать его образованію, было не легко для молодого человѣка безъ всякихъ средствъ и связей. Правда, въ числѣ его сослуживцевъ по казенной палатѣ были даже люди, занимавшіеся литературой, какъ извѣстный А. Н. Радищевъ и Н. И. Перепечинъ, любитель театра, самъ кое-что написавшій для сцены [1]); но то были уже значительные чиновники, а Крыловъ—простой писецъ; понятно

---

[1]) Имъ сочинена комическая опера „Торжество добродѣтели надъ красотою" (М. 1780); въ 1793 г. ему удалось отыскать между сидѣльцами петербургскаго гостинаго двора молодого человѣка, который вскорѣ сталъ знаменитымъ актеромъ, А. С. Яковлева (Воспоминанія стараго театрала *С. П. Жихарева* въ *Отеч. Запискахъ* 1854 г., т. XCVI, стр. 100).

поэтому, что въ первые годы своей петербургской жизни онъ не выходилъ изъ круга мелкаго приказнаго люда. Единственное удовлетвореніе тѣмъ высшимъ потребностямъ, которыя таились въ немъ, онъ находилъ тогда въ посѣщеніи театра. Вообще въ то время театръ служилъ почти единственнымъ средствомъ эстетическаго развитія для русскаго общества. Даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія онъ былъ для многихъ русскихъ писателей-художниковъ главнымъ двигателемъ, возбуждавшимъ въ нихъ стремленіе къ творчеству. Такъ, очевидно, случилось и съ Крыловымъ: первый, извѣстный намъ, литературный опытъ его былъ предназначенъ для сцены, и весь начальный періодъ его авторства посвященъ театру; только на шестомъ году по вступленіи на литературное поприще онъ обращается отъ драмы къ журнальной сатирѣ.

Въ наше время на либретто оперы смотрятъ лишь какъ на канву для музыкальнаго созданія. Въ старину думали иначе: писатель сочинялъ оперное либретто съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ писалъ трагедію или комедію, а затѣмъ передавалъ композитору, чтобы положить его текстъ на музыку. При Екатеринѣ II въ особенной модѣ была комическая опера; руководствуясь италіанскими и французскими образцами, многіе наши писатели, напримѣръ, Княжнинъ, охотно брались за сочиненіе подобныхъ произведеній. Аблесимовъ даже прославился своею комическою оперой «Мельникъ». Публика съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣла эти піесы, такъ какъ содержаніе ихъ по большей части заимствовалось изъ русской народной жизни. Итакъ, неудивительно, что Крыловъ вздумалъ испытать силы своего дарованія именно на этомъ поприщѣ. И должно сказать, что его «Кофейница» нисколько не хуже большинства современныхъ ей комическихъ оперъ; по крайней мѣрѣ, въ ней чувствуется та наивность, та свѣжесть созданія, которая всегда отличаетъ раннія, съ любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій.

Содержаніе «Кофейницы» внушено Крылову чтеніемъ сатирическаго журнала *Живописецъ*, который издавался Н. И. Новиковымъ въ 1772 — 1773 годахъ и впослѣдствіи не разъ перепечатывался. Здѣсь была помѣщена сатирическая статейка, обличавшая «кофегадательницъ», и въ ней разсказывалось, какъ одна барыня, у которой была украдена ложка, прибѣгла къ помощи гадальщицы на кофе, чтобъ узнать вора; гадальщица указала ей на ея же крѣ-

постного Ваньку. Барыня принялась его допрашивать; онъ сперва не сознавался, потому что ни въ чемъ виноватъ не былъ, но когда его стали сѣчь безъ пощады, взвелъ на себя небывалую вину. Барыня наказываетъ его отнятіемъ жалованья и кормовыхъ денегъ, чтобъ возмѣстить пропажу и наградить гадальщицу. Но съ тѣхъ поръ Ванька дѣйствительно становится дурнымъ человѣкомъ, въ самомъ дѣлѣ обкрадываетъ свою госпожу и въ концѣ концовъ попадаетъ на каторгу, а барыня остается и безъ своего добра, и безъ слуги [1]).

Въ «Кофейницѣ» также идетъ дѣло о пропажѣ серебряныхъ ложекъ, и указаніе, что онѣ украдены молодымъ парнемъ Андреемъ, также дѣлается гадальщицей на кофе — кофейницей; но развязка другая—по правиламъ комической оперы, благополучная: сама кофейница оказывается воровкой. Ко всему этому приплетена неизбѣжная любовная интрига: взведенное на Андрея обвиненіе грозило помѣшать ему жениться на любимой имъ Анютѣ; его оправданіе ведетъ ихъ къ счастливому браку.

Достоинства «Кофейницы», конечно, только отрицательныя: она не поражаетъ ни неестественностью вымысла, ни слишкомъ ложнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности; но уже то, что въ этой оперѣ провинціальный бытъ, среди котораго Крыловъ провелъ свое дѣтство и отрочество, изображенъ довольно просто, безъ слащавыхъ прикрасъ и каррикатурнаго преувеличенія, показываетъ, что юный авторъ сразу, съ перваго своего опыта, попалъ на тотъ путь здраваго реализма, на которомъ могло успѣшно развиваться его литературное дарованіе.

Написавъ «Кофейницу», Крыловъ желалъ видѣть ее и на сценѣ, и въ печати; но при его скромномъ общественномъ положеніи добиться этого было нелегко. Въ то время жилъ въ Петербургѣ книгопродавецъ и типографщикъ Брейткопфъ, сынъ владѣльца очень извѣстной лейпцигской издательской фирмы Иммануила Брейткопфа. Бернгардъ-Теодоръ или, какъ его звали въ Россіи, Ѳедоръ Ивановичъ Брейткопфъ былъ человѣкъ образованный; занимаясь торговыми дѣлами, онъ въ то же время былъ большой любитель музыки и самъ немного композиторъ; въ молодости онъ одно время учился вмѣстѣ съ Гёте, сошелся съ нимъ и написалъ музыку къ нѣкото-

---

[1]) *Живописецъ*, изданіе 7-е, стр. 115—122.

рымъ его стихотвореніямъ. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ въ 1781 году и завелъ здѣсь типографію, въ которой печатались между прочимъ учебныя изданія коммиссіи народныхъ училищъ [1]). Къ этому-то типографщику-музыканту обратился Крыловъ, прося его положить на ноты куплеты «Кофейницы» и вообще дать ходъ піесѣ. Брейткопфъ успѣлъ уже ознакомиться съ русскимъ языкомъ; просмотрѣвъ рукопись, онъ согласился купить ее за 60 рублей. Однако, не извѣстно почему, онъ не сдѣлалъ изъ нея никакого употребленія ни тогда, ни позже. Вообще «Кофейница» не была поставлена на сцену, ни напечатана при жизни сочинителя.

Какъ человѣкъ развитой, Брейткопфъ могъ замѣтить признаки таланта въ юношескомъ произведеніи Крылова; его долженъ былъ заинтересовать шестнадцатилѣтній авторъ, который, вмѣсто денегъ, попросилъ дать ему по экземпляру сочиненій Расина, Мольера и Буало. Преданіе прибавляетъ, что Крыловъ отказался взять произведенія Вольтера и Кребильона, и видитъ въ этомъ отказѣ намекъ на то, что даже въ юности нашъ авторъ питалъ къ знаменитому французскому вольнодумцу то же нерасположеніе, какое въ шестьдесятъ лѣтъ высказалъ въ баснѣ «Сочинитель и разбойникъ». Предположеніе едва ли справедливое; при той славѣ, какою гремѣло имя Вольтера въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, его произведенія всего скорѣе должны были остановить на себѣ вниманіе начинающаго автора. Если этого не случилось, если Крыловымъ были предпочтены корифеи французской литературы не XVIII, а XVII вѣка, то очевидно, онъ руководствовался совѣтомъ и указаніемъ Брейткопфа. Какъ бы то ни было, это обстоятельство было первымъ шагомъ нашего автора къ непосредственному знакомству съ тою словесностью, изъ которой наши писатели его времени почти исключительно заимствовали свои образцы.

Замѣчательно, что не Мольеръ, а Расинъ и Буало привлекли къ себѣ на первый разъ вниманіе Крылова. Онъ мечталъ о трагедіи,

[1]) Впослѣдствіи Брейткопфъ оставилъ торговлю, былъ преподавателемъ въ Смольномъ монастырѣ и библіотекаремъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ архивѣ которой хранятся бумаги, собственноручно писанныя Брейткопфомъ на прекрасномъ русскомъ языкѣ. Въ Петербургѣ онъ женился на дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ Парисъ, которая впослѣдствіи была первою начальницею Екатерининскаго института. Нѣсколько свѣдѣній о Ѳ. И. Брейткопфѣ есть въ Allgemeine Deutsche Biographie, т. III.

этой высшей формѣ поэзіи по понятіямъ псевдоклассической теоріи; у Расина онъ нашелъ образцы ея, у Буало—правила для ея сочиненія, и самъ задумалъ написать трагедію. Довольно было этой попытки, чтобы талантъ его оказался на ложномъ пути, и изъ его произведеній изчезло то, что̀ составляетъ лучшее достоинство его перваго опыта, изчезло живое чувство дѣйствительности. Представители французскаго псевдоклассицизма избирали сюжеты своихъ трагедій обыкновенно изъ міра древности; они понимали ее невѣрно, но все-таки стояли ближе къ источнику, чѣмъ ихъ русскіе подражатели: они все же читали и греческихъ, и римскихъ авторовъ, съ которыми русскіе писатели почти не были знакомы. Повинуясь своимъ образцамъ и не смущаемый своимъ полнымъ незнакомствомъ съ античною жизнью, Крыловъ взялъ сюжетомъ для своей первой трагеди исторію Клеопатры. Піеса его не сохранилась, но что это было произведеніе крайне слабое, о томъ свидѣтельствуетъ анекдотъ, который Крыловъ любилъ разсказывать впослѣдствіи, и который сохраненъ его біографами. Приведемъ его словами Лобанова, который передаетъ происшествіе хотя и безцвѣтно, но проще, чѣмъ сообщаютъ о немъ г-жа Карлгофъ и Плетневъ: «Крыловъ написалъ «Клеопатру» и обратился къ Дмитревскому, чтобы поставить ее на театръ. Дмитревскій добродушно и охотно выслушалъ трагедію, разбиралъ ее содержаніе, ходъ и характеры, дѣлалъ замѣчанія на каждую сцену и старался передать автору все, что́ самъ зналъ объ искусствѣ; онъ хвалилъ то, что́ находилъ въ ней хорошаго, поощрялъ автора къ новымъ трудамъ и, наконецъ, съ кротостію далъ почувствовать, что трагедія въ такомъ видѣ не можетъ быть представлена на театрѣ, что нужно ее совершенно пересоздать и передѣлать». Дмитревскій въ то время уже кончалъ свою сценическую карьеру, но онъ считался первостепеннымъ авторитетомъ въ театральномъ дѣлѣ и, какъ отличный знатокъ французской драматической литературы, былъ постояннымъ совѣтникомъ для русскихъ драматурговъ. Дмитревскій однако былъ человѣкъ очень осторожный и уклончивый въ сужденіяхъ: добиться отъ него чистой правды было не легко даже пріятелю. Жихаревъ, въ своемъ «Дневникѣ чиновника», также сохранилъ разсказъ о томъ, какъ онъ читалъ Дмитревскому, уже старому старику, свою трагедію «Артабанъ»; для характеристики знаменитаго актера и его манеры отно-

ситься къ молодымъ писателямъ, не лишнимъ будетъ привести здѣсь этотъ разсказъ:

«Въ десять часовъ утра я былъ у нашего Росціуса, который принялъ меня необыкновенно ласково... «Очень, очень радъ, душа», сказалъ онъ,—«видѣть васъ и прослушать трагедію вашу. Садитесь сюда въ кресла, а я посижу на диванѣ; но прежде надобно запереться, чтобъ намъ не мѣшали». Онъ всталъ и заперъ дверь. «Ну, теперь начните, да читайте не торопясь: у насъ времени много». Я началъ читать, по наставленію Мерзлякова, громко, но Дмитревскій остановилъ меня, промолвивъ: «Лучше потише, душа, а то устанешь». Я перемѣнилъ тонъ и дошелъ до конца 1-го дѣйствія, — и что жъ? Дмитревскій заснулъ! Я остановился, но онъ, вдругъ очнувшись, вскрикнулъ: «Прекрасно! Да на какомъ мы дѣйствіи остановились?» При этомъ вопросѣ у меня опустились руки, и я хотѣлъ сложить тетрадь свою, но Дмитревскій настоялъ, чтобъ я продолжалъ чтеніе. Кое-какъ добрался я до конца піесы и спросилъ сонтнаго моего слушателя, что̀ онъ о ней думаетъ, и можетъ ли она быть представлена на театрѣ. Дмитревскій отвѣчалъ, что трагедія точно отличная и прекрасно написана, но что есть нѣкоторыя длинноты, и ужь слишкомъ страшна, такъ страшна, что, по мнѣнію его, зрители не усидятъ на мѣстахъ своихъ; что она сдѣлала бы огромный эффектъ на сценѣ французскаго театра, потому что французская публика скорѣе поняла бы и оцѣнила ея красоты и великолѣпіе стиховъ; что, конечно, экспозиція немножко растянута, сюжетъ развивается медленно, что замѣтна нѣкоторая путаница въ расположеніи сценъ, а въ развязкѣ какая-то внезапность, и что самые стихи можно бы смягчить и ближе примѣнить ихъ къ характерамъ персонажей, но что впрочемъ все прекрасно, безподобно, восхитительно!»[1])

Разумѣется, Жихаревъ не чета Крылову; но очевидно, и съ авторомъ «Клеопатры» Дмитревскій продѣлалъ тѣ же увертки, что̀, съ авторомъ «Артабана»; только въ разсказѣ Лобанова изчезла та рельефность подробностей, которая такъ удачно сохранена въ «Дневникѣ чиновника». Возможно впрочемъ и то, что къ скромному канцеляристу Крылову знаменитый актеръ отнесся нѣсколько строже,

[1]) „Дневникъ чиновника", подъ 3-мъ января 1807 г.,—*Отеч. Записки* 1855 г., т. C, стр. 161.

чѣмъ къ барскому сынку Жихареву. Какъ бы то ни было, авторъ «Клеопарты» понялъ изъ словъ своего критика, что его трагедія никуда не годится, и рѣшился уничтожить ее. Однако и послѣ неудачи, постигшей «Клеопатру» въ 1785 году, онъ не хотѣлъ отказаться отъ мысли сочинять трагедіи: въ 1786 году онъ принялся за «Филомелу». По догадкѣ Плетнева, и этотъ второй трагическій опытъ Крылова былъ осужденъ Дмитревскимъ на забвеніе: на сцену «Филомела» не попала, и лишь въ 1793 году Крылову удалось напечатать ее въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» (часть XXXIV). Впрочемъ, появленіе въ печати ничуть не свидѣтельствуетъ о достоинствахъ второй трагедіи Крылова; по справедливому замѣчанію Н. А. Лавровскаго, «въ «Филомелѣ»... почти вовсе нѣтъ дѣйствія. «Открылось все», восклицаетъ Линсей въ началѣ второго акта, узнавъ о преступной любви ѳракійскаго царя Терея къ своей свояченицѣ и его невѣстѣ Филомелѣ,—и этими словами оканчивается дѣйствіе. Все остальное, четыре-пятыхъ трагедіи, наполнено плачемъ и стономъ, выраженіемъ дикой ярости, мщенія и отчаянія, не имѣющими ни малѣйшаго значенія для общаго развитія» [1]).

Крыловъ очень дорожилъ пріязнью Дмитревскаго, съ которымъ близко сошелся, не смотря на разницу лѣтъ. Строгіе приговоры опытнаго актера не поссорили съ нимъ молодаго человѣка, а лишь убѣдили въ томъ, что ему не дано трагическаго таланта. Но страсть его къ театру такъ была велика, что и послѣ первыхъ неудачъ ему не хотѣлось отказаться отъ мысли писать для сцены: отъ трагическаго рода онъ рѣшился перейдти къ комическому.

Въ томъ же году, что «Филомела», Крыловымъ были написаны опера «Бѣшеная семья» и комедія «Сочинитель въ прихожей». Казалось бы, въ комической сферѣ его врожденное дарованіе должно было обнаружиться скорѣе. Однако, вышло на дѣлѣ не то: обѣ названныя піесы не лучше его трагедій; въ нихъ нѣтъ ни занимательности интриги, ни сколько-нибудь мѣтко очерченныхъ характеровъ. Въ «Кофейницѣ» проявлялась по крайней мѣрѣ извѣстная наблюдательность, видна была опредѣленность мысли, согрѣтой притомъ теплымъ чувствомъ; въ новыхъ піесахъ онѣ замѣняются нескладною каррикатурой дѣйствительности, лишенною всякой сатирической соли, и какою-то сухостью отношенія автора

[1]) «О Крыловѣ и его литературной дѣятельности»—въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, февраль 1868 г., стр. 424, 425.

къ выводимымъ имъ лицамъ. Плетневъ справедливо удивляется появленію такихъ пьесъ послѣ того, какъ напечатанъ былъ «Недоросль» Фонвизина. «Ужели», спрашиваетъ онъ,—«чтеніе этой комедіи не открыло глазъ Крылову на искусство? Или она еще такъ преждевременно явилась, что и самыя рѣзкія красоты ея не могли вдругъ направить умъ и вкусъ на новую дорогу?» Предположеніе это оправдывается исторіей русской комедіи вплоть до самаго «Горя отъ ума». Съ своей стороны Крыловъ не научился ничему ни изъ «Недоросля», ни изъ знакомства съ Мольеромъ. Онъ предпочиталъ примѣняться къ господствующему вкусу публики, который удовлетворялся плохими передѣлками французскихъ комическихъ оперъ на русскіе нравы. Но эти оперы отличались въ подлинникѣ по крайней мѣрѣ красивою легкостью и игривостью содержанія, между тѣмъ какъ подъ перомъ русскихъ подражателей улетучивались и эти достоинства. Въ обѣихъ названныхъ піесахъ Крылова нѣтъ и тѣни истиннаго комизма, ни даже простой водевильной веселости. Что же касается грубаго и пошлаго тона, въ которомъ онѣ написаны, онъ не можетъ быть объясненъ ничѣмъ инымъ, какъ низменнымъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ той мелкой приказной среды, гдѣ протекала обыденная жизнь автора. При всемъ своемъ умѣ Крыловъ еще не могъ возвыситься надъ нею въ своихъ произведеніяхъ; оттого не удавалось ему ни сатирическое обличеніе, ни вѣрное, объективное возсозданіе дѣйствительности. Не могли помочь ему въ данномъ случаѣ и совѣты Дмитревскаго: это былъ актеръ умный, но напыщенный и холодный на сценѣ; въ его игрѣ не было естественности, какъ въ художественныхъ понятіяхъ его не было и мысли о правдѣ въ искусствѣ.

Не извѣстно, впрочемъ, отдавалъ ли Крыловъ «Бѣшеную семью» и «Сочинителя въ прихожей» на просмотръ Дмитревскому; но онъ рѣшился на шагъ болѣе смѣлый—представить ихъ на судъ публики. Съ 1783 года петербургскими театрами вѣдалъ особый комитетъ, въ числѣ членовъ котораго состоялъ генералъ-маіоръ Петръ Александровичъ Соймоновъ, служившій, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кабинетѣ императрицы, способный и умный человѣкъ, получившій образованіе въ Московскомъ университетѣ [1]). Къ нему-то и обратился

---

[1]) Изложенныя здѣсь и далѣе свѣдѣнія объ управленіи театрами извлечены изъ «Лѣтописи русскаго театра» *П. Н. Арапова* и изъ статьи *М. Н. Лонгинова*

Крыловъ съ своими новыми піесами. Соймоновъ принялъ ихъ благосклонно и поручилъ камеръ-музыканту Деви написать музыку къ «Бѣшеной семьѣ». Такимъ образомъ, Крыловъ былъ обнадеженъ, что піесы его пойдутъ на сценѣ. Вниманіе Соймонова простерлось до того, что молодому драматургу былъ выданъ даровой билетъ для постояннаго входа въ театръ и предложено перевести съ французскаго оперу «L'Infante de Zamora»; опера эта была играна, но не имѣла успѣха [1]).

Между тѣмъ, въ театральномъ управленіи произошла большая перемѣна: коллегіальная власть комитета была уничтожена, и всѣ части этого вѣдомства сосредоточены въ рукахъ одного директора, генералъ-маіора Ст. Ѳ. Стрекалова. Случилось это въ томъ же 1786 году, когда Крыловъ вошелъ въ сношенія съ театральною дирекціей, а въ слѣдующемъ былъ упраздненъ и самый комитетъ послѣ того, какъ онъ ликвидировалъ дѣла по сильно запутанному имъ театральному хозяйству. При такой перемѣнѣ, сочиненныя Крыловымъ піесы остались не игранными. Но Соймоновъ, хотя и устраненный теперь отъ вліянія на театральныя дѣла, продолжалъ покровительствовать молодому автору. Очевидно, не безъ его участія состоялась перемѣна и въ служебномъ положеніи Крылова: изъ казенной палаты онъ перешелъ на службу въ кабинетъ ея величества, подъ непосредственное начальство Петра Александровича [2]). Отношенія между ними были въ это время на столько хороши, что когда Крыловъ написалъ новую комедію «Проказники», то поспѣшилъ представить ее Соймонову, прося позволенія напечатать, и разрѣ-

въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 г. и провѣрены по даннымъ «Архива дирекціи Императорскихъ театровъ», изданнаго въ 1892 г.—Объ образованіи П. А. Соймонова см. въ Исторіи Московскаго университета, *С. П. Шевырева*, стр. 58, и въ *Моск. Вѣдомостяхъ* 1758 г., прибавл. къ №№ 38 и 101; П. А. Соймоновъ былъ отцомъ извѣстной Софіи Петровны Свѣчиной, о которой см. сочиненіе: Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres, par le comte de *Falloux*.

[1]) Переводъ этотъ никогда не былъ изданъ: подлинникъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: L'infante de Zamora. Comédie en quatre actes, mêlée d'ariettes parodiées sur la musique del sig-r Paisiello. A Paris. MDCCLXXXI.

[2]) Судя по аттестату, выданному Крылову изъ монетнаго департамента, опредѣленіе его въ кабинетъ относится къ 1788 году. Но изъ казенной палаты онъ вышелъ еще въ концѣ 1786 года. Имѣя въ виду неточность датъ аттестата можно думать, что и показаніе его относительно 1788 года должно быть исправлено на 1787 (ср. *Сборникъ* II-го отдѣленія Академіи, т. VI, стр. 296 и 348 втораго счета).

шеніе было дано безпрекословно: если «Проказники» не появились въ печати тогда же, то безъ сомнѣнія, потому, что у Крылова не было средствъ исполнить свое намѣреніе.

Сочиненіе «Проказниковъ» относится къ 1787 или 1788 году. Подобно «Бѣшеной семьѣ» и «Сочинителю въ прихожей», комедія эта принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ произведеній Крылова. Въ ней та же неестественность интриги, та же каррикатурность въ изображеніи дѣйствительности, то же господство грубаго и пошлаго тона, которыя такъ непріятно поражаютъ въ двухъ предшествовавшихъ піесахъ. Но при всемъ томъ, сравнительно съ ними, въ новой комедіи Крылова замѣтенъ нѣкоторый успѣхъ его медленно развивавшагося дарованія: какъ ни уродливы выведенныя имъ лица, характеры ихъ очерчены не безъ рельефности. Успѣхъ этотъ объясняется тѣмъ, что главные характеры комедіи списаны съ живыхъ лицъ, тогда какъ неестественная завязка піесы составляетъ неудачный вымыселъ автора. Наша старинная комедія нерѣдко списывала свои изображенія, какъ говорилось тогда «съ подлинниковъ», но указанія на эти подлинники по большей части утрачены; относительно же «Проказниковъ» извѣстно въ точности, кого именно хотѣлъ Крыловъ выставить тутъ на сцену. Еще Лобановъ сдѣлалъ намекъ на это обстоятельство, а позже записки С. Н. Глинки и М. А. Дмитріева и воспоминанія Н. И. Греча раскрыли самыя имена [1]). Въ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ комедіи—Рифмокрадѣ и его женѣ Тараторѣ—Крыловъ изобразилъ извѣстнаго драматическаго писателя Якова Борисовича Княжнина и его жену Екатерину Александровну, дочь трагика Сумарокова. Рифмокрадъ—бездарный стихотворецъ, который воображаетъ себя великимъ писателемъ, потому что сочиняетъ трагедіи, безцеремонно наполняя ихъ заимствованіями изъ Корнеля, Расина и другихъ французскихъ трагиковъ. Онъ подъ башмакомъ своей жены, которая, впрочемъ, очень высокаго мнѣнія о его талантѣ. Таратора—женщина уже не молодая, но еще желаетъ прельщать своею красотою; она тоже пишетъ стихи, самолюбива пуще мужа, но, въ противоположность ему, отличается вздорнымъ, капризнымъ характеромъ. Крыловъ не пожалѣлъ самыхъ яр-

[1]) Изъ записокъ Сергѣя Николаевича Глинки (отъ 1775 до 1800 г.)—въ *Русск. Вѣстникъ* 1866 г., № 2, стр. 269; Мелочи изъ запаса моей памяти, *М. А. Дмитріева*. М., 1869, стр. 243; Газетныя замѣтки *Эрміона* (Греча) въ *Сѣв. Пчелъ* 1857 г., № 147.

кихъ красокъ, чтобы выставить эту чету въ смѣшномъ видѣ, и хотя его изображеніе очень грубо, но оно, по видимому, довольно вѣрно воспроизводитъ нѣкоторыя черты характера супруговъ Княжниныхъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка авторъ «Дидоны» и «Титова милосердія» находился на верху своей славы; успѣхъ постоянно сопровождалъ исполненіе его піесъ на сценѣ, и понятно, восхваляемый писатель могъ цѣнить ихъ гораздо выше ихъ настоящаго достоинства, а его жена, унаслѣдовавшая самомнѣніе и задорный нравъ своего отца, — увлекаться успѣхами мужа. Между тѣмъ, дарованіе Княжнина вовсе не отличалось самобытностью; для своихъ піесъ, выдаваемыхъ за оригинальныя, онъ постоянно пробавлялся заимствованіемъ не только отдѣльныхъ сценъ, но цѣлыхъ сюжетовъ и главныхъ характеровъ у французскихъ и италіанскихъ драматурговъ; такая пожива на чужой счетъ не ускользала отъ вниманія любителей литературы, и про Княжнина говорили, что онъ «довелъ подражаніе иностраннымъ авторамъ до неправеднаго присвоенія чужой собственности» [1]). Въ супружескомъ самопоклоненіи четы Княжниныхъ была, очевидно, комическая сторона, и Крылову удалось отчасти уловить ее. Но этимъ и ограничиваются достоинства его комедіи. По свидѣтельству Греча, два второстепенныя лица ея также списаны съ натуры: педантъ Тянисловъ—съ нелѣпаго стихотворца П. М. Карабанова [2]), а врачъ Ланцетинъ—съ И. И. Віена, театральнаго доктора и переводчика комическихъ оперъ для сцены [3]);

---

[1]) Это выраженіе употреблено въ критической статьѣ *Вѣстника Европы* 1824 г. (ч. 139, стр. 105) объ „Anthologie russe“ par *Dupré de Saint-Maure*; но раньше того о безчисленныхъ заимствованіяхъ Княжнина говорилъ Мерзляковъ, да замѣчали ихъ и прямые современники русскаго драматурга, знавшіе иностранную литературу: такъ, въ „Драматическомъ словарѣ“ 1787 г. „Дидона“ и „Титово милосердіе“ уже названы подражаніями Метастазію, между тѣмъ какъ это не было оговорено самимъ Княжнинымъ при ихъ изданіи.

[2]) На его переводъ Вольтеровой „Альзиры“, вышедшій первымъ изданіемъ въ 1786 году, Крыловъ написалъ слѣдующую эпиграмму (*Русск. Архивъ* 1863 г., 2-е изд., стр. 163):

Какъ Карабановъ взялъ „Альзиру“ перевесть,
И въ адѣ слухъ о томъ промчался,
Тогда Вольтеръ, вздохнувъ, признался,
Что точно грѣшникамъ по смерти мука есть.

[3]) О переводахъ Віена см. въ Архивѣ дирекціи Императорскихъ театровъ отд. III, стр. 151 и 170; ср. также въ *Репертуарѣ русскаго театра* 1840 г., т. II, статью кн. *Шаховскаго*, стр. 9.

но это фигуры уже совершенно каррикатурныя и въ то же время вовсе не смѣшныя, обличающія еще большую литературную неопытность Крылова.

Вообще, сочиненіе «Проказниковъ» заслуживаетъ вниманія не какъ шагъ въ развитіи таланта Крылова, а какъ черта его біографіи, какъ проявленіе его нравственной личности. По свидѣтельству Лобанова, «онъ былъ вспыльчивъ иногда до крайности; любилъ отомстить своимъ врагамъ, особливо за оскорбленное самолюбіе. Многія басни получили начало въ этомъ источникѣ. Вся комедія «Проказники» есть не что иное, какъ мщеніе, въ которомъ онъ и самъ впослѣдствіи признавался и раскаявался». Гречъ разсказываетъ даже цѣлый анекдотъ по этому поводу. «Крыловъ», говоритъ онъ,—«былъ вхожъ въ домѣ одного драматическаго писателя, человѣка съ умомъ и дарованіемъ, но подвергавшагося упрекамъ въ заимствованіи многаго изъ піесъ французскаго театра. Жена его, женщина умная, бойкая, дочь другаго знаменитаго трагика, не взлюбила за что-то Крылова, юношу тихаго, кроткаго и, какъ сказывали сверстники его, *худощаваго* и застѣнчиваго. Для усовершенствованія своего во французскомъ языкѣ и для изученія италіанскаго онъ переводилъ оперы. «Что̀ вы получили?» спросила однажды эта барыня у Крылова,—«за ваши переводы?» «Мнѣ дали свободный входъ въ партеръ». «А сколько разъ вы пользовались этимъ правомъ?» «Да разъ пять!» «Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!» Крыловъ оскорбился этимъ отзывомъ, не отвѣчалъ, но рѣшился отомстить и написалъ комедію «Проказники», въ которой выставилъ мужа ея, назвавъ его Рифмокрадомъ, а ее вывелъ подъ именемъ Тараторы. Разумѣется, на ихъ счетъ наплетено было много вздору».

Разсказъ этотъ, какъ всѣ преданія, вертится около истины, но передаетъ ее не вполнѣ точно. Мы имѣемъ свидѣтельство самого Крылова [1]) о томъ, что онъ не былъ лично знакомъ съ Княжнинымъ и, слѣдовательно, не былъ вхожъ въ его домъ; если молодому автору пришлось встрѣтиться съ Екатериной Александровной и получить отъ нея оскорбленіе, то случилось это гдѣ-нибудь въ дру-

[1]) Въ письмѣ его къ Княжнину, приводимомъ ниже. Показаніе это очень важно и опровергаетъ разсказы Лобанова, Плетнева и Глинки о томъ, что Крыловъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, познакомился съ Княжнинымъ прежде, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ изъ писателей. Только г-жа Карлгофъ не упоминаетъ объ этомъ мнимомъ знакомствѣ.

томъ мѣстѣ. Но, съ другой стороны, достовѣрно въ разсказѣ Греча то, что Крыловъ пользовался даровымъ входомъ въ театръ: объ этомъ сохранилось также его собственное свидѣтельство [1]). Итакъ, изъ анекдота, сообщеннаго Гречемъ, можно сдѣлать лишь одинъ выводъ: люди съ именемъ и вѣсомъ, Княжнины — мужъ или, вѣроятнѣе, жена — задѣли самолюбіе маленькаго человѣка, начинающаго писателя Крылова, и онъ не задумался отплатить имъ, предавъ ихъ публичному осмѣянію.

Негодованіе Крылова было, очевидно, очень сильно, если онъ могъ рѣшиться на поступокъ болѣе чѣмъ смѣлый, почти дерзкій. Но дерзость его отместки объясняется свойствомъ нанесенной ему обиды: оскорблено въ немъ было именно то, что̀ составляло самую свѣтлую сторону его существованія, его безкорыстное стремленіе посвятить себя литературѣ. Въ ближайшей средѣ, въ которой онъ жилъ, онъ, конечно, не могъ найдти сочувствія своему влеченію къ этимъ занятіямъ; какъ были слабы его литературные опыты—онъ, очевидно, еще не понималъ: «Въ молодости моей», говорилъ онъ впослѣдствіи Лобанову, — «я все писалъ, что̀ ни попало, была бы только бумага да чернила». Но ему не могли не быть дороги эти плоды его умственнаго труда, которые давали ему право считать себя выше своей братьи приказныхъ и внушали надежду стать со временемъ, можетъ быть, на ряду съ извѣстными людьми, прославленными писателями: смутное чувство авторскаго призванія уже пробуждалось въ его душѣ. А между тѣмъ всѣ его старанія вывести свои произведенія на судъ публики оставались до сихъ поръ безуспѣшными: ни одна изъ его піесъ не была еще напечатана, а на сценѣ появилась только одна переводная опера, да и та упала при первомъ же представленіи. Онъ сумѣлъ примириться со строгою критикой Дмитревскаго, онъ покорялся его авторитету, потому что видѣлъ пользу въ совѣтахъ умнаго актера; но когда до молодого писателя дошли насмѣшки надъ его сочиненіями со стороны людей, не знавшихъ его лично и незнакомыхъ съ тѣмъ, что̀ было имъ написано,—самолюбіе его не выдержало: онъ рѣшился воздать насмѣшникамъ ихъ же монетою.

Комедія, направленная противъ супруговъ Княжниныхъ, еще не получила огласки, а вѣстовщики уже сообщили о ней осмѣянному

---

[1]) Въ приводимомъ ниже письмѣ Крылова къ П. А. Соймонову.

драматургу. Онъ написалъ Дмитревскому письмо съ выраженіемъ своего негодованія какъ противъ автора комедіи, такъ и противъ знаменитаго актера, котораго самого подозрѣвалъ въ сообщничествѣ съ Крыловымъ. Старый хитрецъ не любилъ ни съ кѣмъ вступать въ открытую ссору; хотя въ то время онъ уже оставилъ сцену, но входить въ разладъ съ писателемъ, который доставилъ ему блестящіе успѣхи въ своихъ трагедіяхъ, было совершенно не согласно съ его обычаемъ; Дмитревскій нашелся и въ настоящемъ затрудненіи: сообщилъ сочинителю «Проказниковъ» письмо Княжнина и такимъ образомъ предоставилъ обидчику вѣдаться съ обиженнымъ по собственному усмотрѣнію. Крыловъ, въ которомъ еще не улеглось раздраженіе противъ Княжниныхъ, рѣшился самъ вступить въ переписку съ Яковомъ Борисовичемъ. Письмо его исполнено ядовитаго остроумія: онъ старается въ немъ снять съ себя упрекъ въ сочиненіи личной сатиры, но только для виду; излагая свои оправданія и искусно поддерживая свое достоинство, онъ осыпаетъ Княжнина градомъ новыхъ насмѣшекъ, направленныхъ противъ него еще прямѣе, чѣмъ насмѣшки комедіи. Вотъ это письмо:

Милостивый государь Яковъ Борисовичъ!

Къ немалому моему огорченію услышалъ я отъ Ивана Аѳанасьевича г. Дмитревскаго, что вы укоряете меня въ сочиненіи на васъ комедіи, а его въ согласіи о семъ со мною, и будто я самъ сказывалъ, что онъ сію комедію переправлялъ, въ чемъ—пишете вы—и уличить меня можно. Я удивляюсь, государь мой, что вы, а не другой кто, вооружаетесь на комедію, которую я пишу на пороки, и почитаете критикою своего дома толпу развращенныхъ людей, описываемыхъ мною, и не нахожу самъ никакого сходства между ею и вашимъ семействомъ. Я бы во оправданіе свое сказалъ, что я никакихъ не имѣю причинъ на васъ негодовать и описывать довольно уже извѣстный вашъ домъ; но вы, можетъ быть, сыщете на то возраженіе; итакъ, чтобы оправдать себя и уничтожить ваши подозрѣнія, я въ малыхъ строкахъ желаю вамъ подать нѣкоторое понятіе о моей комедіи.

Она состоитъ изъ главныхъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ: мужа, жены, дочери и ея любовника. Въ мужѣ вывожу я зараженнаго собою парнасскаго шалуна, который, выкрадывая лоскутіи изъ французскихъ и изъ италіанскихъ авторовъ, выдаетъ за свои сочиненія

и который своими колкими и двоесмысленными учтивостями восхищаетъ дураковъ и обижаетъ честныхъ людей. Признаюсь, что сей характеръ учтиваго гордеца и бездѣльника, не предвидя вашего гнѣва, старался я рисовать столько, сколько дозволяло мнѣ слабое мое перо; и если вы за то сердитесь, то я съ христіанскимъ чистосердечіемъ прошу у васъ прощенья. Въ женѣ показываю развращенную кокетку, украшающую голову мужа своего извѣстнымъ вамъ головнымъ уборомъ, которая, восхищаяся моральными достоинствами своего супруга, не пренебрегаетъ и физическихъ дарованій въ прочихъ мужчинахъ. Дѣйствующее лицо ихъ дочери и ея жениха есть любовники, которымъ старался я дать благородныя чувства. Вы видите, есть ли хотя одна черта, схожая съ вашимъ домомъ. Прочія жь лица эпизодическія и не стоятъ того, чтобы объ нихъ упоминать. По симъ характерамъ расположилъ я весьма обыкновенныя любовныя интриги, которыя развязываются свадьбою любовниковъ чѣмъ и вся комедія кончится.

Вотъ все, государь мой, на чемъ можете вы основывать свои подозрѣнія. Я надѣюсь, что вы, слича сіи характеры съ вашимъ домомъ, хотя мысленно оправдаете мою комедію и перестанете своими подозрѣніями обижать человѣка, который не имѣетъ чести быть вамъ знакомымъ. Обижая меня, вы обижаете себя, находя въ своемъ домѣ подлинники толико гнусныхъ портретовъ. Я бы во угожденіе вамъ уничтожилъ комедію свою и принялся за другую; но границы, полагаемыя вами писателямъ, толь тѣсны, что нельзя бранить ни одного порока, не прогнѣвя васъ или вашей супруги: такъ простите мнѣ, что я не могу въ оныя себя заключить.

Но чтобы доказать вамъ, государь мой, колико я послушливъ, вы можете выписать изъ сихъ характеровъ всѣ тѣ гнусные пороки которыя вамъ или вашей супругѣ кажутся личностію, и дать знать мнѣ, а я съ превеличайшимъ удовольствіемъ постараюсь ихъ умягчить, если интересъ комедіи не позволитъ совсѣмъ уничтожить.

Я не знаю, какихъ слѣдствій ожидали вы, говоря на меня, будто я сказывалъ, что Иванъ Аѳанасьевичъ переправлялъ сію комедію и переправлялъ неудачно. Повѣрьте, государь мой, что еслибъ онъ ее переправлялъ, то конечно бъ, она была ближе къ природѣ, и хотя онъ всѣмъ моимъ сочиненіямъ дѣлаетъ честь, ихъ переправляя, но я увѣряю васъ, что я столько же ему обязанъ сею комедіею, сколько и вамъ. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть того, по вашимъ словамъ,

честнаго человѣка, который имѣлъ твердость духа сказать, чего отъ меня не слыхалъ; когда жь вы намѣрены сердиться на всѣхъ тѣхъ, которые только что читали или будутъ читать мою комедію, такъ я жалѣю, что она, можетъ быть, поссоритъ васъ со многими.

Я удивляюся, государь мой, что съ достоинствами, какія въ васъ—говорятъ—есть, вы боитесь комедіи, и не знаю, что̀ изъ того заключить. Вамъ извѣстно, я думаю, что предметъ комедіи есть осмѣивать пороки, а не достоинствы, и для того одни порочные должны ея страшиться и ненавидѣть; а вы на меня сердитесь. Повѣрьте, что васъ обидѣлъ не я, описывая негодный домъ, который отъ трактира только разнится тѣмъ, что на немъ нѣтъ вывѣски, но обидѣли тѣ, кои сказали, что это—картина вашего дома. Вы, можетъ быть, оправдаете меня сами, когда увидите мою комедію, и читая въ ней критику на пороки, не будете мнѣ говорить: «за что́ ты бранишься?» или и я вамъ буду почти то же отвѣчать, что́ Бригадиръ Совѣтнику [1]).

Я слышалъ также, государь мой, что вы, еще не читавъ ни строчки моей комедіи, уже меня браните; но я надѣюся, что вы не выйдете изъ благопристойности, сродной здравому разсудку, и не будете употреблять противъ меня брань, это гнусное орудіе пьяныхъ ямщиковъ и солдатскаго сословія. Впрочемъ напоминаю вамъ, что я—благородный человѣкъ, хотя и не былъ столь много разъ жалованъ чинами, какъ вы, милостивый государь. Вашъ покорный слуга Иванъ Крыловъ.

Не извѣстно, было ли это письмо отправлено по назначенію, и если было, то какъ отвѣчалъ на него Княжнинъ. Но вѣрно то, что оно распространилось въ обществѣ въ копіяхъ, о чемъ, можетъ быть, позаботился самъ Крыловъ: рукописная полемика существовала у насъ издавна, въ дополненіе къ печатной. Крыловъ повелъ

---

[1]) Намекъ на слѣдующую сцену въ комедіи Фонвизина (дѣйствіе IV, явл. VII):

Совѣтникъ. Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ... Я говорю, что эдакаго скота не родилось, который бы вздумалъ искать въ моей женѣ...

Совѣтникъ. Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ. Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельстится моею женою.

Л. М.

опасную игру: онъ возстановилъ противъ себя извѣстнаго человѣка, который могъ повредить ему тамъ именно, гдѣ молодой писатель въ особенности искалъ себѣ помощи и покровительства: у театральнаго начальства.

Ссора между Крыловымъ и Княжнинымъ относится, по всей вѣроятности, къ 1788 году, а въ мартѣ слѣдующаго П. А. Соймоновъ вновь вступилъ въ управленіе театрами, вмѣстѣ съ А. В. Храповицкимъ [1]; но теперь прежній покровитель Крылова сталъ относиться къ нему уже не такъ, какъ за три года предъ симъ. Когда Крыловъ обратился къ нему съ просьбой поставить наконецъ на сцену его прежнія піесы и затѣмъ предложилъ къ постановкѣ свое новое произведеніе—оперу «Американцы», то встрѣтилъ со стороны Петра Александровича явное нерасположеніе исполнить его просьбы; а когда молодой писатель напомнилъ ему о «Проказникахъ» и заговорилъ о принятіи ихъ на театръ, то Соймоновъ рѣзко отвѣчалъ, что онъ не допуститъ на сценѣ сатиры на лица. Мало того: Крылову стали дѣлать затрудненія относительно свободнаго входа въ театръ. Въ такомъ отношеніи со стороны не только главнаго начальства, но и второстепенныхъ чиновниковъ театральнаго вѣдомства, Крыловъ увидѣлъ тяжкое оскорбленіе для своей личности. Въ порывѣ вспыльчивости онъ рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу и написалъ Соймонову письмо такого содержанія:

Ваше превосходительство, милостивый государь!

И послѣдній подлецъ, каковъ только можетъ быть, ваше превосходительство, огорчился бы поступками, которые сношу я отъ театра. Итакъ, простите мнѣ, что я, имѣя благородную душу, осмѣливаюсь покорнѣйше просить, чтобъ удостоили открыть мнѣ причину, которая привлекаетъ на меня вашъ гнѣвъ, толико бѣдственный для моихъ драматическихъ сочиненій.

Въ 1786 году я написалъ оперу «Бѣшеная семья», которую, по приказанію вашему, г. Деви, камеръ-музыкантъ, положилъ на музыку; въ томъ же году отдалъ я на театръ комедію «Сочинителя въ прихожей», и въ томъ же году ваше превосходительство препоручили мнѣ перевесть съ французскаго языка оперу, подъ названіемъ «L'infante de Zamora», которая имѣла счастіе понравиться

---

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, по изданію *Н. П. Барсукова*, стр. 258.

вашему превосходительству. Сія опера упала на французскомъ театрѣ и, слѣдственно, также и на русскомъ; ибо добрый вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинъ, а драма, въ которой нѣтъ толку, и парадизъ зѣвать заставляетъ.

Ваше превосходительство удостоили своего вниманія мое перо; я получилъ билетъ для входу въ театръ и лестное обѣщаніе, коимъ милостиво ободряете вы многихъ авторовъ, что не останутся безъ награжденія труды для театра. Почитая непремѣнными слова вашего превосходительства, продолжалъ я мои труды; но нынѣ, видя совсѣмъ тому противное и заключая, что перемѣнѣ вашихъ словъ конечно, причиною какіе-нибудь глупые и злые клеветники,—ибо я не осмѣливаюсь подумать, чтобы ваше превосходительство сами перемѣнили свое слово, и не осмѣливаюся также назвать умными клеветниковъ, которые могли очернить меня въ мысляхъ вашего превосходительства, когда я съ своей стороны не подалъ къ тому никакой причины, — заключая сіе, говорю я, осмѣливаюсь вамъ объяснить мою невинность передъ вами и притѣсненіе, какое наносится мнѣ отъ театру.

Я не могу понять причины, ваше превосходительство, которая и до нынѣ не допускаетъ на театръ мою оперу «Бѣшеную семью», когда уже, по повелѣнію вашему, болѣе двухъ лѣтъ прошло, какъ на нее положена музыка; я бы могъ признать, что она не представляется для того, что негодна быть на театрѣ; но хотя я и авторъ сей оперы, однакожь не осмѣлюсь быть объ ней толь дурныхъ мыслей единственно для того, чтобъ симъ не опорочить выборъ, разумъ и вкусъ вашего превосходительства и чтобы такимъ мнѣніемъ не заставить другихъ думать, что вкусу вашему пріятны бываютъ негодныя сочиненія. Увы! для сей же самой причины, ваше превосходительство, старался я защищать совершенство оперы «Инфанты»; но, по несчастію, ни одинъ умный человѣкъ мнѣ не вѣритъ, и даже мелкіе знатоки бранятъ содержаніе сей оперы, а я, какъ переводчикъ, по истинѣ только терплю въ чужомъ пиру похмѣлье. Простите мнѣ, милостивый государь, что я, какъ Санхо-Пансо, вмѣшивая пословицы; причиною тому, что у меня на умѣ глупый Донъ-Кишотъ, ваше превосходительство, который, думаю, одинъ могъ своимъ дурачествомъ уронить «Инфанту». Если же моя опера годна, что позвольте мнѣ думать, уважая вашъ выборъ и доброе мнѣніе, то для меня странно, что она остается безъ дѣйствія, между тѣмъ

какъ на театрѣ даются «Двѣ невѣсты» и «Дезертеръ» [1]), которыя имѣютъ только то счастіе, что одобрены вашимъ превосходительствомъ, и которыя, какъ я слышу, публика бранитъ и, признаться, имѣетъ справедливыя причины такъ, какъ и въ разсужденіи нѣкоторыхъ другихъ піесъ, во время представленія коихъ многіе зрители просыпаются только отъ музыки въ антрактахъ; но оныхъ именъ не упомяну, не желая раздражить авторовъ и убѣгая опорочивать тонкій вкусъ вашего превосходительства; впрочемъ, если угодно будетъ вамъ потребовать объясненія и о сихъ сочиненіяхъ, то я съ моею преданностью не премину донести и о нихъ мои замѣчаніи. Итакъ, когда играются на театрѣ многія наводящія скуку творенія, то неужели не достаетъ времени сыграть мою бѣдную оперу, и неужели, ваше превосходительство, сія опера — самая негодная изъ всего вашего выбору? Ахъ! она только несчастлива; ибо я на васъ пошлюсь, что есть множество другихъ, которыя несравненно ея хуже, которыя осчастливлены только благоволеніемъ вашимъ, и въ которыхъ со всѣмъ уваженіемъ, какое имѣю я къ тонкому вкусу вашего превосходительства, не могу я преодолѣть своей зѣвоты.

Не смотря однакожь на недѣйствительность моей оперы, рѣшился я отдать на театръ другую оперу моего сочиненія, подъ названіемъ: «Американцы», на которую уже и музыка положена г. Ѳоминымъ, одобреннымъ въ своемъ искусствѣ отъ Болонской академіи атестатомъ, дѣлающимъ честь его знанію и вкусу; что жь до моихъ рѣчей, то онѣ одобрены г. Дмитревскимъ, котораго одобреніе, по его познаніямъ, для меня не менѣе важно, какъ и академическій атестатъ, ибо опытомъ извѣстно, что его вкусъ всегда согласенъ со вкусомъ просвѣщенной публики, а въ томъ не можетъ никакой академикъ отпереться, чтобы онъ не былъ сей просвѣщенной публики членомъ [2]).

---

[1]) Обѣ эти піесы не были напечатаны въ русскомъ переводѣ. Французскаго подлинника первой мы также не знаемъ; что же касается второй, это Le Deserteur, drame en trois actes, en prose, meslée de musique, par m. *Sedaine*. A Paris MDCCLXXI (музыка Монсиньи). Нелѣпое содержаніе «Двухъ невѣстъ» (музыка Чимарозы) разсказано Крыловымъ въ 44-мъ письмѣ *Почты духовъ* 1789 г. «Двѣ невѣсты» были представлены въ Петербургѣ въ 1789 и 1790 годахъ четыре раза, «Дезертеръ»—въ 1789 два раза (Архивъ дирекціи Импер. театровъ, вып. I, отдѣлъ III, стр. 155). *Л. М.*

[2]) Опера «Американцы» не помѣщена въ сочиненіяхъ Крылова, и полный

Итакъ, отъ г. Дмитревскаго имѣлъ честь принести я на судъ мою оперу къ вашему превосходительству; она не имѣла счастіе вамъ понравиться, и я услышалъ съ горестію ваше мнѣніе, что сія опера есть изъ числа твореній, не имѣющихъ ни содержанія, ни связи. Такой приговоръ имѣлъ бы причину ужаснуть меня, если бы не надѣялся я на счастіе, что вы изъ благосклонности къ публикѣ благоволите со временемъ оставить только невыгодныя для моей оперы мнѣнія, подобно какъ вы изъ неблагосклонности къ ней же

текстъ ея, имъ сочиненный, не извѣстенъ. Но въ 1800 году издана была въ Петербургѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, комическая опера безъ имени автора. Предисловіе къ этой книжкѣ написано Ал. Ив. Клушинымъ, пріятелемъ Крылова и въ немъ сказано слѣдующее:

«Г. Крыловъ, извѣстный публикѣ своими сочиненіями, сдѣлалъ основаніе оперы «Американцы». Молодость, живость воображенія и, смѣю сказать, нѣкоторая небрежность въ слогѣ и въ характерахъ были повсюду примѣтны. Опера принята на театръ, учена и — не была играна въ теченіе 12 лѣтъ. Ежели не хороша, не надобно было принимать на сцену; ежели слаба, нужно исправить. Но чтобы такъ судить, надобно любить національный театръ.

«Между тѣмъ меценатъ дарованій и директоръ театра, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, желалъ дать публикѣ новую русскую оперу. Исполняя волю моего начальника, котораго благоволенія ко мнѣ врѣзаны въ грудь мою, я хотѣлъ поправить «Американцевъ», и вылилось, что, кромѣ стиховъ, въ ней не осталось ни одной строки, принадлежащей перу г. Крылова.

«Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы показать, какова уваженія достойна проза моя. Знатоки будутъ цѣнить ее. Сужденіе совѣтниковъ Дурындиныхъ мнѣ не нужно. Но говорю для того, чтобы то, что покажется слабымъ и не выработаннымъ въ прозѣ, не было отнесено на счетъ г. Крылова.

«Успѣхъ піесы зависитъ отъ публики. Хорошее не теряетъ своей цѣны отъ минутнова сужденія, такъ какъ дурное не будетъ хорошимъ отъ тово, что часто сочинители и переводчики сами себѣ аплодируютъ.

«Многіе пишутъ для рускова театра. Я сохраняю всякое уваженіе къ ихъ дарованіямъ, но не хотѣлъ бы принять на счетъ моево пера нѣкоторыхъ сочиненій и—ни одново перевода».

Такимъ образомъ, стихи въ «Американцахъ» 1800 года, то-есть, нѣсколько арій, дуэтовъ и т. д., должны быть признаны сочиненіемъ И. А. Крылова.

«Американцы» въ передѣлкѣ Клушина представлены были на сценѣ въ сезонъ 1799—1800 гг., а въ ноябрѣ 1800 года Клушинъ, состоявшій тогда цензоромъ россійской труппы, получилъ отъ театральной дирекціи «за принятыя отъ него на театръ сочиненія и переводы: «Разсудительный дуракъ», «Худо быть близорукимъ», «Услужливый» и «Американцы» и за поправку и приведеніе въ порядокъ многихъ драматическихъ сочиненій» вознагражденіе въ размѣрѣ 800 р. (Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Выпускъ I, отд. III, стр. 31).

Л. М.

оставили хорошее мнѣніе о нѣкоторыхъ твореніяхъ, которыя существуютъ на театрѣ по выбору вашего превосходительства; но я отважился бы выслушать приговоръ просвѣщенной публики, которой одной авторъ оставляетъ назначать истинную цѣну сочиненій. Я выбралъ театръ своимъ судилищемъ, публику—судіею, а ваше превосходительство осмѣлился просить, чтобы соблаговолили только выставить на судъ мое твореніе; но и въ семъ нашелъ неожидаемыя препятства.

Ваше превосходительство издали приговоръ, что мою оперу не можно представить, доколѣ не будетъ въ ней выкинуто, что двухъ европейцевъ хотятъ принесть на жертву, и что это револьтируетъ, какъ вы изволили сказать, слушателей. Вопервыхъ, что, сочиняя сію оперу, я имѣлъ намѣреніе забавлять трогая сердца, и въ семъ-то состоитъ должность автора, ибо вывесть на театръ шута не есть еще сдѣлать драму.

Смѣшить безразсудно—даръ подлыя души.

И я думалъ, что вашему превосходительству для театра угодна опера, гдѣ можно и смѣяться, и чувствовать,—я же писалъ не комическую, но героическую оперу: образъ писанія, который и въ драмахъ, и въ музыкальныхъ твореніяхъ отъ публики принимается, чему свидѣтельствуетъ опера «Французскій Дезертеръ» и многія другія драмы Мольера, Мерсьера и Бомарше. Но что до сего основаннаго на правилахъ театра дѣйствія, когда хотятъ американцы сжечь пойманнаго мужика, то оно не совершенно трагическое, но сдѣланное для умноженія страха комическому лицу, которое выдумываетъ разныя смѣшныя средства, чтобъ себя избавить, и котораго съ его бариномъ, по просьбѣ своей любовницы, сами американцы отпускаютъ. Если это — трагическое дѣйствіе, то и то — не менѣе трагическое, когда въ «Скапиновыхъ обманахъ» баринъ хочетъ заколоть слугу въ своемъ гнѣвѣ; ибо, разбирая подробно, зарѣзать человѣка не есть слишкомъ смѣшное дѣло; а потомъ и то уже будетъ жалко въ комедіи «Лѣкарь по неволѣ», когда бѣднаго Зганареля зачнутъ бить палками, ибо ваше превосходительство, я думаю, согласитесь, что бить палками человѣка также не смѣшно; и по этому положенію Мольеръ былъ весьма худой комикъ, однакожъ желалъ бы я знать, отчего и нынѣ съ удовольствіемъ смотрятъ его комедіи?.. Итакъ, я полагаю, что на театрѣ обстоятельства тра-

гическія или комическія бываютъ потому такими почитаемы, какимъ образомъ они описываются авторомъ, и какой характеръ въ нихъ дѣйствуетъ, а не по своему содержанію, чему есть и доказательство: въ «Сидѣ» у г. Корнелія графъ Гэрмасъ даетъ Донъ-Діегу пощечину, и никто этому не смѣется, но всѣ сожалѣютъ, что гордость одного старика стала причиною разрыва двухъ нѣжныхъ любовниковъ и другихъ плачевныхъ слѣдствій; въ «Игрокѣ» Реньярда слугѣ даютъ также пощечину, однако же никто о томъ не плачетъ, но всѣ смѣются; въ «Дезертерѣ» Монтосьеля бьютъ палками, и всѣ тому сострадаютъ, а въ «Скапиновыхъ обманахъ» старика къ мѣшкѣ также бьютъ палками, и всѣ тому смѣются. И множество другихъ примѣровъ могли бы сыскаться, если бы не опасался я утрудить повтореніями оныхъ ваше превосходительство, ибо я твердо вѣрю, что вы, какъ директоръ, сами подробно знаете исторію и правила театра.

Что же касается до того, какъ ваше превосходительство изволили сказать о приношеніи въ жертву европейцевъ, чтобы онымъ дѣйствіемъ не возмутить нѣкоторыхъ въ публикѣ, то мое мнѣніе на то, что въ семьѣ не безъ урода; конечно, въ публикѣ могутъ быть зрители, которымъ всякое дѣйствіе кажется на выворотъ, но такимъ ничѣмъ уже угодить не можно, и лучше стараться угождать прямымъ знатокамъ, нежели людямъ, которые для того только почитаютъ себя знатоками, что ѣздятъ всякій день въ театръ раскланяться съ своими знакомыми. Пусть бранится глупый, ваше превосходительство; такая брань какъ дымъ исчезаетъ:

Достойной похвалы невѣжа не умалитъ,
А то не похвала, когда невѣжа хвалитъ.

Однако, не смотря на сіе, я сдѣлалъ, по предложенію вашему, сію перемѣну въ моей оперѣ, также какъ и нѣкоторыя другія, назначенныя вашимъ превосходительствомъ, и послѣ сего вторично представилъ вамъ мою оперу и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, осмѣлился утруждать васъ моею просьбою о второмъ приговорѣ, который былъ въ томъ, чтобъ я взялъ назадъ мою оперу [1]). И за симъ отвѣтомъ имѣлъ я честь ходить къ вашему превосходительству шесть

[1]) Предполагаемое сожженіе испанца американцами удержано безъ измѣненія въ той передѣлкѣ оперы, которая принадлежитъ Клушину и напечатана въ 1800 году.

Л. М.

мѣсяцевъ, время, въ которое бы могла моя опера давно идти на другихъ театрахъ; но я и сей знакъ вашего гнѣва сносилъ, какъ человѣкъ, который имѣетъ всѣмъ защищеніемъ своимъ одну свою невинность.

Однакожъ еще не осмѣливался я подумать, чтобы я былъ, а не сочиненіи мои, причиною вашего гнѣва, и для того имѣлъ честь быть у васъ, доложилъ я вамъ, не угодно ли вамъ будетъ принять на театръ мою комедію «Проказники», которая уже у васъ нѣкогда была, и вы мнѣ дозволили ее напечатать, когда я находился подъ вашимъ начальствомъ; а какъ вы мнѣ сказали, что вы не помните сей комедіи, и я вамъ донесъ, что она написана на рогоносца, на которую столько вооружался г. Княжнинъ, то вы мнѣ изволили отвѣчать, что вы не пріемлете личности.

Позвольте сей отвѣтъ, ваше превосходительство, приписать вашему ко мнѣ неблаговоленію, ибо я не думаю, чтобы вы подлинно почитали личностію комедію на дурные нравы и захотѣли бы обидѣть г. Княжнина, нашедши въ его домѣ что-нибудь сходное съ пороками, которые изобразилъ я въ своей комедіи. Правда, что г. Княжнинъ вооружался противъ сей комедіи, но сему могъ быть причиною какой-нибудь повѣса, который ему или не хотѣлъ, или не умѣлъ подробнѣе пересказать о рогоносцѣ, котораго я вывелъ въ своей комедіи, и потому Яковъ Борисовичъ могъ легко ошибиться и почелъ по справедливости должностію вступиться за свою честь, которой однакоже я не прикасался. Но вы, милостивый государь видѣли сію комедію, къ вамъ первому я ее принесъ, и вы дали, мнѣ позволеніе ее напечатать; итакъ, неужели вы бы дозволили напечатать пасквиль? А если сія комедія не была и прежде личною, то и нынѣ она должна быть таковою же, и развѣ одинъ вашъ гнѣвъ могъ признать ее личною, чѣмъ вы сколько меня огорчили, столько обидили г. Княжнина, который, какъ разумный человѣкъ, конечно, самъ, увидя ее, не признаетъ личностію на себя и не воспротивится, чтобъ она была на театрѣ.

Увидя изъ сего вашъ гнѣвъ, принялъ я намѣреніе не докучать болѣе до времени театру моими сочиненіями и пересталъ вамъ докладывать о моихъ бумагахъ; но я осмѣлился напомнить, что дирекція должна мнѣ выдать 250 рублей за переводъ «Инфанты»; ваше превосходительство сказали, что вы непремѣнно постараетесь ихъ выдать; но и донынѣ денегъ еще я ни полушки не видалъ,

а питаюсь одною только лестною надеждою, что слова вашего превосходительства непремѣнны. Я не думаю, чтобы дирекція не могла заплатить столь малой суммы за переводъ, но еще меньше осмѣливаюсь думать, чтобы она захотѣла удержать деньги за оперу, которую переводилъ я по приказанію и по выбору вашего превосходительства. Если не давать мнѣ деньги за то, что содержаніе сей оперы худо, то бъ сіе было наказаніемъ меня за чужую погрѣшность, ибо я самъ никогда бы не осмѣлился выбрать для переводу оперу, въ которой нѣтъ ни здраваго смысла, ни хорошаго слога, ни чистыхъ театральныхъ правилъ; а посему я осмѣливаюсь ласкаться надеждою, что ваше превосходительство, конечно, соблаговолите мнѣ заплатить деньги за безуспѣшный сей трудъ, понесенный мною по приказанію вашего превосходительства.

Теперь о послѣднемъ остается донести вашему превосходительству.

Уже я имѣлъ честь упомянуть, что я получилъ во время вашей дирекціи билетъ для входу въ театръ въ рублевыя мѣста, подписанный собственною рукою вашего превосходительства; сей билетъ былъ подтвержденъ равно г. Стрекаловымъ, бывшимъ директоромъ, а потомъ и вами по вступленіи вашемъ въ правленіе театра, и я имѣю честь хранить его при себѣ за вашимъ подписаніемъ и за печатью дирекціи; и я продолжалъ имъ пользоваться, доколѣ Казасси, находящійся у сбора при театрѣ [1]), не сдѣлалъ съ своей стороны мнѣ нечаяннаго удивленія и не вздумалъ запрещать мнѣ входъ въ театръ, или останавливая меня на нѣсколько часовъ въ сѣняхъ, или наконецъ посылая меня въ полтинныя мѣста, и еще осмѣливаясь утверждать, будто онъ дѣлаетъ сіе по приказанію вашему.

Я не осмѣлюсь и подумать, чтобъ ваше превосходительство, безъ всякой причины, вздумали уничтожить то, что̀ единожды подписать изволили; ибо безъ сего авторъ, которому дается входъ въ театръ въ рублевыя мѣста, можетъ ожидать, что вы со временемъ пересадите его въ полтинныя, потомъ въ четвертныя, а потомъ и подлѣ дверей у входа поставить его изволите, и что вы можете уничтожить ваше подписаніе, чѣмъ по указамъ могутъ у насъ пользоваться

---

[1]) **Антонъ Казасси, по происхожденію италіанецъ, былъ съ 1780 года танцовщикомъ въ придворной труппѣ, а потомъ, съ 1788 года, театральнымъ контролеромъ (смотрителемъ за театральными сборами) и бутафоромъ (Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ, вып. I, отд. III, стр. 6 и 7).**

Л. М.

одни только вошедшіе недавно въ совершенныя лѣта, которые властны уничтожить то, что подписали они въ недоросляхъ безъ вѣдома опекуновъ. Но когда я получилъ сей билетъ, то достоинства, чины, разумъ и лѣта вашего превосходительства должны были увѣрить меня въ томъ, что вы и спустя нѣсколько лѣтъ признаете то справедливымъ и непремѣннымъ, что̀ однажды подписать изволили. Итакъ, я понынѣ не думаю, чтобъ вы перемѣнили свое мнѣніе, и Казассія почитаю единственнымъ затрудненіемъ для входу мнѣ въ театръ.

Оставшись при таковомъ мнѣніи, я удивляюсь, какъ могъ сборщикъ у театра противиться собственноручному подписанію вашего превосходительства и осмѣлиться присвоить себѣ власть перевершить то, что̀ вы опредѣлить изволили. Неужели, ваше превосходительство, должно у него испрашивать еще авторамъ подтвержденіе тому, что̀ вы скажете, и неужели театральный преддверникъ долженъ распоряжать, гдѣ автору занимать надлежитъ мѣсто?

Впрочемъ, отдавъ на театръ свои сочиненіи, видя уже играннымъ мой переводъ и зная, что другіе авторы равно пользуются входомъ, не почитаю и я за чрезвычайную милость отъ театра, что имѣю въ него входъ; ибо я имѣю на то такое же право, какъ и другіе, которые симъ пользуются. Итакъ, я не знаю, за что̀ привлекъ я одинъ на себя такую немилость, что пересаженъ въ полтинныя мѣста Казассіемъ. Если же—чего я по сказаннымъ мною причинамъ и подумать не смѣю—есть на то воля ваша, то я осмѣливаюсь одинъ только вопросъ сдѣлать: ошибкою ли сей билетъ подписанъ вашимъ превосходительствомъ, или ошибкою не приказано пускать меня въ рублевыя мѣста?

Я бы могъ подумать, если бы я былъ дерзокъ, что мое поведеніе тому причиною; но кто неблагопристойничаетъ въ публикѣ, того не изъ рублевыхъ въ полтинныя мѣста пересаживаютъ, но и за деньги въ театръ не пускаютъ; а я веду себя такъ, что никакъ не могу быть наказанъ безчестнымъ лишеніемъ входа въ общество, и вижу съ собой толь чудно̀й поступокъ. Правда, я нерѣдко смѣюсь въ трагедіяхъ и зѣваю иногда въ комедіяхъ; но, видя глупое, ваше превосходительство, можно ли не смѣяться или не зѣвнуть? Я же смѣюсь и зѣваю столь тихо, что никакого шуму симъ не дѣлаю, да притомъ и такъ счастливъ, что меня часто публика въ томъ поддерживаетъ; но сего, ваше превосходительство, конечно, не поста-

вите мнѣ въ вину, ибо я не нахожу способа, чтобъ отъ того себя предостеречь,—развѣ однимъ тѣмъ, чтобъ садиться къ театру задомъ; но я имѣю двѣ причины, которыя никогда не дозволятъ мнѣ сдѣлать того: вопервыхъ, что, входя въ театръ, я всегда ожидаю чего-нибудь хорошаго, а второе, хотя бы иногда, расположившись такимъ образомъ къ театру и заткнувъ уши, я могъ бы удержаться отъ смѣха, но тогда бы на меня публика стала смѣяться,—а я удаленъ и мысленно отъ того, чтобъ быть причиною какого-нибудь шуму въ театрѣ. Я слыхалъ, что авторовъ нерѣдко ставятъ причиною тому, когда публика зѣваетъ, глядя на актеровъ; но пусть сыграютъ порядочно какую-нибудь драму,—вы увидите, ваше превосходительство, съ какимъ терпѣніемъ тогда будетъ публика ожидать закрытія занавѣсы. Донеся сіе въ мое оправданіе, я думаю, что я довольно предъ вашимъ превосходительствомъ объяснилъ мою невинность и несправедливый поступокъ, учиненный Казассіемъ, въ уничтоженіи вашего билета; итакъ, оставлю ваше превосходительство рѣшить между мною и сборщикомъ: онъ ли, который осмѣлился нарушить ваше подписаніе и задерживать меня у театра, или я, который не подалъ ни малой причины къ тому, чтобы изгнанъ былъ изъ рублевыхъ мѣстъ, и который льститъ себя надеждою, что билетъ, данный вашимъ превосходительствомъ, не только театральнымъ сборщикомъ, но и самими вами не можетъ быть безъ причины уничтоженъ.

Изъясняя преданнѣйше вашему превосходительству о всѣхъ безпокойствахъ, которыя я претерпѣлъ, заключаю я сіе письмо моею нижайшею просьбою, чтобъ ваше превосходительство благоволили съ подателемъ сего письма прислать мою оперу «Бѣшенную семью», если она уже вамъ не нравится, и также «Американцевъ», ибо я твердое предпріялъ намѣреніе одной публикѣ отдать ихъ на судъ. А какъ я нѣкоторымъ образомъ долженъ дать ей отчетъ, почему мои творенія не приняты на театръ, то я думаю, ваше превосходительство дозволите милостиво припечатать мнѣ сіе письмо при моихъ сочиненіяхъ; что же касается до билета для входу въ театръ, то я, видя мою невинность и почитая ваше превосходительство, за излишнее признаю утруждать васъ о немъ моею просьбою и оставляю на соизволеніе проницательному и просвѣщенному разуму вашего превосходительства или подтвердить свое подписаніе, или подтвердить надъ нимъ Казассіевъ приговоръ. Я жь съ моею преданностію

имѣю честь пребыть милостиваго государя вашего превосходительства всепокорнѣйшій и преданный слуга Иванъ Крыловъ.

Мы опять не знаемъ, было ли это письмо доставлено Соймонову, или же только пущено Крыловымъ по рукамъ. Но такъ или иначе, а дѣлая этотъ рѣшительный шагъ, онъ окончательно и безповоротно разрывалъ свои связи съ театральною дирекціей. Горячій нравъ его обнаружился въ этомъ поступкѣ еще сильнѣе, чѣмъ въ размолвкѣ съ Княжнинымъ: въ выраженіяхъ своего письма къ Соймонову онъ, конечно, переступилъ предѣлы приличій; но вѣдь и поводъ, вызвавшій столь рѣзкое письмо, былъ для него гораздо важнѣе, чѣмъ въ прежней ссорѣ: Крыловъ былъ обманутъ данными ему обѣщаніями; неисполненіе ихъ отнимало у него долго лелѣемыя надежды на сценическіе успѣхи; вмѣсто нихъ онъ встрѣтилъ со стороны Соймонова и даже его подчиненныхъ высокомѣрное пренебреженіе къ нему, какъ къ писателю и человѣку. Устраненный отъ театра, онъ рѣшился перестать писать для сцены.

Крыловъ тѣмъ сильнѣе долженъ былъ почувствовать ѣдкость нанесенной ему обиды, что въ то время, когда это случилось, то-есть, въ 1789 году, онъ могъ уже сознавать себя человѣкомъ болѣе самостоятельнымъ и, пожалуй, нѣсколько болѣе извѣстнымъ, чѣмъ прежде. Хотя по службѣ онъ все еще оставался мелкимъ приказнымъ служителемъ, а піесы его все еще не проникли на сцену, за то въ литературной средѣ у него образовались новыя связи, и произведенія его стали наконецъ появляться въ печати. До тѣхъ поръ ему удалось помѣстить всего только одну коротенькую (и очень плохую) эпиграмму въ журналѣ Туманскаго *Лѣкарство отъ скуки и заботъ* да нѣсколько стихотвореній и, можетъ быть, прозаическихъ статей въ *Утреннихъ часахъ* 1788 года [1]; съ 1789 же года онъ самъ становится редакторомъ періодическаго изданія *Почта духовъ*. Этимъ счастливымъ поворотомъ въ своей литературной дѣятельности послѣ цѣлаго ряда неудачъ онъ былъ обязанъ именно тѣмъ новымъ связямъ, которыя онъ теперь успѣлъ себѣ пріобрѣсти въ кругу писателей. Онъ встрѣтилъ наконецъ людей, которые признали въ немъ дарованіе, ободрили его самолюбіе и поддержали въ молодомъ авторѣ

[1]) Эпиграмма Крылова помѣщена въ еженедѣльникѣ Туманскаго за декабрь 1786 г., стр. 268—269, съ подписью *И. Кр.*, а объ анонимномъ сотрудничествѣ его въ *Утреннихъ часахъ* сказано ниже.

стремленіе къ творчеству, не находившее до сихъ поръ свойственной ему формы.

Изъ числа писателей Крыловъ всего тѣснѣе сошелся съ Иваномъ Герасимовичемъ Рахманиновымъ и Александромъ Ивановичемъ Клушинымъ. Мы уже знаемъ, что объ образованіи перваго Крыловъ всегда отзывался съ особымъ уваженіемъ. Бывшій офицеръ конной гвардіи, знакомецъ Державина и Дмитріева, Рахманиновъ былъ большой поклонникъ Вольтера и убѣжденный послѣдователь его идей. «Г. Вольтеръ, пріобрѣвшій отличными своими писаніями славу,» — такъ писалъ однажды этотъ русскій вольтеріанецъ — «не замедлилъ привлечь на себя толпу завистниковъ, которые во все продолженіе его жизни не переставали на него нападать различными образы... Правда, что въ числѣ его сочиненій, можетъ быть, находятся и такія, которыя не заслуживаютъ одобренія; но сіе, по видимому, произошло отъ того, что одна философія, которой всегда онъ слѣдовалъ, была безсильна разрѣшить тѣ предложеніи, о коихъ другіе, именующіеся философами, издали рѣшительно цѣлыя системы, не будучи сами увѣрены о точности оныхъ; ибо чрезъ предѣлъ, положенный человѣческому понятію, ни одинъ смертный проникать не можетъ. Умствованіи г. Вольтера стремились далѣе тѣхъ границъ, гдѣ всѣ изслѣдованіи человѣка остаются недѣйствительными. Но кому такая слабость не свойственна? Мы ежедневно видимъ оной подверженными не только тѣхъ, кои извѣстны свѣту своими обширными знаніями, но и тѣхъ, которые усердно желаютъ быть за таковыхъ признанными; и можетъ быть, симъ послѣднимъ свойственнѣе безъ всякаго размышленія разсказывать, съ надменностію своего познанія, о такихъ предметахъ, о которыхъ сами они ничего не понимаютъ, превращая сомнѣнія философовъ въ ядъ заблужденія. Таковые мнимые философы по истинѣ достойны всякаго осужденія тѣмъ паче, что, не имѣя мыслямъ своимъ никакого основанія, бреднями своими заражаютъ другихъ, лишаются послѣдняго отъ Высочайшаго Существа дарованнаго имъ понятія и остаются, какъ тонкія трости, безъ всякія подпоры, на всѣ стороны преклоняемыя. Напротивъ же того, мнѣніи человѣка, который, имѣя съ основаніемъ обширное понятіе о многихъ предметахъ, сомнѣвается въ нѣкоторыхъ такихъ истинахъ, которыя несоразмѣрны человѣческому разуму, и о коихъ ни утвердительнаго, ни отрицательнаго ни одинъ философъ, со всѣмъ своимъ умствованіемъ, ничего сказать не

можетъ, есть дѣйствіе человѣческаго несовершенства, которое заслуживаетъ исправленія здравыя критики, а не порицанія злобныя сатиры» [1]). Эта довольно ловко написанная защита Вольтерова скептицизма характеризуетъ вполнѣ образъ мыслей Рахманинова: очевидно, вольтеріанство было для него послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости. Проникнутый этимъ убѣжденіемъ, онъ поставилъ себѣ цѣлью распространять его идеи въ русскомъ обществѣ: въ теченіе 1780-хъ годовъ онъ перевелъ и напечаталъ цѣлый рядъ сочиненій Вольтера, искусно выбирая между ними такія, которыя, при доступности и занимательности изложенія, особенно ярко выражали бы направленіе Вольтерова ума. Въ 1789 году онъ даже завелъ собственную типографію для печатанія своихъ изданій. Въ самый разгаръ этой дѣятельности Рахманинова познакомился съ нимъ Крыловъ—вѣроятно, чрезъ Брейткопфа, въ типографіи котораго печатались нѣкоторыя изданія трудолюбиваго переводчика.

Рахманиновъ былъ человѣкъ богатый и уже въ лѣтахъ. Напротивъ того, Клушинъ—бѣденъ и молодъ, такой же начинающій писатель, какъ самъ Крыловъ. По направленію своему онъ также принадлежалъ къ числу людей свободомыслящихъ, но съ тѣмъ оттѣнкомъ легкомыслія, которымъ, въ противоположность Рахманинову, отличалось большинство нашихъ вольтеріанцевъ. «Уменъ, хорошій писатель», замѣчаетъ о немъ почтенный старикъ Болотовъ,—«но... но сердце имѣлъ скверное: величайшій безбожникъ, атеистъ и ругатель христіанскаго закона; нельзя быть съ нимъ: даже сквернословитъ и ругаетъ, а особливо всѣхъ духовныхъ и святыхъ. Матери своей онъ часто говаривалъ: «Дивлюсь, матушка, и не могу надивиться, какъ вы, будучи еще въ сихъ лѣтахъ и такъ здоровы, а не имѣете любовника. Вѣдь я вѣдаю, каковы вы, женщины, и что вамъ желалось бы имѣть любовника» [2]). Орловскій уроженецъ, Клушинъ, подобно Крылову, началъ службу въ Твери, и вѣроятно, еще тамъ завязалось знакомство между ними, а позже, въ Петербургѣ, связь эту скрѣпила общность литературныхъ интересовъ. Ихъ соединяло также одинаковое уваженіе къ Рахманинову. «Рахманиновъ», вспоминалъ Крыловъ впослѣдствіи,—«былъ гораздо старѣе

---

[1]) Предисловіе Рахманинова къ переведенному имъ «Извѣстію о болѣзни, о исповѣди и смерти г. Вольтера, сочиненному *І. Дюбоа*» (С.-Пб. 1785).

[2]) *А. Т. Болотовъ*. Памятникъ протекшихъ временъ. Изданіе *П. С. Киселева*. М. 1875, стр. 117—118.

насъ, и однакожъ мы были съ нимъ друзьями... Мы очень любили его, хотя, правду сказать, онъ и не имѣлъ большой привлекательности въ обращеніи: былъ угрюмъ, упрямъ и настойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ». При основаніи *Почты духовъ* Крылову пришлось даже выдержать съ нимъ ссору изъ-за того, какое названіе дать журналу [1]).

Послѣ всего сказаннаго о близости Крылова съ этими двумя вольтеріанцами не должно казаться невѣроятнымъ предположеніе о знакомствѣ его еще съ однимъ писателемъ, извѣстнымъ своею горячею приверженностью къ идеямъ освободительной философіи XVIII вѣка, съ А. Н. Радищевымъ: на это можетъ указывать не только его совмѣстная съ Крыловымъ служба въ вѣдомствѣ казенной палаты, но и весьма вѣроятное, по нѣкоторымъ догадкамъ, присутствіе статей Радищева въ *Почтѣ духовъ* [2]).

Близкое общеніе съ людьми, причастными высшимъ умственнымъ движеніямъ своего времени и во всякомъ случаѣ образованными, принесло пользу собственному развитію Крылова. Если онъ не сталъ вольтеріанцемъ подобно Рахманинову, то все же въ бесѣдахъ съ нимъ могъ пріобрѣсти бо́льшую широту и свободу воззрѣнія на вещи; если отъ крайняго увлеченія философскими отвлеченностями его удержалъ художническій складъ его ума, за то начитанность его новыхъ друзей помогла ему обогатиться свѣдѣніями и образовать свой вкусъ: въ письмѣ къ Соймонову, а также въ статьяхъ о театрѣ, помѣщенныхъ въ журналѣ *Зритель* 1791 года, Крыловъ высказываетъ здравыя понятія о драматическомъ искусствѣ, которыхъ ему, очевидно, еще недоставало въ то время, когда онъ писалъ, безъ всякаго совѣта и руководства, свои первыя комедіи и оперы. Самый переходъ Крылова отъ драматическихъ опытовъ къ журнальной сатирѣ слѣдуетъ,

[1]) Дневникъ чиновника *С. П. Жихарева*—въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1855 г., т. CI, стр. 183; *И. П. Быстровъ* въ *Сѣв. Пчелѣ* 1845 г., № 203.

[2]) Догадка объ участіи Радищева въ *Почтѣ духовъ* была высказана А. Н. Пыпинымъ (*Вѣстникъ Европы* 1868 г., май, статья „Крыловъ и Радищевъ") и не вполнѣ отвергается возражавшими ему Я. К. Гротомъ (*Сборникъ* II-го отдѣленія Академіи Наукъ, т. VI, стр. 39) и А. Д. Галаховымъ (Исторія русск. словесности, т. I, изд. 1-е, стр. V—VII). Съ своей стороны, мы склонны приписать Радищеву помѣщенныя въ *Почтѣ духовъ* письма сильфовъ Дальповида и Выспрепара, особливо письма 20-е, 22-е, 24-е и 27-е, которыя, какъ по мыслямъ, такъ и по своему тяжелому слогу, напоминаютъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву".

кажется, поставить въ зависимость отъ вліянія его новыхъ друзей: по крайней мѣрѣ, изъ собственныхъ позднѣйшихъ разсказовъ нашего автора извѣстно, что Рахманиновъ «давалъ матеріалы» ему при составленіи сатирическихъ статей для *Почты духовъ*; очевидно, старый вольтеріанецъ подмѣтилъ въ Крыловѣ сатирическую жилку и комическое дарованіе и желалъ указать имъ болѣе правильный путь развитія.

Рахманиновъ самъ былъ не чуждъ журнальному дѣлу: съ апрѣля 1788 года по мартъ слѣдующаго онъ издавалъ еженедѣльникъ *Утренніе часы*, въ которомъ помѣщались главнымъ образомъ статьи нравоучительнаго содержанія, а также стихотворенія, повѣсти и сатирическіе очерки. Здѣсь напечатана была ода Крылова «Утро», съ подписью его имени [1]; но весьма вѣроятно, что въ томъ же изданіи появились еще другія его произведенія, только безъ его имени; такъ, нѣкоторые сатирическіе очерки *Утреннихъ часовъ* не только по темѣ, но и по манерѣ изложенія, напоминаютъ Крыловскія письма гномовъ въ *Почтѣ духовъ* [2]; еще болѣе заслуживаютъ вниманія въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изъ басенъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Рахманинова: по живости языка и непринужденности разсказа онѣ очень походятъ на типическія басни Крылова [3]. Еслибы принадлежность ему этихъ анонимныхъ произведеній могла быть доказана

---

[1]) *Утренніе часы*, ч. IV, стр. 136—141 (мартъ 1789 г.). Замѣтимъ кстати, что И. А. Крыловъ значится въ числѣ подписчиковъ на этотъ журналъ по списку ихъ, приложенному къ ч. III.

[2]) Ср. сатирическій очеркъ «Модныя лавки» въ *Утр. часахъ*, ч. IV, стр. 37—48 (февраль 1789 г.), съ письмами 14-мъ и 39-мъ въ *Почтѣ духовъ*, а также статью *Утр. часовъ*, ч. III, стр. 170—176 (декабрь 1788 г.), описывающую пріемную знатнаго барина, съ подобнымъ же описаніемъ въ 26-мъ письмѣ *Почты духовъ*.

[3]) См. въ *Утр. часахъ*, въ ч. III — «Олѣнь и заяцъ», а въ ч. IV—«Новопожалованный оселъ»; эта послѣдняя басня представляетъ замѣтное сходство съ «Осломъ» Крылова («Когда вселенную Юпитеръ населялъ»...). Кромѣ того, въ ч. III *Утр. часовъ* (октябрь 1788 г.) есть басня «Недовольный гостьми стихотворецъ», гдѣ осмѣянъ помѣшанный на прозѣ и стихахъ Рифмохватъ — то же лицо, что Рифмократъ, то-есть, Княжнинъ, въ «Проказникахъ» Крылова. Эти три басни перепечатаны въ приложеніи къ настоящей статьѣ. Кстати замѣтимъ, что, по свидѣтельству Лобанова, первая написанная Крыловымъ басня была показана И. И. Бецкому, умершему въ 1795 году; вотъ еще свидѣтельство въ пользу того, что Крыловъ началъ писать басни въ ранній періодъ своей литературной дѣятельности.

съ достаточною точностью, мы имѣли бы передъ собою ранніе опыты его въ томъ родѣ поэзіи, которымъ впослѣдствіи онъ прославилъ свое имя; а что онъ сочинялъ басни въ юности, преданіе о томъ сохранено Лобановымъ.

Еще прежде, чѣмъ истекъ годъ изданія *Утреннихъ часовъ*, Рахманиновъ сталъ печатать въ своей типографіи журналъ, предпринятый Крыловымъ: первая книжка *Почты духовъ* вышла въ концѣ января 1789 года. Въ литературѣ нашей существуютъ различныя мнѣнія о томъ, всѣ ли статьи этого журнала написаны самимъ Крыловымъ, или же у него были сотрудники. Мы склоняемся въ пользу этого послѣдняго мнѣнія, основываясь, вопервыхъ, на собственномъ намекѣ Крылова и, вовторыхъ, на томъ обстоятельствѣ, что Плетневъ внесъ въ изданіе его сочиненій, вышедшее въ 1847 году, лишь письма гномовъ Зора, Буристона и Вѣстодава и волшебника Муликульмулька [1]). Поэтому, изъ всего состава *Почты духовъ* мы считаемъ возможнымъ говорить только объ этомъ рядѣ писемъ, какъ о произведеніи, несомнѣнно вышедшемъ изъ-подъ пера Крылова; притомъ же, письма эти составляютъ, безъ сомнѣнія, лучшую часть журнала, во главѣ котораго онъ стоялъ.

Журнальная сатира доставила Крылову удовлетвореніе въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, она дала ему возможность испытать свои литературныя силы на новомъ поприщѣ, въ новомъ родѣ, гдѣ онъ былъ менѣе стѣсненъ установленными литературными правилами, и вовторыхъ, на страницахъ журнала онъ нашелъ случай посчитаться съ тѣми непріятелями, которые у него были въ кругу писателей и въ обществѣ. Мы видѣли уже, что въ письмѣ къ Соймонову онъ обѣщалъ перенести свою размолвку съ нимъ на публичный судъ въ печать: это намѣреніе онъ привелъ въ исполненіе на страницахъ *Почты духовъ*. Не мало насмѣшекъ разсыпано тамъ и на счетъ Княжнина. Мы должны войти въ нѣкоторыя подробности

[1]) Разсказывая И. П. Быстрову о содѣйствіи Рахманинова изданію *Почты духовъ*, Крыловъ говорилъ: «онъ давалъ *намъ* матеріалы» (*Сѣв. Пчела* 1845 г., № 203); слѣдовательно, не одинъ Крыловъ писалъ статьи для журнала. Всѣхъ писемъ, входящихъ въ составъ *Почты духовъ*, 48; но изъ нихъ въ изданіе 1847 г. внесено только 18 писемъ гномовъ и Муликульмулька; слѣдовательно, остальныя не принадлежатъ Крылову, за исключеніемъ, впрочемъ, еще одного письма гнома Зора (12-го по счету журнала), которое не попало въ изданіе 1847 г. по волѣ тогдашней цензуры Во всякомъ случаѣ, надобно думать, что собственный вкладъ Крылова въ *Почту духовъ* не превышаетъ этихъ 19 писемъ.

объ этой полемической сторонѣ журнальной дѣятельности Крылова, чтобы дать окончательное объясненіе его письмамъ, которыя приведены выше.

Нападки на Княжнина начинаются съ третьей, мартовской книжки *Почты духовъ*. Тутъ, въ письмѣ 12-мъ, отъ гнома Буристона, разсказывается о разныхъ плутахъ и казнокрадахъ, а затѣмъ гномъ сообщаетъ своему корреспонденту-волшебнику слѣдующее:

«Лишь только успѣлъ я выйдти на улицу, какъ встрѣтившійся со мною разсерженный человѣкъ, державшій въ рукахъ своихъ бумагу, просилъ меня просмотрѣть, какова его челобитная, которую подавалъ онъ на нововышедшую въ свѣтъ сатиру. «Государь мой», отвѣчалъ я ему,—«я не знаю ни сатиры, ни вашего дѣла». «О, сударь», сказалъ онъ,—«это дѣло требуетъ непремѣннаго отмщенія. Сатира эта написана на рогоносца, а жена моя точно доказываетъ, что это на меня». Послѣ чего подалъ онъ мнѣ свою челобитную, съ которой копію, какъ любопытную вещь, тебѣ посылаю:

Судей собраніе почтенно,
Внемли піита жалкій гласъ
И разсуди ты непремѣнно
Съ сатирикомъ негоднымъ насъ!
Онъ смѣлъ настроить дерзку лиру
И выпустить во свѣтъ сатиру,
Гдѣ онъ, рогатаго браня,
Назвалъ глупцомъ его безбожно;
Жена жь моя твердитъ неложно,
Что это пасквиль на меня.
Второе: онъ сказалъ нахально,
Что въ семъ рогатомъ чести нѣтъ;
Хотя—признаться—непохвально,
Но это точно мой портретъ.
А третье: тотъ его рогатый,
Лишь красть чужое тароватый,
Не можетъ самъ писать стиховъ;
А вамъ весь городъ скажетъ,
И всякій стихъ мой то докажетъ,
Что я и былъ, и есть таковъ.
Прошу жь покорно: накажите
За пасквиль моего врага
И впредь указомъ запретите
Писать сатиры на рога! [1])

---

[1]) *Почта духовъ*, ч. I, стр. 137—138.

Намекъ на Княжнина тутъ совершенно ясенъ: Крыловъ перелагаетъ въ стихи свое столкновеніе съ нимъ изъ-за «Проказниковъ», и эти стихи подтверждаютъ высказанное нами предположеніе, что Княжнинъ, проповѣдавъ о комедіи, сочиненной на него Крыловымъ, принималъ мѣры къ тому, чтобъ она не была играна на сценѣ, и вѣроятно, настроилъ въ этомъ смыслѣ Соймонова.

Письмо Бурнстона оканчивается обѣщаніемъ разсказать продолженіе ссоры между сатирикомъ и обиженнымъ піитомъ. Дѣйствительно, въ майской книжкѣ *Почты духовъ*, въ письмѣ 30-мъ, снова идетъ рѣчь о томъ же писателѣ-рогоносцѣ, только на этотъ разъ о немъ разсказываетъ уже не Буристонъ, а другой гномъ—Зоръ. Обходя книжныя лавки, Зоръ замѣтилъ, что ихъ переполняютъ «изданныя въ четвертку безъ правилъ, краденыя сочиненія Рифмокрада,... которыя продаются нерѣдко на вѣсъ для разнощиковъ на обертку овощей». Въ одной изъ лавокъ Зору пришлось присутствовать при спорѣ между горячимъ хвалителемъ Рифмокрадовыхъ произведеній и порицателемъ ихъ. Порицатель говоритъ, между прочимъ, что этого бездарнаго сочинителя превозносятъ похвалами только тѣ, кого онъ угощаетъ обѣдами, и кто ухаживаетъ за его женой; если піесы Рифмокрада имѣютъ успѣхъ на сценѣ, то только потому, что онъ привозитъ въ театръ хлопальщиковъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, порицатель читаетъ слѣдующую сказку:

Ко славѣ множество имѣемъ мы путей.
Гомеръ хвалить себя умѣлъ весь свѣтъ заставить;
А Рифмокрадъ, чтобы вѣрнѣй себя прославить,
Нажилъ себѣ жену, а женушка—дѣтей,
Которы въ зрѣлищахъ и кстатѣ и не кстатѣ,
Въ ладони хлопая, кричатъ согласно: *тятѣ!*
Но сколь немного женъ есть вѣрныхъ—знаетъ свѣтъ:
Не на Лукрецію и нашъ напалъ поэтъ.
Онъ видитъ это самъ. Поступки Тараторы
Между пріятелей ея заводятъ ссоры.
Чтобъ отомстить за то, чего не могъ сберечь,
Хоть одного изъ нихъ онъ хочетъ подстеречь.
Желанны дни пришли: онъ видитъ очень ясно,
Что онъ себя считалъ въ рогатыхъ не напрасно.
„Измѣнница!" кричитъ,—„того ль достоинъ я?
„Увы, гдѣ дѣлась честь, гдѣ слава вся моя?"
Жена въ отвѣтъ ему: „Для этой самой славы
„Немного рушу я супружески уставы;

„Съ партеромъ перервать я твой хотѣла споръ,
„Гдѣ вѣчно на тебя всемірный заговоръ:
„Завистниковъ тебѣ—ты знаешь—тамъ не мало,
„Но нынѣ тщаніемъ моимъ ихъ менѣ стало.
„Я многіе тебѣ достала голоса".
„Любезная жена, ты строишь чудеса!"
Вскричалъ поэтъ,—„такъ будь моимъ ты Апполономъ
„И лавры мнѣ плети; въ рогахъ я не съ урономъ,
„Въ нихъ выгоды себѣ я вижу лишь одни:
„Тѣмъ болѣ голосовъ, чѣмъ болѣ мнѣ родни!"

Чтеніе это приводитъ почитателя Рифмокрада въ совершенное неистовство; между нимъ и его противникомъ происходитъ драка, кончающаяся полною побѣдой хулителя Рифмокрадовыхъ произведеній.

И въ этомъ письмѣ Зора, какъ въ письмѣ Буристона, не трудно угадать, на кого направлены насмѣшки сатирика: мы уже встрѣчали имена Рифмокрада и его жены Тараторы въ «Проказникахъ» Крылова. «Изданныя въ четвертку сочиненія Рифмокрада»—это «Собраніе сочиненій Якова Княжнина», роскошно напечатанное въ 1787 году; средства на это изданіе авторъ получилъ отъ казны по ходатайству тогдашняго любимца Екатерины А. П. Ермолова [1]). По всей вѣроятности, должно считать не вымышленнымъ обстоятельствомъ и то, что̀ сообщается въ вышеприведенной сказкѣ объ искусственномъ подготовленіи успѣха піесъ Рифмокрада: у Княжнина было два сына, и одинъ изъ нихъ, Александръ, подобно отцу, писалъ для сцены и вообще былъ большой любитель театра; отца своего онъ считалъ настоящимъ геніемъ, и составленная имъ біографія Якова Борисовича есть чистый панегирикъ ему; въ этой біографіи встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующія высокопарныя слова о широкой жизни Княжнина: «Открытый домъ его былъ самымъ лучшимъ сборищемъ для всѣхъ ученыхъ людей. Любители изящныхъ наукъ въ кругу сего общества, въ маленькомъ семъ пантеонѣ питали сердца свои, а молодые стихотворцы образовали юныя свои дарованія, оживотворяясь разумомъ нашего поэта» [2]). Сатира Крылова показываетъ намъ оборотную сторону этихъ сборищъ.

---

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ *В. Я. Стоюнина*: „Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ", написанной на основаніи письменныхъ замѣтокъ сына трагика о своемъ отцѣ; *Русск. Вѣстникъ* 1860 г., № 10, стр. 107.

[2]) Сочиненія Якова Княжнина. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1817. т. I, стр. 8.

Редакторъ *Почты духовъ* не затруднился вывести Княжнина на публичное осмѣяніе очень откровенно. Въ отношеніи къ Соймонову онъ поступилъ осторожнѣе: не трогая его личности, сатирикъ говоритъ вообще о состояніи театра и предоставляетъ самому читателю догадываться, по чьей винѣ оно дурно. Вопросу о театрѣ посвящено 44-е письмо въ августовской книжкѣ *Почты духовъ*, сочиненное отъ лица гнома Зора. Онъ описываетъ посѣщеніе театра и излагаетъ содержаніе разговора, который онъ велъ съ своимъ сосѣдомъ во время представленія. Прежде всего Зора поразило множество собравшейся публики; такой приливъ ея онъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что будетъ исполняться піеса любимаго автора, и сообщилъ свое предположеніе сосѣду. «Нѣтъ», отвѣчалъ ему сосѣдъ,—«мы еще совсѣмъ не знаемъ автора; но публика здѣшняя очень жалуетъ новости, и часто въ зрѣлищѣ, которое даютъ въ первый разъ, бываетъ столь много зрителей, что еслибъ послѣ заставили его играть круглый годъ сряду, то не собрали бы столько денегъ, сколько соберется во время перваго представленія. Многія зрѣлища бываютъ здѣсь такія, которыя могутъ похвалиться только первымъ сборомъ, а для сей-то причины авторы всегда скрываютъ свое имя для перваго раза, чтобы обрадовать онымъ публику тогда, когда они увидятъ, что ихъ сочиненія торжествуютъ и въ послѣдующія представленія, что̀ однакожь не всегда случается, и они часто принуждены бываютъ скромничать навсегда своими именами». Пока новые знакомые вели эту бесѣду, заиграла музыка, занавѣсь взвилась, и началось представленіе. «Мы увидѣли то, чего не ожидали», пишетъ далѣе Зоръ, и затѣмъ подробно разсказываетъ содержаніе видѣнной имъ комической оперы. Ничтожество, нелѣпость піесы поразили гнома. Едва спустили занавѣсъ, какъ онъ обратился къ своему сосѣду съ такимъ вопросомъ: «Неужели позволено обременять публику всѣмъ, что̀ какой-нибудь парнасскій невѣжа набредить изволитъ? Театръ есть училище нравовъ, зеркало страстей, судъ заблужденій и игра разума; но здѣсь ничего этого не видно. Всякій изъ зрителей ничего не узнаетъ новаго, кромѣ того, что онъ заплатилъ деньги за то, чтобы зѣвать до слезъ три часа и противъ воли слушать бредни какого-то несчастнаго подлипалы музъ»... Зоръ еще долго продолжалъ свои обличенія, пока наконецъ сосѣдъ не прервалъ его слѣдующими словами: «Ахъ, сударь, всѣ ваши слова справедливы; добрый вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинъ, а глупое

никакому разсудительному человѣку не понравится; но театръ здѣшній столь бѣденъ, что онъ долженъ представлять или переводныя, или подобныя сему сочиненія. Правда, мы могли бы видѣть болѣе новостей; но здѣсь выборъ въ сочиненіяхъ очень строгъ. Я знаю двухъ моихъ знакомыхъ, которыхъ сочиненія года съ три уже въ театрѣ; но нѣтъ надежды, чтобы они и еще три года спустя были представлены, хотя можно побожиться, что они лучше этой». «Но для чего же здѣсь доступъ такъ труденъ на театрѣ?» спросилъ Зоръ. «Для того», отвѣчалъ сосѣдъ,—«что почитаютъ благодѣяніемъ сыграть чье сочиненіе; впрочемъ, это—разсчетъ театра, и разсчетъ такой, котораго польза, можетъ быть, примѣтна ему только одному», Зоръ пожелалъ узнать тѣ правила, какія нужно соблюдать, чтобы піеса была принята на театръ. «Самыя простыя», отвѣчалъ ему его собесѣдникъ;—«вопервыхъ, смысла и остроты не надобно; правила театральныя совсѣмъ не нужны; берегитесь пуще всего нападать на пороки, для того, что комедія, написанная на какой-нибудь порокъ, почитается здѣсь личностію; берегитесь также вмѣщать острыхъ шутокъ въ ваше сочиненіе, ибо здѣсь говорить умно на театрѣ почитается противнымъ благопристойности, а надобно, чтобъ ваши дѣйствующія лица говорили такъ просто и неостро, какъ говорятъ пьяные или сумасшедшіе; словомъ, возьмите въ примѣръ нынѣшнюю оперу и напишите ей подражаніе: тогда можете надѣяться что ее когда-нибудь представятъ, и васъ театръ включитъ въ число своихъ авторовъ, а публика—въ число мучителей, наводящихъ ей зѣвоту». Съ этими словами сосѣдъ отошелъ отъ гнома, и Зоръ остался—такъ заключаетъ онъ свое письмо—«удивляться такимъ чуднымъ правиламъ театра и желанію нѣкоторыхъ безпокойныхъ головъ, которыя, ненавидя жить въ спокойной неизвѣстности, собираютъ тысячи двѣ народу, чтобы заставить ихъ смѣяться надъ своимъ дурачествомъ».

Достаточно хотя бы слегка сравнить это письмо гнома Зора съ письмомъ Крылова къ Соймонову, чтобы видѣть, на кого статья *Почты духовъ* обращаетъ свои порицанія и упреки. Сходство между обоими письмами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти дословное; а судя по изложенію сюжета нелѣпой піесы, видѣнной Зоромъ, это и есть та самая комическая опера «Двѣ невѣсты», которую Крыловъ упоминаетъ въ письмѣ къ Соймонову, какъ произведеніе, имъ самимъ выбранное для представленія на сценѣ. Серьезный тонъ, отличающій письмо Зора о театрѣ, выдѣляетъ его изъ ряда другихъ сатириче-

скихъ статей, помѣщенныхъ Крыловымъ въ *Почтѣ духовъ*; видно, что авторъ говоритъ о предметѣ, сильно занимавшемъ его, и надъ которымъ онъ много думалъ.

Но, кромѣ статей полемическихъ, направленныхъ противъ извѣстныхъ лицъ, Крыловъ помѣстилъ въ *Почтѣ духовъ* рядъ писемъ въ другомъ родѣ, рядъ очерковъ изъ области общественной сатиры. Изъ всего, что имъ напечатано въ названномъ журналѣ, эти очерки имѣютъ наибольшее значеніе, потому что въ нихъ какъ бы внезапно развернулась сила его оригинальнаго дарованія. Прежде всего этому благопріятствовала та свободная форма писемъ, которую онъ выбралъ для своей сатиры. Тутъ ему не было надобности, какъ въ комедіяхъ, затруднять себя изобрѣтеніемъ болѣе или менѣе сложныхъ сюжетовъ, ни примѣняться ко вкусу публики; требовалось живое и вѣрное изображеніе дѣйствительности въ томъ видѣ, какъ она представлялась его художническому взгляду, и эта задача—доступная, разумѣется, только истинному дарованію—была рѣшена молодымъ писателемъ вполнѣ удачно.

Собственно по содержанію сатира Крылова въ *Почтѣ духовъ* не отличалась новостью: она преслѣдовала французское воспитаніе русской молодежи, пустоту и мотовство щеголей, распущенность нравовъ въ большомъ свѣтѣ, спѣсь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство, кривой судъ, произволъ вельможъ, словомъ—тѣ же общественные недостатки, которые осмѣивались еще въ сатирическихъ журналахъ 1769—1774 годовъ. Указывая на это сходство, Я. К. Гротъ признаетъ, что сатира *Почты духовъ* была «глубже, рѣзче и разнообразнѣе», чѣмъ сатира прежнихъ изданій, и что она будто бы заглядывала даже въ самыя причины этихъ печальныхъ явленій общественной жизни. По правдѣ сказать, мы, со своей стороны, затрудняемся присоединиться къ такому заключенію. Вопервыхъ, если корни общественныхъ золъ указывались на страницахъ *Почты духовъ*, то не въ тѣхъ статьяхъ, которыя—согласно достовѣрному преданію—должны быть усвоены Крылову, а въ тѣхъ, которыя библіографическая осторожность заставляетъ приписывать другимъ авторамъ, напримѣръ, въ письмахъ сильфа Дальновида. Вовторыхъ, мы думаемъ, что даровитый писатель можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ сатирикомъ въ силу своей природной способности даже и въ томъ случаѣ, если онъ по своему умственному развитію стоитъ не много выше современнаго ему общества. Примѣры такого явленія

можно указать во многихъ литературахъ. Такъ было и съ Крыловымъ, у котораго сатирическая способность составляла коренное свойство его природы; но, проявляя его, онъ едва ли сумѣлъ бы оправдать свою сатиру логическими доводами, едва ли былъ въ состояніи додуматься до коренныхъ причинъ общественныхъ недостатковъ: даже въ позднѣйшій періодъ своего творчества, въ пору созданія басенъ, онъ лучше умѣлъ обличать пороки общества, чѣмъ указывать на то, откуда они произошли, и что нужно для его совершенствованія. Короче сказать, мы вовсе не думаемъ, чтобы журнальная сатира Крылова отличалась глубиной отрицанія. Но это въ нашихъ глазахъ не умаляетъ ея значенія: за нею остаются высокія литературныя достоинства.

Въ оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ журнальной сатиры Крылова мы также можемъ сослаться на отзывъ Я. К. Грота, но на этотъ разъ уже не для того, чтобы возражать ему, а чтобы согласиться съ его сужденіемъ. «Козицкій, Новиковъ, Эминъ и другіе», говоритъ Я. К. Гротъ,—«были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій разсказчикъ, часто облекающій мысль въ выпуклый или яркій образъ. *Почта духовъ* представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя слабости человѣчества» [1]). Сатира Крылова вовсе не ювеналовская, не бичующая, не безпощадная; въ ней нѣтъ никакого лирическаго порыва. Но именно ея наклонность перейдти въ повѣствовательную форму даетъ ей особую литературную цѣнность: въ прежнихъ сатирическихъ журналахъ встрѣчаются только бытовыя описанія въ обличительномъ духѣ, тогда какъ въ сатирическихъ очеркахъ Крылова изображаемыя имъ лица приводятся въ движеніе, въ дѣйствіе: его письма гномовъ напоминаютъ собою новеллы, въ которыхъ не только описаны нравы общества, но и очерчены характеры изображаемыхъ лицъ, разсказаны ихъ похожденія, и все это скрашено тонкимъ юморомъ, все вызываетъ тотъ свѣтлый смѣхъ, о высокомъ нравственномъ значеніи котораго говоритъ Гоголь въ послѣднемъ монологѣ своего «Разъѣзда». Правда, Крыловъ не обладалъ боль-

---

[1]) *Сборникъ* II-го отдѣленія Академіи Наукъ, т. VI, стр. 113—114 перваго счета.

шою изобрѣтательностью въ развитіи сюжетовъ; но это было постояннымъ уже недостаткомъ его таланта—и въ раннихъ его драматическихъ опытахъ, и даже въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, въ басняхъ. Но какъ въ басняхъ, такъ и въ сатирическихъ очеркахъ *Почты духовъ*, эта бѣдность вымысла скрадывается малымъ объемомъ произведеній, для которыхъ богатство сюжетовъ какъ бы необязательно. За то, какъ въ зрѣломъ періодѣ его творчества, къ которому принадлежатъ басни, онъ достигаетъ художественнаго совершенства преимущественно мастерствомъ разсказа, такъ и въ письмахъ гномовъ, которыя сочинены молодымъ человѣкомъ двадцати-одного года, проявляется то же стремленіе къ тонкой отдѣлкѣ изложенія. Въ то время, когда Крыловъ дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ, стихотворная форма ставилась гораздо выше, чѣмъ прозаическая; такъ, конечно, думалъ и онъ самъ; но его прекрасные очерки въ *Почтѣ духовъ* доказываютъ, что такое предпочтеніе лишило русскую литературу замѣчательнаго прозаика-юмориста, притомъ въ народномъ духѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ явился бы предшественникомъ Гоголя. Еще въ сороковыхъ годахъ родство дарованія этихъ двухъ писателей было указано однимъ изъ самыхъ тонкихъ русскихъ критиковъ—Ив. В. Кирѣевскимъ [1]).

Подписка на *Почту духовъ* была объявлена на весь 1789 годъ; но журналъ выходилъ только съ января по августъ. Причина его прекращенія раньше срока неизвѣстна; но кажется, что ее слѣдуетъ искать не въ цензурныхъ затрудненіяхъ, а въ недостаткѣ средствъ для изданія: у *Почты духовъ* было всего 80 подписчиковъ. Итакъ, тонкая и остроумная сатира Крылова не была оцѣнена по достоинству въ пору своего появленія; болѣе вѣрная оцѣнка ея принадлежитъ уже критикѣ позднѣйшаго времени. Напечатанныя выше письма Крылова, дающія возможность правильно установить хронологическую послѣдовательность его раннихъ литературныхъ произведеній, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что Крыловъ довольно долго и безуспѣшно испытывалъ свои силы въ драматическомъ родѣ, прежде чѣмъ талантъ его нашелъ себѣ блистательное проявленіе въ журнальной сатирѣ.

---

[1]) Сочиненія Ив. В. Кирѣевскаго, т. II, стр. 203.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Три басни изъ журнала 1788—1789 годовъ: «Утренніе часы».

I.

Новопожалованный оселъ.

Когда чины невѣжа ловитъ,
Не счастье онъ себѣ, погибелъ тѣмъ готовитъ.
Оселъ добился въ знатный чинъ.
Въ то время во звѣриномъ родѣ
Чинъ царска спальника былъ въ знати или въ модѣ:
И сталъ Оселъ великой господинъ.
Оселъ мой всѣхъ пренебрегаетъ,
Вертитъ хвостомъ,
Копытами и лбомъ
Придворныхъ всѣхъ толкаетъ.
Достоинствомъ его ослиный полонъ умъ,
Оселъ о должности не тратитъ много думъ:
Не мыслитъ, сколь она опасна.
Ослу достоинства даны.
На знатность мой Оселъ съ той смотритъ стороны,
Съ какой она прекрасна;
Онъ знаетъ: ежели въ чинахъ хотя дуракъ,
Ему почтеньемъ долженъ всякъ.
Знать должно: ночью Левъ любилъ ужасно сказки,
И спальникъ у него точилъ побаски.
Настала ночь, Осла ведутъ ко Льву въ берлогу;
Оселъ мой чуетъ,
Что онъ со Львомъ ночуетъ,
И сказокъ сказывать хотя Оселъ не могъ,
Однако въ слабости Ослу признаться стыдно.
Ложится Левъ. Оселъ
Въ берлогѣ сѣлъ:
Ослу и то ужъ кажется обидно,
Однакожъ терпитъ онъ.
«Скажи-тко», Левъ сказалъ Ослу,—«ты мнѣ побаску».

Тутъ началъ проповѣдь, не сказку,
Мой новой Аполлонъ.
«Скажи», сказалъ онъ Льву,— «за что царями вы?
«За то ли только, что вы—львы?
«Мнѣ кажется, ослы ни чѣмъ не хуже,
«Кричать я мастеръ дюже;
«Что жь до рожденія, ослы не хуже львовъ:
«Ословъ
«Гораздо родъ не новъ;
«Отецъ мой тамъ-то былъ; мой дѣдъ былъ тамъ и тамо».
И родословную свою велъ прямо.
Мой Левъ не спалъ:
И родословную, и брань Осла внималъ,
Осла прилежно слушалъ,
Потомъ,
Наскуча дуракомъ,
Онъ всталъ и спальника сіятельнаго скушалъ.

II.

Олень и заяцъ.

Людскіе завсегда намъ видимы пороки.
Своихъ не примѣчать,
Другихъ цѣнить и на другихъ ворчать
Мы ужасть какъ жестоки!
Олень со Зайцемъ дружбу свелъ,
И съ Зайцемъ разговоръ придворной онъ имѣлъ.
Другъ друга въ запуски они превозносили,
Своихъ знакомыхъ поносили
И такъ гласили:
«Ты», Заецъ говорилъ Оленю,—«всѣмъ красивъ:
«И станомъ, и рогами,
«Глазами, выступкой, проворностью, ногами,
«Одно лишь только есть—я слышалъ—ты пужливъ».
«Какой ужасной вздоръ!»
Сказалъ ему Олень;
«О мнѣ и Левъ, и даже весь извѣстенъ дворъ:
«Тебѣ совралъ какой-то пень.
«То правда, что всегда,
«Когда

«Услышу я собакъ, хоть ихъ и не терплю,
«Привыкъ давать скачки съ размаху;
«Но это не отъ страху,
«А съ ними въ запуски я бѣгаться люблю:
«И впрочемъ, ежели моей угодно волѣ,
«Я часто здѣсь на этомъ полѣ,
«Лишь только захочу,
«Ужасно какъ собакъ щечу».
—«Ты знаешь, я съ тобой не стану лицемѣрить;
«А мнѣ, равно, велишь ли вѣрить?
«Сказали точно мнѣ: когда собачій лай
«Раздастся въ здѣшній край,
«Тогда возметъ тебя труслива суета».
—«Какая», Заяцъ рекъ,—«несносна клевета!
«Кто?... Я!... Чтобъ я собакъ боялся!
«Клеветнику бъ тому въ глаза ты насмѣялся:
«Скажи ему, что онъ дуракъ:
«Не только я никакъ
«Не бѣгаю собакъ,
«Но съ ними часто здѣсь играю на лугу.
«Пріятель твой судилъ меня немножко строго:
«Знакомыхъ и родни собакъ мнѣ ужасть много;
«А въ нуждѣ я и самъ съ собакою смогу».
—«Но чу!» сказалъ Олень,—«ихъ голосъ раздается,
«А мнѣ изъ нихъ въ родню никто не доведется,
«Такъ вѣрно то родня твоя,
«А не моя.
«Мое почтенье имъ, останься ты съ друзьями:
«Мнѣ быть неловко съ вами,
«Такъ я отсель къ своимъ знакомымъ побѣгу».
Лай близокъ, храбрецы мои чуть чуть умчались,
Однакожь храбростью и послѣ величались.

III.

Недовольный гостьми стихотворецъ.

У Риѳмократа
Случилася гостей полна палата;
Но онъ, имѣя много думъ,
На прозѣ и стихахъ помѣшанный свой умъ
И бывъ душой немного боленъ,
Гостьми не очень былъ доволенъ
И спрашивалъ меня: «Какъ горю пособить,
«Чтобъ ихъ скорѣе проводить?
«Взбѣситься надобно, коль въ домѣ ихъ оставить,
«А честно ихъ нельзя отправить
«Изъ дома вонъ».
Но только зачалъ лишь читать свою онъ оду,
Не стало въ мигъ народу,
И при второмъ стихѣ одинъ остался онъ.

ПОЭЗІЯ ЖУКОВСКАГО [1]).

Въ послѣднее время начинаютъ у насъ все строже и строже судить о Екатерининскомъ времени; трудно защищать его безусловно, но нельзя, кажется, отрицать одной великой заслуги этой эпохи— заслуги, состоящей въ томъ, что она много содѣйствовала распространенію образованія въ значительной части русскаго общества: до Екатерининскаго времени образованные люди были у насъ, можно сказать, рѣдкостью—потому что учиться было почти негдѣ; съ исхода же XVIII вѣка образованные люди, вышедшіе притомъ изъ разныхъ слоевъ общества, являются на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности: это—фактъ неоспоримый, и вѣчная благодарность за то вѣку Екатерины II!

Просвѣтительное значеніе этого времени объясняетъ намъ между прочимъ то, почему въ послѣднія десять, двадцать лѣтъ мы такъ часто празднуемъ юбилеи нашихъ прежнихъ дѣятелей, двигавшихъ духовное развитіе нашего отечества: все это люди, родившіеся и воспитавшіеся въ вѣкъ Екатерины. Къ числу младшихъ питомцевъ той эпохи принадлежитъ и Василій Андреевичъ Жуковскій: онъ родился во второй половинѣ блестящаго царствованія Екатерины, въ годъ присоединенія Крыма, 29-го января 1783 года.

Сказать по правдѣ, имя его потускнѣло въ памяти современнаго поколѣнія; его перестаютъ читать и знаютъ больше изъ учебниковъ и хрестоматій, чѣмъ изъ собранія его сочиненій. Но въ этомъ случаѣ современное общество, конечно, неправо: то неуваженіе къ прошлому, которое такъ распространено у насъ, есть только печаль-

---

[1]) Написано по случаю столѣтняго юбилея Жуковскаго, праздновавшагося 29-го января 1883 года.

ное доказательство, что наша образованность все еще не серьезна; но мы вѣримъ, что это явленіе преходящее, какъ вѣримъ въ будущность нашего просвѣщенія; мы убѣждены, что наше потомство строго осудитъ тѣхъ глашатаевъ нашей новѣйшей литературы, которые посѣяли это пренебреженіе въ русскомъ обществѣ.

Но возвратимся къ Жуковскому. Значеніе его въ развитіи русской литературы очень важно: младшій современникъ Карамзина и старшій—Пушкина, дѣйствовавшій рядомъ съ тѣмъ и другимъ, онъ занялъ однако въ литературѣ самостоятельное мѣсто и оказалъ на нее свое особое вліяніе. Принято говорить, что Жуковскій былъ проводникомъ въ нашу словесность романтизма. Конечно, это справедливо; но должно разумѣть это не въ томъ смыслѣ, что Жуковскій былъ прекраснымъ переводчикомъ Шиллера, Бюргера, Грея, Соути и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, а въ томъ, что онъ сообщилъ русской литературѣ новое настроеніе силой собственнаго дарованія. Въ особенности въ раннюю пору своей поэтической дѣятельности онъ далеко не ограничивался переводами и подражаніями, да и для переводовъ выбиралъ только такія стихотворенія иностранныхъ поэтовъ, которыя гармонировали съ его собственнымъ поэтическимъ настроеніемъ.

Въ чемъ же заключается особенность поэтическаго настроенія Жуковскаго, которая такъ нравилась его современникамъ и, подъ названіемъ романтизма, создала его славу?

Жуковскій—по преимуществу лирикъ, и лирика его чисто задушевная. Внутренній міръ души поэта составляетъ исключительное содержаніе его поэзіи, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заимствуетъ образы не изъ своей личной жизни и обстановки, когда онъ переносится въ чуждую среду или въ иное отдаленное время, онъ вполнѣ подчиняетъ свои созданія своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и чувствованіямъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ объясненіе поэтическому настроенію Жуковскаго нужно искать не столько въ литературномъ вліяніи иностранныхъ поэтовъ извѣстной школы, сколько въ обстоятельствахъ его собственной жизни и развитія.

Извѣстно, что онъ былъ сынъ бѣлевскаго помѣщика Аѳанасія Ивановича Бунина и плѣнной турчанки, что отца своего онъ лишился въ дѣтствѣ и воспитанъ былъ въ семействѣ Бунина, гдѣ послѣ смерти Аѳанасія Ивановича осталась главой его вдова, а мать

Жуковскаго жила въ ключницахъ. Въ этой исключительно женской семьѣ—впрочемъ, хорошо образованной по тому времени—всѣ ласкали безроднаго юношу; изъ этой обстановки онъ вынесъ мягкость и нѣжную впечатлительность своего характера; но, не смотря на ласковый уходъ, онъ все-таки не могъ не чувствовать себя одинокимъ. «Семейнаго счастія для меня не было», говорилъ онъ объ этомъ времени впослѣдствіи;—«всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; не смотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли дружба, и всегда оставался въ нерѣшимости чрезмѣрно тягостной—сказать себѣ: дружбы нѣтъ. На что было рѣшиться? Скрывать все въ самомъ себѣ и терпѣть, и даже показывать видъ, что всѣмъ доволенъ: принужденіе слишкомъ тяжелое, при откровенности моего характера, который однако отъ навыка сдѣлался и скрытнымъ».

Послѣ окончанія образованія въ благородномъ пансіонѣ Московскаго университета, гдѣ Жуковскій впервые вкусилъ прелесть авторства и увлекался моднымъ тогда сентиментализмомъ, и послѣ недолгой службы въ Москвѣ, молодой человѣкъ возвратился на родину и въ томъ же домашнемъ кругу, гдѣ онъ воспитался, онъ встрѣтилъ прекрасную молодую дѣвушку, которую полюбилъ всею душой, и которая платила ему полною взаимностью: то была внучка Бунина, дочь Екатерины Аѳанасьевны Протасовой. Марья Андреевна Протасова, равно какъ и сестра ея Александра Андреевна, выросли на глазахъ Жуковскаго, и онъ же былъ главнымъ руководителемъ ихъ образованія; единство развитія сблизило молодыхъ людей. Но когда Жуковскій вздумалъ просить руки Марьи Андреевны, ея мать рѣшительно воспротивилась такому браку: опираясь на уставы церкви, она не соглашалась завѣдомо ихъ нарушить. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Жуковскій возобновлялъ свои попытки, но не смотря на содѣйствіе нѣкоторыхъ близкихъ людей, всегда встрѣчалъ упорное сопротивленіе со стороны Екатерины Аѳанасьевны. Тяжело ему было переносить эти отказы, но идти наперекоръ имъ, жениться на Марьѣ Андреевнѣ противъ воли ея матери онъ никогда бы и не подумалъ: онъ зналъ, что такое насиліе внесетъ раздоръ на дорогую ему семью.

Утративъ надежду на брачный союзъ съ племянницей, Жуковскій хотѣлъ по крайней мѣрѣ сохранить права ея дяди, быть прямымъ братомъ ея матери, покровителемъ ея семьи. Онъ рѣшился

объясниться о томъ съ Екатериной Аѳанасьевной. На первый взглядъ въ такомъ оборотѣ его намѣреній можно предположить долю сердечной софистики; быть можетъ, такъ объясняла себѣ намѣреніе Жуковскаго и сама Е. А. Протасова. Но на самомъ дѣлѣ было иначе: идеалистъ-поэтъ дѣйствительно рѣшился пожертвовать всѣмъ, что̀ въ его чувствѣ было эгоистическаго. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ — въ высшей степени характерныхъ для его личности — объяснялъ онъ свой поступокъ самой Марьѣ Андреевнѣ: «Чего я желалъ? Быть счастливымъ съ тобою. Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ тобою! Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси собственнаго, и отъ этого она живѣе и лучше. Если же на минуту и завернется старая мысль, то всегда съ своимъ дурнымъ старымъ товарищемъ—грустью; сто̀итъ уйти къ себѣ, чтобы опять себя отыскать такимъ, какимъ надобно... Маша моя (теперь моя болѣе, нежели когда-нибудь), поняла ли ты то, что̀ заставило меня рѣшительно отъ тебя отказаться? Ангелъ мой, совсѣмъ не мысль, что я желаю беззаконнаго. Нѣтъ! я никогда не перемѣню на этотъ счетъ своего мнѣнія, и вѣрю, что я былъ бы счастливъ, и что Богъ благословилъ бы нашу жизнь. Совсѣмъ другое и гораздо лучшее побужденіе произвело во мнѣ эту перемѣну: твое собственное счастіе и спокойствіе! Рѣшившись на эту жертву, я входилъ во всѣ права твоего отца. Другая, новѣйшая связь! Право, эти минуты были для меня божественныя; и если можно слышать на землѣ голосъ Божій, то конечно, въ ту минуту онъ мнѣ послышался! Съ этимъ чувствомъ все для меня перемѣнилось, всѣ отношенія къ тебѣ сдѣлались другія: я почувствовалъ въ душѣ необыкновенную ясность; то, чего я никогда не имѣлъ въ жизни, вдругъ сдѣлалось моимъ; я видѣлъ подлѣ себя сестру и сдѣлался другомъ, покровителемъ, товарищемъ ея дѣтей; я готовъ былъ глядѣть на маменьку [1]) другими глазами, и право, восхищался тѣмъ чувствомъ, съ какимъ бы назвалъ ее сестрой. Ничего еще подобнаго не бывало у меня въ жизни! Имя сестры въ первый разъ въ жизни меня тронуло до глубины сердца! Я готовъ былъ ее обожать; ни въ комъ не имѣла бы она такого неизмѣннаго друга, какъ во мнѣ. До сихъ поръ имя сестра только меня пугало; оно казалось мнѣ

---

[1]) То-есть, на мать Марьи Андреевны, Екатерину Аѳанасьевну Протасову.

разрушителемъ моего счастія; послѣ совершеннаго пожертвованія себя, оно показалось мнѣ самымъ лучшимъ утѣшеніемъ, совершенною всему замѣной. Боже мой, какая прекрасная жизнь мнѣ представилась! Самое дѣятельное, самое ясное усовершенствованіе себя всѣмъ добромъ. Можно ли, милый другъ, измѣнить великому чувству, которое насъ вознесло выше самихъ себя? Жизнь, освѣщенная этимъ великимъ чувствомъ, казалась мнѣ прелестною! Быть вашимъ отцомъ (братъ вашей матери имѣетъ на это имя право), назвать васъ своими и заботиться о вашемъ счастіи — чѣмъ для этого не пожертвуешь? Стоило ей только вообразить, что братъ ея всталъ изъ гроба и просится опять въ ея домъ [1]), или лучше—вообразить, что живъ вашъ отецъ, и что онъ съ полною къ вамъ любовью хочетъ съ вами быть опять на свѣтѣ. Осмотрѣвшись въ Дерптѣ, я увѣренъ, что здѣсь работалъ бы я такъ, какъ нигдѣ нельзя работать: никакого разсѣянія, тьма пособій и ни малѣйшей заботы о томъ, чтобы прожить день, и при всемъ этомъ первое и единственное мое счастье — семья. Съ такимъ чувствомъ пошелъ я къ ней, къ моей сестрѣ. Что̀ же въ отвѣтъ? «Разстаться!» Она увѣряетъ меня, что не отъ недовѣрчивости, а для сохраненія твоей и ея репутаціи. Нѣтъ, эта причина несправедливая! Но все равно, я не раскаяваюсь въ своемъ пожертвованіи!..»

Исполняя желаніе своей сводной сестры, Жуковскій удалился изъ Дерпта, гдѣ она жила съ Марьей Андреевной при своей младшей замужней дочери, и на прощанье просилъ Марью Андреевну только объ одномъ: «Не позволяй тобою жертвовать, а заботься о своемъ счастіи». Переѣхавъ въ Петербургъ, Жуковскій все еще не покидалъ вполнѣ мысли о возможности столь желаннаго брака, какъ вдругъ получилъ изъ Дерпта вѣсть, что Марья Андреевна рѣшилась успокоить мать, выйдя замужъ за другого человѣка. Тяжелъ былъ новый ударъ, нанесенный чувству поэта. Не допуская перемѣны въ привязанности молодой дѣвушки, онъ однако поспѣшилъ въ Дерптъ и убѣдился, что Марья Андреевна приняла свое рѣшеніе не по принужденію, а просто по соображеніямъ благоразумія. Тогда Жуковскій вполнѣ присоединился къ этому рѣшенію; мало того: неизмѣнный въ чувствахъ благородства и чести, онъ принялъ самое живое участіе въ томъ, чтобы лучше устроить судьбу той, которую любилъ

[1]) У Екатерины Аѳанесьевны дѣйствительно былъ братъ законный, умершій въ юности.

и которую не могъ назвать своею женой. «Я хочу добра», писалъ онъ около этого времени (еще до свадьбы Марьи Андреевны) близкимъ ему людямъ, — «и не только хочу, теперь могу его сдѣлать. Руки развязаны. И какое же добро?.. Устроить счастіе Маши: я теперь знаю, что она не можетъ и не должна оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ она теперь. Что̀ за жизнь, которую она ведетъ! Нѣтъ свободы ни чувствовать, ни мыслить, ни дѣйствовать! Даже нѣтъ своего угла! Во всемъ тяжелая, убійственная неволя. Какъ не пожелать для нея такого состоянія, въ которомъ она будетъ имѣть все нужное для сердца!» Затѣмъ, обращаясь къ своему личному внутреннему міру, Жуковскій говорилъ: «Что же касается меня самого, то нельзя же вдругъ всего передѣлать. Но вы за меня не бойтесь. Я вообще счастливъ... Тяжелыя минуты были и будутъ; но славное чувство пропасть не можетъ. А въ этомъ все! Вотъ что̀ я за собою замѣтилъ: всякій разъ, когда я бывалъ съ Мойеромъ [1]) одинъ, мнѣ было грустно, но не о себѣ, а о Машѣ. Все приходила въ голову мысль, что съ нимъ она не будетъ имѣть всего и можетъ жалѣть о прошедшемъ. И все, что̀ меня убѣждало въ противномъ, меня радовало. Теперь я увѣренъ и болѣе на этотъ счетъ спокоенъ; а время все сдѣлаетъ, и мы поможемъ времени. Кажись бы—хорошо, анъ нѣтъ? Во мнѣ есть другой человѣкъ, которому бываетъ больно, когда онъ замѣтитъ привязанность Маши къ Мойеру. Этотъ «человѣкъ» (сколько я замѣтилъ) бурлитъ болѣе къ вечеру, и думаю, что онъ живетъ въ желудкѣ! Но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду, и онъ умретъ непремѣнно; и если живъ еще, то оттого, что онъ слишкомъ крѣпкаго сложенія. И знаете ли, что̀ будетъ его убійцею? Что-то воздушное, безтѣлесное, живущее въ нижеслѣдующихъ каракуляхъ:

Все въ жизни къ прекрасному средство!
И горесть, и радость — все къ цѣли одной!
Хвала жизнедавцу Зевесу!

«Можно ль измѣнить прекрасной цѣли? Можно ли не остаться вѣрнымъ доброму, высокому чувству? Прекрасное можно назвать жизнію, которая все жизнь, не смотря на болѣзни, которыя нарушаютъ ея порядокъ».

Строки эти доказываютъ, что въ самый трагическій моментъ сво-

---

[1]) Женихъ Марьи Андреевны.

ей жизни Жуковскій ни мало не поколебался въ своемъ идеалѣ и, напротивъ, находилъ въ немъ утѣшеніе и успокоеніе.

Замужество Марьи Андреевны было непродолжительно. Жуковскій не разъ навѣщалъ ее въ Дерптѣ, и въ послѣдній — за десять дней до ея кончины (19-го марта 1823 года). Не разъ потомъ пріѣзжалъ онъ туда, чтобы поклониться ея могилѣ, и хотѣлъ быть похороненъ на одномъ съ нею кладбищѣ. Вскорѣ послѣ смерти ея онъ писалъ: «Все высокое сдѣлается для меня теперь вѣрою; все стало понятнѣе, но это высокое надобно пріобрѣсти,—иначе Маша навсегда потеряна. Жизнь точно святыня. Маша сама меня въ этомъ увѣрила».— «Я остановился на могилѣ Маши», писалъ онъ нѣсколько позже;—«чувство, съ какимъ я взглянулъ на ея тихій, цвѣтущій гробъ, тогда было утѣшительнымъ, усмиряющимъ чувствомъ. Надъ ея могилою небесная тишина. Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усладительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ».

«Романъ моей жизни конченъ», говорилъ Жуковскій послѣ брака Марьи Андреевны съ докторомъ Мойеромъ. Мы видѣли, что романъ этотъ продолжался еще нѣкоторое время: совсѣмъ онъ кончился только послѣ смерти какъ Марьи Андреевны, такъ и ея сестры; съ ними Жуковскій похоронилъ самыя дорогія чувства своей молодости. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что этотъ сердечный романъ, съ своимъ естественнымъ прологомъ—сиротствомъ Жуковскаго въ домашнемъ кругу, наполняетъ всю первую половину его жизни и составляетъ главнымъ образомъ ту основу, на которой развилась его лирика.

Жуковскій любилъ называть первымъ своимъ стихотвореніемъ извѣстную элегію «Сельское кладбище», прекрасно переведенную имъ изъ Грея въ 1802 году. На самомъ дѣлѣ онъ началъ писать и даже печатать ранѣе, еще съ 1797 года; но дѣйствительно, «Сельское кладбище» было первымъ стихотвореніемъ, доставившимъ Жуковскому почетную извѣстность въ литературѣ. Уже въ этой піесѣ замѣтно то грустное настроеніе, которое владѣло душой поэта съ юности, и въ переводѣ 1802 года оно было слышнѣе, чѣмъ въ позднѣйшемъ его же переводѣ 1839 года. За «Сельскимъ кладбищемъ» послѣдовалъ длинный рядъ стихотвореній, содержаніе которыхъ составляетъ главнымъ образомъ любовь... «Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени!» писалъ Жуковскій Александру Ивановичу Тургеневу въ 1810 году по поводу своей литературной дѣятельности.—«Вся

моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ недѣятельности душевной, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна... Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время». Такъ говорилъ Жуковскій, собираясь расширить свое образованіе чтеніемъ и этимъ способомъ приготовиться къ большимъ литературнымъ трудамъ. Но любовь, «этотъ убійственный предметъ», противъ котораго онъ хотѣлъ бороться въ 1810 году, напротивъ того, все сильнѣе разцвѣтала въ сердцѣ поэта, и этому обстоятельству мы обязаны тѣми стихотвореніями, въ которыхъ лучше всего выразилось, въ первую половину его жизни, направленіе его поэзіи.

Жуковскій понималъ любовь въ самомъ возвышенномъ смыслѣ. Вотъ какъ изображалъ онъ свой идеалъ любви въ посланіи къ одному изъ своихъ друзей, К. Н. Батюшкову:

Любовь—святой хранитель,
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты;
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты,
И не восторговъ—счастья
Въ прямой ищи любви;
Восторговъ изступленье—
Минутное забвенье;
Отринь ихъ, разорви
Лаисъ коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ—музы;
Во храмъ священный ихъ
Прелестницъ записныхъ
Толпа войти страшится...
И что, мой другъ, сравнится
Съ невинною красой?
При ней цвѣтемъ душой!
Она, какъ ангелъ милой,
Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливаетъ въ сердце радость.
О, скромныхъ взоровъ сладость,
Движеній тишина,

Стыдливое молчанье,
Гдѣ вся душа слышна;
Рѣчей очарованье,
Безпечность простоты,
И прелесть безъ искусства,
Которая для чувства
Прекраснѣй красоты!
Ихъ несказанной властью
Блаженнѣйшею страстью
Душа растворена,
Вкушаетъ сладость рая,
Земное отвергая,
Небеснаго полна.

Это стихотвореніе, еще исполненное свѣтлою надеждой, написано въ 1812 году, въ то время, когда любовныя мечты поэта еще не были ничѣмъ смущены. Но скоро, какъ мы знаемъ, къ любви его примѣшались горькія чувства, и съ тѣхъ поръ всѣ любовныя стихотворенія Жуковскаго принимаютъ оттѣнокъ меланхоліи; годъ спустя послѣ того, какъ были написаны приведенные стихи, разлука внушаетъ ему уже слѣдующія грустныя строки:

О, милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку:
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку—
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ.
Но и вдали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь;
    Меня, мой другъ, не позабудь.

Отнынѣ стремленіе къ любви, мечты о ней и грусть по не сбывшимся надеждамъ, словомъ—любовь не удовлетворенная, становятся обычною темой поэзіи Жуковскаго. По вѣрному замѣчанію его почтеннаго біографа К. К. Зейдлица, въ балладѣ «Эльвина и Эдвинъ» (1814 г.), читаешь какъ будто содержаніе разговоровъ Жуковскаго съ матерью любимой имъ дѣвушки,—только мать замѣнена отцомъ:

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
На ихъ любовь, на счастье двухъ сердецъ.
    „Разстаньтесь!“ роковое слово
    Сказалъ онъ наконецъ.
Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И не одной нѣтъ силы побѣдить...
    Какъ не признать отцовской власти?
    Но какъ же не любить?

То же содержаніе и въ балладѣ «Алина и Альсимъ» (того же года):

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали—
Всему конецъ!
Что пользы въ платье золотое
Себя рядить?
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить.

Содержаніе баллады «Эолова арфа» (того же года)—любовь несчастная по неравенству состояній: здѣсь мысль поэта о вѣчномъ значеніи любви высказывается еще полнѣе и опредѣленнѣе. Онъ—

Пѣвецъ сладкогласный,
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ...

Она—царская дочь. Въ тиши ночи, при свѣтѣ луны, подъ дубомъ вѣтвистымъ происходитъ ихъ свиданіе въ предчувствіи скорой разлуки, конечно — невольной. Пѣвецъ привязываетъ свою арфу подъ наклономъ вѣтвей, чтобъ она была

...для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней.

Пѣвецъ сосланъ въ изгнанье, но его возлюбленная приходитъ на мѣсто ихъ встрѣчи—

И вдругъ... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ,
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.

Съ тѣхъ поръ Минвана часто ходила подъ завѣтный дубъ мечтать

...о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ—
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

Глубокою задушевностью и мечтательностью исполнены послѣднія строки баллады:

И нѣтъ ужь Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей,
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись летятъ
Къ знакомой имъ сѣни,
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

Баллада эта—одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній Жуковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ лучшихъ его поэтическихъ созданій. Стихъ въ ней музыкаленъ и красивъ, образы живописны; настроеніе поэта выражается въ ней чрезвычайно полно. Содержаніе баллады опять—союзъ сердецъ, разорванный людьми. Но любовь, не нашедшая себѣ удовлетворенія въ условіяхъ времени и мѣста, не пробуждаетъ жесткаго чувства въ сердцѣ поэта; противодѣйствіе судьбы не представляется ему препятствіемъ для душевнаго счастія, или лучше сказать, онъ находитъ счастіе въ самомъ несчастіи; воображеніе его переступаетъ за предѣлы земной жизни, въ иной, лучшій міръ, гдѣ возстановляется нарушенное на землѣ блаженство любви. Такое представленіе чувства вѣчнаго, неизмѣннаго и составляетъ сущность романтическаго направленія, которое Жуковскій внесъ въ нашу словесность. Для читателей это было цѣлымъ откровеніемъ: была найдена прямая связь между жизнью и поэзіей; поэтому-то вліяніе Жуковскаго было чрезвычайно сильно, и даже самыя романтическія его произведенія—какъ вѣрно указалъ Бѣлинскій—«были важны для воспитанія въ обществѣ человѣческихъ чувствъ и не могли не дѣйствовать на нравственное развитіе новыхъ поколѣній».

Есть у Жуковскаго еще одно стихотвореніе, въ которомъ очень ярко выразилось его міросозерцаніе. Это—баллада «Теонъ и Эсхинъ». Эсхинъ долго бродилъ по свѣту за счастіемъ; но оно убѣгало его. И вотъ, онъ возвратился на родину къ своему другу Теону. Кругомъ природа все та же,—

Но гдѣ жь озарявшая ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Разочарованный жизнью, Эсхинъ находитъ Теона со взоромъ грустнымъ, но яснымъ. Эсхинъ говоритъ другу, что надежда обманула

его: онъ презираетъ жизнь. Теонъ указываетъ на гробъ, близъ котораго нашелъ его Эсхинъ, и говоритъ, что онъ не ропщетъ на законъ боговъ:

«Я видѣлъ земное блаженство.
«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
«Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
«Но сердца нетлѣнныя блага: любовь,
«И сладость возвышенныхъ мыслей—
«Вотъ счастье!..»

Теонъ зналъ эту любовь; та, которую онъ любилъ, теперь въ могилѣ, но онъ счастливъ прошедшимъ, онъ живетъ воспоминаніемъ, и потому онъ примирился съ жизнью и спокойно смотритъ въ даль иного бытія:

«Съ сладкой надеждой я выше судьбы,
«И жизнь мнѣ земная священна;
«При мысли великой, что я—человѣкъ,
«Всегда возвышаюсь душою...
«Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
«Все въ жизни къ великому средство,
«И горесть, и радость—все къ цѣли одной;
«Хвала жизнедавцу Зевесу!»

Всѣ эти стихотворенія написаны задолго до конца сердечнаго романа Жуковскаго; но очевидно, въ немъ рано сложилось то воззрѣніе, которое подымало его духъ надъ случайнымъ оборотомъ жизни. Тѣ самыя слова, которыми Теонъ возражаетъ противъ ропота Эсхина, служили самому поэту путеводною истиной, когда надъ нимъ разразился тяжелый ударъ судьбы, и только свято храня это убѣжденіе, нашелъ онъ въ себѣ силы перенести его. До какой степени тѣсно было связано его поэтическое настроеніе съ его жизнью, всего лучше доказываетъ одно небольшое стихотвореніе, написанное имъ уже послѣ кончины Марьи Андреевны. Въ немъ Жуковскій уже отъ своего лица высказываетъ то самое примиреніе съ горестями жизни во имя безконечнаго блаженства, о которомъ въ балладѣ говоритъ Теонъ. Вотъ эти глубоко прочувствованныя строки:

9-го марта 1823.

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.
Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

Романтическое направленіе упрекали въ неопредѣленности чувства, въ ублаженіи себя возвышенными мечтами, въ равнодушіи къ дѣйствительнымъ интересамъ жизни. Это справедливо въ отношеніи къ людямъ, для которыхъ романтизмъ былъ настроеніемъ только навѣяннымъ, вычитаннымъ изъ книгъ. Но это нисколько не можетъ относиться къ Жуковскому. Меланхолія его поэзіи прямо вытекла изъ обстоятельствъ его жизни, изъ исторіи его сердца, въ которомъ любовь замерла въ формѣ неудовлетвореннаго стремленія, восполненнаго надеждой вѣчнаго загробнаго союза. Что же касается отзывчивости его къ дѣйствительнымъ интересамъ жизни, то біографія его доказываетъ, какъ высоко благородна была его личность, какъ онъ чутокъ былъ ко всякому чужому горю и какъ всегда готовъ былъ помочь всякому несчастному; мало найдется людей, которые такъ умѣли воплотить въ жизни свой идеалъ.

Нѣсколько патріотическихъ стихотвореній, написанныхъ Жуковскимъ по случаю событій Отечественной войны и слѣдующихъ годовъ, въ томъ числѣ знаменитый «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», этотъ первый русскій опытъ романтической варіаціи на патріотическую тему,—обратили на поэта вниманіе двора еще въ то время, когда сердечный романъ Жуковскаго былъ въ полномъ раз-

гарѣ. Его другъ Ал. Ив. Тургеневъ, близко знавшій обстоятельства его жизни, едва ли не болѣе всѣхъ хлопоталъ о томъ, чтобъ отвлечь Жуковскаго отъ поглощавшей его сердечной тоски. Это не легко было сдѣлать по самому характеру Жуковскаго: онъ чувствовалъ всегда слишкомъ искренно и глубоко. Но дѣйствительно, уступая убѣжденіямъ друзей, поэтъ рѣшился позаботиться объ улучшеніи своего общественнаго положенія или, лучше сказать, согласился предоставить друзьямъ заботы о томъ. Въ маѣ 1815 года онъ былъ представленъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и вскорѣ назначенъ при ней чтецомъ. Приглашенный вслѣдъ затѣмъ преподавать русскій языкъ великимъ княгинямъ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Еленѣ Павловнѣ, онъ, по восшествіи императора Николая на престолъ, былъ избранъ въ наставники къ великому князю наслѣднику. Нужно ли говорить о томъ, съ какимъ пламеннымъ усердіемъ взялся онъ за это великое дѣло! Романтикъ въ любви, онъ проявилъ себя возвышеннымъ романтикомъ и на поприщѣ воспитателя. Его преданность обязанностямъ наставника не знала предѣловъ, онъ исполнялъ свой долгъ какъ бы по предопредѣленію. «Работы у меня много», писалъ онъ въ началѣ 1827 года изъ-за границы, куда онъ уѣхалъ, чтобы укрѣпиться здоровьемъ и въ то же время приготовиться къ новымъ своимъ обязанностямъ; — «на рукахъ моихъ важное дѣло! Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на что-нибудь другое... По плану ученія великаго князя, мною сдѣланному, все главное лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходиться въ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами... У меня въ душѣ одна мысль, все остальное—только въ отношеніи къ этой царствующей. Могу сказать, что настоящая, положительная моя дѣятельность считается только съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans le vague. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она. Поэзія мною не покинута, хотя я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими. Есть въ душѣ какая-то полнота, которая животворитъ ее. Я могъ бы назвать себя счастливымъ (ибо никакого положенія въ свѣтѣ не предпочту моему теперешнему и нахожу его достойнымъ меня). Но для счастія нужно не одно свое; но и счастію я давно далъ другое имя. Я на-

зываю его—должность. Подъ этимъ именемъ оно всегда сильно противъ судьбы».

Изъ этихъ строкъ видно впрочемъ, что новыя обязанности, возложенныя на Жуковскаго, были ему дороги не только сами по себѣ, но и потому еще, что исполненіе ихъ облегчало исцѣлѣніе его наболѣвшаго сердца. Исцѣлѣніе это шло медленно, и въ теченіе всего времени, проведеннаго Жуковскимъ въ званіи наставника великаго князя, онъ нерѣдко возвращался къ грустному настроенію и горестнымъ воспоминаніямъ своей молодости. Въ особенности видно это въ нѣкоторыхъ, написанныхъ имъ въ это время, произведеніяхъ — въ прекрасной поэмѣ «Ундина» и въ драмѣ «Камоэнсъ». По обыкновенію, то были не переводы, а передѣлки съ иностранныхъ подлинниковъ, и въ такихъ переработкахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ оригинальныя вставки, въ которыхъ, какъ вѣрно замѣтилъ Зейдлицъ, выражается личное душевное настроеніе нашего поэта. Такъ, въ написанной въ 1839 году драмѣ «Камоэнсъ» (подражаніе Фридриху Гальму), вмѣсто словъ героя, описывающаго счастіе первой любви къ знатной особѣ при португальскомъ дворѣ, Жуковскій заставляетъ Камоэнса говорить такъ:

О, святая
Пора любви! Твое воспоминанье
И здѣсь, въ моей темницѣ, на краю
Могилы, какъ дыханіе весны,
Мнѣ освѣжило душу! Какъ тогда,
Все было въ мірѣ отголоскомъ звучнымъ
Моей любви! Какимъ сіяньемъ райскимъ
Блистала предо мной вся жизнь съ своимъ
Страданіемъ, блаженствомъ, съ настоящимъ,
Прошедшимъ, будущимъ!.. О, Боже, Боже!...

Гальмовъ Камоэнсъ, котораго разлучили съ его возлюбленною, удаленною въ монастырь, грустно говоритъ: «Екатерина скончалась, и мой Гассанъ погибъ!» А Камоэнсъ Жуковскаго горько жалуется:

Всѣхъ я схоронилъ;
Все, что̀ любилъ я, что̀ меня любило,
Давно во гробѣ... Я стою одинъ
Передъ своей могилою, одинъ!..
И не протянетъ мнѣ никто руки
Чтобы помочь въ нее сойти; свалюся
Туда, какъ чумный трупъ, рукой наемной
Толкнутый въ общій гробъ...

Затаивая въ глубинѣ души эти вѣчные стоны своего сердца, Жуковскій между тѣмъ достойно совершалъ свой великій воспитательный подвигъ. Въ 1818 году онъ привѣтствовалъ явленіе милаго пришельца въ Божій свѣтъ слѣдующими стихами, обращенными къ его царственной матери:

Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой,
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ; подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Въ 1839 году, когда дѣло воспитанія наслѣдника было окончено, Жуковскій могъ, съ сознаніемъ свято исполненнаго долга, привести эти самые стихи въ своемъ описаніи празднованія Бородинской годовщины. «Мнѣ, однако, уже не видать совершенія всѣхъ надеждъ, стихами моими изображенныхъ», говорилъ онъ тогда. Но Россія знаетъ, что слова Жуковскаго были по истинѣ высокимъ пророчествомъ, и не можетъ она забыть того, кто вложилъ столько человѣчности въ воспріимчивую душу своего питомца, увѣнчаннаго именемъ Царя-Освободителя.

Окончивъ свое служеніе при наслѣдникѣ престола, Жуковскій мечталъ провести свои послѣдніе годы на родинѣ, въ столь любимомъ имъ сельскомъ уединеніи. Но судьба рѣшила иначе. Въ его жизни совершилось событіе—не только неожиданное для его друзей, но несовсѣмъ непонятное съ психологической точки зрѣнія: Жуковскій

сталъ семейнымъ человѣкомъ, вступилъ въ бракъ съ дѣвицей Е. А. Рейтернъ и — остался навсегда за границей, куда уѣхалъ было не надолго.

Было ли то измѣной прежнему романтическому идеалу поэта, поколебался ли Теонъ въ своей вѣрѣ, что одна мечта, одно воспоминаніе о счастіи быломъ можетъ удовлетворить человѣка, и не погнался ли онъ, подобно Эсхину, за наслажденіемъ настоящей минуты—мы не знаемъ. Но вѣрно то, что потребность мирнаго успокоенія на лонѣ семейной жизни никогда не покидала души поэта, и съ годами его вѣчное одиночество все сильнѣе угнетало его: вспомнимъ страхъ Камоэнса, что никто не протянетъ ему руки даже для того, чтобы помочь сойти въ могилу,—и мы поймемъ, почему поэтъ, уже старикомъ, такъ радостно встрѣтилъ любящее молодое существо, готовое сдѣлаться спутницей послѣднихъ лѣтъ его жизни. Онъ увѣрялъ себя и другихъ, что нашелъ наконецъ то, чего жаждалъ такъ долго. «За четверть часа до рѣшенія судьбы моей», писалъ тогда Жуковскій,—«у меня и въ умѣ не было почитать возможнымъ, а потому и желать того, что̀ теперь составляетъ мое истинное счастіе. Оно подошло ко мнѣ безъ моего вѣдома, безъ моего знанія, послано свыше, и я съ полною вѣрою, безъ всякаго колебанія, подалъ ему руку». Жуковскій всегда былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ; поэтому во внезапномъ оборотѣ своей жизни онъ не могъ не видѣть прямаго вмѣшательства высшихъ силъ: въ этомъ нашелъ онъ успокоеніе и примиреніе своего настоящаго съ прошлымъ.

Однако семейная жизнь поэта на склонѣ его дней дала ему не однѣ радости. Супруга его часто хворала, и ея болѣзнь препятствовала возвращенію Жуковскаго въ Россію, къ прежнимъ близкимъ ему людямъ. Среда, въ которой жили Жуковскіе за границей, была проникнута піэтизмомъ; это направленіе нѣкоторое время увлекало и супругу Василія Андреевича, и самъ поэтъ не остался чуждъ его вліянію и заплатилъ ему дань нѣсколькими стихотворными повѣстями, написанными въ то время. Но къ счастію, послѣ нѣкоторой борьбы съ проявленіями религіозной нетерпимости, онъ имѣлъ радость услышать отъ своей супруги-лютеранки, что она готова принять православіе. Среди этихъ, послѣднихъ уже, душевныхъ бурь Жуковскій находилъ отдыхъ въ переводѣ Гомера; онъ подарилъ русской литературѣ «Одиссею» и приготовилъ изданіе своихъ сочине-

ній. Религіозная поэма «Странствующій Жидъ» была послѣднимъ его произведеніемъ и осталась не конченною.

Послѣдніе годы своей жизни, уже немощный и лишенный зрѣнія, но спокойный духомъ и твердо переносившій свои тѣлесные недуги, Жуковскій провелъ въ Баденъ-Баденѣ и здѣсь же скончался 24-го апрѣля 1852 года. Тѣло покойнаго было перевезено въ Петербургъ и покоится въ Александро-Невской лаврѣ.

Съ Жуковскимъ сошелъ въ могилу отецъ русскаго романтизма, и въ то же время, можно сказать, послѣдній крупный представитель его: поэтъ пережилъ почти всѣхъ своихъ сверстниковъ. Съ тѣхъ поръ литература наша еще дальше отошла отъ романтическаго направленія; забыты и самыя нападки, которымъ подвергался романтизмъ отъ критики сороковыхъ годовъ. Но за то теперь ярче представляется намъ его историческое значеніе. Явившись на смѣну псевдо-классическому направленію и тѣсно связанному съ нимъ вольтеріанству, романтизмъ открылъ русскимъ читателямъ цѣлый міръ новыхъ образовъ, оживилъ чувство простыхъ красотъ природы, возстановилъ связь между стремленіями высшей культуры и наивными вѣрованіями и преданіями старины и вообще освѣжилъ русскую поэзію живымъ и чистымъ чувствомъ. Задушевность и человѣчность романтической поэзіи имѣли огромное воспитательное вліяніе на наше общество. Въ этомъ заключается высокая художественная и нравственная заслуга Жуковскаго въ развитіи русскаго сознанія.

ХАРАКТЕРИСТИКА БАТЮШКОВА

КАКЪ ПОЭТА [1]).

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ октябрѣ 1817 года, вышли въ свѣтъ двѣ небольшія книжки подъ заглавіемъ: «Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Батюшкова». Авторъ этихъ книжекъ былъ въ то время лицомъ небезызвѣстнымъ въ литературѣ: ему исполнилось уже тридцать лѣтъ, и болѣе двѣнадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ печати первое его стихотвореніе. Но только изданіе его произведеній въ видѣ особаго сборника, притомъ обогащеннаго нѣсколькими вновь написанными стихотвореніями, давало возможность судить о силѣ и зрѣлости его поэтическаго дарованія.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ русская литература еще не обладала тѣми сокровищами поэзіи, на которыхъ воспиталось художественное и нравственное чувство позднѣйшихъ поколѣній нашего общества. Свободное творчество самыхъ сильныхъ дарованій еще изнемогало въ борьбѣ съ требованіями школьной теоріи и съ необработанностью литературной рѣчи: необходимость стилистической реформы, совершенной Карамзинымъ, признавалась еще далеко не всѣми. Едва минулъ годъ, что сошелъ въ могилу старикъ Державинъ—великая творческая сила, впервые воплотившая въ себѣ образъ русскаго поэта, но сила, еще лишенная художественнаго чувства мѣры и той способности къ тонкой отдѣлкѣ, безъ которой не можетъ быть совершенно созданіе искусства. Сильный талантъ Озерова угасъ преждевременно, послѣ немногихъ опытовъ въ обще-

1) Читано въ торжественномъ засѣданіи Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 22-го ноября 1887 года.

принятой тогда формѣ драматическихъ произведеній. Молодое дарованіе Жуковскаго искало новыхъ путей для творчества въ иностранныхъ литературахъ, но Жуковскій былъ болѣе поэтъ въ душѣ, чѣмъ мастеръ поэтической формы: она занимала его меньше, чѣмъ внутреннее содержаніе произведенія. Пушкина еще не было; нѣсколько юношескихъ произведеній его, разсѣянныхъ по журналамъ, большею частью подражаній чужимъ образцамъ, еще не давали намека на то, что въ русской литературѣ народился настоящій геніальный поэтъ.

Въ это-то время смутныхъ колебаній литературнаго вкуса, когда онъ утратилъ вѣру въ уставы псевдоклассической теоріи, но еще не нашелъ себѣ новыхъ руководящихъ началъ, въ это-то время появились «Опыты» Батюшкова. Сборникъ былъ встрѣченъ почетнымъ вниманіемъ; но существенныя достоинства поэта были оцѣнены далеко не въ полной мѣрѣ. Одинъ лишь критическій отзывъ вѣрно намѣтилъ свойства таланта Батюшкова: отзывъ этотъ принадлежалъ одному изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, человѣку, пониманіе котораго въ области искусства далеко возвышалось надъ мнѣніями большинства современниковъ. Привѣтствуя появленіе «Опытовъ», Уваровъ высказалъ, убѣжденіе, что въ лицѣ Батюшкова русская литература обладаетъ сильнымъ и самобытнымъ дарованіемъ; сравнивая Батюшкова съ Жуковскимъ, онъ не усумнился поставить ихъ рядомъ: не второй, а другой, non secundus sed atler, выразился онъ о Батюшковѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на полное различіе въ дарованіяхъ обоихъ поэтовъ. Однако, сказать больше не могъ и этотъ тонкій цѣнитель. Дѣло въ томъ, что полная и вѣрная оцѣнка Батюшкова возможна лишь въ исторической связи литературныхъ явленій: онъ объясняется не столько изъ прошлаго, не столько даже изъ своего времени, сколько по сравненію съ дальнѣйшимъ развитіемъ русской поэзіи. Эта особенность затрудняетъ дѣло оцѣнки, но въ то же время свидѣтельствуетъ, что Батюшковъ—одно изъ самыхъ крупныхъ дарованій между русскими поэтами, и что лишь преждевременная гибель помѣшала ему совершить еще многое, на что онъ былъ способенъ.

Батюшковъ воспитался подъ образовательнымъ вліяніемъ XVIII вѣка. Въ ранней юности онъ имѣлъ счастіе найти просвѣщеннаго руководителя въ одномъ изъ лучшихъ людей своего времени, М. Н. Муравьевѣ. Муравьевъ усвоилъ себѣ изъ умственнаго движе-

нія XVIII столѣтія все лучшее—гуманность понятій, уваженіе къ человѣческой личности и пламенную любовь къ просвѣщенію, и все это передалъ онъ своему даровитому питомцу. Знатокъ классической древности, страстный любитель литературы и искусства, онъ позаботился сообщить Константину Николаевичу начатки классическаго образованія, развилъ его вкусъ и внушилъ ему склонность къ занятіямъ словесностью. Въ семьѣ Муравьева, въ тѣсной дружбѣ съ Гнѣдичемъ и вообще среди людей, которымъ были близки интересы просвѣщенія и доступно чувство изящнаго, Батюшковъ провелъ первые годы юности, какъ беззаботный и счастливый мечтатель. Свѣтлому настроенію, усвоенному имъ въ мирной домашней обстановкѣ и въ избранномъ свѣтскомъ кругу, соотвѣтствовало и то эпикурейское воззрѣніе на жизнь, которое онъ находилъ въ изучаемыхъ имъ римскихъ поэтахъ, и то сенсуалистическое ученіе, которое проповѣдывала бо̀льшая часть знакомыхъ ему писателей новаго времени. Подъ такими впечатлѣніями возникли первые поэтическіе опыты Батюшкова; еще въ нихъ онъ обнаруживаетъ стремленіе сойти съ торной дороги стараго піитическаго искусства; онъ настойчиво уклоняется отъ напыщенности, обычной у тогдашнихъ стихотворцевъ, и ищетъ матеріала для своихъ произведеній единственно въ своемъ внутреннемъ настроеніи; интимная лирика, то, что въ старину называлось легкою поэзіей, сразу становится исключительною областью его творчества.

Однако, вслѣдъ за радостями жизни, юношѣ пришлось изв҃ѣдать и ея мрачную сторону. Въ 1807 году, въ порывѣ патріотическаго воодушевленія при второй нашей войнѣ съ Наполеономъ, онъ вступилъ въ военную службу и—былъ тяжело раненъ въ одномъ изъ первыхъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ; вслѣдъ затѣмъ онъ страстно полюбилъ одну дѣвушку, и она отвѣчала ему полною взаимностью, но—обстоятельства развели ихъ врозь, и чувство молодого человѣка осталось неудовлетвореннымъ. Въ то же время умеръ Муравьевъ, и—двадцатилѣтній Батюшковъ остался безъ своего заботливаго руководителя. Эти первыя горести и первыя испытанія судьбы еще не заставили избалованнаго юношу отказаться отъ прежнихъ мечтаній о легко достижимомъ счастіи, о жизни, посвященной одному наслажденію, но уже внесли въ его душу начало разлада, который съ тѣхъ поръ сталъ постепенно развиваться. Всегда чего-то ищущій и ни въ чемъ не находящій полнаго удовлетворенія,

легко доступный увлеченіямъ, но быстро ихъ мѣняющій, болѣзненно чуткій ко всему, что затрогивало его самолюбіе, и въ то же время скорый и рѣшительный въ сужденіяхъ о другихъ людяхъ, Батюшковъ не хотѣлъ да и не умѣлъ примириться съ прозой жизни и приспособиться къ простымъ условіямъ ея обыденнаго теченія. Съ 1807 года по 1809 онъ участвовалъ въ двухъ войнахъ; но едва кончилась вторая изъ нихъ, Шведская, какъ онъ задумалъ выйти въ отставку: ему не нравились условія военнаго быта въ мирное время. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ деревню на отдыхъ, но скоро соскучился въ сельскомъ одиночествѣ. Общество, и притомъ такое, гдѣ бы его любили и цѣнили, было для него потребностію.

Въ 1810 и 1811 годахъ, въ Москвѣ, онъ сблизился съ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, Карамзинымъ, В. Л. Пушкинымъ и И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ, и время, проведенное въ ихъ средѣ, было свѣтлымъ періодомъ его жизни. Здѣсь окрѣпли его литературныя мнѣнія и установился взглядъ его на отношенія тогдашнихъ литературныхъ партій къ основнымъ задачамъ и потребностямъ русскаго просвѣщенія; здѣсь и дарованіе Батюшкова встрѣтило сочувственную оцѣнку. Но и среди этихъ любезныхъ ему людей, нашего поэта по прежнему преслѣдовала мысль, что жизнь его складывается не такъ, какъ бы онъ желалъ. На встрѣчу этому внутреннему недовольству его шли съ Запада новыя литературныя вѣянія. Созданный Шатобріаномъ типъ человѣка, разочарованнаго жизнью, овладѣвалъ тогда умами молодого поколѣнія. Мы, въ наше время, строго судимъ эгоиста Рене, который бѣжитъ отъ людей и отказывается отъ всякой дѣятельности среди нихъ, потому что считаетъ себя всѣхъ выше и лучше; въ безумномъ самопоклоненіи этого себялюбца мы склонны признать лишь безсиліе воли, ничтожество характера, неспособнаго бороться противъ враждебныхъ ему житейскихъ обстоятельствъ. Но въ типѣ разочарованнаго человѣка, даже въ той разновидности этого типа, какая изображена Шатобріаномъ, есть и другая сторона: въ разочарованіи Рене слышится протестъ противъ тѣхъ стѣснительныхъ условій, которыя общественный бытъ старой Европы налагалъ на свободное развитіе человѣческой личности, и въ то же время въ изображеніи этого разочарованія чувствуется осужденіе того строя понятій, выработанныхъ XVIII вѣкомъ, который въ концѣ концовъ привелъ не къ освобожденію только, а къ полному разнузданію личности. Батюшковъ, быть можетъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ

людей вкусилъ отъ горечи разочарованія. Не будемъ разбирать, существовали ли законныя причины для такого настроенія въ нѣсколько грубомъ, но простомъ бытѣ тогдашняго русскаго общества; но несомнѣнно, мягкая, избалованная, самолюбивая натура нашего поэта, человѣка, жившаго исключительно отвлеченными интересами, представляла собою очень воспріимчивую почву для разъѣдающаго вліянія разочарованности. И съ той поры, какъ Батюшковъ поддался этому вліянію, всѣ обстоятельства его собственной жизни стали представляться ему въ безотрадномъ свѣтѣ: нерѣдко, какъ Ренè, преувеличивалъ онъ свои несчастія, слишкомъ близко принималъ къ сердцу разныя мелкія неудачи, жаловался на измѣнившую ему любовь и даже на обманчивость дружбы. По большей части онъ былъ несправедливъ въ своихъ жалобахъ; но, охваченный одною идеей, однимъ настроеніемъ, онъ уже не могъ думать и чувствовать иначе и находилъ горькое самоуслажденіе въ томъ, чтобы безпрестанно тревожить свои сердечныя раны. За то этою живою впечатлительностью и нѣжною, почти болѣзненною чувствительностью воспиталось высокое дарованіе лирика, и онъ нашелъ въ себѣ силу выражать самыя глубокія движенія души.

Гроза 1812 года застала Батюшкова въ Петербургѣ. Онъ скоро понялъ рѣшительное значеніе великой начинавшейся борьбы и со всею страстностью своей природы отдался патріотическому одушевленію. Гибель Москвы подѣйствовала на него потрясающимъ образомъ:

. . . . . я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары.
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ,
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ.
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной

Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры! . . .

Поэтъ рѣшился снова стать въ ряды защитниковъ отечества. Въ этомъ рѣшеніи онъ нашелъ новую цѣль своему существованію, и воодушевленіе его было тѣмъ горячѣе и упорнѣе, что исполнить свое намѣреніе онъ могъ только въ 1813 году, послѣ того, какъ страшный врагъ уже оставилъ предѣлы Россіи. Высокій подъемъ духа не покидалъ Батюшкова въ теченіе всего заграничнаго похода. Торжество надъ Наполеономъ давало Россіи новое міровое значеніе и предвѣщало ея гражданственности новые успѣхи, достойные ея военныхъ побѣдъ. Мысль о томъ занимала Батюшкова и въ Парижѣ, когда онъ любовался собранными тамъ сокровищами искусства, и позже, когда онъ возвратился въ отечество.

Но едва поэтъ ступилъ на родную землю, какъ прежнее недовольство, прежнія сомнѣнія стали опять тревожить его. Патріотическій порывъ остылъ, и жизнь опять стала казаться ему скучнымъ и безполезнымъ бременемъ. Еще передъ походомъ въ сердце его заронилась искра любви къ одной прекрасной молодой особѣ, жившей въ семьѣ Олениныхъ. Ея образъ сопровождалъ поэта въ теченіе всего періода славной борьбы на поляхъ Германіи и Франціи, и съ новою силой проснулось его чувство при встрѣчѣ съ любимою дѣвушкою въ Петербургѣ. Въ ея сочувствіи, въ тихихъ радостяхъ семейнаго счастія усталая душа поэта, быть можетъ, нашла бы успокоеніе отъ прежнихъ тревогъ его существованія. Но судьба рѣшила иначе: Батюшковъ не встрѣтилъ взаимности тамъ, гдѣ ея

искалъ, и съ благородною гордостью поспѣшилъ отступиться отъ всякихъ исканій; съ болью въ сердцѣ рѣшилъ онъ покинуть Петербургъ и все, что было ему здѣсь мило. Въ горькія минуты своего отчаянія поэтъ могъ находить утѣшеніе въ теплой вѣрѣ въ Провидѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что послѣднія мечты его о счастіи разбиты въ прахъ, и что сердце его умерло для новыхъ радостей.

Съ этой поры разочарованіе жизнью окончательно овладѣваетъ его душой. За то его талантъ въ эти тяжелыя минуты воспрянулъ съ небывалою силой: этому моменту въ жизни Батюшкова мы обязаны лучшими его созданіями—превосходными элегіями 1815 года, переложеніемъ «Пѣсни Гаральда Смѣлаго» и «Умирающимъ Тассомъ». Батюшкова «Тассъ» у всѣхъ въ памяти; тѣмъ не менѣе, я долженъ остановиться на немъ, чтобъ указать на тѣсную связь, существующую между этою великолѣпною пьесой и душевнымъ міромъ поэта, ее создавшаго.

Батюшковъ отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ питалъ глубокое, почти благоговѣйное чувство и къ поэзіи Тасса, и къ личности самого поэта. Авторъ «Освобожденнаго Іерусалима» представлялся ему великимъ художникомъ, который умѣлъ сочетать въ своемъ творчествѣ классическое пониманіе красоты съ міросозерцаніемъ пламенно вѣрующаго христіанина. Съ другой стороны, романическія подробности Тассовой жизни, его мечтательная любовь къ Элеонорѣ д'Эсте, претерпѣнныя имъ гоненія, помѣшательство, бывшее слѣдствіемъ его несчастій, наконецъ—приготовленное ему вѣнчаніе въ Капитоліи и смерть, постигшая его почти на канунѣ этого торжества, всѣ эти необыкновенныя обстоятельства дѣлали Тасса въ глазахъ Батюшкова однимъ изъ тѣхъ великихъ своими дарованіями несчастливцевъ, которые погибаютъ прежде времени въ борьбѣ съ несправедливостью безпощадной судьбы. Въ своей собственной жизни Батюшковъ находилъ аналогіи съ горестною участью итальянскаго поэта: и онъ, подобно Тассу, рано лишился матери, и онъ имѣлъ столкновенія съ литературными непріятелями и потерпѣлъ оскорбленія на служебномъ поприщѣ, наконецъ—и онъ не нашелъ живительнаго сочувствія къ своей любви въ самую трудную пору своей жизни; какъ несчастія, испытанныя Тассомъ, довели его до состоянія мрачной меланхоліи, граничившей почти съ помраченіемъ разсудка, такъ и у Батюшкова не разъ бывали тягостные періоды

хандры, которая—казалось ему—должна разрѣшиться потерею самосознанія; воспоминаніе объ участи его матери, скончавшейся въ состояніи умопомѣшательства, быть можетъ, подсказывало ему предчувствіе печальнаго конца. И вотъ, въ ту пору жизни, когда поэтъ окончательно постигъ тщету своей юношеской мечты о счастіи, когда жизненный опытъ научилъ его не вѣрить той философіи наслажденія, что̀ соблазняла его въ молодые годы, ему сталъ ясенъ весь трагизмъ жизни Тасса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь трагизмъ его собственнаго жестокаго разочарованія. Тогда-то и созданъ былъ «Умирающій Тассъ»,—и представленный въ этой элегіи поэтическій образъ пѣвца Іерусалима, безвременно погибающаго съ надеждой найти успокоеніе лишь въ иномъ лучшемъ мірѣ, явился какъ бы воплощеніемъ души самого нашего поэта, въ цвѣтѣ лѣтъ изнемогшаго въ жизненной борьбѣ и обращающаго къ Провидѣнію свои послѣднія упованія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ самаго рожденія Батюшковъ носилъ въ себѣ зародыши грознаго наслѣдственнаго недуга; этимъ, быть можетъ, объясняется и та податливость, съ которою онъ воспринялъ въ себя распространенныя въ его время вѣянія разочарованія. Послѣ того, какъ любовь его осталась безъ отвѣта, душевное состояніе его становится все тревожнѣе и мрачнѣе: онъ какъ будто нигдѣ не находитъ себѣ мѣста; недовольный военною службой въ провинціальной глуши, онъ покидаетъ ее, ѣдетъ въ Москву, затѣмъ переселяется въ Петербургъ, предпринимаетъ поѣздку на югъ Россіи и здѣсь, въ Одессѣ, получаетъ извѣстіе о назначеніи его на дипломатическую службу въ Неаполь. Это назначеніе выхлопотали ему друзья, уже встревоженные дурными симптомами его душевнаго настроенія. Казалось бы, эта удача могла отчасти ободрить упавшій духъ поэта. Но на дѣлѣ вышло иначе: на дружеское извѣщеніе о своемъ назначеніи поэтъ могъ отвѣчать только новыми выраженіями своего разочарованія: «Я знаю Италію, не побывавъ въ ней. Тамъ не найду счастія, его нѣтъ нигдѣ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ, мнѣ драгоцѣнныхъ. Ни зрѣлище чудесной природы, ни чудеса искусствъ не замѣнятъ для меня.... тѣхъ, кого привыкъ любить». Дѣйствительно, живя въ Неаполѣ, вдали отъ друзей и отечества, Батюшковъ вскорѣ почувствовалъ скуку и впалъ въ апатію и уныніе; сперва онъ старался бороться противъ нихъ усиленными занятіями; но мало по малу мрачное

настроеніе стало брать верхъ. Тогда Батюшковъ рѣшилъ бросить и службу, и литературу. А между тѣмъ на горизонтѣ русской поэзіи появилось новое великое дарованіе: въ лицѣ Пушкина новое поколѣніе, возросшее подъ впечатлѣніями рѣшительной борьбы съ Наполеономъ, среди могучаго пробужденія народнаго духа, выступало на поприще литературной дѣятельности. Батюшковъ раньше многихъ оцѣнилъ геніальный талантъ Пушкина и внимательно слѣдилъ за его развитіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ чувствовать, что эта могучая творческая сила призвана заслонить собою всѣхъ своихъ предшественниковъ или, по крайней мѣрѣ, увлечь ихъ въ свое теченіе. Самолюбіе нашего поэта едва ли мирилось легко съ такимъ оборотомъ обстоятельствъ.

Батюшковъ возвратился въ отечество въ угнетенномъ состояніи духа, и съ тѣхъ поръ развитіе его психическаго недуга пошло ускореннымъ ходомъ. Послѣдніе стихи, написанные имъ за границей, исполнены горькой, безотрадной скорби:

Ты помнишь, что̀ изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мелхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

Еще болѣе горечи слышится въ словахъ нашего поэта, сказанныхъ по возвращеніи въ Россію князю Вяземскому, въ отвѣтъ на вопросъ: не написалъ ли онъ чего-нибудь новаго: «Что̀ писать мнѣ и что̀ говорить о стихахъ моихъ? Я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въ дребезги. Поди, узнай теперь, что̀ въ немъ было!»

Лишенный разсудка, Батюшковъ прожилъ еще столько же лѣтъ, сколько провелъ ихъ въ сознательной жизни. Въ печальномъ недугѣ ему суждено было пережить не только всѣхъ почти друзей своихъ и сверстниковъ, но и бо̀льшую часть литературныхъ дѣятелей слѣдующаго поколѣнія, которое осталось ему уже невѣдомымъ.

Какой же слѣдъ оставила въ русскомъ искусствѣ непродолжительная творческая дѣятельность Батюшкова?

Геніальный Пушкинъ называлъ его своимъ учителемъ; вліяніе

его чувствуется даже на нѣкоторыхъ поэтахъ послѣпушкинскаго періода. Этого довольно, чтобы признать за Батюшковымъ значительную долю участія въ развитіи русской поэзіи.

Талантъ Батюшкова отличается прежде всего совершенною искренностью. Какъ для личнаго характера нашего поэта основою служили простодушіе и откровенность, такъ и въ творчествѣ своемъ онъ старался быть чуждъ всего надуманнаго, натянутаго, искусственнаго. Содержаніе его произведеній вращается большею частью въ сферѣ личнаго чувства: въ раннихъ піесахъ паѳосъ его поэзіи составляетъ свѣтлое и мирное наслажденіе радостями жизни, въ позднѣйшихъ—томительное страданіе души, разочарованной въ своихъ мечтахъ о счастіи. Даже тѣ немногія стихотворенія, которыя по своему содержанію выходятъ изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ, какъ посланіе къ Дашкову, «Переходъ черезъ Рейнъ», «Плѣнный», даже и они сохраняютъ непосредственное отношеніе къ личному, внутреннему настроенію поэта. Конечно, и до Батюшкова любовь воспѣвалась русскими стихотворцами, но лишь со времени его и Жуковскаго наша поэзія начинаетъ говорить о вѣчныхъ правахъ человѣческаго сердца не безцвѣтными общими выраженіями сентиментальнаго характера; лишь у нихъ въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви, слышенъ прямой голосъ живой души. У Жуковскаго любовь является какъ стремленіе, какъ душевный порывъ къ неопредѣленному идеалу. Отношеніе къ ней Батюшкова проще и жизненнѣе: въ піесахъ ранней поры у него иногда выступаетъ оттѣнокъ чувственности; но чѣмъ болѣе зрѣетъ душа поэта и, вмѣстѣ съ нею, талантъ его, тѣмъ чище, возвышеннѣе и благороднѣе становится его чувство, тѣмъ тоньше и глубже выражается оно въ его поэзіи. Батюшкову было немного болѣе двадцати лѣтъ, когда, подъ дѣйствіемъ первой сильной страсти, онъ изобразилъ свое нравственное возрожденіе въ слѣдующей граціозной піесѣ, озаглавленной «Выздоровленіе»:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца,
Склоняетъ голову и вянетъ,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: Парки часъ настанетъ!
Ужь очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужь сердце медленнѣе билось. . .
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,

Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о, жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь: она—твой даръ благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой:
Я отъ любви теперь увяну.

Позже, когда новая любовь овладѣла сердцемъ поэта, уже искушеннаго опытомъ жизни, но не нашла себѣ отзыва въ любимомъ существѣ, голосъ его души звучитъ еще болѣе глубокимъ страданіемъ въ томъ рядѣ высокихъ пѣсенъ, которыя составляютъ вѣнецъ его творчества. Напомню одну изъ нихъ, гдѣ поэтъ высказываетъ сознаніе, что онъ обманулся въ своей любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ безотрадное убѣжденіе, что съ этою утратой гибнетъ и другое его сокровище, его дарованіе. Батюшковъ говоритъ, что образъ любимаго существа сопровождалъ его неотлучно во всѣхъ его странствованіяхъ и походахъ вдали отъ родины, и затѣмъ продолжаетъ:

Исполненный всегда единственно тобою,
Съ какою радостью ступилъ на брегъ отчизны!
«Здѣсь будетъ»—я сказалъ—«душѣ моей покой,
«Конецъ трудамъ, конецъ и страннической жизни».
Ахъ, какъ обманутъ я въ мечтаніи моемъ!
Какъ счастье мнѣ коварно измѣнило
Въ любви и дружествѣ, во всемъ,
Что̀ сердцу сладко льстило,
Что̀ было тайною надеждою всегда!
Есть странствіямъ конецъ, печалямъ—никогда!
Въ твоемъ присутствіи страданія и муки
Я сердцемъ новыя позналъ:
Онѣ ужаснѣе разлуки,
Всего ужаснѣе! Я видѣлъ, я читалъ
Въ твоемъ молчаніи, въ прерывномъ разговорѣ,
Въ твоемъ уныломъ взорѣ,
Въ сей тайной горести потупленныхъ очей,
Въ улыбкѣ и въ самой веселости твоей

Слѣды сердечнаго терзанья....
Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ бремя жизнь! Что въ ней безъ упованья
Украсить жребій твой
Любви и дружества прочнѣйшими цвѣтами,
Всѣмъ жертвовать тебѣ, гордиться лишь тобой,
Блаженствомъ дней твоихъ и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
Въ рѣчахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ взорѣ,
Міръ, славу, суеты протекшія и горе,
Все, все у ногъ твоихъ, какъ тяжкій сонъ, забыть!
Что въ жизни безъ тебя! Что въ ней безъ упованья,
Безъ дружбы, безъ любви—безъ идоловъ моихъ!...
И муза, сѣтуя безъ нихъ,
Свѣтильникъ гаситъ дарованья!

Прочитавъ такіе стихи, мы не затруднимся сказать, что лиризмъ Батюшкова коренится глубоко въ его сердцѣ.

Но одною искренностью и задушевностью не исчерпывается дарованіе нашего поэта. Яркая опредѣленность, такъ сказать, осязательность образовъ, создаваемыхъ фантазіей Батюшкова, составляетъ другую отличительную особенность его таланта. Его поэзія совершенно чужда отвлеченности, свойственной многимъ лирикамъ, между прочимъ и Жуковскому, и въ то же время въ ней нѣтъ ничего неестественнаго, ничего такого, что не выдержало бы простого разсудочнаго анализа: его поэтическія созданія совершенно реальны, близки къ дѣйствительности, не смотря даже на то, что поэтъ, по обычаю своего времени, нерѣдко употребляетъ иносказательные обороты рѣчи, перифразу, или вводитъ миѳологическіе термины вмѣсто означенія предметовъ ихъ прямыми наименованіями. Всегда вѣрно намѣчая то внутреннія движенія души, то образы внѣшняго міра, то соотношеніе между тѣми и другими, поэтическая живопись Батюшкова отличается широкимъ размахомъ кисти. Припомнимъ нѣсколько чертъ; напримѣръ, начало стихотворенія «Тѣнь друга»:

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ;
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ
И кормчаго на палубѣ взыванье

Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ.
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ...

Или: «Гезіодъ и Омиръ соперники»:

Народы, какъ волны, въ Колхиду текли,
Народы счастливой Эллады.
Тамъ сильный владыка, надъ прахомъ отца
Оконча печальны обряды,
Ристалища славы бойцамъ отверзалъ.
Три раза съ румяной денницей
Бойцы выступали съ бойцами на бой,
Три раза стремили возницы
Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ,
И трижды владѣтель Колхиды
Достойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
Но солнце на лоно Ѳетиды
Склонялось, и новый готовился бой.
Очистите поле, возницы!
Спѣшите, залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы!
Коней отрѣшите отъ тягостныхъ узъ
И въ стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и потомъ покрыты бойцы,
При пламени свѣтломъ вздохните!
Внемлите, народы! Эллады сыны,
Высокія пѣсни внемлите!...

Или еще:

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?...

Не буду продолжать, потому что «Умирающій Тассъ» хорошо извѣстенъ всѣмъ любителямъ поэзіи. Замѣчу только, что приведенныя начала трехъ стихотвореній нашего поэта всего яснѣе показываютъ, какъ мастерски умѣлъ онъ съ перваго же слова овладѣвать вниманіемъ читателя и, набросавъ предъ нимъ широкую поэтическую картину, сразу вводить его въ ту среду впечатлѣній, интересовъ и образовъ, которыми увлечена его фантазія и питается въ данную минуту его чувство. Этою способностью внезапно поражать чи-

татсля силой и яркостью своихъ творческихъ созданій обладалъ въ русской литературѣ до Батюшкова одинъ Державинъ, а послѣ довелъ эту способность до высшаго развитія Пушкинъ; тайна такого искусства заключается въ объективномъ характерѣ ихъ творчества. Въ Батюшковѣ этотъ высшій художественный дарь былъ на столько силенъ, что, не смотря на преобладающіе у него, въ позднѣйшую пору развитія его таланта, мотивы разочарованности, онъ могъ въ то же время проникаться свѣтлымъ міросозерцаніемъ классической древности и написать нѣсколько превосходныхъ піесъ въ духѣ и стилѣ греческой Антологіи.

Уже все сказанное обнаруживаетъ въ Батюшковѣ сознательнаго художника, поэта, который всегда остается властнымъ хозяиномъ своей фантазіи и умѣетъ дать вѣрное направленіе ея порывамъ. Но еще болѣе замѣтенъ тонкій художественный расчетъ опытнаго мастера во внѣшней формѣ произведеній нашего поэта.

Коренной принципъ лирики — выражать непосредственное ощущеніе или рядъ подобныхъ ощущеній, тѣсно связанныхъ между собою; только при этомъ условіи лирическая піеса можетъ сохранить внутреннее единство или цѣльность. Лирика псевдоклассическаго періода однако очень рѣдко удовлетворяла этому требованію: старинные сочинители одъ и элегій, даже наиболѣе даровитые, обыкновенно топили вдохновлявшее ихъ чувство въ безконечныхъ повтореніяхъ и риторическихъ распространеніяхъ. Батюшковъ, которому знакомы были образцы классической лирики Горація и Тибулла, рѣзко отдѣляется отъ своихъ русскихъ предшественниковъ въ лирической поэзіи художественнымъ чувствомъ мѣры: его піесы по большей части не велики по объему, а лучшія изъ нихъ строго выдержаны въ своемъ составѣ и отличаются замѣчательною цѣльностью. Сосредоточивая свое вдохновеніе на одномъ какомъ-нибудь чувствѣ, нашъ поэтъ рукою мастера изображаетъ его развитіе и переливы, оттѣняя каждый изъ нихъ новыми чертами и такимъ образомъ все полнѣе и полнѣе раскрывая предъ нами свое душевное настроеніе. Эта искусная постепенность въ изображеніи чувства не имѣетъ ничего общаго со старинными пріемами риторическаго распространенія: она вѣрна психологически и потому производитъ глубокое впечатлѣніе. А что она выработана Батюшковымъ сознательно, это всего яснѣе, быть можетъ, доказывается тѣмъ, что поэтъ рѣдко приберегаетъ къ концу своихъ стихотвореній самый

сильный аккордъ своей лиры: напротивъ того, онъ обыкновенно предпочитаетъ заключить піесу смягченными, пониженными тонами, которые замираютъ постепенно, словно теряются вдали, какъ звуки Эоловой арфы, и тѣмъ дольше удерживаютъ душу читателя въ томъ настроеніи, какое желалъ вызвать поэтъ.

Нужно было воспитать въ себѣ тонкое художественное чувство, чтобы задавать подобныя задачи своему творчеству. И разрѣшеніе этихъ задачъ было тѣмъ труднѣе для Батюшкова, что онъ сознавалъ всю недостаточность или, вѣрнѣе сказать, всю необработанность того матеріала, которымъ ему приходилось орудовать: я разумѣю русскій литературный языкъ его времени. Дѣйствительно, подъ перомъ тогдашнихъ писателей русскій стихъ едва начиналъ пріобрѣтать гладкость, а силы, звучности и гармоніи достигалъ очень рѣдко; русская поэтическая рѣчь представляла еще нестройную смѣсь высокопарныхъ славянизмовъ съ сухими или даже пошлыми выраженіями самой обыденной фразеологіи; ради соблюденія размѣра слова часто располагались въ стихахъ очень произвольно, такъ что смыслъ рѣчи становился запутаннымъ. Батюшковъ сильно возмущался этими недостатками и причину ихъ предполагалъ въ самомъ свойствѣ нашего языка. Какъ въ русскомъ, такъ и въ языкахъ германскаго корня, онъ находилъ «суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее сѣверу». «Я смѣшонъ по совѣсти», писалъ онъ Гнѣдичу, окончивъ своего «Умирающаго Тасса»;—«не похожъ ли я на слѣпого нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртоуза на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокій языкъ, что ни говори». Жесткости русскаго языка онъ противополагалъ музыкальность италіанскаго, которымъ восхищался въ стихахъ Данта и Петрарки, Аріоста и Тасса. Такой приговоръ надъ нашимъ богатымъ и прекраснымъ языкомъ, конечно, несправедливъ; но къ сужденію Батюшкова должно быть снисходительнымъ: напомню еще разъ, что онъ имѣлъ въ виду только скудный литературный языкъ своего времени, а не свѣжую, живую и образную рѣчь народную, которую онъ еще не научился цѣнить. Замѣчу кстати, что онъ не былъ исключительнымъ врагомъ и славянизмовъ; онъ вооружался только противъ злоупотребленія ими, но въ то же время признавалъ, что «верхъ искусства—похищать древнія слова и давать

имъ мѣсто въ нашемъ языкѣ». Вообще, онъ былъ того убѣжденія, что литературный языкъ создается тонкимъ чутьемъ и изящнымъ вкусомъ писателей, и что созданіе русскаго литературнаго языка еще не закончено, еще нуждается въ образованныхъ дѣлателяхъ. Самъ Батюшковъ не мало потрудился надъ обработкой нашей поэтической рѣчи: въ его стихотвореніяхъ встрѣчается много прекрасныхъ выраженій и оборотовъ, которыхъ нѣтъ у писателей болѣе ранняго времени, но которые были усвоены поэтами позднѣйшими. Что касается собственно версификаціи, то стройность, сжатость и вообще изящество италіанскаго стиха послужили ему образцомъ, по которому онъ старался выработать свой собственный стихъ. И усилія его были не напрасны: въ произведеніяхъ Батюшкова, особенно въ піесахъ позднѣйшей поры, стихъ его пріобрѣтаетъ гармонію, гибкость и упругость, небывалыя дотолѣ въ русской поэзіи.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ сталъ подъ холодомъ годовъ.
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать о нихъ — не знаю.

Подъ строками такой мастерской фактуры, гдѣ однообразно-гармоническое теченіе словъ само по себѣ служитъ выраженіемъ грустнаго настроенія души поэта, не отказался бы подписать свое имя ни одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ ни до Батюшкова, ни послѣ него. Не даромъ великій художникъ Пушкинъ назвалъ Батюшкова счастливымъ сподвижникомъ Ломоносова, сдѣлавшимъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для италіанцевъ.

Вообще, съ какой бы стороны мы ни взглянули на творческую дѣятельность Батюшкова, элементъ чистаго искусства выступаетъ въ ней на первомъ планѣ. Онъ былъ художникъ по преимуществу, и потому вліяніе, какое онъ могъ имѣть, должно было отразиться главнымъ образомъ въ области искусства.

Прямымъ и лучшимъ воспріемникомъ этого вліянія былъ именно Пушкинъ. Извѣстно, что въ молодости своей изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ онъ подражалъ всего болѣе Батюшкову; онъ сохранилъ благодарную память и уваженіе къ нему и въ зрѣлыя лѣта. Въ посланіяхъ, элегіяхъ и антологическихъ піесахъ Батюшкова Пушкинъ нашелъ образцы и художественной формы, и объективности поэтическаго міросозерцанія. То живое сознаніе и творческое возсозданіе душевной жизни, которое развилось такимъ роскошнымъ цвѣтомъ въ лирикѣ Пушкина и составляетъ ея неувядаемую прелесть, уже находится въ зародышѣ въ поэзіи Батюшкова, столь искренней и глубокой въ выраженіи личнаго чувства. Конечно, у геніальнаго ученика эта поэтическая психологія несравненно шире и разнообразнѣе, между тѣмъ какъ даровитый учитель былъ въ силахъ исчерпать лишь одно настроеніе—горькую разочарованность нѣжной и чувствительной души, но все же блестящая попытка Батюшкова составляетъ его великую заслугу: онъ первый, такъ сказать, далъ тонъ интимной лирикѣ въ нашей поэзіи.

Творческая дѣятельность Пушкина кладетъ столь рѣзкую грань въ развитіи нашей литературы, что вся прежняя жизнь ея кажется многимъ какъ бы въ туманѣ и считается не заслуживающею ближайшаго изученія. Это совершенно несправедливо. Ходъ нашей литературы до Пушкина представляетъ собою не только рядъ послѣдовательныхъ ступеней въ развитіи образованности; въ ней выступаютъ не только крупные дѣятели просвѣщенія, носители гуманныхъ идей, но и сильныя дарованія, оставившія хотя не многочисленные, но навсегда живые памятники своего творчества. Въ ряду этихъ дарованій одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Константину Николаевичу Батюшкову, ближайшему предшественнику Пушкина, одному изъ тѣхъ русскихъ поэтовъ, которые, подобно ему, могли бы сказать о себѣ: «Нѣтъ, весь я не умру!»

БЕССАРАБСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ А. Ѳ. ВЕЛЬТМАНА

И ЕГО ЗНАКОМСТВО СЪ ПУШКИНЫМЪ.

Время пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ съ исхода 1820 до половины 1823 года признается нѣкоторыми изъ біографовъ за періодъ его жизни, отмѣченный крайнею распущенностью и въ частномъ его быту, и въ общественныхъ отношеніяхъ. Но какъ бы ни называли тогдашній образъ его жизни—просто ли безпорядочностью, или намѣреннымъ подражаніемъ Байрону, мнѣніе это нельзя считать справедливымъ. Моменты нравственнаго упадка встрѣчаются въ жизни Пушкина неоднократно и до кишиневскаго періода, и позже его; чрезвычайная пылкость натуры поэта не разъ вовлекала его въ такіе поступки, въ которыхъ онъ принужденъ былъ горько раскаяваться даже вскорѣ по ихъ совершеніи; нѣтъ поэтому никакого повода утверждать, что, именно живя въ Бессарабіи, онъ чаще всего давалъ волю своимъ кипучимъ страстямъ. Еще менѣе позволительно объяснять вліяніемъ мѣстной среды оппозиціонное и тенденціозное направленіе, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ въ Кишиневѣ; все это, напротивъ того,—отзвуки его петербургскаго настроенія.

По нашему мнѣнію, два съ половиною года, проведенные Пушкинымъ въ Бессарабіи, имѣли очень важное значеніе въ его жизни—не въ отрицательномъ, а въ положительномъ смыслѣ. Извѣстно, что именно въ это время онъ почувствовалъ потребность дополнить свое образованіе и сталъ усиленно о томъ заботиться:

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, перенесенный въ край, мало похожій на коренную Россію, полуазіатскій, Пушкинъ имѣлъ случай развить здѣсь свою наблюдательность при встрѣчѣ съ нравами пестраго мѣстнаго населенія: съ поѣздки 1820 года въ казачьи станицы сѣвернаго Кавказа и затѣмъ съ пребыванія въ Бессарабіи пробудилось у свѣтскаго юноши Пушкина то чуткое вниманіе къ народной жизни, которое уже никогда не покидало его до самой смерти. Удаленный отъ друзей юности, въ столкновеніяхъ съ людьми, не внушавшими ему уваженія (таковыми оказались молдавскіе бояре), этотъ юноша пріобрѣлъ извѣстный житейскій опытъ. Но въ то же время онъ не поддался разлагающему вліянію мѣстнаго общества, грубаго и необразованнаго, не поддался, какъ въ силу добрыхъ началъ, присущихъ его природѣ, такъ и потому, что нашелъ противовѣсъ этому вліянію въ общеніи съ нѣсколькими просвѣщенными русскими людьми, которыхъ одновременно съ нимъ обстоятельства закинули въ Кишиневъ. Никто, кажется, не сомнѣвается въ томъ, что поэтическое дарованіе Пушкина въ теченіе этого времени продолжало созрѣвать безпрерывно и свободно. Точно также, среди своеобразной обстановки, подъ дѣйствіемъ исключительныхъ впечатлѣній, продолжала крѣпнуть и его нравственная личность: безпечный прожигатель жизни, какимъ явился Пушкинъ въ Бессарабію въ исходѣ 1820 года, оставилъ ее, два съ половиной года спустя, молодымъ человѣкомъ, конечно, еще очень способнымъ на увлеченія, но уже научившимся нѣкоторой осмотрительности въ своихъ поступкахъ и не безъ строгости къ самому себѣ.

Таковъ представляется намъ, въ общихъ чертахъ, кишиневскій періодъ жизни Пушкина, и мы думаемъ, что вѣрность этого взгляда достаточно подтверждается современными свидѣтельствами. По счастью, ихъ сохранилось довольно много. Въ томъ числѣ разсказы И. П. Липранди [1]) занимаютъ первое мѣсто. Выдержки изъ его дневника, несмотря на свою отрывочную форму, драгоцѣнны какъ по точности, такъ и по богатству сообщеній, и въ этихъ разсказахъ, составляющихъ какъ бы лѣтопись тогдашней жизни Пушкина, широкое мѣ-

[1]) *Русскій Архивъ* 1886 г.

сто отведено не его легкомысленнымъ похожденіямъ среди молдавскаго общества, а именно серьезнымъ интересамъ, занимавшимъ поэта въ ту пору. Нѣсколько любопытныхъ указаній въ томъ же родѣ встрѣчается въ воспоминаніяхъ другого лица, съ которымъ Пушкинъ познакомился въ Бессарабіи: мы говоримъ объ извѣстномъ романистѣ и археологѣ Александрѣ Ѳомичѣ Вельтманѣ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Московскій Публичный музей поступило собраніе рукописей Вельтмана. Въ составѣ этой любопытной коллекціи находится не изданная, но почти вполнѣ приготовленная къ печати статья, подъ заглавіемъ «Воспоминанія о Бессарабіи», въ которой авторъ изложилъ свѣдѣнія о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ. Въ печати уже были сообщены извлеченія изъ этихъ «Воспоминаній» [1]), и по нимъ составилось мнѣніе, что разсказы Вельтмана о Пушкинѣ имѣютъ лишь незначительный интересъ исключительно анекдотическаго свойства. Но это ошибочно: ближайшее знакомство съ рукописью Вельтмана убѣдило насъ въ томъ, что при составленіи извлеченій изъ нея была упущена изъ виду основная мысль, руководившая авторомъ, когда онъ писалъ свои «Воспоминанія». Дѣло въ томъ, что, вставляя разсказы о Пушкинѣ въ очеркъ Бессарабіи, Вельтманъ имѣлъ въ виду выяснить то вліяніе, какое оказали на поэта и самый край, и условія тамошней жизни; въ своей статьѣ Вельтманъ, кромѣ прямыхъ свѣдѣній о Пушкинѣ, даетъ прекрасное изображеніе бессарабской природы, сообщаетъ много занимательныхъ подробностей о разнообразномъ составѣ и бытѣ мѣстнаго населенія и разсказываетъ о той попыткѣ къ освобожденію грековъ изъ-подъ турецкаго ига, которая извѣстна подъ названіемъ предпріятія етеріи. Многое изъ того, о чемъ говоритъ авторъ «Воспоминаній», обращало на себя вниманіе и Пушкина, и если не возбуждало въ немъ, какъ въ Вельтманѣ, ученой пытливости, за то дѣйствовало на его воображеніе и такъ или иначе питало его творчество. Эту таинственную связь между личностью поэта и краемъ, куда онъ попалъ, Вельтманъ угадалъ съ большою проницательностью, а потому, именно взятая въ цѣломъ, его статья представляетъ хорошій матеріалъ для исторіи жизни и творчества Пушкина въ періодъ его пребыванія въ Кишиневѣ.

---

[1]) См. статью *Е. С. Некрасовой*: «Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ» въ *Вѣстникѣ Европы* 1881 г., № 3.

Прежде однако, чѣмъ представить читателю «Воспоминанія» Вельтмана, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ вообще объ ихъ авторѣ, тѣмъ болѣе, что въ собраніи его бумагъ уцѣлѣлъ отрывокъ изъ автобіографіи, касающійся его дѣтства и учебныхъ годовъ.

Александръ Ѳомичъ Вельтманъ происходилъ изъ обрусѣлой шведской фамиліи, родомъ изъ Ревеля. Родился онъ въ Петербургѣ 8-го іюля 1800 года и былъ крещенъ въ православную вѣру. Когда ему минуло пять лѣтъ, мать стала учить его грамотѣ. Они жили тогда въ Москвѣ, гдѣ Вельтманъ и получилъ образованіе. Лѣтъ восьми онъ былъ отданъ въ школу пастора Плеско, а въ 1811 году помѣщенъ въ университетскій благородный пансіонъ, но оставался тамъ лишь до Наполеонова нашествія. Затѣмъ, съ 1814 года онъ продолжалъ ученіе уже въ частномъ пансіонѣ братьевъ Терликовыхъ и, наконецъ, въ 1816 году былъ принятъ въ извѣстное учебное заведеніе для колонновожатыхъ, основанное на средства генерала Николая Николаевича Муравьева и имъ же руководимое. Объ этомъ своеобразномъ учрежденіи Вельтманъ хранилъ самую свѣтлую память, «какъ объ отчемъ кровѣ, безъ всякой примѣси воспоминаній о той тяготѣ, которая свалилась, наконецъ, съ плечъ послѣ послѣдняго экзамена на выпускъ». Разсказы Вельтмана о Муравьевскомъ училищѣ, которое въ короткій періодъ своего существованія подготовило много дѣльныхъ офицеровъ для русской арміи, очень любопытны.

«Опредѣленное число колонновожатыхъ», говоритъ Вельтманъ,— «было шестьдесятъ... Колонновожатые пользовались въ отношеніи общества офицерскими правами; имѣли право ѣздить, быть въ театрѣ, въ собраніи, на балахъ; жили у своихъ родителей, родственниковъ, знакомыхъ или нанимали квартиры. Начальникомъ колонновожатыхъ былъ генералъ Н. Н. Муравьевъ. Въ его домѣ (нынѣ дворянскій клубъ) колонновожатые собирались въ опредѣленные дни для слушанія лекцій математики, геодезіи, исторіи, составленія и черченія плановъ и всего объема военныхъ наукъ и познаній, требуемыхъ для офицера свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части. Мы готовились въ математики, инженеры, артиллеристы, топографы и въ то же время — въ историки и правители письменныхъ дѣлъ.

«Можно утвердительно сказать, что ни одно учебное заведеніе

не достигало такихъ необычайныхъ успѣховъ въ преподаваніи наукъ, какъ заведеніе колонновожатыхъ Н. Н. Муравьева. Курсъ наукъ продолжался только одинъ годъ, и этого года было достаточно, чтобъ изъ юношей, знавшихъ, по вступленіи въ колонновожатые, только читать, писать, четыре правила ариѳметики, понимать одинъ изъ иностранныхъ языковъ и имѣвшихъ поверхностныя общія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи, образовались офицеры не только съ отличными познаніями теоріи требуемыхъ наукъ, но и съ полною опытностью примѣненія ихъ къ дѣлу.

«Преподаваніе въ сущности раздѣлялось на зимнее и лѣтнее. Зимнее преподаваніе—октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, мартъ, апрѣль. Въ эти мѣсяцы колонновожатые собирались въ классы въ домѣ Николая Николаевича къ девяти часамъ утра. Классы раздѣлялись на три отдѣла по степенямъ познаній; напримѣръ, въ математикѣ: на первый — гдѣ преподавалась ариѳметика числовая и отвлеченная (буквами—алгебра), образующая формулы, и начала геометріи; второй—вся чистая математика; третій—часть высшей математики и приложеніе ея къ топографіи, геодезіи и проч. Колонновожатые, раздѣляясь по классамъ, раздѣлялись въ то же время и въ классахъ на отдѣленія по нѣскольку человѣкъ; въ начальники каждаго отдѣленія избирался по превосходству пониманія. Его обязанностью было—послѣ класса пройти или повторить урокъ со своимъ отдѣленіемъ или, лучше сказать, съ тѣми, которые неясно поняли и требовали объясненій. Эта былъ родъ экзамена пониманію и въ то же время повтореніемъ, такъ что каждый, выходя изъ класса, все понялъ, и оставалось дома повторить урокъ сравнительно съ лучшими курсами того времени, которые колонновожатые обязаны были имѣть. Это давало то удобство, что преподаватель не имѣлъ необходимости спрашивать въ слѣдующій классъ урока, а приступалъ прямо къ продолженію. Повѣрка познаній каждаго колонновожатаго, прослушавшаго опредѣленный курсъ класса, производилась по окончаніи курса для перевода въ слѣдующій—второй и третій—классъ. Не выдержавшіе экзамена для перевода оставались съ начинающими; но это было рѣдко, какъ исключеніе».

На этихъ словахъ прерывается автобіографія Вельтмана: онъ не досказалъ даже того, что̀ хотѣлъ, касательно лѣтняго преподаванія въ Муравьевскомъ училищѣ. Чтобы дополнить набросанную Вельтманомъ картину, приведемъ разсказъ другого питомца того же

училища Н. В. Путяты [1]): «Лѣтомъ всѣ колонновожатые и офицеры учебнаго заведенія отправлялись въ имѣніе его, село Осташево или Долгоглядье, Александровское тожъ, въ 110 верстахъ отъ Москвы. Тамъ они располагались на квартирахъ въ крестьянскихъ избахъ, и село принимало видъ военнаго стана, съ заревою пушкою, перекличкою, ученьями строю и проч. Начало лѣта посвящалось приготовленіямъ къ практическимъ занятіямъ, а потомъ колонновожатые разъѣзжались по отдѣленіямъ, со своими офицерами, въ мѣста, назначенныя для тригонометрической и топографической съемки Московской губерніи». Общее впечатлѣніе, которое Вельтманъ вынесъ изъ своего пребыванія въ Муравьевскомъ заведеніи, охарактеризовано имъ въ слѣдующихъ словахъ: ученіе шло здѣсь «весело, свободно, легко, пріятно, какъ какая-нибудь забава, увлекающая молодыя чувства, полныя уже стремленій къ жизни, къ дѣятельности, къ участію въ общественной пользѣ. Наука воплощалась въ опытъ, мысль и слово—въ дѣло; голова не была какъ будто въ разлукѣ съ мышцами, требующими движенія».

Въ этомъ-то заведеніи Вельтманъ кончилъ курсъ въ 1817 году, пріобрѣтя основательное образованіе, которое дало ему возможность, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, успѣшно и съ пользою нести службу офицера генеральнаго штаба, при чемъ онъ занимался топографическою съемкою въ Бессарабіи и участвовалъ въ Турецкихъ кампаніяхъ 1828 и 1829 годовъ. Но въ немъ скрывались еще способности, которыя ожидали примѣненія на другомъ поприщѣ: по выходѣ въ отставку въ 1831 году онъ посвятилъ себя литературной дѣятельности.

Еще въ ранней юности Вельтманъ началъ писать стихи, но долго, болѣе десяти лѣтъ, не рѣшался отдавать ихъ въ печать; лишь съ конца двадцатыхъ годовъ его стихотворенія являются въ журналахъ, одновременно съ изданіемъ ученаго труда по древней исторіи Бессарабіи. За то въ слѣдующіе годы до самой смерти (11-го января 1870 года), онъ, хотя и занятый службой въ Московской оружейной палатѣ, обнаруживаетъ необыкновенную производительность: поэмы, романы, повѣсти, драмы, статьи историческія и археологическія выходятъ изъ-подъ его пера непрерывною чередой. По словамъ Погодина, Вельтманъ «принадлежалъ къ числу тѣхъ

---

[1]) См. біографію Н. Н. Муравьева въ *Современникѣ* 1852 г., т. XXXIII, отд. II, стр. 10 и 11.

московскихъ типическихъ тружениковъ, которые работаютъ съ утра до вечера въ своемъ кабинетѣ, никуда почти не выходятъ изъ дому, кромѣ случайныхъ необходимостей, не знаютъ никакихъ въ свѣтѣ удовольствій и всецѣло преданы своему дѣлу» [1]).

Впрочемъ, сила Вельтмана заключалась не въ его трудолюбіи, ни даже въ его умѣ и обширныхъ познаніяхъ, а въ его несомнѣнномъ поэтическомъ талантѣ, который притомъ былъ отмѣченъ печатью самобытности и развился очень своеобразно. По собственному свидѣтельству Вельтмана, первый литературный опытъ былъ ему внушенъ «Пѣснью во станѣ русскихъ воиновъ», но впослѣдствіи онъ уже не отдавался романтически-мечтательному идеализму Жуковскаго; точно также не соблазнили его ни байроническое направленіе, когда оно нашло себѣ отзвуки въ русской поэзіи, ни соціальные мотивы, когда, послѣ Гоголя, они стали господствующею подкладкой русскаго романа и повѣсти. Міросозерцаніе Вельтмана всегда оставалось простое и ясное, постигающее добро и зло лишь въ ихъ несложной, первичной формѣ: наивное міросозерцаніе народной сказки. И можетъ быть, произошло это не случайно. «При мнѣ», вспоминаетъ Вельтманъ въ своей автобіографіи,—«былъ дядька Борисъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличный башмачникъ и удивительный сказочникъ. Слѣдить за рѣзвымъ мальчикомъ и въ то же время строчить и шить башмаки было бы не возможно, а потому, садясь за станокъ, онъ меня ловко привязывалъ къ себѣ длинною сказкой, нисколько не воображая, что со временемъ и изъ меня выйдетъ сказочникъ». Это было чуть ли не единственымъ литературнымъ вліяніемъ, которое оставило на Вельтманѣ замѣтный слѣдъ. Когда онъ сталъ писателемъ, то взглянулъ на свою роль именно какъ на роль сказочника—не разумнаго хозяина своего воображенія, а покорнаго раба его. Онъ даже писалъ особыя полемическія статьи въ разъясненіе и защиту своего авторскаго пріема; на упрекъ, сдѣланный ему критикой на счетъ отсутствія внутренняго содержанія въ одномъ изъ его произведеній, онъ не обинуясь отвѣчалъ: «*Отечественныя Записки* искали главной мысли и не нашли; сознаюсь, я не развивалъ какой-нибудь односторонней страстишки какого-нибудь изобрѣтеннаго романическаго лица» [2]). Дѣйстви-

[1]) *Русская Старина* 1871 г., т. IV, стр. 405.

[2]) *Москвитянинъ* 1841 г., т. V, стр. 470; статья: «Нѣсколько словъ объ отзывахъ о „Ратиборѣ Холмоградскомъ“.

тельно, въ произведеніяхъ своихъ Вельтманъ отдавался весь одному воображенію и не хотѣлъ знать никакихъ границъ для его порывовъ; то сочинялъ онъ путешествіе по географическимъ картамъ («Странникъ»), въ которомъ, впрочемъ, было мало географическаго и очень много полушутливой, полугрустной болтовни, а порой и глубокихъ замѣчаній de omni re scibili; то писалъ фантастическія повѣствованія изъ древнѣйшаго, баснословнаго періода русской жизни («Кощей Безсмертный», «Святославичъ, вражій питомецъ»); то разсказывалъ судьбу молдавскаго «капитана де-почтъ», который де состоялъ въ родствѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ съ Александромъ Македонскимъ и Наполеономъ Бонапарте («Предки Калимероса»); то, наконецъ, въ рядѣ романовъ съ самою запутанною интригой («Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго») изображалъ крайне неестественныя, невѣроятныя происшествія, какъ вполнѣ возможныя въ современной русской дѣйствительности. Вслѣдствіе этой, такъ сказать, распущенности воображенія—распущенности, конечно, только матеріальной, а никакъ не нравственной, произведенія Вельтмана, особенно его большіе романы, оказывались лишенными всякой цѣлостности; ошеломляющая пестрота и сложность ихъ содержанія, полное отсутствіе въ немъ единства производили на читателя такое впечатлѣніе, какъ будто передъ нимъ не законченныя вещи, а какіе-то черновые наброски, еще не освобожденные отъ излишествъ всякаго рода и отступленій въ разныя стороны. Въ этихъ сказкахъ не было видно никакой отдѣлки, никакой строгости автора къ своему труду; чувствовалось присутствіе поэтическаго вымысла, но не замѣчалось руки взыскательнаго художника. За то поэтическое дарованіе Вельтмана обнаруживалось въ его романахъ и повѣстяхъ большимъ умѣньемъ очерчивать отдѣльные характеры мѣтко и выпукло; разсказъ его живъ и нагляденъ, порою даже увлекателенъ: Въ «Кощеѣ» и «Святославичѣ» онъ не только проявилъ обширное знакомство съ преданіями славяно-русской древности, но и угадалъ ихъ поэтическую сторону. «Онъ понялъ древнюю Русь своимъ поэтическимъ духомъ и, не давая видѣть ее такъ, какъ она была, даетъ намъ чуять ее въ какомъ-то призракѣ не уловимомъ, но характеристичномъ, неясномъ, но понятномъ». Этими словами, сказанными въ 1837 году, Бѣлинскій [1]) удачно выразилъ впечатлѣніе,

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 222; ср. т. IV, стр. 440.

оставляемое названными произведеніями, въ наше время слишкомъ позабытыми. Въ романахъ и повѣстяхъ Вельтмана изъ современной жизни поражаетъ его огромная наблюдательность, разнообразная и твердая; онъ знаетъ народный бытъ не изъ книгъ, а изъ живого опыта, какъ бывалый человѣкъ, много видѣвшій на своемъ вѣку; онъ прекрасно уловляетъ различные типы, выработанные народною жизнью, понимаетъ народныя симпатіи и антипатіи, отлично усвоиваетъ себѣ физіономію разныхъ племенъ, разсѣянныхъ по лицу Русской земли. Все это—признаки не только ума, но и крупнаго таланта, къ сожалѣнію, не умѣвшаго или не желавшаго соблюсти себя.

Не подлежитъ сомнѣнію, что способность пристальнаго наблюденія, возбужденная въ Вельтманѣ еще тѣми работами, которыя онъ производилъ въ Муравьевскомъ училищѣ, развилась затѣмъ во время его многолѣтнихъ странствованій по южной Россіи. Переѣзды по Бессарабіи имѣли для него еще большее значеніе, чѣмъ для Пушкина пребываніе въ Кишиневѣ: производя тамъ топографическія съемки, Вельтманъ близко изучилъ этотъ край и присмотрѣлся къ его населенію. Впослѣдствіи онъ не разъ избиралъ Бессарабію мѣстомъ дѣйствія своихъ повѣстей и предметомъ своихъ историческихъ изысканій. Понятно поэтому, что когда онъ вздумалъ разсказать обстоятельства своего знакомства съ Пушкинымъ, то пожелалъ соединить свое повѣствованіе съ картиной самой Бессарабіи и съ очеркомъ тамошнихъ нравовъ.

Остается сказать о томъ, на сколько точны воспоминанія Вельтмана касательно Пушкина. Сознаемся, что сомнѣніе на этотъ счетъ можетъ, пожалуй, возникнуть послѣ сказаннаго выше о способности автора «Воспоминаній» увлекаться порывами своего воображенія. Читатель, знакомый съ некрологомъ Вельтмана, вышедшимъ изъ-подъ пера Погодина, кстати припомнитъ, пожалуй, слѣдующій отзывъ послѣдняго: «Съ живымъ, пылкимъ, часто необузданнымъ воображеніемъ, которое не знало никакихъ преградъ и съ равною легкостію уносилось въ облака, даже и за облака, или опускалось въ глубь земли, переплывало моря и прыгало черезъ горы, Вельтманъ страстно былъ преданъ историческимъ розысканіямъ въ самомъ темномъ періодѣ исторіи. Тамъ романическое воображеніе его гуляло на просторѣ; онъ былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ и, колонновожатый въ молодости, указывавшій полкамъ ихъ позиціи передъ

сраженіемъ и квартиры послѣ сраженій, онъ оставался тѣмъ же колонновожатымъ и въ старости» [1]. Но вопервыхъ, слѣдуетъ дѣлать строгое различіе между Вельтманомъ-романистомъ и Вельтманомъ, повѣствующимъ о событіяхъ, не только не вымышленныхъ, но имъ лично видѣнныхъ. Дѣйствительно, въ своихъ историческихъ догадкахъ онъ нерѣдко бывалъ такимъ же смѣлымъ фантазеромъ, какъ въ своихъ романахъ; но даже тогда, когда онъ велъ изслѣдованіе къ выводу совершенно ошибочному, онъ изучалъ первоисточники, перетолковывалъ, можетъ быть, ихъ показанія, но не искажалъ ихъ свидѣтельствъ и, слѣдовательно, работалъ добросовѣстно—по своему крайнему разумѣнію. Вовторыхъ, точность всего, что разсказывается въ «Воспоминаніяхъ» Вельтмана, подтверждается свидѣтельствами другихъ надежныхъ современниковъ-очевидцевъ, въ особенности столь обстоятельнаго въ своихъ показаніяхъ И. П. Липранди. За Вельтманомъ же остается преимущество въ живости разсказа, въ достоинствахъ литературнаго изложенія, что зависѣло уже отъ свойства его дарованія. Наконецъ, для полной оцѣнки воспоминаній Вельтмана о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ необходимо принять во вниманіе слѣдующія слова того же Липранди: Вельтманъ «не принималъ живого участія ни въ игрѣ въ карты, ни въ кутежѣ и не былъ страстнымъ охотникомъ до танцовальныхъ вечеровъ; но онъ—одинъ изъ немногихъ, который могъ доставлять пищу уму и любознательности Пушкина, а потому бесѣды съ нимъ были иного рода. Онъ безусловно не ахалъ каждому произнесенному стиху Пушкина, могъ и дѣлалъ свои замѣчанія, входилъ съ нимъ въ разборъ, и это не нравилось Александру Сергѣевичу, не смотря на неограниченное его самолюбіе» [2]. Понятно, что самъ Вельтманъ, по своей скромности, не могъ говорить о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину съ такой точки зрѣнія; но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что Вельтманъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ кишиневскаго общества, которыя пользовались наибольшимъ уваженіемъ со стороны поэта и которыя, въ свою очередь, могли хорошо понимать и цѣнить его.

Печатаемъ «Воспоминанія о Бессарабіи» почти безъ всякихъ сокращеній. Мы принуждены были исключить лишь нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, неясныхъ въ рукописи и потому непонятныхъ,

---

[1]) *Русская Старина* 1874 г., т. IV, стр. 405.

[2]) *Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1251.

да кромѣ того, мы выпустили разсужденіе о сходствѣ «Превращеній» Овидія со скандинавскою «Эддой», занимающее около двухъ страницъ: это—одна изъ тѣхъ ученыхъ догадокъ, которымъ любилъ предаваться Вельтманъ; на ту же мысль онъ намекаетъ въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ, но къ занимающему насъ предмету она не имѣетъ никакого отношенія.

Воспоминанія о Бессарабіи.

Сія пустынная страна
Священна для поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славою русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ...

(*Пушкинъ*, «Баратынскому изъ Бессарабіи»).

I.

Когда пріостановишься на пути и оглянешься назадъ,—сколько тамъ было свѣта и жизни въ погасающемъ, сумрачномъ отдаленіи, сколько потеряно тамъ надеждъ, сколько погребено чувствъ! *Теперь* и *тогда*, *здѣсь* и *тамъ*... Сколько времени и пространства между этими словами! И все это населено уже безплотными образами, безмолвными призраками!

Когда пронеслась печальная вѣсть о смерти Пушкина, вся прошедшая жизнь его воскресла въ памяти знавшихъ его, и первая грусть была о Пушкинѣ-человѣкѣ. Все перенеслось мыслію въ прошедшее, въ которомъ видѣло и знало его, чтобъ потомъ спросить себя: гдѣ же онъ? Я узналъ его въ Бессарабіи, и очеркъ этой страны будетъ рамой, въ которую я вставлю воспоминаніе о Пушкинѣ.

Въ 1818 году я отправлялся изъ Тульчина, главной квартиры второй арміи, въ Бессарабію. Меня провожали въ дорогу слухи о нестерпимыхъ жарахъ, о степяхъ, населенныхъ змѣями, скорпіонами

и тарантулами, о чумѣ, о вѣчныхъ лихорадкахъ... Но я былъ тогда еще въ первой порѣ юношества, съ головой, которая не задумывалась, съ чувствами не напуганными, и все страшное возбуждало только мое любопытство.

Проѣздъ по Подольской губерніи въ мартѣ мѣсяцѣ былъ еще сносенъ. Въ ней нѣтъ ничего пустыннаго, хотя я и не имѣлъ еще понятія о красотѣ ея во время лѣта и ея протяжныхъ долинахъ, усѣянныхъ селами посреди садовъ, огражденныхъ тополями. Но, проѣзжая по Херсонской губерніи отъ Балты до Дубоссаръ, я уже считалъ это пространство преддверіемъ «Гетскихъ пустынь». По дорогѣ нѣтъ ни одного селенія; станціи уединенно стоятъ въ полѣ, и это—только хата безъ ограды, даже безъ сарая и конюшни, ибо почтовыя лошади пасутся постоянно въ табунѣ близъ станціи. Наконецъ, я пріѣхалъ въ Дубоссары—грустный городокъ, въ которомъ не съ большимъ одна церковь и не съ большимъ одна харчевня, утоляющая голодъ проѣзжихъ чѣмъ Богъ послалъ. Но передо мной уже была туманная полоса, за которою зеленѣлись берега Бессарабіи. Я уже смотрѣлъ на гряды возвышеній и на далекую долину, по которой извивался Днѣстръ къ морю.

Проѣхавъ карантинъ и таможню, я переправился чрезъ древній Тирасъ (Днѣстръ), задумался и очутился подлѣ корчемки молдаванской одинъ, какъ сирота. Почтарь дубоссарскій, сложивъ мои вещи съ брички на землю, поскакалъ назадъ, какъ отъ брошеннаго на жертву чумѣ, змѣямъ, знойному солнцу и будущности. Покуда съ Кріулянской почты пріѣхала за мной почтовая *каруца* (тележка), я просидѣлъ на заваленкѣ хаты и просмотрѣлъ на физіономію молдавана, который мнѣ повторялъ время отъ времени: «Акушъ, акушъ!» (сейчасъ, сейчасъ). Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ я услыхалъ свистъ, дребезгъ и хлопанье бича; пріѣхала каруца не больше дѣтской колыбельки; я усѣлся въ нее; *суруджи* (ямщикъ) верхомъ на одной изъ запряженныхъ веревочными шлейками въ дышло клячъ, закрутивъ долгохвостый бичъ, хлопнулъ по воздуху надъ двумя передними конями, которыми онъ правилъ, и экипажъ мой затрещалъ, какъ пожарная трещотка.

Новая страна—новыя чувства. Я углублялся въ горы и долы Бессарабіи, какъ въ таинственный *дульчацъ* (сладость). Все уже одѣлось зеленью, дышало маемъ, и я живо чувствовалъ разницу между правымъ и лѣвымъ берегомъ Днѣстра. Кажется, что природ-

ные календари ихъ рознятся цѣлымъ мѣсяцемъ: въ Бессарабіи—весна, а въ Подольской губерніи едва только показались ея вѣстники.

Я пріѣхалъ въ Кишиневъ въ самое счастливѣйшее время его, когда все готовилось съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ къ пріему императора Александра блаженной памяти. Государь проѣзжалъ тогда чрезъ Бессарабію на свиданіе съ императоромъ Австрійскимъ на границахъ царствъ въ городѣ Черновцахъ. Молдавскіе бояре стекались отовсюду въ Кишиневъ, и этотъ городъ кипѣлъ народомъ. Встрѣчи императора я не могъ видѣть, ибо былъ занятъ въ это время у князя Меншикова [1]), который пріѣхалъ передъ государемъ; это было уже въ сумерки; но я слышалъ крики встрѣчи, которые приближались неумолкающимъ гуломъ отъ возвышеній по дорогѣ изъ Дубоссаръ къ городу, неслись городомъ и умолкали на время у собора, чтобы снова сопровождать императора до дома намѣстника [2]), который возвышаясь на отдѣльномъ холмѣ надъ озеромъ, превратился мгновенно во дворецъ освободителя Европы.

На другой день государь императоръ былъ въ митрополіи [3]) у обѣдни и потомъ на завтракѣ у сѣдовласаго экзарха Димитрія, въ тотъ же день—на балу, данномъ дворянствомъ бессарабскимъ въ огромной залѣ, нарочно устроенной въ домѣ Тодора Крупенскаго. Въ угожденіе изящному вкусу государя къ колоннадамъ явился вокругъ залы рядъ огромныхъ колоннъ порфироваго цвѣта, обвитыхъ вязами разноцвѣтныхъ огней. Спозаранку зала наполнилась уже боярами, *куконами* и *куконицами* (барынями и барышнями). Хотя намѣстница, Викторія Станиславовна Бахметева [4]), успѣла въ ко-

---

[1]) Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ былъ въ то время директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, въ чинѣ генералъ-маіора и въ званіи генералъ-адъютанта.

Л. М.

[2]) Въ то время бессарабскимъ намѣстникомъ былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ генераловъ Александровскаго времени, Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ, состоявшій также подольскимъ военнымъ губернаторомъ. Онъ оставилъ управленіе Бессарабіей въ іюнѣ 1820 года.

Л. М.

[3]) Митрополіей назывался въ Кишиневѣ архіерейскій домъ, ибо первымъ тамошнимъ архіереемъ по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи былъ Гавріилъ Банулеско, бывшій митрополитъ Кіевскій; онъ умеръ въ мартѣ 1821 года, и его замѣнилъ его же викарій, епископъ Бендерскій Димитрій Сулима.

Л. М.

[4]) Рожденная графиня Потоцкая, а по первому мужу—графиня Шуазель-Гуфье.

Л. М.

роткое время много внушить образованнаго вкуса въ дамъ кишиневскихъ (онѣ знали, что такое—балъ; куконицы знали уже необходимость во французскомъ магазинѣ модъ, умѣли уже рядиться по вѣнскимъ и парижскимъ образцамъ, умѣли рисоваться въ кадриляхъ и мазуркахъ), но къ балу, гдѣ будетъ присутствовать императоръ, съѣхалось множество бояръ со всѣхъ сторонъ, даже изъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, которымъ извѣстны были только приличія азіатскія. Пріѣзжія куконы облеклись во всю роскошь Европы и Востока, и еслибъ намѣстница, какъ заботливая хозяйка пріема, не обратила заблаговременно вниманія на наряды посѣтителей, государь засталъ бы на балу всѣхъ дамъ окутанными въ драгоцѣнныя турецкія шали, а бояръ—въ *кочулахъ* [1]) и въ *папушахъ* [2]) сверхъ желтыхъ и красныхъ *мешти*. Почти передъ самымъ входомъ государя шали были сняты, а папуши нѣсколькихъ сотъ головъ были свалены въ кучи за колоннами. Когда государь вступилъ въ залу, все стѣснилось въ молчаніи, безъ шуму, почти незамѣтно, въ кругъ, коего первые ряды состояли изъ женщинъ; женщинъ окружали стѣной бородатые первостатейные бояре, а за ними—бояре втораго и третьяго класса. Балъ былъ открытъ генераломъ Милорадовичемъ; между тѣмъ, государь говорилъ съ намѣстницей и потомъ обошелъ съ нею, преслѣдуемый рядами польскаго, чрезъ всѣ комнаты, удостоилъ вниманія другихъ почетнѣйшихъ дамъ, а потомъ началась французская кадриль—первая въ Кишиневѣ, выученная въ домѣ намѣстницы.

Въ то время Пульхерія Варѳоломей была въ цвѣтѣ лѣтъ, во всей красѣ дѣвственной, которой посвятилъ и Пушкинъ нѣсколько восторженныхъ стиховъ [3]). Ей только одной изъ дѣвицъ Кишинева государь сдѣлалъ честь польскимъ и нѣсколько вопросовъ. Лыбопытство впослѣдствіи допытывалось отъ простодушной дѣвушки, что съ ней говорилъ государь. На вопросъ, часто ли она посѣщаетъ балы,

[1]) У молдаванъ *кочула*, смушковая сѣрая шапка въ родѣ опрокинутой огромной корчаги, не снималась ни въ церкви, ни даже передъ султаномъ, какъ чалма. *А. В.*

[2]) *Папуши*—туфли сверхъ *мешти* или желтыхъ, красныхъ сафьяновыхъ носковъ. *А. В.*

[3]) По всей вѣроятности, Вельтманъ разумѣетъ здѣсь стихотвореніе „Дѣва“ (Сочиненія Пушкина, изданіе литературнаго фонда, т. I, стр. 234):

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!..

Далѣе, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, Вельтманъ еще разъ возвращается къ Пульхеріи Варѳоломей. *Л. М.*

она отвѣчала: «Non, sire, parce que ma tante Elise ne se porte pas bien». Неподвижность всѣхъ и царствующая тишина, и взоры, устремленные на государя, должны были его скоро утомить. Онъ пробылъ не болѣе часа времени и уѣхалъ.

Въ воспоминаніе посѣщенія императоромъ Кишинева намѣстница подала мысль завести публичный городской садъ. Сколько я могу припомнить, государь самъ избралъ мѣсто вправо отъ митрополіи. На третій день государь выѣхалъ изъ Кишинева, но жители долго еще хвалились, что императоръ назвалъ Бессарабію «золотымъ краемъ».

II.

Съ 1818 по 1821 годъ, ознаменнованный греческою етеріей, я познакомился съ Буджакомъ или бывшей татарской частью Бессарабіи; тогда еще почти все пространство между рѣками Прутомъ и Днѣстромъ и верхнимъ Трояновымъ валомъ была малонаселенная степь, изрѣзанная протяжными хребтами, которые сглаживались къ морю и образовали часть пустыни, носившей нѣкогда названіе „solitudo Gaetica", и тѣ сѣдыя волны ковыля, посреди которыхъ индѣ-индѣ видна крытая арба чабана, уединенное *кишло* или хуторъ, обставленный пирамидами кизяка. Это-то пространство воспѣлъ Мицкевичъ подъ названіемъ: „Аккерманскія степи". Но часть Буджака, прилегающая къ рѣкѣ Пруту, гористѣе и населеннѣе; далекій же холмистый берегъ, отъ мѣстечка Формозъ до Вадулуй-Исаки, покрытъ садами и представляетъ въ миніатюрѣ Италію безъ ея исторіи и памятниковъ прошедшаго величія. Здѣсь-то, надъ самымъ селеніемъ Вадулуй-Исаки, начинается тотъ знаменитый валъ, который прозванъ Трояновымъ путемъ. Но тутъ имя Траяна императора, кажется, не можетъ играть никакой роли. Бессарабія никогда не принадлежала римлянамъ, рѣка Прутъ была границей Дакіи; валы бессарабскіе не могли служить защитою ни со стороны сѣвера, ни со стороны юга, ибо они тянутся почти по прямой линіи, не разбирая мѣстоположенія и командованія высотъ, но во всякомъ случаѣ болѣе походятъ на ограду сѣвера. И если Траянъ построилъ нижній валъ противъ варваровъ, населявшихъ Бессарабію, чтобъ охранить отъ нихъ колоніи по Дунаю и Черному морю, для чего же построилъ бы онъ верхній валъ и боковые вдоль крутого берега Прута и Днѣстра? По всѣмъ соображеніямъ, эти валы были не что

иное, какъ разграниченія земель. По Лактанцію, изъ Бессарабіи въ 304 году готы изгнали неизвѣстный народъ, который, по дозволенію императора Галерія, населился въ ея предѣлахъ, а по жизнеописателю императора Проба, народъ, переселившійся въ это время во Ѳракію, былъ бастарны. Извѣстно, что орда печенеговъ, татаръ или торковъ населяла издавна Бессарабію. Не утвердительно, но я рѣшаюсь заключить, что эти сто тысячъ бастарновъ, переселившіеся во Ѳракію, были босняки.

Жители Бессарабіи всѣ валы называютъ словомъ *траянъ*; валъ, раздѣляющій Добружскую область или бывшую Малую Скиѳію отъ Мизіи, также называется *траянъ*. На мизоготскомъ нарѣчіи, по Ульфіилу, котораго языкъ царствовалъ въ этихъ мѣстахъ, слово *thraihan* значитъ—сжимать, стѣснять, ограждать, *thraihands vigs*—сжатая, огражденная дорога, стезя; слово, которое могло значить и—грань, граница. Вотъ, кажется, откуда произошло названіе via Trajani. По Ульфіилу также, *thragjan* значитъ—бѣгъ, ѣзда, сходно съ греческимъ τρέχω, curro, и съ русскимъ дорога, драга, трактъ. Траянъ булгарскій совершенно сходенъ съ буджакскимъ; но почти на всемъ его протяженіи по берегу Черной рѣки (Кара-су) видны слѣды четвероугольныхъ окоповъ со стороны Булгаріи, въ которыхъ, вѣроятно, содержалась пограничная стража. Этотъ Траяновъ валъ ознаменованъ въ 1828 году маневромъ, на которомъ батарея въ 120 орудій, по слову Русскаго царя, неслась въ карьеръ въ атаку по отлогому скату праваго берега Кара-су. По гребню этого траяна императоръ проѣхалъ 17 верстъ для осмотра осажденной крѣпости Кистенджи, нѣкогда знаменитаго Истра.

Спускаясь отъ Рени по дорогѣ къ Измаилу, проходящей между Дунаемъ и озеромъ Кагуломъ, напоминающимъ побѣду Румянцова надъ турками, и отъ селенія Сатунова къ Дунаю по тропинкѣ между плавнями, на пути черезъ Дунай персовъ за 508 лѣтъ до Р. Х. и русскихъ въ 1828 году, есть слѣды подобнаго же вала, который, какъ ограда между озерами Карталомъ и Кагульцемъ, преграждалъ этотъ путь и, можетъ быть, служилъ мостовымъ укрѣпленіемъ Дарію при отступленіи его изъ Скиѳіи.

Проѣхавъ Измаилъ, не разлучный съ именемъ Суворова, я скажу нѣсколько словъ о крѣпости Киліи, которую нѣкоторые принимаютъ за Кіевецъ, построенный на Дунаѣ мнимымъ Кіемъ, путешествовавшимъ въ Царьградъ и полюбившимъ это мѣсто. Сказаніе о

существованіи Кіевца или Малаго Кіева на Дунаѣ не можетъ быть ложно; но мѣсто Старой Киліи за Дунаемъ, посреди плавней,—вѣря сказанію о Кіѣ—не могло ему понравиться, и тѣмъ болѣе здѣсь не могъ быть Кіевецъ, что слово *городъ*, *городокъ*, въ смыслѣ древнихъ, значитъ укрѣпленная, отдѣльная гора или холмъ. Слово *gard*, *городъ* нераздѣльно съ словомъ *гора*, *hori*, какъ *Berg* и *Burg*, *Heim* и *Holm*, *холмъ*. Въ замѣну Киліи я полагаю Cius или Cium, находившійся, по дорожнику Антонинову, ниже Гропени, на правомъ берегу Дуная. Это нынѣшній Гирсовъ. Высокая скала надъ Дунаемъ, составляющая нынѣ сѣверную сторону крѣпости, могла быть выбрана для основанія городка. Здѣсь, въ скалѣ, могли быть *kifwa* или пещеры готѳскія, отъ названія, которыхъ, по моему мнѣнію, получилъ свое названіе и Кіевъ. Если мнимый Кій любилъ жить у перевоза, то противъ самаго Гирсова есть и перевозъ чрезъ Дунай на ладьяхъ.

Дорога къ Аккерману тянется по безплодной землѣ, напитанной солью, надъ вершинами озеръ Сасика или Кундука, Шаганы или Муртозъ, Карачусъ, Алибей-улу и Бурнасоло, населенныхъ весной пеликанами, а лѣтомъ покрытыхъ корой соли. За песчаной степью открываются передъ нами почернѣвшія отъ времени башни замка Аккерманскаго. Его окружаютъ не болѣе пятисотъ домовъ города, а вправо видны извѣстные аккерманскіе сады. Въ мое время считалось ихъ слишкомъ 900. Замокъ Аккерманскій, по преданію, построенъ генуэзцами въ XII вѣкѣ, когда они обладали торговлею Чернаго моря. На этомъ мѣстѣ въ древности стоялъ городъ Офіуса, а во время Геродота—колонія Тирасъ.

За лиманами виденъ Овидіополь, мнимое мѣстожительство римскаго пѣвца-изгнанника. Но что̀ странно: въ вершинѣ лимана, при впаденіи Днѣстра, невдалекѣ отъ селенія Паланка, гдѣ также небольшой четвероугольный замокъ [1]), есть озерцо, которое называется, по словамъ Кантемира, *лакулъ Овидулуй*, озеро Овидія. Во время моего проѣзда оно почти пересохло, и мнѣ назвали его *Дувыдулуй*; сколько помнится имъ, говорятъ, будто тутъ очень давно уже жилъ какой-то пустынникъ, именемъ котораго прозвали озеро. Близъ этого мѣста есть переправа черезъ Днѣстръ при селеніи Маякъ, на лѣвомъ берегу рѣки, верстахъ въ сорока отъ Овидіополя. Посѣтивъ

[1]) Слово *паланка* значитъ укрѣпленное селеніе.

А. В.

впослѣдствіи и Мангалію на берегу Чернаго моря, которая также принимается за Томы, мѣсто обители Назона во время изгнанія, нельзя было не сказать:

Зачѣмъ намъ знать, гдѣ жилъ изгнанникъ сей,
И прахъ его влачить съ кладбища на кладбище?
Онъ жилъ, онъ пѣлъ, и вѣчное жилище
Поэта въ памяти людей! [1])

Природа Днѣстра со стороны Бессарабіи очаровательна. Вдоль всего берега тянется цѣпь садовъ виноградныхъ и фруктовыхъ; селенія богаты, но вообще не похожи на наши, которыя, образуя улицу, суть зародыши городовъ. Молдавскія *саты* [2]) похожи болѣе на разбросанные шатры табора; *касы* [3]) стоятъ дверями во всѣ стороны: это—мазанки, построенныя изъ плетня, обмазаннаго глиной, и выбѣленныя; совершенно похожи на малороссійскія хаты, но гораздо опрятнѣе; снаружи и внутри выбѣлены, часто раскрашены узорами—вохрой и умброй. Арабески, выведенныя на стѣнахъ рукой самой хозяйки и ея дочери, очень похожи на синайскія письмена. Смазываніе глиной половъ, бѣленіе и крашеніе стѣнъ возобновляется передъ каждымъ праздникомъ. Въ каждой половинѣ касы, раздѣленной надвое сѣнями, близъ дверей *соба*, печка. Устье очень низко, не болѣе какъ на четверть отъ полу. За трубой на печи обыкновенно бываетъ обитель старухъ—слѣпыхъ, неподвижныхъ, ничего уже не чающихъ, и *хортовъ*, гончихъ собакъ, которыхъ молдаване нѣжатъ какъ дѣтей. И они стоятъ того: молдаванъ, отправляясь въ степь, беретъ съ собою хорта, и зайцы—не попадайся на встрѣчу!

Болгарскія селенія иначе строятся, хотя столь же неправильно. У нихъ семьи не раздѣляются,—не раздѣлены и дома; съ каждымъ поколѣніемъ, съ увеличеніемъ семейства, разростается и домъ, по большей части въ прямую линію. Женатые правнуки, внуки и сыновья живутъ подъ одной общей кровлей своего патріарха-прадѣда, который бѣлъ, какъ лунь, и потерялъ уже счетъ своимъ годамъ, но

---

[1]) Стихи самого Вельтмана; см. его сочиненіе: «Странникъ» М. (1831), т. I, стр. 94.
Л. М.

[2]) *Сату*—деревня, село; татары называютъ *сату* торгъ; *тиргу* по молдавски городъ, торговое мѣсто.
А. В.

[3]) Сходно съ италіанскимъ *casa*, или съ готескимъ *hus*, домъ.
А. В.

еще не лишился ни одного изъ своихъ чувствъ, еще дѣятельный работникъ и разсказываетъ о томъ, что случилось за сто лѣтъ, какъ о вчерашнемъ днѣ. Болгарскія хаты простѣе и пустѣе молдаванскихъ; стѣны голы, вмѣсто оконъ—деревянныя рѣшетки, вмѣсто лавокъ—низенькое возвышеніе изъ земли въ родѣ широкаго дивана, устланное бѣлымъ войлокомъ; близъ дверей—въ родѣ столбца или ротонды печь, которая топится изъ сѣней; устье почти на землѣ. Тутъ, подъ навѣсомъ трубы, виситъ цѣпь съ крюкомъ для котла, въ которомъ варится обѣдъ. Вмѣсто стола—кружокъ или мѣдный круглый подносъ на низенькихъ ножкахъ.

Почтовая дорога изъ Аккермана въ Бендеры идетъ степью черезъ Каушаны, бывшій «сарай» хана Буджакскаго, нынѣ ничтожное мѣстечко. Въ 25 верстахъ отъ Каушанъ крѣпость Бендеры; она лежитъ надъ Днѣстромъ въ равнинѣ, окруженной нагорнымъ берегомъ; это—древній Тигинъ. Выше крѣпости, верстахъ въ трехъ, на Днѣстрѣ селеніе Варницы; надъ Варницей, по скату берега, слѣды лагеря и канцеляріи сѣвернаго капрала—Карла XII; здѣсь жилъ онъ гостемъ у турокъ, отсюда турки изгнали своего гостя.

Вообще, въ нижней части Бессарабіи или въ Буджакѣ почти всѣ рѣки, какъ-то: Гага, Куяльникъ, Сарата и проч., текутъ по солончакамъ; въ колодцахъ вода также солона. По всѣмъ рѣкамъ и лощинамъ разсѣяны слѣды бывшихъ татарскихъ селеній; эти слѣды замѣтны по кучамъ золы и по густому бурьяну, такъ что издали, замѣчая темноцвѣтное пространство посреди зелени, замѣчаешь, что это—селище, по молдаванскому произношенію—*селиште*, то-есть, мѣсто бывшаго селенія. Имена этихъ селищъ сохранились въ памяти жителей, напримѣръ, Акмангытъ, Мангытъ, Эдиге, Эникіой и т. д. Послѣ того, какъ Буджакскія степи розданы правительствомъ для заселенія, вѣроятно, слѣды селищъ уже стерлись, но названія урочищъ долго сохраняются. Проѣзжая черезъ эти мѣста, поросшія глухой высокой травой, почти не возможно выносить удушливаго запаха какихъ-то особенныхъ дикихъ, мрачныхъ растеній, напоминающихъ бывшую обитель человѣка. Селища—обыкновенно любимый бульваръ куропатокъ во время вечера: цѣлыми стадами слетаются онѣ на курганы золы.

Въ обозрѣніи Буджака кстати должно упомянуть и о 14 нѣмецкихъ колоніяхъ, населенныхъ по обѣ стороны Куяльника въ 1817 году. Какъ ни трудно развести довольство посреди знойной степи, лишен-

ной хорошей воды, но при данныхъ правительствомъ средствахъ къ упроченію этихъ поселеній дѣятельные переселенцы въ два-три года обзавелись скоро домами, построенными на первый случай изъ земляныхъ кирпичей, огородами, засѣяли поля, пообставили загородки скирдами. Въ первые годы они поддерживали себя заработками у богатыхъ *царановъ* [1]). Бѣда вамъ, если вы играете на какомъ-нибудь инструментѣ, и васъ дослушаютъ колонисты: возвращаясь съ поля, они обсыплютъ васъ, умолятъ играть и еще играть вальсъ и пляшутъ до упаду. Я никогда не забуду одного Ганса, который плясалъ въ присядку по русски; онъ не требовалъ похвалы, а просилъ только не переставать играть «Барыню».

Въ 1819 году открылась въ Бессарабіи, въ Хотинскомъ *цынутѣ* (уѣздѣ), чума, завезенная изъ Молдавіи. По данному мнѣ порученію усилить пограничную цѣпь, я проѣзжалъ по рѣкѣ Пруту и по границѣ австрійской до Днѣстра. Въ эту поѣздку и во время рекогносцировки верхней части Бессарабіи въ томъ же году я выучилъ наизусть этотъ край, древнюю обитель бастарновъ или бессовъ.

Верхняя часть Бессарабіи, начиная отъ верхняго Траянова вала, представляетъ совершенно другую уже природу. Это—уже гористыя мѣста, покрытыя лѣсами, садами, селеніями и уединенными монастырями, женскими и мужскими, посреди романическихъ мѣстностей. Отрасль Карпатскихъ горъ тянется отъ вершинъ рѣки Прута въ Галиціи и проникаетъ между Днѣстромъ и Прутомъ въ Бессарабію по Хотинскому цынуту. Въ Ясскомъ цынутѣ она сглаживается между рѣками, впадающими въ Реутъ, но въ вершинѣ этой рѣки, ниже города Бѣльцъ, она какъ будто возрождается снова въ отдѣльной горѣ Магура (туманъ), которая развѣтвляется вдоль всей Бессарабіи, также возникая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣльными горами, чтобы сохранить свою силу и крутизну до моря. Въ верхней части Бессарабіи рѣка Прутъ имѣетъ отлогій берегъ, а крутой съ противной стороны, въ Молдавіи, единообразенъ и небогатъ населеніемъ; но рѣка Днѣстръ сохраняетъ вездѣ и крутизны, и частыя

[1]) Бояръ или мазиловъ (родъ шляхты), живущихъ на *царинѣ*, то-есть, на пахотномъ мѣстѣ посреди степи, собственномъ или наемномъ. *Царанъ* значитъ владѣющій землею пахотною, отдѣльною; *хуторъ* значитъ также временное жительство въ степи для паханія земли, содержанія стада или пчелъ; *кишло*—землянка, пріютъ степныхъ *чабановъ* или пастуховъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ татарскаго *кишлавъ*, зимовье. *А. В.*

села, и сады, богатые виноградомъ, волошскими орѣхами (грецкими), яблоками, сливами, вишнями, черешнями, грушами, абрикосами, не уступая даже степнымъ мѣстамъ въ богатствѣ *баштановъ* (полей, засѣянныхъ арбузами, дынями, тыквами, турецкими огурцами и баклажанами). На Днѣстрѣ ароматъ акацій, пѣсни ночныхъ соловьевъ, въ полтора аршина стерляди, слишкомъ въ сажень осетры, посреди плавней непереводимая дичь—дикіе гуси, утки, всѣ роды шнеповъ и куликовъ. Здѣсь народъ дѣятельнѣе, женщины прекраснѣе. Но, говоря о красотѣ женщинъ простого народа,—гористыя здоровыя мѣста Орхеевскаго цынута должны славиться ими: тамъ цвѣтъ здоровья и роскошь формъ. Орхей-*веки* (древній Орхей), по словамъ жителей, былъ на другомъ мѣстѣ, по Кантемиру—на западномъ берегу Орхеевскаго озера; но, какъ я слышалъ, этотъ городъ былъ ближе къ Днѣстру, на Реутѣ, противъ Дубоссаръ и, слѣдовательно, противъ главной переправы черезъ Днѣстръ. Можетъ быть, здѣсь была Ольхіопія, которую приписываютъ мѣстечку Сороки или Соколы.

Верстахъ въ сорока отъ Орхея, на Днѣстрѣ, въ вершинѣ береговыхъ скалъ, есть монастырь Городище. Смотря снизу, отъ рѣки, кельи кажутся норами птицъ, скалы стоятъ стѣной. Взобравшись на гору, въ объѣздъ по каменистой крутой дорогѣ, вы найдете тамъ нѣсколько домовъ, принадлежащихъ къ монастырю, обитель настоятеля и сады. Настоятель поведетъ васъ чрезъ сады къ вершинѣ скалы; вышина ужаснетъ васъ, когда вы приблизитесь къ обрыву и станете спускаться по узенькой, вырубленной снаружи лѣсенкѣ. По положенной надъ обрывомъ доскѣ вы перейдете въ старую церковь и въ искусственныя пещеры, вырубленныя въ камнѣ; въ послѣднюю должно пролѣзать сквозь узкій прорубъ. Здѣсь хранится нѣсколько старыхъ оружій, и широкое отверстіе наружу задѣлано толстыми дубовыми досками, въ которыхъ прорублены ружейныя амбразуры. Говорятъ, что здѣсь въ старину христіане скрывались отъ татаръ. Возвратившись на уступъ скалы, составляющій площадку, вы помолитесь Богу въ новой церкви, вырубленной также въ камнѣ, посѣтите трапезную и калугерей въ ихъ пещерахъ съ однимъ окошкомъ и трубой, выведенной наружу скалы. Высота скалы надъ Днѣстромъ до ста саженъ. Настоятель васъ угоститъ виномъ своихъ садовъ и сотами меду, и вы, разставаясь съ монастыремъ Городищемъ, скажете въ душѣ то же, что̀ сказалъ Гёте, разставаясь съ обителью Мелькъ на Дунаѣ. Продолжая путь по

Днѣстру и не доѣзжая верстъ трехъ до монастыря Сорокъ, вы увидите въ скалахъ слѣды подобной же обители, какъ и въ Городищѣ, но давно уже оставленной.

Отъ монастыря Сорокъ проѣзжая въ Хотинъ, гдѣ также есть готѳской архитектуры замокъ, почти во всемъ Хотинскомъ цынутѣ вы встрѣтите совсѣмъ уже другой міръ и подумаете, что какая-то сила внезапно васъ перенесла въ Малороссію. Тутъ живутъ руснаки (такъ они сами себя называютъ), ящероглазые сарматы, родовитые бессы. Готическій замокъ Хотина надъ самымъ Днѣстромъ, на береговомъ холмѣ, обнятомъ лощиной, похожъ на замокъ Конвай въ Бретаніи. Теперь онъ составляетъ уже цитадель крѣпости. До пріобрѣтенія Хотина русскими этотъ городъ считался сильнѣйшимъ во всей Молдавіи. Онъ извѣстенъ побѣдой Владислава, одержанной надъ султаномъ Османомъ въ 1621 году. Въ 1674 году турки при Хотинѣ разбиты Яномъ Собѣсскимъ, который спасъ Вѣну отъ осады Магометомъ IV въ 1683 году. По трактату Хотинскому, заключенному въ 1622 году, Польша пріобрѣла право имѣть своихъ легатовъ въ Константинополѣ. Въ это же время была основана королемъ Польскимъ въ Хотинѣ школа восточныхъ языковъ, для чего и были выписаны учителя изъ Константинополя. Въ этомъ-то заведеніи Янъ Собѣсскій и его братъ Марко, дѣти Якова Собѣсскаго, бывшаго каштеляномъ Краковскимъ и уполномоченнымъ посломъ въ Турціи въ 1621 году, приготовлялись къ путешествію на Востокъ. Постигнувшія Польшу перемѣны были причиной уничтоженія этой школы.

Изъ Хотина проѣзжая берегомъ Днѣстра, гористое мѣстоположеніе нигдѣ не измѣняетъ красотамъ природы: вездѣ утесы, вездѣ звучные серебристые ручьи, пробирающіеся къ рѣкѣ отъ вершинъ глубокихъ, покрытыхъ лѣсомъ *валс* (долина, лощина), вездѣ селенія въ садахъ,—но уже названія селеній не кончаются на *шти*: не Минчешти, не Теленешти, а Рашковцы, Рогатинъ и др. Селеніе Онуты—предѣлъ русскому Днѣстру. Граница съ Австріей тянется влѣво вверхъ по ручью, потомъ черезъ высоты по дорогѣ лѣсомъ и снова рѣчкой Ракитной, впадающею въ рѣку Прутъ при мѣстечкѣ Новоселицахъ. Солдаты пограничнаго австрійскаго гарнизона молча расхаживаютъ подлѣ пикетовъ, съ ружьями въ лѣвой рукѣ и съ тростью въ правой; въ пограничныхъ селеніяхъ, на «мустерплацѣ», видны маленькіе фронты, слышенъ барабанъ и «ейнъ-цвей». Австрійскіе пикеты построены огромными землянками, въ которыхъ

стѣны однакоже забраны толстыми досками въ предохраненіе отъ сырости.

Отъ мѣстечка Новоселицъ до мѣстечка Липканъ на нашей сторонѣ отлогій берегъ, покрытый селеніями; нагорная же сторона Молдавіи одѣта густымъ лѣсомъ. Отъ Липканъ до мѣстечка Скулянъ, внизъ по Пруту, подъѣзжая къ рѣкѣ Чугуру, долина прутская перегорожена природной гранитной стѣной съ гребнемъ; но для протока рѣки она какъ будто раздвинулась и образовала ворота. Это мѣсто называется Костешти; лежащее подлѣ селеніе такъ же называется; съ нашей стороны въ скалахъ есть пещеры. Извилистая рѣка Прутъ ежегодно подмываетъ, особенно весной, нагорные берега свои, а въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно измѣняетъ свое русло, извиваясь, какъ змѣя, въ своей широкой долинѣ. Во многихъ мѣстахъ перешейки огромныхъ *кутовъ* или пространствъ берега, обвиваемыхъ ею въ родѣ полуострова, не болѣе нѣсколькихъ саженъ, такъ что каждое наводненіе грозитъ прорывомъ, и тогда подобный кутъ съ турецкой стороны, со всѣми селеніями, можетъ отойти къ Россіи, а кутъ съ нашей стороны будетъ отмежеванъ къ Турціи— безъ присутствія членовъ коммиссіи разграниченія земель двухъ государствъ. Кажется, въ селеніи Маршинцахъ, близъ мѣстечка Новоселицъ, въ 1819 году подлѣ дома помѣщика былъ огромный садъ на берегу рѣки, въ 1821 году оставалась уже половина сада, а въ 1825 году домъ стоялъ уже надъ обрывомъ; теперь на мѣстѣ дома, я думаю, протекаетъ уже рѣка, а черезъ нѣсколько лѣтъ и весь берегъ, на которомъ лежитъ селеніе, поступитъ во владѣніе прутскихъ водъ, хотя мутныхъ, но необыкновенно мягкихъ, здоровыхъ и заключающихъ въ себѣ минеральныя частицы. Въ верхней же части Прута, но не помню гдѣ, Прутъ подмылъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ гору, въ 1825 году добрался до самаго хребта и передъ самымъ моимъ пріѣздомъ отвалилъ вершину, раскроивъ пополамъ находящійся на ней огромный курганъ; подъ самымъ курганомъ, на сажень отъ поверхности протяжнаго хребта, оскалился длинный рядъ гробовъ, одинъ подлѣ другого; гробы были сколочены изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ ящиками безъ расширенія кверху; дерево почернѣло отъ времени. Археологическое желаніе порыться въ древнихъ гробахъ не могло быть удовлетворено, ибо ни снизу, ни сверху къ нимъ не было приступу. Нѣсколько верстъ ниже Костешти подобное же слѣдствіе есть древняго обвала высокаго берега на про-

странствѣ нѣсколькихъ верстъ: вся насыпная набережная, отъ самаго утеса обвалившаяся, усѣяна курганами, которые называются *Сута Можиле*, но это не тѣ Сто Могилъ, въ которыхъ ищутъ кладбище Скиѳскихъ царей.

Отъ мѣстечка Скулянъ, по дорогѣ въ Кишиневъ, почти на половинѣ дороги къ почтѣ Резени, передъ подъемомъ на лѣсистый хребетъ, который тянется отъ Магурской высоты, на оконечности выдавшагося отрога, на самомъ пути, стоитъ каменный столбъ; тутъ на вершинѣ, въ изображеніи герба, съ четырехъ сторонъ надписи о времени смерти Потемкина и стихи, сколько мнѣ помнится, слѣдующіе:

На мѣстѣ семъ онъ кончилъ путь средь поль;
Вотъ жизни славныя плачевная юдоль!

До 1825 года здѣсь пролегала почтовая дорога изъ Яссъ черезъ Скуляны въ Кишиневъ, и скромный памятникъ низвергнутаго смертію величія напоминаетъ каждому проѣзжему суету суетъ и всяческую суету. Но теперь почтовая дорога для объѣзда хребта отведена на нѣсколько верстъ ниже, а памятникъ остался на холмѣ, у мрачнаго подножія крутизны, которую стоило бы назвать «Тщеславіемъ».

III.

Въ исходѣ 1820 года и въ началѣ 1821 года зима въ Кишиневѣ проходила очень весело; помнится мнѣ, что въ этотъ годъ не было зимы: зимніе мѣсяцы были похожи на прекрасное сентябрьское время; не выпало ни одного клока снѣгу.

Наше время проходило на вечерахъ и балахъ, часто у намѣстника, куда собиралась вся знать кишиневская, а иногда въ домѣ Александра Кантакузина и другихъ. Въ то время въ Валахіи возникло уже возстаніе. Въ головѣ его былъ нѣкто Ѳедоръ Владимиреско, командовавшій во время войны русскихъ съ турками отрядомъ пандуръ. Но цѣлью этого возстанія было избавленіе себя отъ ига фанаріотовъ, назначаемыхъ въ князья Молдавіи и Валахіи. Покуда Порта назначала Каллимахи господаремъ Валахіи по смерти Александра Суццо, Владимиреско овладѣлъ уже всею Малою Валахіей. Никто не предвидѣлъ, чтобы эта искра была началомъ етеріи

(товарищества во имя спасенія Греціи) и имѣла бы тѣ послѣдствія, которыя совершились на глазахъ нашихъ.

Однажды, на балу у намѣстника, явилось новое лицо—статный русскій кавалерійскій генералъ; правая рука его была обшита и подвязана чернымъ платкомъ. Я бы не обратилъ особеннаго на него вниманія, если бы онъ не сталъ танцовать мазурки. «Кто это такой?» спросилъ я. «Князь Александръ Ипсиланти», отвѣчали мнѣ. Этимъ отвѣтомъ я удовольствовался.

Черезъ нѣсколько дней балъ у князя Кантакузина, и я опять не предвидѣлъ, что въ толпѣ беззаботныхъ есть два историческихъ лица, замышляющихъ новую будущность Греціи. Прислонившись къ столику, стоялъ задумчиво худощавый адъютантъ. Не помню, познакомили меня съ нимъ, или случайно завязался у насъ разговоръ, но мы обмѣнялись нѣсколькими словами; помню только, что я удивлялся его худобѣ. Сжатое его лицо, носъ нѣсколько орлиный, голова почти лысая, не болѣе фута въ плечахъ, ноги какъ флейты, въ рейтузахъ съ лампасами нисколько не предвѣщали будущаго полководца Греціи Дмитрія Ипсиланти.

Отъ разговора съ нимъ я былъ отвлеченъ нѣсколькими женскими голосами, которые повторяли: «Monsieur le prince, dansez donc! Dansez, Nicolas, au moins une seule figure!» Но гвардеецъ отказывался. Съ трудомъ, однакоже, уговорили его пройти одинъ только кругъ. Онъ уступилъ просьбамъ; прекрасный собою, ловкій мужчина превзошелъ всѣхъ поляковъ въ ловкости танцовать мазурку. «Кто это?» спросилъ я у княгини Кантакузиной. «C'est le prince Nicolas Ipsylanti! Ah, comme il danse!»

Три брата Ипсиланти пріѣхали въ отпускъ; не прошло нѣсколькихъ дней, какъ мы узнали, что всѣ трое они тайно уѣхали уже въ Молдавію. Вскорѣ намѣренія ихъ объяснились. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1821 года князь Александръ Ипсиланти издалъ воззваніе къ грекамъ. Я былъ въ то время въ Тирасполѣ. Вліяніе этого воззванія сильно подѣйствовало на грековъ и въ границахъ Россіи; изъ Одессы шли и ѣхали толпы грековъ чрезъ Тирасполь, Бендеры и Кишиневъ въ Молдавію. Вездѣ снабжались они тайно агентами етеріи средствами къ пути; они тогда уже пѣли славную пѣсню новыхъ грековъ: «Δεῦτε, παῖδες τῶν Ἑλλήνων!» Съ весной границы наши огласились уже оружіемъ боя етеристовъ съ турками. Послѣдовавшее передвиженіе войскъ шестого корпуса для подкрѣпленія границъ на всякій случай

внушало тогда какое-то участіе къ грекамъ и желаніе войны съ турками.

Я отправлялъ тогда должность оберъ-квартирмейстера и получилъ предписаніе прибыть въ Кишиневъ, не смотря на разливъ Днѣстра. Я отправился ночью, подъѣхалъ къ карантину Парканскому и видѣлъ уже не рѣку передъ собою, но море, и вдали крѣпость, Бендеры какъ на островѣ. Лодки переправы были за наводненіемъ. Убѣжденіе карантинныхъ чиновниковъ переждать ночь не остановило меня. Стоя на почтовой телегѣ, я пустился вплавь, доѣхалъ счастливо до мѣста переправы, но надо было еще грозить черезъ рѣку паромщикамъ, которые были за рѣкой на островку, образовавшемся изъ кургана. Они не рѣшались перевозить, но угрозы подѣйствовали: они приплыли на сплоченныхъ двухъ лодкахъ, и я переправился на островокъ, послалъ въ Бендеры за лошадьми и снова вплавь доѣхалъ до нагорнаго берега. У молодости какъ будто нѣсколько жизней въ запасѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Кишиневъ, это былъ уже не тотъ городъ, который я оставилъ за два или за три мѣсяца. Народъ кишѣлъ уже въ немъ. Вмѣсто двѣнадцати тысячъ жителей тутъ было уже до пятидесяти тысячъ на пространствѣ четырехъ квадратныхъ верстъ. Онъ походилъ уже болѣе на стеченіе народа на мѣстный праздникъ, гдѣ пріѣзжіе поселяются кое-какъ, цѣлыя семьи живутъ въ одной комнатѣ. Но не одинъ Кишиневъ наполнился выходцами изъ Молдавіи и Валахіи; населеніе всей Бессарабіи по крайней мѣрѣ удвоилось. Кишиневъ былъ въ это время бассейномъ князей и вельможныхъ бояръ изъ Константинополя и двухъ княжествъ; въ каждомъ дому, имѣющемъ двѣ-три комнаты, жили переселенцы изъ великолѣпныхъ палатъ Яссъ или Букареста. Тутъ былъ проѣздомъ въ Италію и господарь Молдавіи Михаилъ Суццо; тутъ поселилось семейство его, въ которомъ блистала красотой Ралу Суццо; тутъ была фамилія Маврокордато, посреди которой расцвѣтала Марія, послѣдняя представительница на землѣ классической красоты женщины. Когда я смотрѣлъ на нее, мнѣ казалось, что Еллада, въ видѣ божественной дѣвы, появилась на землѣ, чтобы вскорѣ исчезнуть на вѣки. Прежде было пріятно жить въ Кишиневѣ, но прежде были будни передъ настоящимъ временемъ. Вдругъ стало весело даже до утомленія. Новыя знакомства на каждомъ шагу. Окна даже дрянныхъ магазиновъ обратились въ рамы женскихъ головокъ; черные глаза этихъ живыхъ

портретовъ всегда были обращены на васъ, съ которой бы стороны вы ни подошли, такъ какъ на портретахъ была постоянная улыбка. На каждомъ шагу загорался разговоръ о дѣлахъ греческихъ: участіе было необыкновенное. Новости разносились, какъ электрическая искра по всему греческому міру Кишинева. Чалмы князей и кочулы бояръ разъѣзжали въ вѣнскихъ колясках изъ дома въ домъ, съ письмами, полученными изъ-за границы. Можно было выдумать какую угодно нелѣпость о побѣдахъ грековъ и пустить въ ходъ; всему вѣрили, все служило пищей для толковъ и преувеличеній. Однакоже, во всякомъ случаѣ, мнѣніе должно было раздѣлиться надвое; одни радовались успѣхамъ грековъ, другіе проклинали грековъ, нарушившихъ тучную жизнь бояръ въ княжествахъ. Молдаване вообще желали успѣха туркамъ и порадовались отъ души, когда фанаріотамъ рѣзали головы, ибо въ каждомъ видѣли будущихъ господарей своихъ. Между тѣмъ въ саду выстроилась зала клубная, въ которой побѣда была всегда на сторонѣ военныхъ, а въ залѣ Крупенскаго открыли театръ нѣмецкой труппы актеровъ, переселившейся изъ Яссъ, которая продекламировала намъ всего Коцебу, при чемъ не были упущены, къ удовольствію публики, и балеты.

Между тѣмъ въ Молдавіи дѣла шли очень плохо; у главнокомандующаго греческихъ войскъ не было войска, у начальника его штаба не было текущихъ дѣлъ. Въ составляемую Ипсиланти гвардію, подъ именемъ «безсмертнаго полка», шли только алчущіе хлѣба, но не жаждующіе славы; весь же боевой народъ—арнауты, пандуры, гайдуки, гайдамаки и талгари—нисколько не хотѣлъ быть въ числѣ безсмертныхъ и носить высокую мерлушковую *кушму* (шапку), украшенную Адамовой головой. Имъ не нравилось управленіе штаба и гораздо было привольнѣе въ шайкахъ Іоргаки Олимпіота и Тодора Владимиреско, котораго цѣли были совсѣмъ иныя. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ Ипсиланти, онъ отвѣчалъ ему: «Ваша цѣль совершенно противоположна моей. Вы подняли оружіе на освобожденіе Греціи, а я—на избавленіе своихъ соотечественниковъ отъ греческихъ князей. Ваше поле не здѣсь, а за Дунаемъ; вы боритесь съ турками, а я буду бороться съ злоупотребленіями» [1]). Такимъ обра-

[1]) Въ одной изъ своихъ повѣстей, подъ заглавіемъ „Радой", Вельтманъ описалъ нѣкоторые эпизоды возстанія етеристовъ и, между прочимъ, свиданіе Ѳ. Владимиреско Ал. Ипсиланти, при чемъ обнаружилось различіе въ ихъ цѣляхъ.

Л. М.

зомъ, Ипсиланти былъ не въ своей тарелкѣ; его маневры противъ турокъ не удались, и онъ принужденъ былъ оставить поле чести, предавъ вѣчному проклятію бояръ Савву Дуку, Василія Парлу, Георгія Мано, Григораша Суццо, Николая Скуфо и Василія Каравію. Остатокъ арміи етеристовъ былъ преслѣдованъ турками до переправы Скулянской черезъ Прутъ. Здѣсь былъ послѣдній бой предъ вратами спасенія. Въ это время отъ ожесточенныхъ турокъ сбѣжались толпы жителей Молдавіи къ переправѣ. Истощивъ послѣднія силы, сжатые турками въ кучу, етеристы бросили оружіе, побѣжали къ переправѣ смѣшались съ переправляющимся народомъ; но турки ринулись къ переправѣ и воздержались только готовностію нашей батареи; а между тѣмъ, испуганные бѣглецы кинулись вплавь черезъ рѣку, переплывали и тонули, подстрѣливаемые турками. Почти этимъ, исключая нѣсколькихъ битвъ въ оградахъ монастырей Молдавіи и Валахіи, кончилась етерія этихъ княжествъ.

Не помню, но кажется, въ исходѣ этого года пронеслись слухи, что ѣдетъ въ Кишиневъ прославленный уже юный поэтъ Пушкинъ. Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ въ то время, какъ загорѣлась Греческая война; не помню, но кажется, что онъ былъ во время Скулянскаго дѣла, и стихотвореніе «Война» внушено ему въ это время общаго голоса, что война съ турками неизбѣжна [1]):

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести,
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ!

И, наконецъ, въ концѣ онъ съ нетерпѣніемъ восклицаетъ:

Что жь медлитъ ужасъ боевой?
Что жь битва первая еще не закипѣла?..

Въ это время исправлялъ должность намѣстника Бессарабіи глав-

---

[1]) Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ въ сентябрѣ 1820 года, до начала возстанія етеристовъ; Ал. Ипсиланти переправился черезъ Прутъ въ Молдавію 22-го февраля 1821 года, а Скулянское дѣло, въ которомъ возставшими командовалъ не Ипсиланти, а князь Георгій Кантакузинъ, происходило 29-го іюня того же года. Стихотвореніе «Война» Пушкинъ помѣтилъ 1821 годомъ, и вѣроятно, оно относится къ первымъ мѣсяцамъ его. Анненковъ говоритъ, что въ рукописи Пушкина есть помѣта: «29 ноября», но это не вѣрно. Первыя строки стихотворенія намекаютъ на освященіе знаменъ Ипсиланти въ Яссахъ, о чемъ Пушкинъ писалъ А. Н. Раевскому еще въ мартѣ 1821 года (Сочиненія, т. VII, стр. 18).
Л. М.

ный попечитель южныхъ колоній Россіи генералъ Инзовъ. Вскорѣ узнали мы, что подъ его кровомъ живетъ Пушкинъ. Наконецъ, Пушкинъ явился въ обществѣ кишиневскомъ.

Здѣсь не пропущу я слѣдующее, касающееся до тогдашняго моего самолюбія. Въ Кишиневъ русская поэзія еще не доходила. Правда, тамъ, за нѣсколько лѣтъ до меня, жилъ Батюшковъ [1]); но кругъ военныхъ русскихъ его времени перемѣнился; съ перемѣной лицъ и память объ немъ опять исчезла; притомъ же онъ пѣлъ въ тишинѣ, и звуки его не раздавались на берегахъ Быка. Послѣ него первый юноша со склонностью плести риѳмы былъ я; хотя эта склонность зародилась еще на двѣнадцатомъ году въ молельной комнатѣ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, и потомъ, воспаленная пѣснью В. А. Жуковскаго «Во станѣ русскихъ воиновъ», породившею трагикомедію «Изгнаніе французовъ изъ Москвы», была самая жалкая, но я между товарищами носилъ имя «кишиневскаго поэта». Причиною этому названію были стихи на кишиневскій садъ, въ которыхъ я воспѣлъ всѣхъ посѣщающихъ оный, профанически подражая воспѣванію героевъ русскихъ. Не стыдясь однако пеленокъ своихъ, я сознаюсь, что если чудные звуки В. А. Жуковскаго породили во мнѣ любовь къ поэзіи, то пріѣздъ Пушкина въ Кишиневъ породилъ чувство ревности къ музѣ. Но все мое поприще ограничивалось письмами; по какой-то непреодолимой страсти я не могъ написать всего письма въ прозѣ: непремѣнно, нечувствительно прокрадывались въ него риѳмы. Да еще я начиналъ писать какую-то огромную книгу въ стихахъ и прозѣ (заглавія не помню; кажется, «Этеонъ и Лаида»), что-то въ родѣ поэмы изъ Крестовыхъ походовъ,—только дѣйствіе на Нилѣ. Встрѣчая Пушкина въ обществѣ и у товарищей, я никакъ не умѣлъ съ нимъ сблизиться: для другихъ въ обществѣ онъ могъ казаться ровенъ, но для меня онъ казался недоступенъ. Я даже удалялся отъ него, и сколько я могу понять теперь тайное, безотчетное для меня тогда чувство, я боялся, чтобы кто-нибудь изъ товарищей не сказалъ ему при мнѣ: «Пушкинъ, вотъ и онъ пописываетъ у насъ стишки».

Слава Пушкина въ Кишиневѣ гремѣла только въ кругу русскихъ; молдавскій образованный классъ зналъ только, что поэтъ есть такой

[1]) Это—ошибка: Батюшковъ никогда не бывалъ въ Кишеневѣ, но въ 1815 году служилъ въ Каменцѣ-Подольскѣ, подъ начальствомъ А. Н. Бахметева, который управлялъ и Бессарабіей. *Л. М.*

человѣкъ, который пишетъ «поэзіи». Пушкинъ замѣтнѣе другихъ, носящихъ фракъ, былъ только потому, что принадлежалъ, по ихъ мнѣнію, къ свитѣ намѣстника; въ обществѣ же женщинъ шитый мундиръ, статность, красота играли значительнѣе роль, нежели слава, пріобрѣтенная гусинымъ перомъ. Однакожъ, живымъ нравомъ и остротой ума Пушкинъ вскорѣ покорилъ и вниманіе молдавскаго общества; все оригинально-странное не ушло отъ его колючихъ эпиграммъ, не смотря на то, что онъ ихъ бросалъ въ разговоры какъбудто только по одной привычкѣ: память молодежи ихъ ловила на лету и носилась съ ними по городу.

Отецъ Пульхеріи [1]), нѣкогда стоявшій съ чубукомъ въ рукахъ на запяткахъ *бутки* (коляски) ясскаго господаря Мурузи, но потомъ владѣтель большихъ имѣній въ Бессарабіи, предсѣдатель палаты и откупщикъ всего края, во время Пушкина жилъ открыто; ему нуженъ былъ зять русскій, сильная рука котораго поддержала бы предвидимую несостоятельность по откупамъ. Предчувствуя сбирающуюся надъ нимъ грозу, онъ пристроилъ къ небольшому дому огромную залу, разрисовалъ ее какъ трактиръ и сталъ давать балы за балами, вечера за вечерами. Свернувъ подъ себя ноги на диванѣ, какъ паша, сидѣлъ онъ съ чубукомъ въ рукахъ и встрѣчалъ своихъ гостей привѣтливымъ: «пуфтимъ» (просимъ). Его жена, Марья Дмитріевна, была во всей формѣ русская говорливая, гостепріимная помѣщица; Пульхерица была полная, круглая, свѣжая дѣвушка; она любила говорить болѣе улыбкой, но это не была улыбка кокетства,— нѣтъ, это просто была улыбка здороваго, беззаботнаго сердца. Никто не припомнитъ изъ знавшихъ ее въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобъ она на кого-нибудь взглянула особенно; казалось, что каждый, кто бы онъ ни былъ и каковъ бы ни былъ, для нея былъ не болѣе, какъ человѣкъ съ головой, съ руками и съ ногами. На балахъ со всѣми кавалерами она съ одинакимъ удовольствіемъ танцовала, всѣхъ одинаково любила слушать, и Пушкину такъ же, какъ и всякому, кто умѣлъ ее разсмѣшить или польстить ея самолюбію, она отвѣчала: «Ah, quel vous êtes, monsieur Pouchkine!» Пушкинъ особенно цѣнилъ ея простодушную красоту и безотвѣтное сердце, не вѣдавшее никогда ни желаній, ни зависти.

---

[1]) Егоръ Кирилловичъ Варѳоломей. Вельтманъ изобразилъ его и его семейство въ повѣсти «Два маіора» (*Москвитянинъ* 1848 года, № 1).

Л. М.

Но Пульхерица была необъяснимый феноменъ въ природѣ; стòитъ, чтобъ сказать мои сомнѣнія на счетъ ея. Многіе искали ея руки, отецъ и мать изъявляли согласіе, но едва желающій быть нареченнымъ приступалъ къ исканію сердца, всѣ вступленія къ объясненію чувствъ и желаній Пульхерица прерывала: «Ah, quel vous êtes! Qu'est-ce que vous badinez!» И все отступалось отъ исканій; сердца ея никто не находилъ; можетъ быть, его и не было, или по крайней мѣрѣ, оно было на правой сторонѣ, какъ у анатомированнаго въ Москвѣ солдата. Когда по дѣламъ своимъ отецъ ея предвидѣлъ худую будущность, онъ принужденъ былъ влюбиться, вмѣсто дочери, въ одного изъ моихъ товарищей [1]), но товарищъ мой не прельщался нѣсколькими стами тысячъ приданаго и помѣстьями бояръ. «Мусье Горчаковъ», говорилъ ему Варѳоломей,—«вы можете положиться на мою любовь и уваженіе къ вамъ». «Помилуйте, я очень цѣню вашу привязанность, но мнѣ не съ вами жить». «Повѣрьте мнѣ, что она васъ любитъ», говорилъ Варѳоломей. Но товарищъ мой не вѣрилъ клятвамъ отцовскимъ.

Смотря на Пульхерію, которой по наружности было около восемнадцати лѣтъ, я нѣсколько разъ покушался думать, что она есть совершеннѣйшее произведеніе не природы, а искусства. «Отчего», думалъ я,—«у Варѳоломея только одна дочь, тогда какъ и онъ, и жена еще довольно молоды?» Всѣ движенія, которыя она дѣлала, могли быть механическими движеніями автомата. «Не автоматъ ли она?» И я присматривался къ ея походкѣ: въ походкѣ было что-то странное, чего и выразить нельзя. Я присматривался на глаза: прекрасный, спокойный взоръ двигался вмѣстѣ съ головою. Ея лицо и руки такъ были изящны, что мнѣ казались онѣ натянутой лайкой. Но Пульхерія говоритъ... Говорилъ и Альбертовъ андроидъ съ мѣднымъ лбомъ. Я обращалъ вниманіе на ея разговоры; она все слушала кавалера своего, улыбалась на его слова и произносила только: «Qu'est-ce que vous dites? Ah, quel vous êtes!» и иногда: «Qu'est-ce que vous badinez?» Голосъ ея былъ протяженъ, въ произношеніи что-то особенное, необъяснимое. «Неужели это—новая Галатея?»

---

[1]) Дѣло идетъ о Владимірѣ Петровичѣ Горчаковѣ, который, подобно Вельтману, былъ офицеромъ по квартирмейстерской части и, проживая въ Кишиневѣ, тоже сошелся съ Пушкинымъ. Его воспоминанія о Пушкинѣ напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1850 года.

Л. М.

думалъ я... Но послѣдній опытъ такъ убѣдилъ меня, что Пульхерія—не существо, а вещество, что я до сихъ поръ вѣрю въ возможность моего предположенія. Я замѣчалъ, ѣстъ ли она. Повѣритъ ли мнѣ кто-нибудь? Она не ѣла; она не садилась за большой ужинъ, ходила вокругъ столиковъ, разставленныхъ вокругъ залы, за которыми располагались гости по произволу кадрилями; обращаясь то къ тому, то къ другому, она повторяла: «Pourquoi ne mangez-vous pas?» И если кто-нибудь отвѣчалъ, что онъ усталъ и не можетъ ѣсть, она говорила: «Ah, quel vous êtes!» и отходила. «Пульхерія не существо», думалъ я;—«но какимъ же образомъ ея отецъ, самъ ли геній механическаго искусства, или пріобрѣвшій за деньги механическую дочь, хлопочетъ, чтобъ выдать ее замужъ?» И тутъ находилъ я оправданіе своего предположенія: ему нужно утвердить за дочерью бо́льшую часть богатства, чтобъ избѣжать отъ бѣдствій несостоятельности, которую онъ предвидѣлъ уже по худому ходу откуповъ; зятю же своему онъ заперъ бы уста золотомъ; притомъ же, кто бы рѣшился разсказывать, что онъ женился на произденіи механизма? Странно однако, что никто не женился на Пульхеріи. Спустя восемь лѣтъ я пріѣзжалъ въ Кишиневъ и видѣлъ вѣчную невѣсту въ саду кишиневскомъ: она была почти та же, механизмъ не испортился, только лицо немного поистерлось [1].

Пушкинъ часто бывалъ у Варѳоломея. Добрая, таинственная дѣвушка ему нравилась,—нравилось и гостепріимство хозяевъ. Пушкинъ посвятилъ нѣсколько стиховъ Пульхерицѣ, которые я однакоже не припомню.

Происходя изъ арапской фамиліи, въ нравѣ Пушкина отзывалось восточное происхожденіе. Въ немъ проявлялся навыкъ отцовъ его къ независимости, въ его пріемахъ—воинственность и безстрашіе, въ отношеніяхъ—справедливость, въ чувствахъ—страсть благоразумная, безъ восторговъ, и чувство мести всему, что̀ отступало отъ природы и справедливости. Эпиграмма была его кинжаломъ. Онъ не щадилъ ни враговъ правоты, ни враговъ собственныхъ, поражалъ ихъ прямо въ сердце, не щадилъ и всегда готовъ былъ отвѣчать за удары свои.

Я уже сказалъ, что Пушкинъ, по пріѣздѣ, жилъ въ домѣ на-

---

[1]) Впослѣдствіи, уже въ тридцатыхъ годахъ, П. Е. Варѳоломей вышла за Мано, греческаго консула въ Одессѣ.

Л. М.

мѣстника. Кажется, въ 1822 году было сильное землетрясеніе въ въ Кишиневѣ; стѣны дома треснули, раздались въ нѣсколькихъ мѣстахъ; генералъ Инзовъ принужденъ былъ выѣхать изъ дома, но Пушкинъ остался въ нижнемъ этажѣ. Тогда въ Пушкинѣ было еще нѣсколько странностей, быть можетъ, неизбѣжныхъ спутниковъ геніальной молодости. Онъ носилъ ногти длиннѣе ногтей китайскихъ ученыхъ. Пробуждаясь отъ сна, онъ сидѣлъ голый въ постелѣ и стрѣлялъ изъ пистолета въ стѣну. Но уединеніе посреди развалинъ наскучило ему, и онъ переѣхалъ жить къ Алексѣеву [1]). Утро посвящалъ онъ вдохновенной прогулкѣ за городъ, съ карандашемъ и листомъ бумаги; по возвращеніи листъ весь былъ исписанъ стихами, но изъ этого разбросаннаго жемчуга онъ выбиралъ только крупный, не болѣе десяти жемчужинъ; изъ нихъ-то составлялись роскошныя нити событій въ поэмахъ: «Кавказскій плѣнникъ», «Разбойники», начало «Онѣгина» и мелкія произведенія, напечатанныя и не напечатанныя. Во время этихъ-то прогулокъ онъ писалъ «Къ Овидію» и сказалъ:

Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной,—
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье. . .
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ,
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ,—
Но не унизилъ въ вѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

Вѣроятно, никто не имѣетъ такого полнаго сборника всѣхъ сочиненій Пушкина, какъ Алексѣевъ. Разумѣется, многія не могутъ быть изданы по отношеніямъ.

Чаще всего я видалъ Пушкина у Липранди, человѣка вполнѣ оригинальнаго по острому уму и жизни. Къ нему собиралась вся военная молодежь, въ кругу которой жилъ болѣе Пушкинъ. Живая, веселая бесѣда, écarté и иногда, pour varier, «направо и налѣво»,

---

[1]) Николай Степановичъ Алексѣевъ, одинъ изъ немногихъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ вь Кишиневѣ, съ которыми сблизился тамъ Пушкинъ.
Л. М.

чтобъ сквитать выигрышъ. Иногда забавы были ученаго рода. Въ Кишиневъ пріѣхалъ извѣстный физикъ Стойковичъ [1]). Узнавъ, что онъ будетъ обѣдать въ одномъ домѣ, куда были приглашены Липранди и Р. [2]), они сговорились поставить въ тупикъ физика. Передъ обѣдомъ изъ первой попавшейся «Физики» заучили они всѣ значительные термины, набрались глубокихъ свѣдѣній и явились невинными за столъ. Исподволь склонили они разговоръ о предметахъ, касающихся физики, заспорили между собою, вовлекли въ споръ Стойковича и вдругъ нахлынули на него съ вопросами и смутили физика, не ожидавшаго такихъ познаній въ военныхъ.

Читателямъ «Евгенія Онѣгина» извѣстна фамилія *Ларинъ*. Ларинъ—родня Ильѣ Ларину, походному пьяному шуту, который потѣшалъ насъ въ Кишиневѣ [3]). Отставной унтеръ-цейгвахтеръ Илья Ларинъ, подобно Кохрену, былъ enjambeur и исходилъ всю Россію кругомъ не по страсти путешествовать, но по страсти къ разнообразію, для снисканія пищи и особенно питія между военной молодежью. Не имѣя ровно ничего, онъ не хотѣлъ быть нищимъ, но хотѣлъ быть вездѣ гостемъ. Прибывъ пѣшкомъ въ какой-нибудь городъ, онъ узнавалъ имена офицеровъ и, внезапно входя въ двери съ дубиной въ рукахъ, протягивалъ первому руку и говорилъ громогласно: «Здравствуй, малявка! Ну, братецъ, какъ ты поживаешь? А, суконка, узналъ ли ты Ларина, всесвѣтнаго барина?» Подобное явленіе, разумѣется, производило хохотъ, а Ларинъ между тѣмъ безъ церемоній садился, пилъ и ѣлъ все, что̀ только стояло на столѣ, и вмѣшиваясь въ разговоръ, всѣхъ смѣшилъ самымъ серьезнымъ образомъ. Покуда странность его была новостью, онъ жилъ въ обществѣ офицеровъ, переходя гостить отъ одного къ другому; но когда начинали уже ѣздить на немъ верхо̀мъ и не обращали вниманія на его хозяйскія требо-

---

[1]) Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, профессоръ Харьковскаго университета. *Л. М.*

[2]) Подъ буквою Р. надобно, кажется, разумѣть маіора Владиміра Ѳедосѣевича Раевскаго, образованнаго человѣка, завѣдывавшаго въ Кишиневѣ ланкастерскою школой. Онъ былъ заподозрѣнъ въ участіи въ тайномъ обществѣ, посаженъ въ Тираспольскую крѣпость и сосланъ въ Сибирь, хотя принадлежность его къ заговору осталась не доказанною. Пушкинъ былъ съ нимъ друженъ. *Л. М.*

[3]) Объ этомъ Ларинѣ Вельтманъ написалъ особый разсказъ, помѣщенный въ *Московскомъ городскомъ листкѣ* 1847 года. *Л. М.*

ванія, онъ вдругъ исчезалъ изъ города и шелъ далѣе незванымъ гостемъ. Ларинъ явился въ Кишиневъ во время Пушкина какъ-будто для того, чтобъ избавить его отъ затрудненія выдумывать фамилію для одного изъ лицъ «Евгенія Онѣгина».

Чья голова невидимо теплится передъ истиной, тотъ рѣдко проходитъ чрезъ толпу мирно; раздраженный неуваженіемъ людей къ своему божеству, какъ человѣкъ, онъ такъ же забывается, грозно осуждаетъ чужіе поступки и, какъ древній діаръ, заступается за правоту своего приговора: на *полѣ* дѣло рѣшается *Божьимъ судомъ*... Верстахъ въ двухъ отъ Кишинева, на западъ, есть урочище посреди холмовъ, называемое Малиной,—только не отъ русскаго слова *малина*: здѣсь городскіе виноградные и фруктовые сады. Это мѣсто какъ-будто посвящено обычаемъ «полю». Подъѣхавъ къ саду, лежащему въ вершинѣ лощины, противники восходятъ на гору по извивающейся между виноградными кустами тропинкѣ. На лугу, подъ сѣнью яблонь и шелковицъ, близъ дубовой рощицы, стряпчіе вымѣряютъ поле, а между тѣмъ подсудимые сбрасываютъ съ себя платье и становятся на мѣсто. Здѣсь два раза «полевалъ» и Пушкинъ, но къ счастью, дѣло не доходило даже до первой крови, и послѣ первыхъ выстрѣловъ его противники предлагали миръ, а онъ принималъ его. Я не былъ стряпчимъ, но былъ свидѣтелемъ издали одного «поля», и признаюсь, что Пушкинъ не боялся пули точно такъ же, какъ и жала критики. Въ то время, какъ въ него цѣлили, казалось, что онъ, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлялъ злую эпиграмму на стрѣльца и на промахъ.

Пушкинъ такъ былъ пылокъ и раздражителенъ отъ каждаго непріятнаго слова, такъ дорожилъ чистотой мнѣнія о себѣ, что однажды въ обществѣ одна дама, не понявъ его шутки, сказала ему дерзость. «Вы должны отвѣчать за дерзость жены своей», сказалъ онъ ея мужу. Но бояръ равнодушно объяснилъ, что онъ не отвѣчаетъ за поступки жены своей. «Такъ я васъ заставлю знать честь и отвѣчать за нее», вскричалъ Пушкинъ, и непріятность, сдѣланная Пушкину женою, отозвалась на мужѣ. Этимъ все и заключилось; только съ тѣхъ поръ долго бояре дичились Пушкина; но время скоро излѣчило рожу на лицѣ Тодора Балша, и онъ теперь засѣдаетъ въ диванѣ князя Молдавіи.

Я полагаю, что поэма «Разбойники» внушена Пушкину взглядомъ на талгаря Урсула (*талгаръ*—разбойникъ, *урсулъ*—медвѣдь).

Это былъ начальникъ шайки, составившейся изъ разнаго сброда войнолюбивыхъ людей, служившихъ етеріи молдавской и перебравшихся въ Бессарабію отъ преслѣдованія турокъ послѣ Скулянскаго дѣла. Въ Молдавіи и вообще въ Турціи разбойники разъѣзжаютъ отрядами по деревнямъ, берутъ дань, пируютъ въ корчмахъ, и ихъ никто не трогаетъ. Урсулъ съ нѣсколькими изъ отважныхъ ограбилъ на дорогѣ отъ Бендеръ къ Кишиневу купца. Вздумали пировать въ корчмѣ при въѣздѣ въ городъ. Въ то время еще никто не удивлялся, видя нѣсколько вооруженныхъ съ ногъ до головы арнаутовъ; но ограбленный Урсуломъ прибѣжалъ въ Кишиневъ и, замѣтивъ разбойниковъ въ корчмѣ, закричалъ: «Талгарь, талгарь!» Народъ сбѣжался; письменная почта была подлѣ; почтмейстеръ Алексѣевъ, отставной храбрый полковникъ гусарскій, собралъ команду почтальоновъ и бросился съ ними къ корчмѣ, давъ знать между тѣмъ жандармскому командиру. Урсулъ съ товарищами, видя себя окруженнымъ, вскочивъ на коней, понеслись во весь опоръ чрезъ городъ. Только крики: «талгарь, талгарь!» успѣвали ихъ преслѣдовать по улицамъ. Народъ заграждалъ имъ путь, но выстрѣлами прокладывали они себѣ дорогу впередъ, однакоже выбрали плохой путь—черезъ Булгарію (улицу Булгарскую). Булгары осыпали ихъ и принудили своротить въ сторону къ огородамъ. Огороды лежали на равнинѣ по берегу Быка. Принадлежа разнымъ владѣльцамъ, все пространство было въ загородяхъ. Лихіе кони разбойниковъ перелетали черезъ плетни, но загородокъ было много, а толпы булгаръ преслѣдовали ихъ бѣгомъ и догоняли; постепенно утомленные кони падали съ отважными сѣдоками, и булгары, какъ пчелы, осыпали ихъ и перевязывали. На окованнаго Урсула съѣзжался смотрѣть весь городъ. Это былъ образецъ звѣрства и ожесточенія; когда его наказали, онъ не давался лѣчить себя, лежалъ осыпанный червями, но не охалъ. Я увѣренъ, что Урсулъ подалъ Пушкину мысль написать картину «Разбойниковъ», въ которой онъ подражалъ разсказу Байрона въ «Шильонскомъ узникѣ» только привычнымъ своимъ размѣромъ [1]).

---

[1]) Похожденія разбойника Урсула, разумѣется, съ романическими прикрасами, составляютъ содержаніе повѣсти Вельтмана подъ этимъ заглавіемъ, помѣщенной во II-мъ томѣ «Ста русскихъ литераторовъ»; эпизодъ поимки Урсула описанъ тамъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что̀ въ настоящихъ «Воспоминаніяхъ». Вигель, въ своихъ запискахъ (ч. VI, стр. 132), разсказываетъ исторію этого Урсула, но съ большими неточностями, которыя исправлены И. П.

Точно такъ же и кочующіе цыгане по Бессарабіи подали Пушкину мысль написать картину «Цыганъ», хотя это несчастное племя Ромъ [1], истинные потомки плебеевъ римскихъ, изгнанные плоты, тамъ не столь милы, какъ въ поэмѣ Пушкина.

Говоря о цыганахъ бессарабскихъ и молдавскихъ, должно упомянуть, что они издавна составляютъ собственность, рабовъ боярскихъ, между тѣмъ какъ молдаване — народъ вольный, зависящій только отъ земли. Въ Бессарабіи есть нѣсколько деревень, землянокъ цыганскихъ; по большей части они живутъ на краяхъ селеній въ землянкахъ, платятъ владѣтелю червонецъ съ семьи и отправляются таборомъ кочевать по Бессарабіи на заработку. Они — или ковачи, или пѣвцы-музыканты; скрипица и кобза — два инструмента ихъ. Лошадиной мѣной тамъ они не занимаются. Почти каждая деревня Бессарабіи нанимаетъ постоянно двухъ или нѣсколькихъ цыганъ-музыкантовъ для *джоковъ* (хороводной пляски) по воскресеньямъ и во время свадебъ. Почти каждый бояръ также содержитъ у себя нѣсколько человѣкъ музыкантовъ. Въ дополненіе, вся почти дворня каждаго бояра состоитъ изъ однихъ цыганъ, повара̀ и служанки изъ цыганъ. Служанки въ лучшихъ домахъ ходятъ босикомъ; повара̀— чернѣе вымазанныхъ смолою чумаковъ, и если вы сильно будете брезгливы, то не смотрйте, какъ готовится обѣдъ въ кухнѣ, которая похожа на отдѣленіе ада: это—страшно! Ихъ кормятъ одной *мамалыгой* или мукой кукурузной, свареной въ котлѣ густо, какъ саламата. Комъ мамалыги вываливаютъ на грязный столъ, разрѣзываютъ на части и раздаютъ; кто опоздалъ взять свою часть, тотъ имѣетъ право голодать до вечера. По праздникамъ прибавляютъ къ обѣду ихъ гнилой *бринзы* (творогъ овечій). За то не нужно мыть тарелокъ во время обѣдовъ боярскихъ: эти несчастные оближутъ ихъ чисто-на-чисто. Я не говорю, чтобъ это было такъ вездѣ, но такъ по большей части; по одному, по нѣсколькимъ примѣрамъ я бы даже не упомянулъ объ этомъ, но это—просто обычай въ Бессарабіи, въ Молдавіи и Валахіи, во всякомъ домѣ, гдѣ огромная дворня цыганъ

Липранди въ его «Замѣчаніяхъ на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля» (гл. XXXVIII).
Л. М.

[1] Такъ называютъ себя цыгане. Если вы спросите у цыгана: кто онъ, цыганъ будетъ отвѣчать: «Романе гове» (сынъ рима, римлянинъ). Цыгане суть дѣйствительно племя первобытныхъ римлянъ.
А. В.

составляетъ прислугу. Страсть къ наружному великолѣпію и вмѣстѣ отвратительную неопрятность de la maison culinaire не возможно достаточно сблизить въ воображеніи.

Войдите въ великолѣпный домъ, который не стыдно было бы перенести на площадь какой угодно изъ европейскихъ столицъ. Вы пройдете переднюю, полную арнаутовъ,—передъ вами приподнимутъ полость сукна, составляющую занавѣску дверей; пройдете часто огромную залу, въ которой можно сдѣлать разводъ,—передъ вами вправо или влѣво поднимутъ опять какую-нибудь красную суконную занавѣсь, и вы вступите въ диванную; тутъ застанете вы или хозяйку, разряженную по модѣ европейской, но сверхъ платья въ какой-нибудь кацавейкѣ, *фермеле*, безъ рукавовъ, шитой золотомъ, или застанете хозяина, про котораго невольно скажете:

Онъ важенъ, важенъ, очень важенъ:
Усы въ три дюйма, и сѣда
Его въ два локтя борода,
Янтарь въ аршинъ, чубукъ въ пять саженъ.
Онъ важенъ, важенъ, очень важенъ [1]).

Васъ сажаютъ на диванъ; арнаутъ, въ какой-нибудь лиловой бархатной одеждѣ, въ кованой изъ серебра позолоченой бронѣ, въ чалмѣ изъ богатой турецкой шали, перепоясанный также турецкою шалью, за поясомъ ятаганъ, на руку наброшенъ кисейный, шитый золотомъ платокъ, которымъ онъ, раскуривая трубку, обтираетъ драгоцѣнный мундштукъ,—подаетъ вамъ чубукъ и ставитъ на полъ подъ трубку мѣдное блюдечко. Въ то же время босая, неопрятная цыганочка, съ вклокоченными волосами, подаетъ на подносѣ дульчецъ и воду въ стаканѣ. А потомъ опять пышный арнаутъ или нищая цыганка подносятъ *каву* въ крошечной фарфоровой чашечкѣ безъ ручки, подлѣ которой на подносѣ стоитъ чашечка серебряная, въ которую вставляется чашечка съ кофе и подается вамъ. Турецкій кофе смолотый и стертый въ пыль, сваренный крѣпко, подается безъ отстоя.

Между дѣвами-цыганками, живущими въ домѣ, можно найдти

[1]) Стихи Вельтмана; см. „Странникъ", ч. II, стр. 73.

Л. М.

Земферску или Земфиру, которую воспѣлъ Пушкинъ, и которая, въ свою очередь, поетъ молдавскую пѣсню:

Арды ма, фрыджи ма,
На карбуне пуне ма!
(Жги меня, жарь меня, на уголья клади меня).

Но посреди таборовъ нѣтъ Земфиры.

Я сказалъ уже, что я боялся не только говорить, но даже быть вмѣстѣ съ Пушкинымъ; но странный случай свелъ насъ. Заспоривъ однажды съ кѣмъ-то, что фамилія Таушевъ, произносящаяся *у* съ краткой, должна и писаться правильно съ краткой, ибо письмо не должно измѣнять произношенію,—я доказывалъ, что должно ввести въ употребленіе *у* съ краткой, и привелъ на-обумъ слѣдующіе четыре стиха:

Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ—
Парнасса русскаго пѣвцы,
Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ—
Шестого корпуса писцы.

«Надъ *у* не должно быть краткой, *и*—лишнее въ стихѣ; должно сказать:

Пафнутьевъ, Таушевъ, Слѣпушкинъ»,

кричали всѣ. Я изъ себя выходилъ, доказывая, что если въ произношеніи *у*—краткое, то *и* должно быть. Въ это время вошелъ Пушкинъ; ему объяснили споръ; онъ былъ противъ меня, и тщетно я увѣрялъ, что *у* въ фамиліи Таушевъ—то же, что̀ краткое *и*, и что, слѣдовательно, въ стихѣ:

Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ

и необходимо. Ничто не помогло: Пушкинъ не хотѣлъ знать *у* съ краткой [1]).

Вскорѣ Пушкинъ, узнавъ, что я тоже пописываю стишки и со-

---

[1]) Этотъ случай разсказанъ вкратцѣ и въ воспоминаніяхъ И. П. Липранди (*Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1448 и 1449), но съ очевидною неточностью: Липранди приписываетъ Пушкину именно то мнѣніе, которое защищалъ Вельтманъ, а поэтъ оспаривалъ. Вельтманъ, безъ сомнѣнія, лучше помнилъ, какъ было дѣло; въ подтвержденіе его словъ можно замѣтить, что въ пушкинскомъ автографѣ «Наполеона», написаннаго въ Кишиневѣ въ 1821 году, читается:

Померкни, солнце А*в*стерлица,

а не «А*у*стерлица», какъ печатаютъ нынѣ вопреки требованію размѣра.

Л. М.

чиняю молдавскую сказку въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Янко чабанъ» (пастухъ Янко), навѣстилъ меня и просилъ, чтобъ я прочиталъ ему что-нибудь изъ «Янка». Три пѣсни этой нелѣпой поэмы-буффы были уже написаны; зардѣвшись отъ головы до пятокъ, я не могъ отказать поэту и сталъ читать. Пушкинъ хохоталъ отъ души надъ нѣкоторыми мѣстами описаній моего «Янка», великана и дурня, который, обрадовавшись, такъ росъ, что вскорѣ не стало мѣста въ хатѣ отцу и матери, и младенецъ, проломивъ рученкой стѣну, вылупился изъ хаты какъ изъ яйца [1]).

Черезъ нѣсколько дней я отправился изъ Кишинева и не видѣлъ уже Пушкина до 1831 года. Онъ посѣтилъ *странника* уже въ Москвѣ. «Я непремѣнно буду писать о «Странникѣ», сказалъ онъ мнѣ. Въ послѣдующія свиданія онъ всегда напоминалъ мнѣ объ этомъ намѣреніи. Обстоятельства заставили его забыть объ этомъ; но я дорого цѣню это намѣреніе.

«Пора намъ перестать говоритъ другъ другу *вы*», сказалъ онъ мнѣ, когда я просилъ его въ собраніи показать жену свою. И я въ первый разъ сказалъ ему: «Пушкинъ, ты—поэтъ, а жена твоя—воплощенная поэзія». Это не была фраза обдуманная: этими словами невольно только высказалось сознаніе умственной и земной красоты.

Теперь гдѣ тотъ, который такъ таинственно, такъ скрытно даже для меня пособилъ развертываться силамъ остепенившагося *странника*?...

«Воспоминанія» Вельтмана не нуждаются во многихъ объясненіяхъ. Уже было замѣчено выше, что основная ихъ мысль о плодотворномъ вліяніи условій бессарабской жизни на творчество Пушкина заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ ясномъ и живомъ разсказѣ Вельтманъ развернулъ богатый запасъ собственныхъ наблюденій и такимъ образомъ далъ очень цѣнные матеріалы для разработки поставленной имъ задачи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, должно сознаться—онъ не рѣшилъ ея самъ, ибо недостаточно провѣрилъ свою мысль по сочиненіямъ Пушкина; для ея подтвержденія онъ ограничивается лишь нѣсколькими отдѣльными намеками и указаніями.

[1]) Эта поэма Вельтмана осталась не напечатанною, но два отрывка изъ нея—описаніе бури и описаніе разсвѣта—помѣщены въ его „Странникѣ", ч. I, стр. 96 и 98.

Л. М.

Прямое отношеніе къ реальной наблюдательности Вельтмана имѣетъ его замѣчаніе о «Цыганахъ». Выражаясь съ большою осторожностью, авторъ «Воспоминаній» даетъ однако понять, что въ этой поэмѣ Пушкинъ представилъ бессарабскихъ цыганъ въ образахъ, слишкомъ идеальныхъ, слишкомъ мало похожихъ на настоящихъ представителей этого племени. Еще критики, современные появленію поэмы (1827 г.), указывали на то, что есть внутреннее противорѣчіе между изображеніемъ цыганъ у Пушкина и байроническими элементами произведенія; вспомнимъ въ особенности сужденіе И. В. Кирѣевскаго, изложенное въ его статьѣ: «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина» [1]). Но первые цѣнители поэмы осуждали автора ея никакъ не за идеализацію цыганскаго быта, а скорѣе за то, что онъ выставилъ на видъ нѣкоторыя слишкомъ грубыя черты его. Отзывъ Вельтмана совершенно противоположенъ этому, но въ томъ-то и заключается его оригинальность и достоинство: Вельтманъ находилъ въ поэмѣ Пушкина недостатокъ истиннаго реализма. Судя по позднѣйшимъ критическимъ замѣткамъ поэта (1830 и 1831 гг.), онъ и самъ пришелъ впослѣдствіи къ такому же заключенію.

Относительно «Братьевъ-разбойниковъ» Вельтманъ высказываетъ догадку, что эта поэма внушена Пушкину «взглядомъ на талгаря Урсула», когда послѣдняго держали скованнаго въ кишиневской тюрьмѣ, и на него съѣзжался смотрѣть весь городъ. Предположеніе невѣрное, такъ какъ, по собственному свидѣтельству Пушкина, сочиненіе этой небольшой поэмы или, точнѣе сказать, отрывка изъ поэмы относится къ концу 1821 года, а обстоятельство, подавшее къ ней поводъ, то-есть, бѣгство черезъ рѣку двухъ скованныхъ другъ съ другомъ арестантовъ, случилось еще раньше, въ 1820 году, въ Екатеринославѣ, въ время пребыванія тамъ Пушкина; между тѣмъ, поимка талгаря Урсула послѣдовала въ Кишиневѣ только въ апрѣлѣ 1823 года [2]). Тѣмъ не мѣнѣе, есть доля правды и въ словахъ Вельтмана. Типы удальцовъ греческихъ, южно-славянскихъ и румынскихъ, которыхъ Пушкинъ видалъ въ бытность свою въ Бессарабіи, несомнѣнно, производили сильное впечатлѣніе на его воображеніе, и именно тѣмъ, что въ нихъ своеобразно сочетались, съ одной стороны, страстные

---

[1]) Эта статья была помѣщена въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 года, а впослѣдствіи перепечатана въ I-мъ томѣ сочиненій И. В. Кирѣевскаго.

[2]) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 121; VII, стр. 58; *Липранди*, Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, стр. 161 и 162.

порывы къ народной свободѣ, а съ другой—дикіе инстинкты людей, выросшихъ подъ давленіемъ всяческаго гнета и внѣ всякихъ цивилизующихъ вліяній. Эти впечатлѣнія встрѣтили Пушкина при самомъ прибытіи въ Кишиневъ и сопровождали въ теченіе всей его тамошней жизни. Онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ въ сентябрѣ 1820 года, а 5-мъ октября уже помѣчено его стихотвореніе «Дочери Карагеоргія», въ которомъ, обращаясь къ этой дѣвушкѣ, онъ изображалъ ея отца слѣдующими характерными стихами:

Гроза Луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.

Разсказы о героѣ сербскаго возстанія Пушкинъ могъ слышать отъ проживавшихъ въ Кишиневѣ сербскихъ воеводъ, съ которыми встрѣчался у Липранди, а впослѣдствіи онъ даже принимался записывать отъ знакомыхъ сербовъ ихъ юнацкія пѣсни. Точно такъ же собиралъ онъ разсказы и о греческихъ удальцахъ, участникахъ попытки Ипсиланти. Такимъ образомъ, еще раньше свиданія съ талгаремъ Урсуломъ, Пушкинъ познакомился съ этимъ родомъ людей, и понятно, что нѣкоторыя черты изъ ихъ характеристики могли попасть въ тотъ юношескій набросокъ, который представляютъ собою «Братья-разбойники».

Какъ русскіе «лихіе люди» съ раннихъ лѣтъ занимали собою воображеніе Пушкина и затѣмъ много разъ были выводимы въ его произведеніяхъ даже самой поздней поры, такъ и яркіе образы разноплеменныхъ балканскихъ удальцовъ, мелькнувшіе передъ нимъ въ Бессарабіи, никогда не покидали его впослѣдствіи. Въ 1832—1833 годахъ Пушкинъ пишетъ «Пѣсни западныхъ славянъ», въ которыхъ, рядомъ съ переводами поддѣлокъ Мериме, встрѣчается воспроизведеніе подлинныхъ памятниковъ славянскаго народнаго творчества, и безъ сомнѣнія, живость и яркость красокъ въ этихъ «Пѣсняхъ» объясняются не чѣмъ инымъ, какъ впечатлѣніями, которыя залегли въ душѣ поэта со времени его жизни въ Кишиневѣ. Къ тѣмъ же воспоминаніямъ, и еще прямѣе, Пушкинъ обращается въ 1834 году, когда пересказываетъ дошедшія до него по слухамъ преданія о грозномъ Кирджали, который, подобно талгарю Урсулу, былъ сперва сподвижникомъ Ипсиланти, а потомъ сталъ лихимъ разбойникомъ

и наводилъ своими грабежами ужасъ на всю Молдавію. Любопытно, что самая выработка прозаической повѣствовательной формы связывается у Пушкина съ разсказами объ этихъ людяхъ: насъ поражаетъ изумительное совершенство ея въ сжатомъ, но картинномъ повѣствованіи о Кирджали, написанномъ въ пору высшаго развитія пушкинскаго творчества; а за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1824 году, геніальный авторъ этой повѣсти, записывая въ Одессѣ воспоминанія етеристовъ Дуки и Пендедеки, еще затруднялся ихъ изложеніемъ и жаловался Липранди: «Съ прозой—бѣда! Хочу попробовать этотъ первый опытъ» [1]. Попыткою своей Пушкинъ остался тогда не вполнѣ доволенъ; потому, вѣроятно, она и не сохранилась въ его бумагахъ.

Не считаемъ нужнымъ останавливаться на анекдотической сторонѣ «Воспоминаній» Вельтмана. Достовѣрность ихъ въ этомъ отношеніи подтверждается свидѣтельствами другихъ источниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ «Воспоминаній» обнаруживается, что бытовыя повѣсти Вельтмана имѣютъ основу большею частью въ дѣйствительныхъ происшествіяхъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что напечатанный имъ въ 1847 году разсказъ «Илья Ларинъ» касается лица, дѣйствительно носившаго эту фамилію и проживавшаго въ Кишиневѣ во время Вельтмана и Пушкина; не будетъ поэтому преувеличеніемъ взглянуть на этотъ разсказъ, какъ на дополненіе къ «Воспоминаніямъ». Изъ него видно, между прочимъ, что грубый и безпутный, но честный и прямой Ларинъ былъ нѣчто въ родѣ знаменитаго гоголевскаго капитана Копѣйкина; и если вѣрно извѣстіе, что сюжетъ «Повѣсти» о немъ былъ сообщенъ Гоголю Пушкинымъ, то легко предположить, что при этомъ послѣдній имѣлъ въ виду именно своего кишиневскаго знакомца.

Вельтманъ оставилъ Кишиневъ ранѣе Пушкина, и только лѣтъ девять спустя, въ началѣ 1831 года, они встрѣтились въ Москвѣ. Въ это время Вельтманъ напечаталъ уже своего «Странника» и повѣсть въ стихахъ «Бѣглецъ». Въ исходѣ февраля 1831 года состоялась свадьба Пушкина: это обстоятельство, конечно, и было причиною, почему онъ не собрался написать разборъ «Странника», какъ обѣщалъ то Вельтману. Между тѣмъ, въ № 30-мъ *Литературной Газеты* (26-го мая 1831 года), которую еще продолжалъ издавать О. М. Сомовъ послѣ смерти барона Дельвига, появился разборъ

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1410.

«Странника» и «Бѣглеца», очень неблагопріятный для автора. Пушкинъ встревожился этимъ и немедленно, 1-го іюня, написалъ изъ Царскаго Села знакомому съ Вельтманомъ П. В. Нащокину слѣдующее: «Я сейчасъ увидѣлъ въ *Литературной Газетѣ* разборъ Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ-нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было» [1]. Изъ «Воспоминаній» Вельтмана мы уже знаемъ, что онъ отнесся къ этой непріятности очень добродушно. Въ концѣ 1831 года и въ сентябрѣ слѣдующаго Пушкинъ снова былъ въ Москвѣ и, вѣроятно, снова видѣлся съ Вельтманомъ; по крайней мѣрѣ, въ октябрѣ 1832 года, въ письмѣ къ Нащокину, онъ наводилъ справки объ обстоятельствахъ Вельтмана и его литературныхъ занятіяхъ: обстоятельства дѣйствительно были довольно плохія, такъ какъ Вельтманъ находился тогда въ нуждѣ, а его литературныя занятія заключались только въ сочиненіи либретто для оперы, которую намѣревался писать покровительствуемый Нащокинымъ молодой московскій музыкантъ, А. П. Есауловъ.

На этомъ прерываются свѣдѣнія о личныхъ отношеніяхъ между двумя писателями. Какъ поэта, Вельтманъ привѣтствовалъ Пушкина еще въ 1831 году стихотвореніемъ «Пегасъ» въ которомъ читаются слѣдующія заключительныя строки:

Счастливъ, кому волшебникъ-геній далъ
Очаровательную силу!
Онъ возлетитъ на немъ [2] къ прекрасному свѣтилу,
Гдѣ пламенникъ души богъ пѣсней возжигалъ!

Какъ человѣка прекрасной души, Вельтманъ изобразилъ Пушкина въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Бессарабіи».

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 269.
[2]) На Пегасѣ.

ИЗЪ СНОШЕНІЙ ПУШКИНА СЪ Н. Н. РАЕВСКИМЪ.

Замѣтки по поводу одного письма.

Кто читалъ въ *Русскомъ Архивѣ* прежнихъ лѣтъ воспоминанія Н. И. Лорера и Г. И. Филипсона о службѣ ихъ на Кавказѣ въ тридцатыхъ годахъ, безъ сомнѣнія, помнитъ ихъ любопытные разсказы о генералѣ Николаѣ Николаевичѣ Раевскомъ, который съ 1838 по 1841 годъ былъ устроителемъ и затѣмъ начальникомъ такъ-называемой Кавказской береговой линіи, то-есть, ряда укрѣпленій на восточномъ берегу Чернаго моря. Младшій сынъ знаменитаго героя 1812 года, Н. Н. Раевскій былъ типическимъ представителемъ героической эпохи русскаго владычества на Кавказѣ. Лихой воинъ, горячо любимый своими подчиненными и солдатами, но часто ссорившійся со своимъ начальствомъ, онъ соединялъ съ умомъ и военными способностями прекрасное образованіе и качества любезнаго свѣтскаго человѣка.

Въ ранней молодости Николай Николаевичъ служилъ въ гвардейскихъ гусарахъ и, стоя съ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, познакомился съ лицеистомъ Пушкинымъ, который былъ на два года старше его. Пушкинъ говорилъ, что еще въ эту первую пору ихъ пріязни Раевскій оказалъ ему важныя услуги [1]): въ чемъ онѣ состояли—остается однако неизвѣстнымъ. Когда, въ маѣ 1820 года, Пушкинъ былъ высланъ на югъ Россіи, Николай Николаевичъ доставилъ ему возможность присоединиться къ семейству Раевскихъ, отправлявшемуся со старикомъ-отцомъ на Кавказскія воды. Пушкинъ прожилъ съ ними около четырехъ мѣсяцевъ, сперва на водахъ, а потомъ на южномъ берегу Крыма, и въ это время могъ особенно оцѣнить благородныя чувства молодого Раевскаго. Памятникомъ то-

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 8.

гдашней связи ихъ остается посвященіе Николаю Николаевичу «Кавказскаго Плѣнника». Въ посвятительныхъ стихахъ поэтъ обращается къ своему другу со слѣдующими знаменательными словами:

Когда я погибалъ безвинный, безотрадный
И шепотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладной,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили,—
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили:
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.

По возвращеніи изъ Крыма Пушкинъ проводилъ Раевскихъ до ихъ имѣнья Каменки, въ Кіевской губерніи, и затѣмъ снова посѣтилъ Каменку въ февралѣ 1821 года. Такимъ образомъ, онъ не разставался съ Николаемъ Николаевичемъ бо̀льшую часть перваго года, проведеннаго на югѣ Россіи. Въ Каменкѣ, на глазахъ у Раевскаго, Пушкинъ кончилъ «Кавказскаго Плѣнника». Около трехъ лѣтъ спустя, въ январѣ 1824 года, друзья встрѣтились не надолго въ Одессѣ: туда пріѣзжалъ на время Николай Николаевичъ, уже оставившій гвардію и перешедшій на службу въ Ольвіопольскій уланскій полкъ, который стоялъ въ Кіевской губерніи.

Пушкина соединяла съ Раевскимъ не только сердечная пріязнь молодыхъ лѣтъ, но и общность литературныхъ интересовъ, которые были сильно развиты во всемъ семействѣ Раевскихъ. Въ запискахъ Филипсона находятся слѣдующія свѣдѣнія о характерѣ образованія друга Пушкина: «Кажется, Николай Николаевичъ получилъ домашнее воспитаніе, по тогдашнему времени очень тщательное, но одностороннее, какъ это обыкновенно было въ то время. Онъ очень хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ, зналъ его литературу, много читалъ, подружившись съ А. С. Пушкинымъ и съ его кружкомъ, познакомился и съ русскою литературой. Изъ естественныхъ наукъ онъ зналъ только ботанику, которая давала упражненіе его огромной памяти. У него была большая библіотека, въ которой много было латинскихъ и греческихъ классиковъ, но во французскомъ переводѣ. Англійскій языкъ онъ зналъ плохо, а нѣмецкій еще хуже. Въ то время, какъ я его зналъ, онъ на досугѣ занимался только легкимъ чтеніемъ, какъ напримѣръ, романами Вальтера Скотта и Купера» [1].

[1]) Воспоминанія Григорія Ивановича Филипсона. М. 1885, стр. 155.

Нужно имѣть въ виду, что этотъ нѣсколько сдержанный отзывъ относится къ позднѣйшему времени, когда Н. Н. Раевскій постарѣлъ и поопустился, и что онъ принадлежитъ человѣку, безъ сомнѣнія, умному, но нѣсколько сухому, дѣловитому и, по видимому, мало одаренному чувствомъ изящнаго. Не таковъ былъ Раевскій: очень чуткій къ созданіямъ поэзіи, онъ еще въ молодости отличался большою начитанностью въ произведеніяхъ изящной словесности, притомъ не одной французской. Пусть познанія его въ англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ были не обширны, однако онъ читалъ уже и Вальтера Скотта, и Байрона въ то время, когда ихъ, особливо послѣдняго, почти не знали наши даже записные литераторы. Оттого, какъ увидимъ далѣе, у него сложились литературныя сужденія, которыя довольно рѣзко выдѣлялись изъ господствовавшихъ въ ту пору мнѣній.

Близкое знакомство съ такимъ человѣкомъ не могло пройти безслѣднымъ для Пушкина. Едва ли не черезъ Н. Н. Раевскаго и его сестеръ онъ впервые познакомился съ Байрономъ. Есть положительныя свидѣтельства, что подъ ихъ руководствомъ Пушкинъ началъ учиться англійскому языку [1]), а когда, въ августѣ 1820 года, онъ плылъ съ Раевскимъ на кораблѣ «изъ Азіи въ Европу», уже была написана, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что прочтеннаго «Чайльдъ-Гарольда», элегія:

Погасло дневное свѣтило...—

первое стихотвореніе въ той полосѣ творчества Пушкина, когда онъ платилъ дань байронизму.

Н. Н. Раевскій довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ дѣлахъ литературы. По письмамъ поэта видно, что ему чаще приходилось спорить о литературныхъ вопросахъ со своими корреспондентами, чѣмъ соглашаться съ ними. Н. Н. Раевскій являлся въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Извѣстно, что своимъ «Кавказскимъ Плѣнникомъ» Пушкинъ не былъ доволенъ, что недостатки этого произведенія обнаружились предъ авторомъ даже прежде, чѣмъ оно было отдано въ печать: едва кончивъ поэму, онъ уже находилъ характеръ героя неудачнымъ. То же повторяетъ Пушкинъ въ своей позднѣйшей замѣткѣ о «Кавказскомъ Плѣнникѣ» и

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1115 (статья *П. И. Бартенева*: «Пушкинъ въ южной Россіи»); *П. В. Анненковъ*. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 151.

прибавляетъ: «За то Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись». Это было, вѣроятно, въ началѣ 1824 года, когда Н. Н. Раевскій пріѣзжалъ въ Одессу навѣстить своего старшаго брата, здѣсь служившаго.

Вслѣдъ за «Плѣнникомъ» Пушкинъ задумалъ другую поэму, рѣшивъ взять краски для нея изъ русской народной жизни, изъ быта русскихъ разбойниковъ. Поэма была написана, но и ею авторъ остался недоволенъ и предалъ рукопись сожженію. Онъ успѣлъ однако сообщить Николаю Николаевичу свое произведеніе или, по крайней мѣрѣ, часть его; Раевскій сохранилъ этотъ отрывокъ, въ которомъ ему нравилась простота слога. Благодаря Раевскому, отрывокъ этотъ появился потомъ въ печати подъ названіемъ «Братьевъ-разбойниковъ». Съ мнѣніемъ Николая Николаевича о «Братьяхъ-разбойникахъ» согласно было сужденіе и самого Пушкина. «Какъ сюжетъ», писалъ онъ князю Вяземскому въ 1823 году,—«c'est un tour de force; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ» [1]). Когда задуманъ былъ и создавался «Борисъ Годуновъ», опять-таки съ Н. Н. Раевскимъ Пушкинъ пожелалъ подѣлиться своимъ замысломъ; въ бумагахъ поэта сохранились черновые наброски двухъ писемъ о «Годуновѣ», адресованныхъ къ этому другу юности; но остается неизвѣстнымъ, были ли эти письма отправлены по назначенію.

Вообще, о перепискѣ между Пушкинымъ и Н. Н. Раевскимъ имѣется до сихъ поръ очень мало свѣдѣній. Мы совершенно не знаемъ, уцѣлѣли ли какія-либо письма поэта въ бумагахъ его друга [2]); въ Пушкинскомъ же архивѣ нашлось только одно письмо Николая Николаевича, которое и было напечатано П. И. Бартеневымъ [3]). Оно писано въ 1824 году, послѣ того какъ Раевскій узналъ о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ деревню. Раевскій утѣшаетъ друга и въ переводѣ его на сѣверъ видитъ «шагъ къ прекращенію его изгнанничества»; говоритъ о своей тяжкой болѣзни и этимъ объясняетъ свое долгое молчаніе. Слѣдующія слова письма свидѣтельствуютъ о серьезности дружеской связи между Пушкинымъ и Раевскимъ, а также о томъ, что между ними дѣйствительно велась

---

[1]) Сочиненія, т. V, стр. 121; т. VII, стр. 25—30, 50, 54.

[2]) На существованіе переписки между Пушкинымъ и Н. Н. Раевскимъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ писемъ поэта, есть еще указаніе въ письмѣ Пушкина къ Жуковскому отъ 17-го августа 1825 года (Сочиненія, т. VII, стр. 105).

[3]) Бумаги А. С. Пушкина. Выпускъ первый. М. 1881, стр. 79—81.

постоянная переписка: «Пиши ко мнѣ по прежнему, побольше и почаще. Не бойся поставить меня въ неловкое положеніе: моя дружба съ тобою завязалась гораздо раньше несчастной твоей исторіи; она независима отъ того, что̀ случилось и что̀ вызвано заблужденіями нашей ранней молодости. Совѣтую тебѣ: будь благоразуменъ. Не то, чтобъ я опасался новыхъ невзгодъ, но меня все еще страшитъ какой-нибудь неосторожный поступокъ, который можетъ быть истолкованъ въ дурную сторону; а по несчастію, твое прошедшее даетъ къ тому поводъ. Мнѣ очень хочется тебя увидѣть, и если твое положеніе не перемѣнится, я обѣщаю пріѣхать къ тебѣ раньше года; а если съ тобою послѣдуетъ перемѣна, то дай мнѣ слово навѣстить меня тоже раньше года».

Въ нашихъ рукахъ находится другое письмо Н. Н. Раевскаго къ Пушкину, сохранившееся въ бумагахъ П. В. Анненкова; оно писано 10-го мая 1825 года; годъ не означенъ, но онъ опредѣляется содержаніемъ письма. Оно писано изъ Кіевской губерніи, изъ Бѣлой Церкви или изъ Бѣлгородки: въ помѣтѣ одно изъ этихъ названій передѣлано въ другое, но такъ неясно, что не знаешь, что̀ слѣдуетъ считать окончательнымъ. Письмо тѣмъ интереснѣе, что оно все—литературнаго содержанія. Сообщаемъ этотъ документъ во французскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ.

Biela-Tserkow, le 10 de mai.

Pardon, mon cher ami, si j'ai passé tant de temps sans vous écrire; mais les occupations de service, le manque de temps et de société qui puisse tirer mon ésprit de son engourdissement m'ont empeché d'écrire une seule lettre depuis six mois. C'est pour vous le premier que je romps le silence.

Merci pour votre plan de tragédie. Que pourrais-je vous en dire? Ce n'est pas les concéptions brillantes qui vous manquent, mais la patience dans l'exécution. Il vous aura donc donné d'ouvrir encore la carrière d'un théatre national. Quant à la patience, j'aurais voulu vous voir consulter les sources, où Karamsine a puisé, au lieu de vous en tenir à son seul récit. N'oubliez pas que Schiller fit un cours d'astrologie avant d'écrire son «Wallenstein». Je vous avoue ne pas trop comprendre pourquoi vous voulez n'employer que les vers blancs dans votre tragédie. Moi, je croirais au contraire que ce serait bien le cas de faire usage de toutes les richesses de nos

nombreux rhythmes, bien entendu en ne cherchant pas à les combiner ensemble, comme le prince Chakovskoï, mais en ne vous restreignant pas à suivre pour chaque scène le rhythme adopté dans la première. Que votre tragédie soit bonne ou mauvaise, j'y prévois d'avance d'importants résultats pour notre littérature; vous donnerez de la vie à notre héxamètre qui jusqu'à présent est si lourd, si inanimé; vous prêterez au dialogue un mouvement qui le fera ressembler à une conversation et non pas à des phrases de vocabulaire comme jusqu'à présent. Vous acheverez de populariser chez nous ce langage simple et naturel que notre public est encore à ne pas comprendre, malgré les beaux modèles de «Цыганы» et des «Разбойники». Vous acheverez de faire descendre la poésie de ses échasses.

Le père et la mère de votre comtesse Nathalie de Kagoul sont ici depuis une semaine. Je leur ai lu en séance publique votre «Онѣгинъ»; ils en sont enchantés. Mais moi j'en ai fait une critique que j'ai gardée pour moi. Chakovskoï ne pourra pas en faire une octologie.

Votre fragment des «Цыганы» qui a paru dans la «Полярная Звѣзда» avec une suite que je ne connaissais pas, est peut-être le tableau le plus animé, du coloris le plus brillant que j'aie jamais lu dans aucune langue. Bravo, bravissimo! Votre «Кавказскій Плѣнникъ», qui n'est point un bon ouvrage, a ouvert une carrière qui sera l'écueil de la médiocrité. Je ne suis point un partisan de longs poèmes; mais ces espèces de fragments demandent toute la richesse de la poésie: la forte concéption d'un caractère et d'une situation. «Войнаровскій» est un ouvrage en mosaïque composé de fragments de Byron et de Пушкинъ, rapportés ensemble sans beaucoup de réflexion. Je lui fais grâce pour la couleur locale. C'est un garçon d'esprit, mais ce n'est point un poète. Il y a plus de mérite dans les fragments de «Наливайко». Il y a de la véritable sensibilité, de l'observation (j'allais dire: de la connaissance du coeur humain), une intention heureuse et bien executée, enfin un style pur et de la véritable poésie dans le «Чернецъ», tant que Козловъ parle d'après lui-même; mais pourquoi a-t-il pris pour cadre une parodie du «Ghiaour» et finit-il par une longue paraphrase d'un passage de «Marmion»? Il a imité, et parfois très heureusement, votre narré rapide et les tours de phrase de Жуковскій. Il doit savoir l'anglais et avoir étudié Coleridge.

Excusez, mon cher ami, l'ennuyeux de ma lettre; je vous écrit par dévoir et non d'abondance de coeur; je suis trop engourdi pour cela. Je vois autant moi-même les fautes de français et d'orthographe que je fais, sans avoir le courage de les corriger. Je n'écris pas par affaire d'amour-propre, mais j'aurais voulu vous dire quelque chose de plus intéressant. Imprimez donc plus vite vos «Цыганы», puisque vous ne voulez pas me les envoyer en manuscrit; écrivez-moi de grâce et faites mes compliments à votre frère que j'aime beaucoup, malgré que je n'ai fait que l'intervoir.

Je vous écrirai une autre fois encore sur votre tragédie.

Переводъ.

«Бѣлая-Церковь. 10-го мая.

«Прости, любезный другъ, что я такъ долго не писалъ тебѣ; но служебныя занятія, недостатокъ времени и отсутствіе общества, которое будило бы мой умъ отъ усыпленія, мѣшали мнѣ написать хотя бы одно письмо въ теченіе шести мѣсяцевъ. Для тебя перваго прерываю молчаніе.

«Спасибо за планъ твоей трагедіи. Что́ сказать тебѣ о немъ? У тебя нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, тебѣ предстоитъ проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, я желалъ бы, чтобъ ты справлялся съ источниками, которыми пользовался Карамзинъ, а не слѣдовалъ бы только его разсказу. Не забудь, что Шиллеръ изучалъ астрологію прежде, чѣмъ приняться за «Валенштейна». Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ ты хочешь писать свою трагедію бѣлыми стихами. Я думалъ бы напротивъ, что тутъ представляется случай воспользоваться всѣми богатствами нашихъ многочисленныхъ размѣровъ, разумѣется, употребляя ихъ не совмѣстно, какъ дѣлаетъ Шаховской, но и не обязывая себя пользоваться во всѣхъ сценахъ тѣмъ размѣромъ, какой принятъ для первой. Хороша или дурна будетъ твоя трагедія,— но я заранѣе предвижу важныя послѣдствія для нашей словесности; ты дашь жизнь нашему шестистопному стиху, который до сихъ поръ такъ тяжелъ и безжизненъ; ты сообщишь діалогу движеніе, которое сдѣлаетъ его похожимъ на разговоръ, а не на фразы изъ словаря, какъ было до сихъ поръ. Ты довершишь водвореніе у насъ простой и естественной рѣчи, которой наша публика еще не понимаетъ, не

смотря на прекрасные образцы ея въ «Цыганахъ» и въ «Разбойникахъ». Ты сведешь наконецъ поэзію съ ея ходуль.

«Отецъ и мать твоей графини Натальи Кагульской здѣсь уже съ недѣлю [1]). Я читалъ имъ публично твоего «Онѣгина»; они пришли въ восхищеніе. А я кое-что покритиковалъ, но про себя. Шаховской не смастеритъ изъ него октологіи [2]).

«Твой отрывокъ изъ «Цыганъ», появившійся въ «Полярной Звѣздѣ» съ продолженіемъ, мнѣ неизвѣстнымъ,—самая живая картина, самаго яркаго колорита, какую мнѣ случилось читать на какомъ-либо языкѣ. Браво, брависсимо! Твой «Кавказскій Плѣнникъ»—произведеніе плохое—открылъ путь, на которомъ посредственность встрѣтитъ камень преткновенія. Я не поклонникъ длинныхъ поэмъ; но произведенія отрывочнаго свойства требуютъ всей роскоши поэзіи—сильно задуманнаго характера и положенія. «Войнаровскій»—произведеніе мозаичное, составленное изъ отрывковъ изъ Байрона и Пушкина, которые притомъ соединены не очень-то обдуманно. Не требую отъ него соблюденія мѣстныхъ красокъ. Авторъ—умный малый, но не поэтъ. Больше достоинствъ въ отрывкахъ изъ «Наливайко». Въ «Чернецѣ» есть настоящее чувство, есть наблюдательность (чуть было не сказалъ: знаніе сердца человѣческаго), счастливая и хорошо выполненная задача, есть, наконецъ, чистый слогъ и истинная поэзія, пока Козловъ говоритъ самъ отъ себя; но зачѣмъ это онъ вздумалъ рамками своей поэмы пародировать «Гяура» и окончилъ ее длинною парафразой одного мѣста изъ «Марміона»? Онъ подражалъ, и иногда очень счастливо, твоей манерѣ быстраго разсказа и оборотамъ рѣчи Жуковскаго. Онъ, должно быть, знаетъ по англійски и изучалъ Кольриджа.

«Извини, любезный другъ, скучный тонъ моего письма; пишу тебѣ по обязанности, а не отъ избытка сердца: для этого я слишкомъ отяжелѣлъ. Самъ вижу ошибки во французскомъ языкѣ и

[1]) Лицо это намъ неизвѣстно. Фамилію Кагульскихъ носили три воспитанницы не женатаго графа Сергія Петровича Румянцова, но ни одна изъ нихъ не звалась Наталіей (см. Росс. Родословн. Книгу, изд. редакціей *Русск. Старины*, ч. I, стр. 75). *Л. М.*

[2]) Намекъ на обычай князя А. А. Шаховскаго передѣлывать въ драмы и комедіи поэмы и романы, имѣвшіе въ свое время успѣхъ въ публикѣ; такъ, онъ передѣлалъ для сцены нѣсколько романовъ Вальтера Скотта, а 3-го ноября 1824 года поставилъ комедію „Финнъ“, сюжетъ которой заимствованъ изъ „Руслана и Людмилы“ (*Араповъ*, Лѣтопись русскаго театра, стр. 361). *Л. М.*

въ правописаніи, но не въ силахъ исправить ихъ. Пишу не изъ самолюбиваго побужденія, но хотѣлъ бы сказать тебѣ что-нибудь занимательнѣе. Печатай скорѣе «Цыганъ», если не хочешь прислать ихъ мнѣ въ рукописи; пиши мнѣ пожалуйста и поклонись отъ меня своему брату, котораго я очень полюбилъ, хоть и видѣлъ его только мелькомъ.

«Въ другой разъ напишу тебѣ еще о твоей трагедіи».

Послѣднія строки письма показываютъ, что Раевскій, перечитывая его, самъ замѣтилъ свою ошибку: онъ не далъ Пушкину отвѣта на поставленный послѣднимъ вопросъ о планѣ трагадіи и потому обѣщаетъ возвратиться къ этому предмету въ другой разъ. Тѣмъ не менѣе, письмо Раевскаго очень любопытно: въ нѣсколькихъ случайныхъ намекахъ оно раскрываетъ передъ нами его воззрѣнія на поэзію, а мы уже знаемъ, что литературнымъ мнѣніямъ Николая Николаевича Пушкинъ придавалъ большую цѣну и питалъ довѣріе къ его вкусу.

Поэзію надобно свести съ ходуль; поэтическій слогъ долженъ быть простъ и естественъ; поэма можетъ слагаться изъ отрывковъ, но во всякомъ случаѣ она должна представлять сильно задуманные характеры и положенія. Таковы общія требованія, которыя Раевскій обращаетъ къ произведеніямъ поэзіи, и встрѣчаясь съ ними, сразу чувствуешь, что это — не ходячія положенія школьной піитики, а собственныя мысли пишущаго, навѣянныя чтеніемъ новыхъ поэтовъ. Какіе же это поэты? На чьихъ произведеніяхъ Раевскій образовалъ свои литературныя воззрѣнія?

Прежде всего должны мы назвать Байрона. Его вліяніе на современниковъ было не только нравственное и общественное, но и художественное. Пріемы его творчества оказались такою же новостью, какъ его чувства и думы, и если такъ-называемый байронизмъ наложилъ свою неизгладимую печать на душевное настроеніе нѣсколькихъ поколѣній, то и художническіе пріемы Байрона воспитали цѣлый рядъ поэтическихъ дарованій вдали отъ обветшалыхъ ложноклассическихъ преданій.

Извѣстно, что Байронъ не былъ горячимъ поклонникомъ Шекспира, но заявлялъ себя ревностнымъ почитателемъ Попа, представителя самаго лощенаго псевдоклассицизма; онъ сравнивалъ англійскую поэзію XVIII вѣка съ Пареенономъ, а ему современную—съ турецкою мечетью; но онъ же самъ сознавался, что помогалъ сво-

нимъ современникамъ выстроить это вычурное зданіе. Въ его преклоненіи предъ устарѣлымъ Попомъ было, конечно, не мало полемическаго задора, съ которымъ онъ преслѣдовалъ новыхъ англійскихъ романтиковъ, поэтовъ такъ-называемой «озерной» школы. Въ сущности же, по справедливому замѣчанію Маколея [1]), «онъ не былъ представителемъ ни той, ни другой литературной партіи, а былъ представителемъ обѣихъ вмѣстѣ, ихъ борьбы и побѣды, которою она кончилась;... былъ посредникомъ между двумя поколѣніями, между двумя поэтическими сектами. Постоянно насмѣхаясь надъ Вордствортомъ, онъ былъ все-таки, хотя быть можетъ безсознательно, толкователемъ Вордсворта для толпы». Современники осуждали Байрона за отсутствіе плана въ поэмахъ. Отголосокъ этихъ порицаній сохраненъ и Маколеемъ. «Байронъ», говоритъ онъ, — «по видимому, находилъ, что завязка годится только какъ поводъ къ краснословію. Двѣ самыя длинныя поэмы лорда Байрона «Чайльдъ-Гарольдъ» и «Донъ-Жуанъ» лишены всякаго плана. Каждая изъ нихъ могла бы быть растянута до какого угодно размѣра или прервана на какомъ угодно мѣстѣ. Изъ того вида, въ какомъ является «Гяуръ», можно ясно видѣть, какимъ образомъ строились всѣ поэмы лорда Байрона. Всѣ онѣ, какъ «Гяуръ», представляютъ собою собраніе отрывковъ; и хотя въ нихъ нѣтъ пробѣловъ, обозначенныхъ точками, все-таки легко можно узнать по неловкости связей, гдѣ начинаются и гдѣ оканчиваются тѣ части, ради которыхъ было написано все сочиненіе». И надобно сказать, Байронъ самъ подавалъ поводъ къ порицаніямъ такого рода слѣдующими, напримѣръ, словами «(Донъ-Жуанъ», XV, 20):

Пою, съ импровизаторами сходенъ,
И все, что мнѣ порой взбредетъ на умъ,
Вношу въ октавы я безъ дальнихъ думъ.

Поэтъ охотно распространялся въ отступленіяхъ и увѣрялъ, что не способенъ выправлять однажды написанное. Но это была неправда: многія лучшія страницы его произведеній дались ему не какъ импровизація, а цѣною долгой и старательной обработки. Небрежность, недостатокъ плана были у Байрона мнимые, кажущіеся и составляли художественный разсчетъ поэта: въ нихъ отражалась бурная порывистость его вдохновенія; а вдохновеніе это, по преимуществу лири-

[1]) Полное собраніе сочиненій Маколея, т. I.

ческое, способно было рисовать лишь одинъ характеръ—правда, очень сильный, неукротимый, характеръ самого Байрона—и изображать только такія исключительныя положенія, которыя приходились бы въ мѣру его могучей личности. Такимъ образомъ, изъ самой сущности природы и генія Байрона вытекала своеобразная художественная форма его поэтическихъ созданій.

Эта сторона Байронова творчества очень тонко понята Раевскимъ и удачно охарактеризована имъ, когда о поэмахъ новаго типа, въ противоположность длиннымъ поэмамъ стараго псевдоклассическаго образца, онъ какъ бы мимоходомъ замѣчаетъ: «ces espèces de fragments demandent toute la richesse de la poésie: la forte concéption d'un caractère et d'une situation». Прибавимъ къ этому, что Раевскій проявлялъ большую чуткость къ внѣшней подражательности и зорко слѣдилъ ея проявленія, по крайней мѣрѣ у русскихъ поэтовъ. Слѣдовательно, въ поэмахъ Байрона онъ цѣнилъ прежде всего полную свободу ихъ художественной формы, которая, составляя ихъ оригинальность, могла быть усвоиваема и другими поэтами безъ ущерба ихъ самобытности.

Кромѣ Байрона, Раевскій былъ знакомъ и съ другими англійскими поэтами, ему современными; въ нихъ онъ также подмѣчалъ признаки обновленія искусства. Изъ его письма видно, что онъ читалъ, между прочимъ, стихотворныя повѣсти Вальтера Скотта и Самуила Кольриджа [1]). Оба эти писателя дѣйствительно явились въ свое время крупными литературными новаторами, какъ по содержанію своихъ произведеній, такъ и по своимъ поэтическимъ пріемамъ. Вальтеръ Скоттъ въ своихъ стихотворныхъ повѣстяхъ пересказывалъ истори-

[1]) Стихотворныя повѣсти Вальтера Скотта наполняютъ собою средній періодъ его плодовитой литературной дѣятельности: раньше онъ былъ извѣстенъ какъ авторъ балладъ въ стихахъ (нѣкоторыя изъ нихъ переведены Жуковскимъ), а позже прославился романами въ прозѣ. Изъ его стихотворныхъ повѣстей наиболѣе извѣстны слѣдующія: „Пѣснь послѣдняго менестреля", первое его произведеніе въ этомъ родѣ (1805 г.), „Марміонъ" (1808 г.), „Дѣва озера" (1810 г.) и „Властитель острововъ" (1815 г.). Только въ 1815 году появился первый его романъ „Веверлей". Что касается Кольриджа (1772—1834 гг.), ему принадлежатъ двѣ повѣсти въ стихахъ: „Старый матросъ" и „Кристабель"; первая написана въ 1797 году и напечатана въ слѣдующемъ; вторая была начата также въ 1797, продолжаема въ 1800, но осталась не конченною; въ печати она появилась только въ 1816 году при содѣйствіи Байрона, который съ большою похвалой отозвался о „Кристабели" въ одномъ изъ примѣчаній къ своей „Осадѣ Коринѳа" (1816 г.).

ческія легенды Шотландіи, Кольриджъ бралъ содержаніе своихъ поэмъ вообще изъ міра народныхъ сказаній и чудесныхъ вымысловъ. Оба совершенно отказывались слѣдовать условнымъ правиламъ и торжественному стилю псевдоклассической эпики; оба—Вальтеръ Скоттъ по примѣру Кольриджа—пользовались стихотворнымъ размѣромъ народныхъ балладъ и въ самомъ изложеніи старались придерживаться ихъ свободнаго тона. Но у Вальтера Скотта простой складъ повѣствованія выработался подъ непосредственнымъ вліяніемъ его близкаго знакомства съ шотландскою народною поэзіей, тогда какъ у Кольриджа простота и близость къ народной рѣчи явились практическимъ примѣненіемъ принципіальнаго убѣжденія; его другъ и соратникъ по романтическому направленію Вордсвортъ шелъ еще дальше въ этомъ отношеніи и утверждалъ, что поэзія должна говорить обычнымъ языкомъ среднихъ и низшихъ сословій. Мы не знаемъ, были ли извѣстны Раевскому эти теоретическія заявленія англійскихъ романтиковъ; но, встрѣчая въ его письмѣ ссылку на Кольриджа, мы можемъ догадываться, что онъ имѣлъ въ виду данные имъ литературные образцы, когда говорилъ о необходимости изгнать изъ поэтическаго слога напыщенность и внести въ него естественность и простоту.

Высказывая эти мысли, Раевскій могъ быть убѣжденъ, что онѣ встрѣтятъ полное сочувствіе въ Пушкинѣ. Говорить здѣсь вообще о вліяніи Байрона на нашего поэта было бы излишнимъ; напомнимъ только слѣдующія слова П. В. Анненкова, прекрасно опредѣляющія художественную сторону этого вліянія: «Байронъ былъ указателемъ пути, открывшимъ Пушкину весьма дальную дорогу и выведшимъ его изъ того французскаго направленія, подъ которымъ онъ находился въ первые годы своей дѣятельности... Байронъ одинъ могъ ему представить современный образецъ творчества. По нѣмецки Пушкинъ не читалъ, или читалъ тяжело; перевѣсъ оставался на сторонѣ британскаго лирика. Въ немъ почерпнулъ онъ уваженіе къ образамъ собственной фантазіи, на которые прежде смотрѣлъ легко и поверхностно; въ немъ научился художественному труду и пониманію себя» [1]). Знакомство съ произведеніями Байрона побудило Пушкина познакомиться и съ другими англійскими поэтами его времени. Изъ Пушкинской переписки начала двадцатыхъ годовъ видно,

[1]) Матеріалы для біографіи Пушкина, при его сочиненіяхъ въ изданіи Анненкова, стр. 101, 102.

что еще въ ту раннюю пору имъ были прочитаны Томасъ Муръ и Соути, но не полюбились ему; вѣроятно, тогда же узналъ онъ и Кольриджа, который ему нравился, какъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ отзывовъ болѣе позднихъ. Еще въ одномъ письмѣ 1822 года встрѣчаются слѣдующія любопытныя слова: «Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве». Въ другомъ письмѣ, отъ 1823 года, Пушкинъ вызываетъ князя Вяземскаго «стать за нѣмцевъ и англичанъ и уничтожить маркизовъ классической поэзіи» [1]). Литературныя воззрѣнія Пушкина слагались вообще очень самостоятельно и нерѣдко наперекоръ пріятельскимъ мнѣніямъ; но едва ли можно отрицать вліяніе Н. Н. Раевскаго въ томъ, что у поэта рано проявилось сочувствіе къ англійской словесности.

Въ письмѣ Раевскаго высказывается нѣсколько сужденій о текущихъ явленіяхъ русской литературы, и эти отзывы являются дополненіемъ и подтвержденіемъ его общихъ воззрѣній. Раевскому нравился «Чернецъ» Козлова, между тѣмъ какъ «Войнаровскій» Рылѣева не заслужилъ его одобренія. Въ авторѣ этой поэмы Николай Николаевичъ не находилъ истиннаго поэтическаго таланта. Въ упоминаніи о couleur locale еще разъ сказалось сочувствіе Раевскаго новымъ литературнымъ вѣяніямъ: соблюденіе мѣстныхъ красокъ выставлялось сторонниками романтизма какъ одно изъ главныхъ условій поэтической живописи; князь Вяземскій, при изданіи «Бахчисарайскаго фонтана» въ 1824 году, хвалилъ поэму именно за то, что «цвѣтъ мѣстности сохраненъ въ повѣствованіи со всею возможною свѣжестью и яркостью» [2]). «Чернецъ» подкупилъ Раевскаго достоинствами своей формы, манерой разсказа и поэтическимъ способомъ выраженія. Эпизодическій составъ этой «кіевской повѣсти», какъ назвалъ ее авторъ, очевидно, напомнилъ Раевскому «отрывочныя» поэмы Байрона, который тоже называлъ ихъ «повѣстями», а «чистый» слогъ «Чернеца» подалъ критику поводъ сдѣлать предположеніе о знакомствѣ Козлова съ произведеніями Кольриджа: пред-

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 27, 34, 50, 124; т. IV, стр. 335; т. V, стр. 187.

[2]) Сочиненія кн. Вяземскаго, т. I, стр. 172.

положеніе, быть можетъ, и невѣрное, но свидѣтельствующее о томъ, что въ слогѣ «Чернеца» Раевскій находилъ такую же простоту и естественность, какія нравились ему въ произведеніяхъ англійскаго романтика. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако, Раевскій не былъ слѣпъ и къ недостаткамъ поэмы Козлова: онъ указываетъ ихъ въ тѣхъ частяхъ ея, гдѣ авторъ перестаетъ быть самимъ собою и впадаетъ въ подражаніе.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Томасу Муру Байронъ, съ своею обычною рѣзкостью, замѣтилъ: «Мы всѣ, молодые, на ложной дорогѣ. Никакъ не хочу этимъ сказать, что мы идемъ дурно; но нашу славу разрушитъ *преклоненіе* и *подражаніе*. Говоря: «нашу славу», я разумѣю всѣхъ насъ (въ томъ числѣ и озерныхъ поэтовъ)... Будущее поколѣніе, вслѣдствіе обилія образцовъ и легкости подражанія, свихнется и сломитъ себѣ шею, если полѣзетъ на нашего Пегаса, который мчитъ насъ впередъ, между тѣмъ какъ мы сидимъ въ сѣдлѣ крѣпко, потому что сами объѣздили коня, да и всадники хорошіе. Вскочить на лошадь не трудно, а вотъ править ею—это чортъ знаетъ что такое; нашимъ младшимъ товарищамъ еще придется вернутся въ манежъ и пройти высшую школу» [1]). Слова эти невольно припоминаются, когда въ письмѣ Раевскаго встрѣчаешь замѣчаніе, что «Кавказскій Плѣнникъ» открылъ путь, на которомъ посредственность найдетъ себѣ камень преткновенія. Замѣчаніе Раевскаго оказалось въ нѣкоторомъ родѣ предсказаніемъ: именно эта поэма Пушкина, столь скоро осужденная самимъ авторомъ, была принята читателями съ особеннымъ восторгомъ и открыла эру байроническаго повѣтрія въ русской литературѣ: подражанія «Кавказскому Плѣннику» продолжали плодиться и въ то время, когда съ творчества самого Пушкина спадалъ послѣдній налетъ байронизма.

Свой жесткій приговоръ «Плѣннику» Раевскій повторяетъ съ дружескою откровенностью и въ разбираемомъ письмѣ: онъ понималъ, что можетъ говорить поэту правду не въ силу одной старой пріязни, а въ силу того глубокаго уваженія, какое питалъ къ его высокому дарованію. Дѣйствительно, письмо свидѣтельствуетъ, что Николай Николаевичъ со страстною любовью слѣдилъ за его развитіемъ. Извѣстные ему отрывки изъ «Цыганъ» приводятъ его въ неподдѣльный восторгъ; въ нихъ, какъ и въ «Братьяхъ-разбойни-

---

[1]) *Moore*, Life of Byron, vol. IV, письмо № 307, отъ 2-го февраля 1818 года.

кахъ», онъ спѣшитъ отмѣтить прекрасныя качества поэтическаго слога, который уже выработанъ Пушкинымъ, но еще не достаточно оцѣненъ читателями.

Горячее одобреніе, съ которымъ Раевскій отзывался о «Братьяхъ-разбойникахъ», заслуживаетъ особаго вниманія, не только потому, что совпадаетъ съ мнѣніемъ самого автора, но потому еще, что уясняетъ намъ значеніе этого произведенія въ развитіи Пушкинскаго творчества.

Выше было уже говорено о томъ, что «Братья-разбойники» составляютъ лишь отрывокъ изъ поэмы, задуманной Пушкинымъ въ 1821 году, уже набросанной вчернѣ и затѣмъ сожженной. Другіе отрывки того же произведенія, найденные въ черновыхъ тетрадяхъ поэта, слишкомъ незначительны; но въ тѣхъ же тетрадяхъ нашлись двѣ небольшія программы, которымъ можно отчасти составить понятіе о содержаніи предполагавшейся поэмы [1]). Первая программа такова: «I. Разбойники, исторія двухъ братьевъ.— II. Атаманъ и съ нимъ дѣва... Пѣснь на Волгѣ.—III. Купеческое судно, дочь купца.—IV. Сходитъ съ ума». Уцѣлѣвшій отрывокъ (кромѣ послѣднихъ 16 стиховъ, неизвѣстныхъ въ рукописяхъ Пушкина и появившихся только въ посмертномъ изданіи) соотвѣтствуетъ первому параграфу этой программы; остальные ея параграфы развиваются въ программѣ второй слѣдующимъ образомъ: «Вечеромъ дѣвица плачетъ, приговариваетъ; молодцы готовы отплыть. Есаулъ: гдѣ-то нашъ атаманъ? Они плывутъ и поютъ. Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческій. Онъ беретъ себѣ другую. Та сходитъ съ ума. Новая не любитъ его и умираетъ. Онъ пускается во всѣ злодѣйства. Есаулъ предаетъ его». Къ этимъ скуднымъ намекамъ о содержаніи поэмы можно еще прибавить, что внѣшнимъ поводомъ къ ея сочиненію послужило истинное происшествіе, о которомъ Пушкинъ узналъ во время своей поѣздки на Кавказъ съ Раевскими. «Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ», писалъ онъ впослѣдствіи Вяземскому,— «два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей—мною не выдуманы» [2]).

По всему вѣроятію, Пушкинъ и его спутники, во время своего

---

[1]) Программы эти см. въ Сочиненіяхъ, т. II, стр. 308, 309.

[2]) Сочиненія, т. VII, стр. 58; ср. т. V, стр. 121.

странствованія по степямъ, слышали разсказы не объ одномъ екатеринославскомъ происшествіи, но о разныхъ похожденіяхъ разбойничьихъ шаекъ. Послѣдній отголосокъ народныхъ и казацкихъ смутъ, почти безпрерывно волновавшихъ широкую степь отъ Днѣпра до Яика въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, разбои были еще нерѣдкимъ явленіемъ въ этомъ краѣ въ первыя десятилѣтія текущаго вѣка. Еще понынѣ тамъ не вымерли преданія о Пугачевѣ, Разинѣ и другихъ вождяхъ понизовой вольницы, а въ 1820 году можно было встрѣтить и живыхъ свидѣтелей, если не участниковъ, тамошнихъ волненій прошлаго столѣтія. Если для внутреннихъ смутъ наступилъ уже конецъ, за то близость еще не замиреннаго Кавказа требовала отъ казаковъ дѣятельной сторожевой службы, и боевыя схватки съ горцами составляли на Кавказской линіи обычное явленіе. Въ нравахъ степнаго населенія еще всецѣло жилъ духъ отчаяннаго удальства и суровости, и въ казачьихъ станицахъ, гдѣ нерѣдко укрывались бѣглые изъ внутренней Россіи, еще попадались типы, напоминавшіе о *лихихъ людяхъ* былого времени. Посѣщеніе этого безпокойнаго края произвело сильное впечатлѣніе на Пушкина. По его собственнымъ словамъ, тѣнь опасности во время путешествія нравилась его молодому мечтательному воображенію, и онъ тогда же набросалъ замѣчанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ [1]. Но его занимало не одно настоящее; мысль его обращалась и къ прошлому, къ той порѣ, когда дикая вольница безпрепятственно гуляла и хозяйничала на Дону и нижней Волгѣ. На это указываютъ какъ уцѣлѣвшій отрывокъ поэмы, такъ еще болѣе намеки программъ; изъ нихъ видно, что въ 1820—1821 годахъ Пушкину были уже извѣстны кое-какія черты стариннаго разбойничьяго быта: порядки разбойнаго промысла, присутствіе женщинъ въ шайкахъ, грабежъ купецкихъ судовъ. Черты эти Пушкинъ могъ узнать скорѣе всего изъ народныхъ преданій и пѣсенъ, слышанныхъ имъ въ казачьихъ станицахъ.

Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1824 году, особенное вниманіе Пушкина привлекла къ себѣ характерная личность Стеньки Разина. Онъ искалъ хотя бы «сухаго историческаго извѣстія» о немъ, называлъ его «единственнымъ поэтическимъ лицомъ русской исторіи», записывалъ народныя былины объ этомъ яркомъ представителѣ понизовой вольницы XVII вѣка и самъ слагалъ о немъ пѣсни.

---

[1]) Сочиненія, VII. стр. 9. Замѣтки Пушкина о казакахъ не сохранились.

Такъ же интересовался Разинымъ и Н. Н. Раевскій; онъ тоже собиралъ о немъ историческія свѣдѣнія и впослѣдствіи даже намѣревался писать исторію Разинскаго бунта. Такимъ образомъ, народныя волненія Поволжскаго степнаго края представляли для обоихъ друзей любопытную историческую задачу. Можно не сомнѣваться, что начало ихъ общаго интереса къ этому предмету восходитъ ко времени ихъ совмѣстнаго путешествія по южнымъ степямъ, когда въ казачьихъ пѣсняхъ имъ случалось подмѣчать явные признаки сочувствія къ своевольному атаману гулящихъ шаекъ. Конечно, въ тѣхъ же раннихъ впечатлѣніяхъ коренится зародышъ позднѣйшей мысли Пушкина заняться изученіемъ Пугачевщины. И при этихъ занятіяхъ онъ также искалъ пособія въ народныхъ воспоминаніяхъ. Въ числѣ записанныхъ имъ историческихъ разсказовъ есть одинъ— о томъ, будто бы Пугачевъ, сидя уже въ заключеніи на Московскомъ мѣновомъ дворѣ, сказалъ однажды: «Извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время Персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась не вдалекѣ, нарочно къ ей подъѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть его кости». Приведя эти слова, Пушкинъ прибавляетъ: «Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева». Такимъ образомъ, сближеніе между двумя народными возстаніями невольно возникало въ умѣ Пушкина, какъ скрытое объясненіе ихъ общихъ внутреннихъ причинъ; если на это обстоятельство онъ не дѣлаетъ намека въ своей «Исторіи Пугачевскаго бунта», то безъ сомнѣнія, по той причинѣ, что онъ рѣшился ограничиться въ ней ролью разсказщика и не хотѣлъ пускаться ни въ какія историческія обобщенія.

Въ любопытныхъ воспоминаніяхъ графа П. Х. Граббе сохранилось свидѣтельство, что въ позднѣйшіе годы своей жизни Пушкинъ продолжалъ собирать свѣдѣнія о Разинѣ. Въ 1834 году Граббе случилось познакомиться съ Пушкинымъ въ Петербургѣ у Н. Н. Раевскаго, и вотъ что̀ сообщаетъ онъ объ этой встрѣчѣ: «Мы обѣдали и провели нѣсколько часовъ втроемъ... Онъ (Пушкинъ) занятъ былъ въ то время исторіей Пугачева и Стеньки Разина, *послѣднимъ, казалось мнѣ, болѣе.* Онъ принесъ даже съ собою брошюрку на французскомъ языкѣ, переведенную съ англійскаго и изданную въ тѣ времена однимъ капитаномъ англійской службы, который, по взятіи Разинымъ Астрахани, представлялся къ нему и потомъ былъ

очевидцемъ казни его. Описаніе войска (ибо, по многочисленности его, шайкою назвать нельзя), обогащеннаго грабежемъ персидскихъ сѣверныхъ областей, любопытно; также — праздника, даннаго Разинымъ на Волгѣ, гдѣ онъ, стоя на своей лодкѣ, произнесъ къ этой первой изъ русскихъ рѣкъ благодарственное воззваніе, приписывая ей главные свои успѣхи и обвиняя себя, что ничего достойнаго не принесъ еще ей въ жертву. При этихъ словахъ, къ удивленію и ужасу всѣхъ присутствовавшихъ, онъ схватилъ прекрасную плѣнную черкешенку, любовницу свою, покрытую драгоцѣнными уборами, и сбросилъ въ Волгу. Въ этомъ обращеніи къ Волгѣ много дикой поэзіи и, переложенное въ пушкинскіе стихи съ описаніемъ происшествія, оно могло бы быть очень занимательно» [1]). Граббе не зналъ, что именно потопленіе Разинымъ своей любовницы (только не черкешенки, а персидской княжны) составляло содержаніе одной изъ пѣсенъ о Разинѣ, написанныхъ Пушкинымъ еще въ половинѣ двадцатыхъ годовъ: онѣ появились въ печати лишь много лѣтъ спустя по смерти поэта да и самого Граббе; но очевидно, даже изъ простой устной передачи Пушкина слушатель понялъ поэтическую красоту разсказа.

Происшествіе, о которомъ идетъ рѣчь въ вышеупомянутой пѣснѣ Пушкина, не упоминается ни въ русскихъ письменныхъ источникахъ, повѣствующихъ о Стенькѣ Разинѣ, ни въ народныхъ былинахъ о немъ. О несчастной судьбѣ плѣнной персіанки сообщаетъ только очевидецъ ея гибели, голландецъ Стрюйсъ, въ описаніи своего путешествія въ Московію, совершеннаго въ 1668 и 1669 годахъ [2]). Стало быть, только изъ этого сочиненія могъ быть почерпнутъ мо-

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 88; т. V, стр. 271; *Я. К. Гротъ*, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 184—192; Воспоминанія гр. Граббе въ *Русскомъ Архивѣ* 1873 г., кн. I, стр. 786.

[2]) Та часть сочиненія Стрюйса, которая касается Россіи, переведена въ *Русскомъ Архивѣ* 1880 года; разсказъ о любовницѣ Разина см. въ кн. I, стр. 91. Подлинникъ Стрюйса и переводы его неоднократно издавались въ XVII и XVIII вѣкахъ. Ради точности мы должны замѣтить, что сочиненіе Стрюйса довольно объемистое и не можетъ быть названо брошюркой; слѣдовательно, брошюрка, которую Граббе видѣлъ въ рукахъ Пушкина,—другое сочиненіе; таковое дѣйствительно существуетъ, и объ этой книжной рѣдкости, весьма небольшаго объема, Пушкинъ упоминаетъ въ одномъ изъ примѣчаній къ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ (Сочиненія, т. VI, стр. 127); но въ этой брошюрѣ, которою онъ пользовался изъ библіотеки А. С. Норова, нѣтъ разсказа о потопленіи Разинымъ своей любовницы.

тивъ Пушкинской пѣсни. Но вычиталъ ли Пушкинъ этотъ разсказъ прямо изъ Стрюйса, или же зналъ о немъ, когда слагалъ свою пѣсню, только съ чужихъ словъ, — это остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, любопытна нѣкоторая аналогія между разсказомъ голландца и тѣми программами, которыя поэтъ набросалъ въ 1821 году для «Братьевъ-разбойниковъ»: и тамъ, и здѣсь волжскій разбойничій атаманъ является въ сопровожденіи своей любовницы. Но историческое повѣствованіе знаетъ только одинъ трагическій моментъ, когда, въ порывѣ страсти, Разинъ топитъ любимую имъ плѣнницу, между тѣмъ какъ программы поэмы, сопоставляя двухъ женщинъ подлѣ героя, создаютъ изъ его любовныхъ увлеченій нѣсколько драматическихъ положеній. Въ этомъ осложненіи сюжета сказалось уже литературное вліяніе.

Въ то время, когда Пушкинъ задумывалъ «Братьевъ-разбойниковъ», онъ былъ увлеченъ Байрономъ; двѣ изъ поэмъ послѣдняго оставили свой слѣдъ на замыслѣ молодаго русскаго поэта—«Шильонскій узникъ» и «Корсаръ» [1]). Уцѣлѣвшій отрывокъ, или первая пѣснь задуманной поэмы, напоминаетъ своимъ содержаніемъ «Шильонскаго узника». Байронъ изображаетъ трехъ братьевъ, заключенныхъ въ тюрьму, и смерть двоихъ изъ нихъ; разсказъ ведется отъ лица третьяго брата, пережившаго другихъ; съ особенною нѣжностью говоритъ онъ о смерти младшаго изъ братьевъ, юноши. У Пушкина выведены только два брата; послѣ короткаго описательнаго вступленія слѣдуетъ разсказъ старшаго о томъ, какъ они съ младшимъ стали разбойничать, какъ попали въ заключеніе и бѣжали изъ него, и какъ младшій, обезсиленный болѣзнью еще въ тюрьмѣ, умеръ отъ изнеможенія послѣ того, какъ они вырвались на волю. Въ обоихъ произведеніяхъ разсказу старшаго брата о страданіяхъ и смерти младшаго отведено наибольшее мѣсто. Дальнѣйшее содержаніе поэмы Пушкина, какъ можно догадываться по сохранившимся программамъ, должно было сблизить ее до нѣкоторой степени съ «Корсаромъ»: и тамъ, и здѣсь мѣсто дѣйствія—разбойничій станъ, въ обѣихъ поэмахъ картины грабежа, въ обѣихъ герои поставлены между двухъ женщинъ; въ частности, сцена причитанія первой любовницы Пушкинскаго героя, имъ покинутой, могла напоминать ту

[1]) Параллель между этими двумя произведеніями Байрона и „Братьями-разбойниками“ проведена въ сочиненіи *А. И. Незеленова*: А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 100—105.

сцену «Корсара», когда Медора оплакиваетъ удаленіе Конрада, кончившееся его плѣномъ. Еще больше сходства въ нравственномъ обликѣ героевъ: оба они—порочные люди, враги общества, убійцы; но оба сдѣлались разбойниками, чтобъ отплатить людямъ за ихъ безсердечіе. Конрадъ былъ обманутъ людьми «въ благихъ своихъ мечтахъ», и потому мститъ людямъ:

Онъ созданъ былъ для нѣгъ и мирныхъ наслажденій,
Но увлеченъ былъ зломъ въ пучину преступленій;
Онъ слишкомъ рано ядъ предательства узналъ
И слишкомъ много зла и горя испыталъ.

Разбойникъ Пушкина также есть жертва людскаго бездушія: судьба преслѣдуетъ его со дня рожденія; онъ съ братомъ выросъ въ чужой семьѣ, терпѣлъ нужду, сносилъ презрѣніе; на дурной путь его толкнуло отчаяніе:

Мы жили въ горѣ, средь заботъ,—
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межь собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь,
Забыли радость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

Словомъ, оба героя—не отъ природы прочные люди, а озлобленные; встрѣтивъ зло отъ другихъ, они также платятъ имъ зломъ. Конрадъ—одинъ изъ обычныхъ героевъ Байрона, въ которыхъ поэтъ, мѣняя только ихъ внѣшность, выражалъ «пламенный протестъ личности противъ всего условнаго въ окружавшемъ его общежитіи» [1]). Конечно, та же мысль руководила Пушкинымъ, и съ этой точки зрѣнія его разбойникъ дѣйствительно является подражаніемъ Байронову образцу, при чемъ нетвердая рука молодаго поэта усилила безъ нужды нѣкоторые черты оригинала. Этотъ недостатокъ поэмы Пушкина уже давно былъ осужденъ критикой. «Братья-разбойники», писалъ И. В. Кирѣевскій еще въ 1827 году,—«больше каррикатура Байрона, нежели подражаніе. Бонниваръ (герой «Шильонскаго узника») страдаетъ для того, чтобы

Спасти души своей любовь,—

и какъ ни жестоки его мученія, но въ нихъ есть какая-то поэзія,

---

[1]) Выраженіе Ап. Ал. Григорьева: Сочиненія, т. I, стр. 154.

которая принуждаетъ насъ къ участію; между тѣмъ какъ подробное описаніе страданій пойманныхъ разбойниковъ поселяетъ въ душѣ одно отвращеніе, чувство, подобное тому, какое произвелъ бы видъ мученія преступника, осужденнаго къ заслуженной казни» [1].

Однако, было бы несправедливо, по примѣру Кирѣевскаго, видѣть въ поэмѣ Пушкина только одно преувеличенное воспроизведеніе мрачныхъ образовъ Байрона; критикъ проглядѣлъ въ «Братьяхъ-разбойникахъ» самое важное — извѣстную долю самостоятельнаго творчества со стороны русскаго поэта. Быть можетъ, самобытность Пушкина проявилась здѣсь не вполнѣ сознательно даже для самого художника; тѣмъ не менѣе, ея обнаруженіе очень знаменательно, какъ яркій признакъ еще не зрѣлаго, но могучаго дарованія.

Подобно пѣвцу «Корсара», авторъ «Братьевъ-разбойниковъ» изображаетъ своихъ героевъ въ такомъ свѣтѣ, чтобы побудить къ нимъ въ читателѣ доброе чувство. Конечно, и Байронъ не скрываетъ порочности своего Конрада, но онъ какъ бы старается заслонить ее другими чертами его личности — непреклонностью его воли, его стойкостью передъ опасностями, его презрѣніемъ къ смерти; напротивъ того, Пушкинъ вовсе не заботится о томъ, чтобъ оправдать пороки своего героя, и откровенно обнажаетъ ихъ во всей ихъ грубости. Между тѣмъ какъ у Байрона корсаръ отдается грабежу и убійству сознательно, у Пушкина герой становится злодѣемъ безотчетно, чуть не простодушно. Конрадъ, въ своей несокрушимой гордынѣ, не хочетъ знать раскаянія; для уснувшей совѣсти Пушкинскаго разбойника еще можетъ наступить часъ пробужденія:

На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.

Герой Байрона можетъ, пожалуй, внушить къ себѣ удивленіе; герой Пушкина вызываетъ состраданіе; такіе люди слывутъ въ нашемъ народѣ подъ именемъ *несчастненькихъ*. Вотъ въ этой-то сердечной чуткости, проявленной Пушкинымъ въ изображеніи разбойника, и сказалась самобытная сторона его замысла. Ей не нашлось бы мѣста, если бы русскій поэтъ только покорно слѣдовалъ за своимъ образцомъ; возможность ея объясняется тѣмъ, что образъ разбойника сложился въ фантазіи Пушкина не только подъ вліяніемъ Байрона, но и подъ живыми впечатлѣніями, вынесенными поэтомъ

---

[1]) Сочиненія Кирѣевскаго, т. I, стр. 12.

изъ его непосредственныхъ наблюденій надъ народною жизнью въ казачьихъ станицахъ; эти впечатлѣнія дали ему не только мѣстныя краски, но и поэтическое пониманіе народныхъ воззрѣній.

Къ числу достоинствъ «Братьевъ-разбойниковъ», которыя всегда казались нашей критикѣ безспорными, принадлежатъ языкъ и слогъ поэмы. «Стихи бойки, рѣзки и размашисты, разсказъ живой и стремительный», говоритъ о нихъ Бѣлинскій. Раньше Бѣлинскаго подобнымъ же образомъ отзывались Кирѣевскій и Плетневъ [1]). Еще раньше такъ думали Н. Н. Раевскій и—самъ авторъ. Одинъ изъ отзывовъ Пушкина о слогѣ поэмы приведенъ выше, какъ объясненіе къ сужденію Раевскаго. Сообщимъ теперь другой. Во второй половинѣ 1823 года, когда черновой набросокъ всей поэмы уже былъ уничтоженъ, Пушкину пришла мысль пустить въ печать отрывокъ, сохранившійся у Н. Н. Раевскаго, и вотъ что̀ поэтъ писалъ А. А. Бестужеву по сему случаю: «Если отечественные звуки: *харчевня*, *кнутъ*, *острогъ* не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ «Полярной Звѣзды», то напечатай его» (то-есть, отрывокъ). Слова эти находятъ себѣ объясненіе въ другомъ письмѣ Пушкина того же времени, гдѣ онъ говоритъ: «Я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе» [2]). Въ «Братьяхъ-разбойникахъ» Пушкинъ сдѣлалъ однако попытку отступить отъ этой привычки: отъ того-то онъ такъ и цѣнилъ это произведеніе со стороны его слога. Извѣстно, какъ любилъ Пушкинъ прислушиваться къ народной рѣчи; путешествіе 1820 года, изъ котораго онъ вывезъ замыселъ своей поэмы, было поучительно для него между прочимъ какъ школа для изученія народнаго языка. Письмо Раевскаго показываетъ, что и въ этомъ отношеніи Пушкинъ встрѣтилъ въ немъ одобреніе и поддержку.

Въ письмѣ Н. Н. Раевскаго всего менѣе говорится о трагедіи, задуманной Пушкинымъ. Оно отчасти понятно: въ рукахъ Раевскаго былъ только планъ ея. Нельзя однако не обратить вниманія на одинъ совѣтъ, который онъ даетъ Пушкину: «Я желалъ бы, чтобы ты

---

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 451; Сочиненія Кирѣевскаго, т. I, стр. 12; Сочиненія Плетнева, т. II, стр. 376.

[2]) Сочиненія, т. VII, стр. 50 и 56.

справлялся съ источниками, которыми пользовался Карамзинъ, а не слѣдовалъ бы только его разсказу». Пушкинъ въ полной мѣрѣ воспользовался этимъ умнымъ совѣтомъ. Очень можетъ быть, что онъ и самостоятельно пришелъ къ той же мысли; въ такомъ случаѣ слова Раевскаго явились надежнымъ подкрѣпленіемъ его убѣжденію и все-таки принесли ему пользу. Замѣчательно, что наша критика въ лицѣ Полевого и Бѣлинскаго долгое время не хотѣла вѣрить такому простому факту, какъ самостоятельное изученіе историческихъ источниковъ Пушкинымъ прежде, чѣмъ онъ принялся за «Бориса Годунова». Оба названные писателя утверждали, что историческая хроника Пушкина есть только поэтическое воспроизведеніе десятаго и одиннадцатаго томовъ «Исторіи» Карамзина. Для опроверженія такого мнѣнія потребовалось особое изслѣдованіе: оно явилось въ 1892 году въ прекрасномъ очеркѣ профессора И. Н. Жданова: «О драмѣ А. С. Пушкина: «Борисъ Годуновъ».

ВОСПОМИНАНІЯ ШЕВЫРЕВА О ПУШКИНѢ.

I.

Многимъ еще памятно то сильное впечатлѣніе, которое произвело въ обществѣ и особенно въ литературныхъ кругахъ изданіе сочиненій Пушкина, вышедшее въ 1855 году подъ наблюденіемъ П. В. Анненкова. Среди однообразія тогдашней литературы какою свѣжестью пахнуло отъ этихъ красиво напечатанныхъ страницъ, на которыхъ читатели, рядомъ съ давно знакомыми и давно любимыми произведеніями славнаго поэта, встрѣтили новыя, дотолѣ неизвѣстныя въ печати откровенія его музы и затерянныя въ старыхъ журналахъ яркія блески его геніальнаго дарованія и могучаго ума! Какою драгоцѣнностью казались свѣдѣнія о жизни и творчествѣ Пушкина, собранныя во введеніи, которое авторъ-издатель скромно назвалъ «Матеріалами для біографіи поэта»! Что изданіе Анненкова не вполнѣ изчерпало литературное наслѣдіе, уцѣлѣвшее въ бумагахъ Пушкина,—объ этомъ стало извѣстно очень скоро, и самъ издатель поспѣшилъ пополнить по возможности пробѣлы своего труда, выпустивъ въ 1857 году седьмой дополнительный томъ къ шести изданнымъ за два года передъ тѣмъ. Но сила впечатлѣнія, произведеннаго изданіемъ, зависѣла не отъ новыхъ дополненій, а отъ того, что въ трудѣ Анненкова созданія поэта являлись впервые въ исправномъ, не испорченномъ опечатками текстѣ, расположенныя въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ и умно объясненныя трудолюбивымъ и внимательнымъ біографомъ. На читателя благотворно дѣйствовало то благоговѣніе, съ которымъ издатель относился къ своему дѣлу. Если за Бѣлинскимъ остается заслуга первой полной критической оцѣнки Пушкина въ связи съ общимъ развитіемъ новой русской литературы, то прекрасное начало научному истолкованію художнической дѣятельности поэта въ связи съ событіями его жизни положено было, безъ сомнѣнія, П. В. Анненковымъ.

Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Анненковъ самъ разсказалъ о тѣхъ цензурныхъ затрудненіяхъ, какія встрѣтило въ 1854 и 1855 годахъ предпринятое имъ дѣло. Но общая исторія его издательскаго труда остается до сихъ поръ мало извѣстною. Поэтому не безполезно будетъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой сторонѣ предпріятія. Почерпаемъ ихъ изъ бумагъ самого издателя, доступъ къ которымъ открытъ намъ любезностью его наслѣдниковъ.

Извѣстно, что по кончинѣ Пушкина выпущено было такъ-называемое посмертное изданіе его сочиненій: восемь томовъ его были отпечатаны въ 1838 году, а остальные три—въ 1841. Вскорѣ обнаружились многочисленные и разнообразные недостатки этого изданія; тѣмъ не менѣе, оно, разумѣется, было жадно раскуплено и въ исходѣ сороковыхъ годовъ было уже рѣдкостью въ книжной торговлѣ. Въ 1850 году Н. Н. Ланская пришла къ мысли сдѣлать новое изданіе произведеній своего перваго мужа. Въ то время Иванъ Васильевичъ Анненковъ, братъ Павла Васильевича, занимался дѣлами Натальи Николаевны, по дружбѣ къ ея семейству. «Она», разсказываетъ П. В. Анненковъ,—«обратилась ко мнѣ за совѣтомъ и прислала на домъ къ намъ два сундука его бумагъ. При первомъ взглядѣ на бумаги я увидалъ, какія сокровища въ нихъ таятся, но мысль о принятіи на себя труда изданія мнѣ тогда и въ голову не приходила. Я только сообщилъ Ланской планъ, по которому, казалось мнѣ, должно быть предпринято новое изданіе». Мысль эта была однако очень соблазнительна, и мало по малу Павелъ Васильевичъ сталъ съ нею свыкаться. Въ концѣ 1850 года онъ уже сталъ собирать кое-какіе матеріалы для біографіи поэта. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ велъ переговоры съ Н. Н. Ланскою о пріобрѣтеніи права на изданіе. Въ 1851 году онъ заключилъ съ нею формальное условіе по этому предмету и осенью того же года привезъ извѣстіе о томъ въ Москву, гдѣ жилъ тогда Павелъ Васильевичъ. Понятно, что въ рукахъ послѣдняго сосредоточилось все дѣло; онъ повелъ его столь энергично, что къ концу 1852 года уже успѣлъ вчернѣ набросать біографію поэта. Тѣмъ не менѣе, онъ еще долго оставался въ неувѣренности на счетъ успѣшнаго хода затѣяннаго имъ труда, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ въ его не изданныхъ замѣткахъ: «Страхъ и сомнѣніе въ удачѣ обширнаго предпріятія, на которое требовались, кромѣ нравственныхъ силъ, и большія денежныя затраты, не поки-

дали меня и въ то время, когда, уже по разнесшейся вѣсти о немъ, я черезъ Гоголя познакомился съ Погодинымъ, а черезъ Погодина—съ Бартеневымъ (П. Ив.), Нащокинымъ и другими лицами, имѣвшими біографическія свѣдѣнія о поэтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я принялся за перечитку журналовъ 1817—1825 годовъ». Дѣйствительно, въ бумагахъ Анненкова сохранились цѣлыя тетради его выписокъ и извлеченій изъ журналовъ не только этого, но и болѣе поздняго времени (изъ *Вѣстника Европы*, *Московскаго Телеграфа*, *Московскаго Вѣстника*, *Атенея*, *Телескопа* и т. д.). Очевидно, біографъ придавалъ особое значеніе старинной журнальной полемикѣ и справедливо искалъ въ ней указаній на то, какъ постепенно слагалось въ русскомъ обществѣ воззрѣніе на поэтическую дѣятельность Пушкина.

Рядомъ со старыми журналами, другимъ важнымъ источникомъ служило для Анненкова живое преданіе. Въ то время, когда онъ принялся за свой трудъ, еще жили и здравствовали многіе изъ соучениковъ Пушкина по лицею, а также многіе другіе близкіе къ нему люди. Анненковъ обратился къ содѣйствію ихъ памяти. Въ числѣ лицъ, сообщившихъ ему письменныя свѣдѣнія, важнѣйшія были слѣдующія: младшій братъ поэта Левъ Сергѣевичъ, ихъ своякъ Н. И. Павлищевъ, П. А. Катенинъ, В. И. Даль и нѣкоторые изъ лицейскихъ товарищей Пушкина, изложившіе свои воспоминанія въ одной общей запискѣ. Все это были біографическія свидѣтельства первостепенной важности, и Анненковъ воспользовался ими обильно. Изъ числа этихъ матеріаловъ записка, составленная Л. С. Пушкинымъ, появилась въ печати еще въ 1853 году; позже напечатаны были и воспоминанія лицейскихъ товарищей поэта, а также замѣтки Даля; замѣтки Павлищева, основанныя на разсказахъ его супруги, сестры Пушкина, напечатаны не были, но содержаніе ихъ извѣстно изъ сообщеній разныхъ лицъ. Не напечатанными остались только воспоминанія Катенина, и рукописи ихъ не находится въ той части бумагъ Анненкова, которая была намъ сообщена. Впрочемъ, и относительно воспоминаній Катенина мы можемъ привести слѣдующее свидѣтельство Анненкова, найденное нами въ одномъ не изданномъ письмѣ его къ И. С. Тургеневу отъ января 1853 года: «Катенинъ прислалъ мнѣ записку о Пушкинѣ — и требовалъ мнѣнія. Въ этой запискѣ, между прочимъ, «Борисъ Годуновъ» осуждался потому, что не годится для сцены, а «Моцартъ и Сальери»—потому, что на Сальери взведено даромъ преступленіе, въ которомъ онъ неповиненъ.

На послѣднее я отвѣчалъ, что никто не думаетъ о настоящемъ Сальери, а что это—только типъ даровитой зависти. Катенинъ возразилъ: стыдитесь; вѣдь вы, полагаю, честный человѣкъ и клевету одобрять не можете. Я на это: искусство имѣетъ другую мораль, чѣмъ общество. А онъ мнѣ: мораль одна, и писатель долженъ еще болѣе беречь чужое имя, чѣмъ гостиная, деревня или городъ. Да вотъ десятое письмо по этому эѳически-эстетическому вопросу и обмѣниваемъ».

Нѣкоторыя изъ лицъ, допрошенныхъ Анненковымъ, дѣлились съ нимъ только устными разсказами. Много важнаго, любопытнаго и характернаго имѣлъ онъ случай услышать отъ П. В. Нащокина, П. А. Плетнева, М. П. Погодина; но уже въ самомъ свойствѣ ихъ сообщеній заключалась извѣстная слабая сторона: изустные разсказы не могли не быть отрывочными и не представляли той опредѣленности и полноты, какой можно ожидать отъ воспоминаній, изложенныхъ на письмѣ, болѣе тщательно обдуманныхъ и нерѣдко подкрѣпленныхъ справками въ современныхъ документахъ. По видимому, впрочемъ, не всѣ друзья Пушкина, даже опытные въ литературныхъ дѣлахъ, чувствовали себя въ силахъ послѣдовательно высказать всѣ тѣ впечатлѣнія, какія сохранили они отъ близкихъ сношеній съ великимъ человѣкомъ. Такъ, П. А. Плетневъ, напечатавшій о Пушкинѣ небольшую статью въ 1838 году и призывавшій другихъ къ сообщенію свѣдѣній о немъ, самъ не рѣшался впослѣдствіи взяться за перо, чтобъ изложить свои собственныя воспоминанія, какъ можно было бы ожидать отъ его дружбы. А между тѣмъ разсказы о Пушкинѣ были одною изъ любимыхъ темъ въ его бесѣдахъ, и кто имѣлъ случай слышать ихъ, согласится съ нами, что чувство, которое питалъ Плетневъ къ дорогому покойнику, нельзя назвать иначе, какъ обожаніемъ. Казалось, все одинаково нравилось Плетневу въ личности Пушкина. Пишущему эти строки почтенный Петръ Александровичъ разсказывалъ однажды о прекрасной памяти поэта, и разсказъ этотъ сопровождался выраженіемъ самаго горячаго удивленія къ этой счастливой его способности. «Какъ онъ дышалъ!» восклицалъ Плетневъ при другомъ случаѣ, вспоминая о своихъ прогулкахъ съ Пушкинымъ въ окрестностяхъ Лѣснаго института. П. В. Анненковъ передавалъ намъ, что другой пріятель великаго поэта, М. Л. Яковлевъ, извѣстный «староста» лицейскихъ годовщинъ перваго выпуска, разсказывая ему о послѣднемъ изъ этихъ праздниковъ, въ которомъ участвовалъ Пушкинъ (19-го октября 1836 года), забылъ

упомянуть о характерномъ обстоятельствѣ, при томъ случившемся: Пушкинъ сталъ было читать въ кругу товарищей свою послѣднюю «Лицейскую годовщину», но внезапно остановился и залился слезами. Анненковъ выражалъ сожалѣніе, что не имѣлъ возможности внести эту подробность въ текстъ біографіи. Дѣйствительно, въ его сочиненіи упоминается объ этомъ только въ подстрочномъ примѣчаніи, прибавленномъ уже послѣ того, какъ текстъ біографіи былъ подвергнутъ особой высшей цензурѣ и затѣмъ уже не подлежалъ измѣненіямъ. «Много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; иныя уже угасли, и едва ли не навсегда»: такъ выражается Даль въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ, составленныхъ черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти, и тутъ же высказываетъ сожалѣніе, что многія подробности его жизни, извѣстныя въ разныхъ концахъ Россіи, остаются не записанными. Анненкову прежде многихъ пришлось убѣдиться въ справедливости этого сѣтованія: потому-то и оказался въ біографіи Пушкина, написанной всего спустя пятнадцать лѣтъ по его кончинѣ, недостатокъ въ живыхъ подробностяхъ для его характеристики.

Въ числѣ матеріаловъ, находившихся въ распоряженіи Анненкова, были, сверхъ вышеприменованныхъ, еще замѣтки о Пушкинѣ, записанныя со словъ С. П. Шевырева. Судя по сохранившейся рукописи, записывалъ ихъ не самъ Анненковъ, а кто-то другой. Двѣ уцѣлѣвшія на листѣ помѣты—23-го декабря 1850 года и 3-го января 1851 года—указываютъ на время записи. Она сдѣлана довольно обстоятельно, безъ сомнѣнія, потому, что самъ разсказчикъ постарался придать нѣкоторый порядокъ своему сообщенію. Шевыревъ говорилъ не только о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ поэтомъ, но передалъ и нѣкоторыя свѣдѣнія объ его дѣтствѣ и его роднѣ. Анненковъ придавалъ большую цѣну этимъ извѣстіямъ и многія изъ нихъ помѣстилъ въ своемъ трудѣ, однако не исчерпалъ всего ихъ содержанія. Пользуясь ими въ свою очередь, постараемся на ихъ основаніи, а также при пособіи другихъ источниковъ, представить очеркъ отношеній Шевырева къ Пушкину.

II.

Степанъ Петровичъ Шевыревъ родился въ 1806 году, въ Саратовѣ, но былъ москвичъ по воспитанію, по общественнымъ и литературнымъ связямъ и служебной дѣятельности. Привезенный въ

Москву одиннадцати лѣтъ, питомецъ университетскаго благороднаго пансіона и нѣкоторое время слушатель Московскаго университета, Шевыревъ началъ службу въ Московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ принадлежалъ къ числу «архивныхъ юношей», увѣковѣченныхъ Пушкинымъ въ VII-й главѣ «Евгенія Онѣгина». Въ 1834 году, послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей, Шевыревъ занялъ каѳедру русской словесности въ Московскомъ университетѣ, а состоявшаяся въ томъ же году женитьба его на дочери покойнаго князя Бориса Владиміровича Голицына породнила его съ тогдашнимъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, извѣстнымъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ. Съ тѣхъ поръ Шевыреву случалось неоднократно посѣщать подмосковную Голицыныхъ, село Вяземы (въ 15 верстахъ отъ Звенигорода), въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ которымъ находилось сельцо Захарьино или Захарово, усадьба бабки Пушкина, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ. Здѣсь живали съ 1806 года и родители поэта, и самъ онъ до двѣнадцатилѣтняго возраста. Это обстоятельство доставило Шевыреву возможность собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о первыхъ годахъ его жизни. Кромѣ того, Степанъ Петровичъ еще въ ранней молодости могъ встрѣчаться въ московскомъ обществѣ съ отцемъ поэта и въ особенности съ его дядей, Василіемъ Львовичемъ, извѣстнымъ литераторомъ. Итакъ, вотъ что̀ разсказывалъ Шевыревъ о дѣтствѣ Пушкина и его роднѣ:

«Пушкинъ родился въ Москвѣ. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, человѣкъ ограниченнаго ума, больше любившій свѣтскую жизнь, подобно брату своему Василію Львовичу (имѣвшему свой домъ на Басманной и славившемуся отличнымъ поваромъ Власомъ, котораго онъ называлъ Blaise; этотъ умеръ въ Охотномъ ряду въ послѣднюю холеру), не могъ внушить большой привязанности къ себѣ въ сынѣ своемъ. Гораздо больше могла имѣть вліянія на послѣдняго мать—Надежда Осиповна, женщина, отличавшаяся умомъ. Изъ другихъ членовъ семейства есть еще братъ нашего поэта, Левъ Сергѣевичъ, который теперь служитъ въ Одессѣ при карантинѣ, добрый малый, чрезвычайно похожій лицомъ на покойнаго поэта, и сестра Ольга Сергѣевна, къ которой Пушкинъ питалъ особенную привязанность; она за Павлищевымъ, что̀ служитъ въ Варшавѣ и нѣсколько занимается литературой. Пушкины постоянно жили въ Москвѣ, но на лѣто уѣзжали въ деревню Захарьино, верстахъ въ сорока отъ Москвы,

принадлежавшую родственникамъ Надежды Осиповны. Это сельцо теперь принадлежитъ помѣщицѣ Орловой. Здѣсь Пушкинъ проводилъ первое свое дѣтство, до 1811 года. Старый домъ, гдѣ они жили, срытъ; уцѣлѣлъ флигель. Мѣстоположеніе хорошее. Указываютъ нѣсколько березъ, и на нѣкоторыхъ вырѣзаны надписи, сдѣланныя, по словамъ теперешняго владѣльца Орлова, самимъ будто Пушкинымъ, но это, должно быть, выдумка, потому что бо̀льшая часть надписей—явно новыя. Особенно замѣтить слѣдуетъ, что деревня была богатая: въ ней раздавались русскія пѣсни, устраивались праздники, хороводы, и стало быть, Пушкинъ имѣлъ возможность принять народныя впечатлѣнія. Въ сельцѣ до сихъ поръ живетъ женщина Марья, дочь знаменитой няни Пушкина, выданная за здѣшняго крестьянина. Эта Марья съ особеннымъ чувствомъ вспоминаетъ о Пушкинѣ, разсказываетъ о его добротѣ, о подаркахъ ей, когда она прихаживала къ нему въ Москву, и между прочимъ объ одномъ замѣчательномъ обстоятельствѣ: предъ женитьбой Пушкинъ пріѣхалъ въ деревню (которая уже была перепродана) на тройкѣ, быстро обѣжалъ всю мѣстность и, кончивъ, замѣтилъ Марьѣ, что все теперь здѣсь идетъ не по прежнему. Ему, можетъ быть, хотѣлось возобновить предъ рѣшительнымъ дѣломъ жизни впечатлѣнія дѣтства. Болѣе слѣдовъ Пушкина нѣтъ въ Захарьинѣ. Деревня эта не имѣетъ церкви, и жители ходятъ въ село Вяземы, въ двухъ верстахъ; здѣсь положенъ братъ Пушкина (Николай), родившійся 1802 года, умершій въ 1807 году. Пушкинъ ѣздилъ сюда къ обѣднѣ. Село Вяземы принадлежало Годунову; тамъ доселѣ пруды, ему приписываемые; старая церковь тоже съ воспоминаніями о Годуновѣ; стало быть, Пушкинъ въ дѣтствѣ могъ слышать о немъ».

На первыхъ страницахъ своихъ «Матеріаловъ для біографіи Пушкина» Анненковъ изложилъ приведенныя здѣсь свѣдѣнія, дополнивъ ихъ кое-чѣмъ со словъ сестры поэта и приведя нѣсколько строкъ о Захаровѣ изъ одного лицейскаго посланія Пушкина (къ П. М. Юдину, 1815 г.). Еще прежде появленія «Матеріаловъ» въ печати, въ *Москвитянинѣ* 1851 года (№№ 9 и 10) Н. В. Бергъ описалъ свою поѣздку въ то же сельцо; но здѣсь мы находимъ въ сущности не больше данныхъ, чѣмъ въ разсказѣ Шевырева,—только у Берга они облечены въ болѣе литературную форму. Подобно Шевыреву, Анненковъ признаетъ, что въ Захаровѣ Пушкинъ получилъ первыя впечатлѣнія народной жизни, а въ Вяземахъ

имѣлъ случай видѣть памятники Годуновскаго времени и слышать преданія о царѣ Борисѣ. Поэтому не лишнимъ будетъ сопоставить эти соображенія со слѣдующимъ стариннымъ описаніемъ Вяземъ: «Это село отличалось каменнымъ господскимъ домомъ, съ регулярнымъ садомъ и прекрасными окружающими селеніе рощами. А паче обратила на себя вниманіе наше въ Вяземахъ церковь каменная о двухъ ярусахъ, довольно великая, строенія еще царя Бориса Годунова. И снаружи, и во внутренности ея, по счастію, вся древность соблюдена; даже внутри хотя расписаніе возобновлено, но ничего не перемѣнено изъ древняго. Примѣчательнаго въ ней усмотрѣли мы, что въ церкви на стѣнахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на подмазкѣ вырѣзаны или начерчены были ножичкомъ или какимъ другимъ острымъ орудіемъ слова польскимъ языкомъ, а литерами латинскими, кои мы разобрать не могли, однако видны изображенныя цифирью 1611, 1618 и 1620 годы и нѣкоторыя имена польскихъ пановъ». Это описаніе находится въ путевыхъ запискахъ, веденныхъ митрополитомъ Платономъ во время путешествія въ Кіевъ въ 1804 году, то-есть, очень незадолго передъ тѣмъ, какъ ребенка Пушкина стали возить по сосѣдству въ имѣніе его бабки. Такимъ образомъ, когда впослѣдствіи онъ встрѣтилъ названіе Годуновскаго села въ разсказѣ Карамзина о подмосковныхъ воинскихъ потѣхахъ самозванца и о приближеніи Марины Мнишекъ къ Москвѣ по Смоленской дорогѣ (Исторія Государства Россійскаго, т. XI, гл. IV), то могъ дополнить картину повѣствованія изъ собственныхъ воспоминаній о Вяземахъ.

О школьныхъ годахъ Пушкина, о свѣтской жизни его въ Петербургѣ, о годахъ ссылки, проведенныхъ поэтомъ на югѣ Россіи и въ псковской деревнѣ, въ разсказахъ Шевырева говорится очень мало: очевидно, онъ избѣгалъ распространяться о такихъ эпизодахъ жизни Пушкина, которыхъ не былъ прямымъ свидѣтелемъ, или о которыхъ не имѣлъ свѣдѣній изъ источниковъ, заслуживавшихъ особеннаго довѣрія. Принимая это во вниманіе, можно думать, что слѣдующія немногія подробности изъ этого періода жизни Пушкина переданы Шевыревымъ со словъ лицъ, близкихъ къ поэту въ то время.

«Лицей былъ заведеніе совершенно на западный ладъ; здѣсь получались иностранные журналы для воспитанниковъ, которые въ играхъ своихъ устраивали между собою палаты, спорили, говорили

рѣчи, издавали между собою журналы и пр.; вообще свободы было очень много. Лицейскій анекдотъ: однажды императоръ Александръ, ходя по классамъ, спросилъ: «Кто здѣсь первый?» «Здѣсь нѣтъ, ваше императорское величество, первыхъ; всѣ вторые», отвѣчалъ Пушкинъ.

«Когда вышелъ «Русланъ и Людмила», за разные вольные стихи, особенно за «Оду на свободу», императоръ Александръ рѣшился отправить Пушкина въ Соловки. Здѣсь спасъ его Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ: онъ отправился къ Карамзинымъ, упросилъ жену Карамзина, чтобъ она допустила его въ кабинетъ мужа, который за своею «Исторіей» никого, даже жену, не принималъ,— разсказалъ Карамзину положеніе дѣла, и тотъ тотчасъ отправился къ Маріи Ѳеодоровнѣ, къ которой имѣлъ свободный доступъ, и у нея исходатайствовалъ, чтобы Пушкина послали на югъ. За этотъ поступокъ Пушкинъ благодарилъ Чаадаева однимъ стихотвореніемъ въ четвертомъ томѣ «Къ Ч—ву». Еще въ Петербургѣ былъ начатъ «Евгеній Онѣгинъ». Послѣ позволено было ему жить въ деревнѣ, гдѣ много было написано».

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что эти свѣдѣнія переданы Шевыревымъ со словъ самого Петра Яковлевича Чаадаева, съ которымъ онъ находился, не смотря на различіе убѣжденій, въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Подружившись съ Пушкинымъ еще въ бытность его въ лицеѣ, Чаадаевъ всегда съ удовольствіемъ и даже съ гордостью вспоминалъ о своемъ удачномъ вмѣшательствѣ въ дѣло ссылки поэта. Убѣждаемый Погодинымъ, онъ даже самъ собирался написать воспоминанія о своемъ другѣ, но, къ сожалѣнію, не привелъ этого намѣренія въ исполненіе, потому что не зналъ, «какъ быть съ тѣмъ, чего сказать нельзя». За то онъ былъ крайне щекотливъ ко всякому намеку въ печати касательно его отношеній къ великому поэту. Такъ, когда, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, П. И. Бартеневъ сталъ печатать свои статьи о молодости Пушкина. Чаадаевъ пришелъ въ большое негодованіе и выразилъ свой протестъ слѣдующимъ письмомъ къ С. П. Шевыреву:

«Я на дняхъ заходилъ къ вамъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, чтобы поговорить съ вами о Бартеневскихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Вы, конечно, замѣтили, что, описывая молодость Пушкина и года, проведенные имъ въ лицеѣ, авторъ статей ни слова не упоминаетъ обо мнѣ, хотя въ то же

время и выписываетъ нѣсколько стиховъ изъ его ко мнѣ посланія и даже намекаетъ на извѣстное приключеніе въ его жизни, въ которомъ я имѣлъ участіе, но приписывая это участіе исключительно другому лицу. Признаюсь, это умышленное забвеніе отношеній моихъ къ Пушкину глубоко тронуло меня. Давно ли его не стало, и вотъ какъ правдолюбивое потомство, въ угодность своимъ взглядамъ, хранитъ преданія о немъ! Пушкинъ *гордился моею дружбой*; онъ говоритъ, что *я спасъ отъ погибели его и его чувства*, что *я воспламенялъ въ немъ любовь къ высокому;* а г. Бартеневъ находитъ, что до этого никому нѣтъ дѣла, полагая, вѣроятно, что обращенное потомство вмѣсто стиховъ Пушкина будетъ читать его «Матеріалы». Надѣюсь однакожь, что будущіе біографы поэта заглянутъ и въ его стихотворенія.

«Не пустое тщеславіе побуждаетъ меня говорить о себѣ, но уваженіе къ памяти Пушкина, котораго дружба принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ въ себѣ живое сочувствіе ко всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная и безкорыстная мысль чтилась выше самого безпредѣльнаго поклоненія прошедшему и будущему. Я увѣренъ, что настанетъ время, когда у насъ всѣмъ и каждому воздастся должное; но нельзя же между тѣмъ видѣть равнодушно, какъ современники безчестно прячутъ правду отъ потомковъ. Никому, кажется, нельзя лучше васъ въ этомъ случаѣ заступиться за истину и за минувшее поколѣніе, котораго теплоту и безкорыстіе сохраняете въ душѣ своей; но если думаете, что мнѣ самому должно взяться за покинутое перо, то послѣдую вашему совѣту, au risque de fournir à m. Barténief une nouvelle preuve du peu d'importance qu'il faut attacher à l'amitié que m'accordait Pouchkine.— Въ среду постараюсь зайти къ вамъ изъ клуба за совѣтомъ. Искренно и душевно преданный вамъ Петръ Чаадаевъ.

«Написавъ эти строки, узналъ, что г. Б. оправдываетъ себя тѣмъ, что, говоря о лицейскихъ годахъ друга моего, онъ не полагалъ нужнымъ говорить о его отношеніяхъ со мною, предоставляя себѣ упомянуть обо мнѣ въ послѣдующихъ статьяхъ. Но неужто г. Б. думаетъ, что встрѣча Пушкина въ то время, когда его могучія силы только что стали развиваться, съ человѣкомъ, котораго впослѣдствіи онъ называлъ своимъ лучшимъ другомъ, не имѣла никакого

вліянія на это развитіе? Если не ошибаюсь, то первое условіе біографа есть знаніе человѣческаго сердца» [1]).

Чтобы объяснить себѣ всю придирчивость этого письма, нужно имѣть въ виду слѣдующее: въ первой изъ статей П. И. Бартенева, гдѣ говорится о Пушкинѣ въ лицеѣ (*Московскія Вѣдомости* 1854 года, №№ 71, 117 и 119), о Чаадаевѣ упоминается только вскользь и безъ означенія его фамиліи; но во второй статьѣ, гдѣ описывается жизнь Пушкина въ Петербургѣ послѣ лицея (*Московскія Вѣдомости* 1855 г., №№ 142, 144 и 145), Чаадаевъ уже названъ прямо, отношенія къ нему Пушкина очерчены довольно обстоятельно, а касательно ссылки замѣчено, что подробности этого происшествія еще не могутъ быть разъяснены, но что смягченію участи поэта способствовалъ одинъ изъ его друзей, обратившійся къ содѣйствію Карамзина. Все это могло бы, кажется, удовлетворить самолюбіе Чаадаева; а между тѣмъ письмо его къ Шевыреву писано уже послѣ появленія второй статьи П. И. Бартенева, такъ какъ только въ ней приводятся отрывки изъ посланій Пушкина. Какъ бы то ни было, Чаадаевъ, приглашая Шевырева вступиться за него, очевидно помнилъ, что Степану Петровичу хорошо извѣстно то печальное обстоятельство жизни Пушкина, которое требовалось разъяснить, и которое подало ему поводъ написать свое извѣстное посланіе:

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ....

Этихъ соображеній намъ, въ сущности, совершенно достаточно для подтвержденія высказанной выше догадки объ источникѣ разсказа Шевырева; а тѣмъ самымъ и разсказъ этотъ, не смотря на свою краткость, пріобрѣтаетъ значеніе цѣннаго біографическаго свидѣтельства. Въ особенности любопытно въ немъ указаніе на участіе императрицы Маріи Θеодоровны въ облегченіи участи, грозившей Пушкину: въ другихъ сообщеніяхъ о томъ же происшествіи не упоминается объ этомъ обстоятельствѣ.

Зная, отъ какого близкаго къ Пушкину лица идутъ разсказы Шевырева о лицейскомъ періодѣ жизни поэта, нельзя оставить безъ

---

[1]) Большая часть этого письма была издана въ *Вѣстникѣ Европы* 1871 г., № 11, стр. 342 и 343; но сдѣланныя въ немъ сокращенія отнимали у него настоящій смыслъ. Мы печатаемъ письмо цѣликомъ по подлиннику, сохранившемуся въ бумагахъ С. П. Шевырева, которыя поступили въ 1893 году въ Императорскую Публичную Библіотеку.

вниманія и встрѣчающіяся тутъ подробности о внутреннемъ бытѣ лицея. Чертъ этого рода немного, и нѣкоторыя изъ нихъ оказываются новыми даже послѣ сообщеній Я. К. Грота и В. П. Гаевскаго о томъ же предметѣ.

III.

Непосредственное знакомство Шевырева съ Пушкинымъ состоялось во второй половинѣ 1826 года, и должно сказать, никогда не было особенно близкимъ; тѣмъ не менѣе, съ означеннаго времени разсказы Шевырева о Пушкинѣ становятся наиболѣе любопытными.

«Во время коронаціи государь послалъ за Пушкинымъ нарочнаго курьера (обо всемъ этомъ самъ Пушкинъ разсказывалъ) везти его немедленно въ Москву. Пушкинъ передъ тѣмъ писалъ какое-то сочиненіе въ возмутительномъ духѣ, и теперь, воображая, что его везутъ не на добро, дорогой обдумывалъ это сочиненіе; а между тѣмъ извѣстно, какой пріемъ сдѣлалъ ему великодушный императоръ; тотчасъ послѣ этого Пушкинъ уничтожилъ свое возмутительное сочиненіе и болѣе не поминалъ о немъ.

«Москва приняла его съ восторгомъ; вездѣ его носили на рукахъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Соболевскимъ на Собачьей площадкѣ, въ теперешнемъ домѣ Левенталя; Соболевскаго звалъ онъ Калибаномъ, Фальстафомъ, животнымъ. Насмѣшки и презрѣніе къ Полевымъ, особенно къ Ксенофонту, за его «Михаила Васильевича Ломоносова». Здѣсь въ 1827 году читалъ онъ своего «Бориса Годунова»; вообще читалъ онъ чрезвычайно хорошо. Утро, когда онъ читалъ наизусть своего «Нулина» Шевыреву у Веневитиновыхъ. На балѣ у послѣднихъ (Веневитиновы жили тогда на Мясницкой, почти противъ церкви Евпла, въ угловомъ домѣ) Пушкинъ пожелалъ познакомиться съ Шевыревымъ. Веневитиновъ представилъ Шевырева ему; Пушкинъ сталъ хвалить ему только что тогда напечатанное его стихотвореніе «Я есмь» и даже самъ наизусть повторилъ ему нѣсколько стиховъ, что было «самымъ дорогимъ орденомъ» для Шевырева. Послѣ онъ постоянно оказывалъ ему знаки своего расположенія.

«Въ Москвѣ объявилъ онъ свое живое сочувствіе тогдашнимъ

молодымъ литераторамъ, въ которыхъ особенно привлекала его новая художественная теорія Шеллинга, и подъ вліяніемъ послѣдней, проповѣдывавшей освобожденіе искусства, были написаны стихи «Чернь». Сблизившись съ этими молодыми писателями, Пушкинъ принялъ дѣятельное участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, который явился какъ противодѣйствіе *Телеграфу*. Этого журнала Пушкинъ не терпѣлъ и не помѣстилъ въ немъ ни одной пьесы. Пушкинъ очень любилъ играть въ карты; между прочимъ, онъ употребилъ въ уплату карточнаго долга тысячу рублей, которые заплатилъ ему *Московскій Вѣстникъ* за годъ его участія въ немъ.

«Пушкинъ очень часто читалъ по домамъ своего «Бориса Годунова» и тѣмъ повредилъ отчасти его успѣху при напечатаніи. Москва неблагородно поступила съ нимъ: послѣ неумѣренныхъ похвалъ и лестныхъ пріемовъ охладѣли къ нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвиненія въ ласкательствѣ, наушничествѣ и шпіонствѣ передъ государемъ. Это и было причиной, что онъ оставилъ Москву. Императоръ прочиталъ «Бориса Годунова» и совѣтовалъ издать его какъ романъ, чтобы вышло нѣчто въ родѣ романовъ Вальтера Скотта. Такимъ совѣтомъ воспользовался Загоскинъ въ «Юріи Милославскомъ». Пушкинъ самъ говорилъ, что намѣренъ писать еще «Лжедимитрія» и «Василія Шуйскаго», какъ продолженіе «Бориса Годунова», и еще нѣчто взять изъ междуцарствія: это было бы въ родѣ Шекспировскихъ хроникъ. Шекспира (а равно Гёте и Шиллера) онъ не читалъ въ подлинникѣ, а во французскомъ старомъ переводѣ, поправленномъ Гизо, но понималъ его геніально. По англійски выучился онъ гораздо позже, въ С.-Петербургѣ, и читалъ Вордсворта.

«Пушкинъ просился за границу, но государь не пустилъ его, боялся его пылкой натуры,—вообще же съ нимъ былъ чрезвычайно обходителенъ.

«Въ обращеніи Пушкинъ былъ добродушенъ, неизмѣненъ въ своихъ чувствахъ къ людямъ: часто въ свѣтскихъ отношеніяхъ не смѣлъ отказаться отъ приглашенія къ какому-нибудь балу, а между тѣмъ свѣтскія отношенія нанесли ему много горя, были причиной его смерти. Воспріимчивость его была такова, что стоило ему что-либо прочесть, чтобы потомъ навсегда помнить. Знавъ русскую исторію до малыхъ подробностей, любилъ объ ней говорить и спорить

съ Погодинымъ и цѣнилъ драмы послѣдняго именно за ихъ историческую важность.

«Особенная страсть Пушкина была поощрять и хвалить труды своихъ близкихъ друзей. Про Баратынскаго стихи при немъ нельзя было и говорить ничего дурного; онъ сердился на Шевырева за то, что тотъ разъ, разбирая стихи Баратынскаго, дурно отозвался объ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онъ досадовалъ на московскихъ литераторовъ за то, что они разбранили «Андромаху» Катенина, хотя «Андромаха» эта довольно была плохая вещь. Катенинъ имѣлъ огромное вліяніе на Пушкина; послѣдній принялъ у него всѣ пріемы, всю быстроту своихъ движеній; смотря на Катенина, можно было безпрестанно вспоминать Пушкина. Катенинъ былъ человѣкъ очень умный, зналъ въ совершенствѣ много языковъ и владѣлъ особеннымъ умѣньемъ читать стихи, такъ что его собственные дурные стихи изъ устъ его казались хорошими. Будучи откровененъ съ друзьями своими, не скрывая своихъ литературныхъ трудовъ и плановъ, радушно сообщая о своихъ занятіяхъ людямъ, интересующимся поэзіей, Пушкинъ терпѣть не могъ, когда съ нимъ говорили о стихахъ его и просили что-нибудь прочесть въ большомъ свѣтѣ. У княгини Зинаиды Волконской бывали литературныя собранія понедѣльничныя; на одномъ изъ нихъ пристали къ Пушкину, чтобы прочесть. Въ досадѣ онъ прочелъ «Чернь» и, кончивъ, съ сердцемъ сказалъ: «Въ другой разъ не станутъ просить».

«Когда Шевыревъ, уѣзжая за границу въ 1829 году, былъ въ Петербургѣ, Пушкинъ предложилъ ему нѣсколько своихъ стихотвореній, въ томъ числѣ «Утопленникъ» и переводъ изъ «Валленрода», говоря, что онъ даритъ ихъ ему и совѣтуетъ издать въ особомъ альманахѣ, но за отъѣздомъ тотъ передалъ ихъ Погодину.

«Послѣдній разъ Шевыревъ видѣлъ Пушкина весною 1836 года; онъ останавливался у Нащокина въ Дегтярномъ переулкѣ. Въ это посѣщеніе онъ сообщилъ Шевыреву, что занимается «Словомъ о полку Игоревѣ», и сказалъ между прочимъ свое объясненіе первыхъ словъ. Послѣднее свиданіе было въ домѣ Шевырева; за ужиномъ онъ превосходно читалъ русскія пѣсни. Вообще, это былъ удивительный чтецъ: вдохновеніе такъ плѣняло его, что за чтеніемъ «Бориса Годунова» онъ показался Шевыреву красавцемъ».

Вотъ все, что̀ могло быть записано со словъ Шевырева объ его собственномъ знакомствѣ съ поэтомъ. При всей своей краткости,

эти разсказы имѣютъ свою цѣну: они производятъ пріятное впечатлѣніе теплотою чувства, которымъ проникнуты, а главное — любопытны тѣмъ, что касаются такихъ отношеній, о которыхъ свидѣтельство Шевырева важнѣе, чѣмъ показанія другихъ лицъ. Необходимо только, при оцѣнкѣ этихъ сообщеній, не упускать изъ виду личности самаго разскащика и той точки зрѣнія, съ которой онъ излагалъ свои воспоминанія. О способѣ сужденія Шевырева есть очень вѣрное замѣчаніе у Н. В. Станкевича; въ 1834 году этотъ даровитый юноша писалъ своему пріятелю въ Петербургъ по поводу извѣстной картины Брюллова: «Что L'ultimo giorno di Pompei», о которой Шевыревъ a priori составилъ невыгодное мнѣніе, отозвавшееся по обычаю въ головѣ Мельгунова? Они говорятъ, что картина основана на эфектахъ, что мысль представить въ картинѣ мгновеніе неестественна, что, вопервыхъ... но все это похоже на сужденіе знатоковъ о представленіи «Донъ-Жуана» въ «Fantasien-Stücke» [1]). Дѣйствительно, сужденія Шевырева часто бывали предвзятыя: нерѣдко фактъ подгонялся у него подъ извѣстную мысль и оттого терялъ свои дѣйствительные размѣры. Слѣды особенныхъ воззрѣній Шевырева замѣтны и въ приведенныхъ разсказахъ его о Пушкинѣ, а потому приложить къ нимъ критику предоставляется особенно необходимымъ.

IV.

Вызовъ Пушкина изъ деревенской ссылки былъ одною изъ милостей, объявленныхъ по случаю коронованія императора Николая Павловича. 8-го сентября 1826 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву и прожилъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ; въ началѣ ноября онъ снова отправился въ Михайловское.

Шевыревъ не только въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ разсказываетъ о томъ восторгѣ, съ какимъ его встрѣтила тогда Москва; еще въ 1841 году онъ говорилъ объ этомъ въ печати:

«Пріѣздъ поэта... составлялъ событіе въ жизни нашего общества... Вспомнимъ первое появленіе Пушкина, и можемъ гордиться такимъ воспоминаніемъ. Мы еще теперь видимъ, какъ во всѣхъ

---

[1]) Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія, написанная *П. В. Анненковымъ*. М. 1857, стр. 95, 96.

обществахъ, на всѣхъ балахъ, первое вниманіе устремлялось на нашего гостя, какъ въ мазуркѣ и котильонѣ наши дамы выбирали поэта безпрерывно. Пріемъ отъ Москвы Пушкину—одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ его біографіи» [1]). Въ прекрасномъ сочиненіи Н. П. Барсукова о жизни и трудахъ М. П. Погодина живыми свидѣтельствами современниковъ изображено то сильное впечатлѣніе, какое было произведено неожиданнымъ появленіемъ любимаго поэта на московскую молодежь. Менѣе извѣстно, какъ подѣйствовало на самого Пушкина знакомство съ московскимъ обществомъ, которое до тѣхъ поръ было мало ему извѣстно, такъ какъ онъ не видалъ Москвы съ отроческихъ лѣтъ. «Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе», писалъ онъ князю П. А. Вяземскому 9-го ноября 1826 года, по возвращеніи въ деревню. Но не слѣдуетъ придавать этимъ словамъ безусловное значеніе: Пушкинъ не могъ не цѣнить выгодъ непосредственнаго общенія съ образованными людьми, чего былъ почти лишенъ въ деревенской глуши. Тѣмъ не менѣе, можно догадываться, что новыя московскія знакомства не вполнѣ удовлетворили его.

Дѣло въ томъ, что получившему свободу Пушкину хотѣлось принять дѣятельное участіе въ журнальномъ движеніи. Руководимый этою мыслью, онъ и сталъ присматриваться къ московскимъ литераторамъ. Связать себя какими-нибудь обязательными отношеніями со старшимъ литературнымъ поколѣніемъ онъ, разумѣется, не могъ: представитель этого поколѣнія, издаваемый Каченовскимъ *Вѣстникъ Европы* былъ ему явно враждебенъ. Съ издателемъ *Московскаго Телеграфа* Н. А. Полевымъ Пушкинъ, давно уже печатавшій стихи въ этомъ журналѣ, познакомился теперь лично, но не сблизился съ нимъ коротко и даже прекратилъ свое участіе въ *Телеграфѣ*, не смотря на то, что давній другъ поэта, князь Вяземскій, оставался по прежнему сотрудникомъ Полевого. Пушкинъ желалъ стать вдохновителемъ одного изъ журналовъ, но не хотѣлъ принимать на себя редакторскія обязанности во всей ихъ полнотѣ. «Мы», писалъ онъ Вяземскому, — «слишкомъ лѣнивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала, вотъ зачѣмъ издатель и существуетъ». Но именно для этого-то дѣла Пушкинъ и не считалъ Полевого годнымъ, такъ какъ находилъ его

---

[1]) *Москвитянинъ* 1841 г., ч. I, стр. 522.

недостаточно образованнымъ и въ то же время легкомысленнымъ и самонадѣяннымъ. Предубѣжденіе его противъ Полевого шло такъ далеко, что онъ готовъ былъ предпочесть ему въ качествѣ редактора мелкую въ литературномъ смыслѣ личность Н. В. Сушкова или даже своего кишеневскаго знакомца Завальевскаго, вовсе неизвѣстнаго на поприщѣ словесности [1]). Очевидно, руководить людьми ничтожными Пушкину казалось удобнѣе, чѣмъ держать въ рукахъ бойкаго и наторѣлаго въ журнальномъ дѣлѣ Полевого.

При такихъ-то обстоятельствахъ произошло знакомство Пушкина съ кружкомъ начинающихъ писателей, во главѣ котораго сталъ Д. В. Веневитиновъ. Веневитиновъ доводился Пушкину дальнимъ родственникомъ, а главное—былъ уже извѣстенъ ему заочно, какъ единственный критикъ первой главы «Евгенія Онѣгина», высказавшій объ этомъ произведеніи самостоятельное сужденіе. По пріѣздѣ въ Москву Пушкинъ, чрезъ пріятеля своего С. А. Соболевскаго, лично познакомился съ Веневитиновымъ, а черезъ него—и съ его кружкомъ, къ которому принадлежали между прочими М. П. Погодинъ и С. П. Шевыревъ. И о нихъ Пушкинъ уже имѣлъ коекакія свѣдѣнія еще до пріѣзда въ Москву. О первомъ писалъ ему въ исходѣ 1825 года Вяземскій: «Здѣсь есть Погодинъ, университетскій и, по видимому, хорошихъ правилъ; онъ издаетъ альманахъ въ Москвѣ къ Новому году и проситъ у тебя Христа ради. Дай ему что-нибудь изъ «Онѣгина» или что-нибудь изъ мелочей» [2]). Альманахъ, о которомъ тутъ говорится, есть «Уранія». Пушкинъ прислалъ для помѣщенія въ ней нѣсколько эпиграммъ, и книжка появилась въ началѣ 1826 года. По этому случаю Баратынскій написалъ Пушкину письмо, въ которомъ обратилъ его вниманіе на стихотворные опыты Шевырева: «Посылаю тебѣ «Уранію», милый Пушкинъ: не велико сокровище, но блаженъ, кто и малымъ доволенъ... Однакожь, позволь тебѣ указать піесу подъ заглавіемъ: «Я есмь». Сочинитель—мальчикъ лѣтъ восьмнадцати и, кажется, подаетъ надежду. Слогъ невсегда точенъ, но есть поэзія, особенно сначала. На концѣ метафизика, слишкомъ темная для стиховъ». Оттого-то Пушкинъ, при первомъ знакомствѣ съ Шевыревымъ, и могъ обрадовать его похвалами его стихотворенію.

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 187.

[2]) *Русскій Архивъ* 1879 г., кн. II, стр. 477.

Въ письмѣ, изъ котораго приведенъ отрывокъ, Баратынскій сообщалъ Пушкину важную новость. «Надо тебѣ сказать», писалъ онъ,—«что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю, хорошо ли это, или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю нѣмецкихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ піитику на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начала ея, мнѣ кажется, можно опровергнуть философически. Впрочемъ, какое о томъ дѣло, особливо тебѣ? Твори прекрасное, и пусть другіе ломають надъ нимъ голову» [1]). Итакъ, еще до прибытія въ Москву, Пушкинъ былъ предупрежденъ, что встрѣтитъ тамъ молодыхъ людей, увлекающихся германскою наукой и поэзіей. Слова Баратынскаго относились именно къ Веневитиновскому кружку, въ которомъ преимущественно занимались изученіемъ Шеллинга, а на Гете смотрѣли какъ на идеалъ поэта.

Пушкинъ, писавшій въ то время «Онѣгина», уже отчасти затронулъ новый типъ русскихъ романтиковъ «на нѣмецкій ладъ» въ лицѣ Ленскаго; но въ сущности онъ, подобно Баратынскому, не былъ знакомъ съ германскими мыслителями и даже мало читалъ германскихъ поэтовъ. Какъ бо̀льшая часть образованныхъ людей того времени, онъ воспитался сперва на французской литературѣ, и если вообще умѣстно говорить объ его философскомъ образованіи, то источниковъ его слѣдуетъ искать только въ Вольтерѣ, въ энциклопедистахъ и вообще во французскомъ умственномъ движеніи XVIII вѣка. Чувствовалъ ли Пушкинъ, по крайней мѣрѣ въ 1826 году, потребность отрѣшиться отъ этого круга идей, это — еще вопросъ. Несомнѣнно только то, что онъ успѣлъ уже освободиться отъ узкихъ и одностороннихъ воззрѣній на искусство, которыя еще господствовали во французской словесности. Но къ этому освобожденію онъ пришелъ совершенно самостоятельно и чисто практическимъ путемъ: убѣжденіе въ свободѣ художественнаго творчества онъ извлекъ изъ знакомства съ Байрономъ, Вальтеромъ Скоттомъ и Шекспиромъ. Напомнимъ его замѣчанія по поводу спора Байрона съ Боульсомъ о томъ, что̀ выше—вдохновеніе или искусство; напомнимъ также

---

[1]) Сочиненія Е. А. Баратынскаго. Казань. 1884, стр. 504, 505.

замѣчаніе Шевырева (по поводу задуманнаго Пушкинымъ около 1825 года ряда русскихъ историческихъ драмъ), что Шекспира онъ понималъ «геніально» [1]). Но, рѣшивъ для себя вопросъ о свободѣ творчества, Пушкинъ уже не вдавался въ философскую разработку эстетическихъ принциповъ и, безъ сомнѣнія, съ сочувствіемъ прочелъ тѣ строки въ письмѣ Баратынскаго, въ которыхъ послѣдній совѣтовалъ ему «творить прекрасное», не задумываясь объ его философскомъ значеніи.

Шевыревъ удачно выразился, сказавъ, что Пушкинъ, послѣ знакомства съ Веневитиновскимъ кружкомъ, «объявилъ ему свое живое сочувствіе»; но едва ли вѣрно понялъ Шевыревъ причину этого сочувствія: конечно, Пушкинъ могъ радоваться, найдя въ мнѣніяхъ кружка согласіе съ его собственными литературными убѣжденіями, но онъ получилъ ихъ не оттуда, и стало быть, не эстетическія воззрѣнія молодыхъ шеллингистовъ привлекли къ нимъ Пушкина, а вообще ихъ честный образъ мыслей, ихъ умъ, даровитость и въ особенности ихъ искренняя, безкорыстная преданность интересамъ литературы и искусства.

Прямымъ слѣдствіемъ связи, установившейся между новою литературною группой и Пушкинымъ (который снова появился въ Москвѣ въ половинѣ декабря 1826 года и прожилъ здѣсь до мая 1827), было основаніе новаго журнала—*Московскаго Вѣстника*. Программа его была проектирована Веневитиновымъ, но ему не суждено было принять участіе въ ея исполненіи: въ концѣ октября 1826 года онъ покинулъ Москву, а въ мартѣ слѣдующаго скончался въ Петербургѣ. Редакторомъ новаго журнала избранъ былъ, по общему согласію сотрудниковъ, Погодинъ.

Характеръ *Московскаго Вѣстника* и его положеніе въ тогдашней журналистикѣ уже не разъ были разъясняемы въ нашей литературѣ; но обстоятельства его внутренней исторіи все еще не вполнѣ раскрыты, между прочимъ по неполнотѣ обнародованныхъ матеріаловъ. Не входя здѣсь въ большія подробности, замѣтимъ, что Погодинъ по мѣрѣ силъ трудился надъ изданіемъ журнала, ревностно поддерживаемый Шевыревымъ, Н. М. Рожалинымъ, В. П. Титовымъ и другими сотрудниками, преимущественно изъ членовъ Веневити-

---

[1]) Кстати замѣтимъ одну неточность Шевырева: Пушкинъ началъ учиться англійскому языку еще въ 1820 году, а не позже, какъ утверждаетъ Шевыревъ.

новскаго кружка; Пушкинъ оказался усерднымъ вкладчикомъ и, кромѣ того, привлекъ къ участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ* нѣкоторыхъ своихъ друзей. Въ особенности разчитывалъ онъ на содѣйствіе Н. М. Языкова, съ которымъ провелъ лѣто 1826 года въ своемъ Михайловскомъ и въ сосѣднемъ съ нимъ Тригорскомъ П. А. Осиповой. «Языковъ живописными стихами нарисовалъ ландшафтъ Тригорскаго. Памятно мнѣ», вспоминалъ впослѣдствіи Шевыревъ,—«какъ Пушкинъ въ 1826 году привезъ это стихотвореніе въ Москву и съ восторгомъ читалъ его намъ. Чувства свои онъ выразилъ въ посланіи къ Языкову. Онъ сказалъ ему, что Ипокрена его

. . . . не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она размывчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Слiянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

Пушкинъ кланялся стиху Языкова» [1]).

Не смотря на всѣ старанія, новый журналъ вышелъ не совсѣмъ такимъ, какимъ задумывалъ его Веневитиновъ, и успѣхъ изданія не оправдалъ свѣтлыхъ надеждъ, питаемыхъ членами редакціи: въ ея составѣ не обнаружилось полнаго единодушія и не нашлось человѣка, который обладалъ бы практическимъ умѣньемъ вести сложное журнальное дѣло. Веневитиновъ, еще видѣвшій первыя двѣ книжки *Московскаго Вѣстника* на 1827 годъ, писалъ Погодину: «Публика ожидаетъ отъ него статей дѣльныхъ и даже безъ всякой примѣси этого вздора, который украшаетъ другіе журналы... Двѣ книжки кажутся немного бѣдными, особенно первая, а вотъ тому причины: вопервыхъ, мало листовъ, вовторыхъ, слишкомъ крупны статьи; наконецъ, нѣтъ почти никакихъ современныхъ извѣстій» [2]). Пушкинъ тоже не былъ удовлетворенъ журналомъ, но его сужденіе было совершенно противоположно мнѣнію Веневитинова. Вотъ что̀ писалъ Пушкинъ Погодину въ августѣ 1827 года: «Главная ошибка

---

[1]) *Московскій городской листокъ* 1847 г., № 6: Некрологъ Н. М. Языкова, написанный Шевыревымъ.

[2]) *Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2, стр. 76.

наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза, можетъ быть, еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору... Повѣсти должны быть непремѣнно существенною частью журнала, какъ моды у *Телеграфа*. У насъ не то, что въ Европѣ,—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка «Переправа» въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености,—у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу?.. *Московскій Вѣстникъ*, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію,—лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ *Телеграфѣ* похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за одну статью Вяземскаго въ *Телеграфѣ* отдамъ три дѣльныхъ статьи *Московскаго Вѣстника*. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста» [1]). Еще прежде этого письма Погодинъ имѣлъ случай говорить съ Пушкинымъ по поводу журнала, и вотъ что̀ потомъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Пушкинъ декламировалъ противъ философіи, а я не могъ возражать дѣльно и больше молчалъ, хотя очень увѣренъ въ нелѣпости того, что̀ онъ говорилъ» [2]). Эта замѣтка очень знаменательна и ясно свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ вовсе не увлекался мечтательными умозрѣніями, которыя предлагались читателямъ на страницахъ *Московскаго Вѣстника*. Предубѣжденіе противъ отвлеченностей германскаго идеализма Пушкинъ сохранилъ и впослѣдствіи: говоря о характерѣ московской журналистики въ 1834—1835 годахъ, онъ замѣтилъ, что нѣмецкая философія нашла себѣ въ Москвѣ, «можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей», и что если вліяніе ея было полезно, то лишь въ томъ отношеніи, что «спасло нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма и удалило ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія» [3]).

Подобно Веневитинову и Пушкину, другіе ближайшіе сотрудники

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 196.

[2]) *Барсуковъ*, кн. II, стр. 71.

[3]) Сочиненія, т. V, стр. 220.

Московскаго Вѣстника, напримѣръ, Титовъ, находили, что Погодинъ плохо ведетъ журналъ; самъ же редакторъ не вполнѣ ладилъ со своимъ помощникомъ Рожалинымъ, который, въ свою очередь, тяготился своимъ положеніемъ. Бѣда была, конечно, не столько въ серьезномъ направленіи журнала, сколько въ неумѣньи редакціи придать ему занимательность. Несомнѣнно, что приведенное выше мнѣніе Пушкина близко сходилось съ мнѣніемъ огромнаго большинства публики: дѣйствительно, она мало поддержала изданіе и не доставила ему матеріальнаго обезпеченія.

Во второй половинѣ 1827 года возникли между членами редакціи недоразумѣнія и по хозяйственной сторонѣ дѣла. Надобно знать, что, по «ультиматуму», то-есть, по первоначальному письменному соглашенію главныхъ участниковъ *Московскаго Вѣстника* [1]), было положено: съ проданныхъ 1200 экземпляровъ журнала платить Пушкину 10,000 рублей ежегодно, а прочимъ главнымъ сотрудникамъ (Шевыреву, Титову, Веневитинову, Рожалину, Мальцову и Соболевскому)—по сту рублей за листъ оригинальной статьи и по пятидесяти рублей за листъ перевода; «если подписчиковъ будетъ менѣе 1200, то плата раскладывается пропорціонально»; помощнику редактора назначено было 600 рублей, а весь могущій быть съ журнала доходъ, за вычетомъ вышеозначеннаго гонорара и типографскихъ издержекъ, предоставлялся въ пользу редактора. Такъ какъ деньги хранились у него, то онъ и производилъ разчеты. Пушкинъ, при самомъ началѣ изданія, получилъ тысячу рублей, которые, по словамъ Шевырева, употребилъ на уплату карточнаго долга; всего же за 1827 годъ, какъ достовѣрно извѣстно [2]), ему было выдано не десять, а только пять тысячъ: слѣдовательно, и къ нему было примѣнено постановленіе о пропорціональности вознагражденія къ количеству подписчиковъ. Пушкинъ безпрекословно покорился такому сокращенію своего гонорара. Видя, что Погодинъ безпокоится о судьбѣ предпріятія, которая становилась сомнительною, поэтъ принялся даже утѣшать редактора; онъ говорилъ объ этомъ въ томъ самомъ письмѣ къ Погодину отъ 31-го августа, въ которомъ высказалъ ему свое сужденіе о *Московскомъ Вѣстникѣ*; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждалъ его не издавать второй книжки «Ураніи», обѣщалъ на будущее

---

[1]) *Барсуковъ*, кн. II, стр. 46.

[2]) Матеріалы для біографіи Пушкина въ изданіи *Анненкова*, стр. 177.

время свое безусловное сотрудничество въ журналѣ и лишь въ заключеніи письма позволилъ себѣ маленькое наставленіе своему слишкомъ разсчетливому корреспонденту: «Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышомъ. Лучше ужь прекратить изданіе; но сіе было бы стыдно» [1]).

Почти въ то же время, какъ Погодинъ получилъ это письмо, онъ сообщилъ Соболевскому отчетъ въ расходованіи журнальныхъ суммъ. По странной прихоти составителя, отчетъ былъ изложенъ «на клочкѣ бумаги, общими и круглыми итогами и съ недосмотрѣніями». Такъ, по крайней мѣрѣ, выразился Соболевскій, когда, уѣхавъ въ Петербургъ, рѣшился письменно упрекнуть Погодина въ небрежности. Письмо это (отъ 10-го сентября), впрочемъ было написано въ самомъ дружескомъ тонѣ и главнымъ образомъ выражало опасенія на счетъ дальнѣйшаго участія Пушкина въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. «Я въ вашемъ дѣлѣ человѣкъ посторонній», писалъ Соболевскій,—«ибо я былъ, такъ сказать, посредникомъ между вами и Пушкинымъ. Мнѣ было больно видѣть неминуемый разрывъ его съ такими людьми, которыхъ я люблю, а можетъ быть, и уважаю... Дѣлайте впередъ съ Пушкинымъ, что̀ хотите; рѣшительно отрекаюсь отъ такого дѣла, гдѣ надобно говорить правду или молчать» [2]).

Погодинъ хотя и водилъ пріязнь съ Соболевскимъ, но внутренно не любилъ его и въ своемъ дневникѣ нерѣдко честилъ очень жесткими словами; письмо Соболевскаго показалось ему обиднымъ. Точно также не понравилось ему предложеніе Титова и Одоевскаго замѣнить Рожалина Шевыревымъ. На послѣднее впрочемъ Погодинъ долженъ былъ согласиться; на упреки же Соболевскаго онъ отвѣчалъ не то пріятельски, не то бранчиво, и кромѣ того, опираясь на письмо Пушкина, нашелъ себѣ защитниковъ въ лицѣ Рожалина и Шевырева. Въ особенности Рожалинъ выступилъ миротворцемъ. «Пушкинъ», писалъ онъ Соболевскому 13-го сентября,—«прислалъ намъ двѣ піесы: отрывокъ изъ «Онѣгина» и еще мелкое стихотвореніе, очень хорошее. Шевыревъ и прежде не согласенъ былъ покинуть *Вѣстникъ*, а теперь ты видишь, что планы *Телеграфа* рушились, и слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности измѣнять общему

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 197.

[2]) *Барсуковъ*, кн. II, стр. 131.

дѣлу. Сообщили ли тебѣ свои планы Титовъ и Одоевскій? Я ихъ одобряю, и они непремѣнно будутъ выполнены; тогда дѣла наши пойдутъ очень хорошо. Ты съ своей стороны не приводи Пушкина въ отчаяніе: если продолжать журналъ на слѣдующій годъ, то онъ необходимъ, и его отказъ былъ бы смертельнымъ ударомъ для *Вѣстника*. Погодину мы не позволимъ писать къ нему о разчетахъ; слѣдовательно, пять тысячъ остаются за нимъ, а на слѣдующій годъ онъ получитъ больше. Не говори и ты ему о разчетахъ. Шевыревъ свѣрялъ показанія Погодина и утверждаетъ, что въ нихъ нѣтъ нисколько обмана. Итакъ, успокойся, пріѣзжай сюда самъ и повѣрь самъ». Въ другомъ письмѣ Рожалина, отъ 18-го сентября, читаемъ слѣдующее: «Погодинъ получилъ твою нотацію и будетъ отвѣчать немедленно: онъ, кажется, виноватъ въ одномъ нерадѣніи и неакуратности, а фальши за нимъ никакой не замѣчено. Онъ доставитъ тебѣ счетъ самый подробный, на гербовой бумагѣ, подписанный Шпряевымъ [1] и всѣми нами. Удержи его у себя или отправь Пушкину, какъ хочешь; но не отчаявайся въ *Вѣстникѣ*... Имѣю причины надѣяться всего хорошаго при перемѣнахъ, которыя мы намѣрены сдѣлать... Мнѣ кажется, ты можешь смѣло говорить за свою московскую братью передъ Пушкинымъ. Увѣрь пожалуйста и себя, и его, что отчаяніе въ своемъ дѣлѣ и въ своихъ силахъ вредитъ каждому пуще всего на свѣтѣ».

Приведемъ также оправданіе самого Погодина, заключающееся въ письмѣ отъ 21-го сентября: «Я получилъ письмо твое, любезный Сергѣй Александровичъ. За форму его, которая была для меня совершенною новостью, и новостью пріятною, на̀ тебѣ спасибо, а за содержаніе—подай назадъ. Мы всѣ сообща дѣлаемъ теперь счетъ на подлинныхъ документахъ и на голландскомъ листѣ пришлемъ его тебѣ и Пушкину. Тебѣ данъ былъ эскизъ, сдѣланный не по всѣмъ даннымъ... Но впрочемъ мнѣ низко и объясняться объ этомъ, ибо какъ можно было увѣрять, что 2×2=5, а не 4, между тѣмъ какъ ты (при переплетѣ) приписываешь мнѣ это увѣреніе. Яснѣе: ты запѣлъ Лазаря, потому что тебѣ не хочется, какъ уже прежде замѣтилъ, толковать объ этомъ дѣлѣ; а Пушкинъ и ты сваливаете все на меня. Я подниму, и ты напрасно не поступилъ откровеннѣе.

---

[1]) Московскій книгопродавецъ, принимавшій подписку на *Московскій Вѣстникъ*.

Или молчать, или спорить,—но кто проситъ тебя молчать, и нужно ли твое молчаніе? Это стыдно написать. Не понимаю, какъ можно было написать такое письмо по долговременномъ размышленіи. Это вспышка минуты, и вспышка въ твоемъ родѣ. Но форма и кое-что изъ содержанія мнѣ доставило много удовольствія, показало какъ будто новый face твой. За нее я прощаю тебя».

Шевыревъ вступился за Погодина со всею горячностью восемнадцатилѣтняго юноши и даже придалъ своему протесту нѣсколько торжественный видъ. Вотъ что̀ писалъ онъ:

«Соболевскому отъ Шевырева

Объясненіе.

«Ты уже думаешь, что ты правъ совершенно. Такъ разсказалъ, что и возраженія нѣтъ,—торжествуешь! Вотъ поэтому только пишу тебѣ; хочется вывести тебя изъ очарованія, а не то писать бы нечего, потому что и безъ тебя все сдѣлалось: Пушкинъ прямо нашъ, потому что онъ честенъ, и въ немъ человѣкъ равняется поэту. По видимому, мы объ немъ гораздо лучшее имѣемъ понятіе, нежели ты. Ты представляешь двѣ бумаги, одну—твою, другую—ultimatum Погодина. Эти бумаги различны; слѣдовательно, надобно одной держаться, всѣми подписанной. Ну, не нелѣпо ли ты говоришь: «изъ двухъ бумагъ явствуетъ»? Первой бумаги, то-есть, твоей, я никогда не видалъ и видѣть не хочу... Держусь второй, она теперь передо мною. Тамъ вотъ что̀ сказано»... И затѣмъ Шевыревъ приводитъ уже извѣстное намъ соглашеніе о пропорціональности гонорара. Далѣе читаемъ: «Ну, видишь ли? Разсуждай же! Если *пропорціонально*, то вѣдь и я потребую, по скольку будетъ слѣдовать съ экземпляра, и ты—за «Выписку о португальской словесности», и самъ Погодинъ—за редакцію. Кто же будетъ вѣдать издержки? Вѣдь дѣло-то общее. Кому нужда? Вѣдь всѣ—издатели. Погодинъ—редакторъ, Погодинъ—прикащикъ нашъ, по твоему же сужденію. Какая ему нужда? И если Пушкинъ не хочетъ знать издержекъ, такъ я не хочу, и никто не хочетъ. Что жь изъ этого слѣдуетъ? Что Соболевскій—нелѣпъ... Ты блюдешь пользы Пушкина и друзей твоихъ. Вѣрно они лучше тебя знаютъ свою пользу. Съ Пушкина денегъ требовать не будутъ не потому, что ты не приказываешь (ибо на твой голосъ мы не смотримъ, когда на нашей сторонѣ больше ихъ), а потому, что

Пушкинъ—уже нашъ, по его личному увѣренію. Ты блюдешь пользы друзей своихъ, ты стараешься объ общемъ дѣлѣ, а предлагалъ Полевому сотрудничество Пушкина! Какъ ты нелѣпъ, Соболевскій! Нѣтъ, ты не блюдешь нравственной пользы друзей своихъ!» [1])

Многорѣчивое объясненіе Шевырева имѣетъ еще продолженіе, но мы не приводимъ его, потому что оно не прибавило бы ничего существеннаго къ сообщенной выпискѣ. Замѣтимъ только, что вся эта буря въ стаканѣ воды кончилась благополучно: *Московскій Вѣстникъ* продолжалъ издаваться въ 1828 году; Погодинъ остался его редакторомъ, а Шевыревъ принялъ на себя обязанности его помощника; затѣмъ однако, вопреки предложеніямъ другихъ сотрудниковъ, не послѣдовало никакихъ перемѣнъ въ планѣ журнала, направленіе его осталось, разумѣется, прежнее,—лишь редакторъ пріобрѣлъ больше самостоятельности. Не измѣнились и отношенія Пушкина къ журналу: не сдѣлавшись руководителемъ *Московскаго Вѣстника* въ первый годъ его существованія, онъ уже не стремился теперь къ этой цѣли, но усердно ободрялъ Погодина съ Шевыревымъ и охотно украшалъ журналъ своими стихами. По свидѣтельству Шевырева [2]), онъ печаталъ ихъ теперь «совершенно безвозмездно», хотя, какъ видно изъ одного письма Пушкина къ Соболевскому (отъ первой половины 1829 года), онъ считалъ еще за *Вѣстникомъ* старые долги. Какъ бы то ни было, если *Московскій Вѣстникъ* могъ просуществовать нѣсколько лѣтъ, то безъ сомнѣнія, благодаря многочисленнымъ вкладамъ поэта, которые составляли въ этомъ изданіи главную привлекательную силу для читателей.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній Пушкина, появившимся на страницахъ *Вѣстника* (1829 г., № 1), была «Чернь». По словамъ Шевырева, Пушкинъ написалъ эту піесу подъ вліяніемъ художественной теоріи Шеллинга, проповѣдовавшей освобожденіе искусства, и съ которою Пушкинъ познакомился въ кружкѣ Веневитинова. Мнѣніе Шевырева было принято Анненковымъ и положено въ основу его сужденій о позднѣйшей поэтической дѣятель-

---

[1]) Какъ это письмо Шевырева, такъ и вышеприведенныя письма Рожалина и Погодина, извлечены нами изъ бумагъ Соболевскаго, принадлежащихъ нынѣ графу С. Д. Шереметеву, которому приносимъ искреннюю благодарность за любезное дозволеніе ими воспользоваться.

[2]) *Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 205.

ности Пушкина. Слѣдуетъ ли однако считать это мнѣніе безусловно справедливымъ?

Безъ сомнѣнія, въ кружкѣ молодыхъ московскихъ поклонниковъ нѣмецкой философіи Пушкинъ слышалъ немало толковъ о Шеллингѣ и его воззрѣніяхъ на искусство. Но если судить по тѣмъ статьямъ *Московскаго Вѣстника*, въ которыхъ дѣлались попытки познакомить русскихъ читателей съ идеями германскаго мыслителя, то придется заключить, что авторы указанныхъ статей, Шевыревъ и Титовъ, сами—по крайней мѣрѣ въ то время—не далеко ушли въ разумѣніи излагаемыхъ ими воззрѣній. Шевыревъ характеризуетъ эстетическое ученіе Шеллинга тѣмъ, что оно проповѣдывало освобожденіе искусства. Но, по самому ходу германской литературы, освобожденіе искусства отъ условныхъ правилъ было для Шеллинга дѣломъ уже рѣшеннымъ, и онъ даже не распространялся о немъ' какъ о вопросѣ художественной техники. Мы видѣли, что къ такому же рѣшенію пришелъ и Пушкинъ, но пришелъ совершенно самостоятельно, независимо отъ чужихъ критическихъ указаній. Итакъ, не въ этомъ отрицательномъ выводѣ была заслуга Шеллинга, и если допускать возможность его вліянія на Пушкина, то слѣдуетъ искать его не здѣсь, а въ дѣлѣ болѣе важномъ, въ томъ, что вопросъ объ искусствѣ твердо поставленъ Шеллингомъ на почву философіи. Вслѣдъ за Платономъ германскій мыслитель призналъ красоту одною изъ врожденныхъ человѣку идей наравнѣ съ истиной и благомъ и вывелъ отсюда высокое значеніе искусства, какъ свободнаго творчества человѣческаго духа. Въ одной изъ первыхъ книжекъ *Московскаго Вѣстника* (1827 г. № 7) есть попытка изложить это воззрѣніе; она находится въ статейкѣ «О достоинствѣ поэта», написанной В. П. Титовымъ. Но изложеніе имѣетъ здѣсь характеръ такого наивнаго ученическаго упражненія, что представляется совершенно невозможнымъ допустить догадку о вліяніи подобныхъ слабыхъ опытовъ на Пушкина. Его мысль должна была подняться очень высоко надъ этими юношескими писаніями, чтобы создать такія произведенія, какъ «Чернь» и другія стихотворенія, въ которыхъ онъ говоритъ о призваніи и назначеніи поэта. Въ виду этихъ соображеній мы рѣшительно отвергаемъ достовѣрность показанія Шевырева о происхожденіи «Черни» и охотно присоединяемся къ слѣдующему мнѣнію, выраженному Н. Н. Страховымъ: «Говорятъ, въ Москвѣ въ то время (въ половинѣ двадцатыхъ годовъ) начало распростра-

няться нѣмецкое ученіе о великомъ значеніи поэтовъ, и нѣкоторые приписываютъ вліянію этого ученія тогдашнія высокомѣрныя стихотворенія Пушкина. Кажется однако же, они могутъ быть объяснены тѣмъ, что̀ совершалось тогда съ самимъ Пушкинымъ. Прямо изъ своей собственной жизни онъ вынесъ необходимость уединиться отъ народа, такъ или иначе перенести его равнодушіе и остаться самимъ собою. Съ нимъ случилось то самое, что̀ онъ вообще предвѣщаетъ «Поэту»:

Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной» [1]).

О «Черни» у насъ было много писано; ее толковали на разные лады. Но кажется, главною ошибкой большинства критиковъ было то, что они (въ числѣ ихъ, очевидно, и Шевыревъ) искали въ Пушкинскомъ стихотвореніи того, чего и не думалъ давать авторъ, именно искали цѣльной художественной теоріи, и объяснивъ по своему найденное, одни одобряли мысль поэта, другіе осуждали ее.

Чтобы не выйти изъ предѣловъ мысли, намѣченныхъ авторомъ «Черни», слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что въ рукописи эта піеса была названа «Ямбомъ» [2]), по примѣру «Ямбовъ» Андрея Шенье, то-есть, тѣхъ произведеній, въ которыхъ столь любимый Пушкинымъ французскій поэтъ бросалъ укоры и обличенія своимъ обезумѣвшимъ современникамъ. Тотъ же смыслъ жесткой сатиры имѣетъ и «Чернь» русскаго поэта: въ спорѣ между толпой и пѣвцомъ Пушкинъ изображаетъ два различные взгляда на поэзію:

---

[1]) *Н. Страховъ.* Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. С.-Пб. 1888, стр. 8 и 9.

[2]) Это было указано Анненковымъ въ его изданіи Пушкина (т. II, стр. 474) на основаніи рукописи, намъ неизвѣстной. Въ одной изъ записныхъ тетрадей Пушкина, хранящихся въ Московскомъ публичномъ музеѣ (№ 2371), есть набросокъ «Черни», но онъ ничего не даетъ для объясненія происхожденія піесы; заглавія «Ямбъ» здѣсь нѣтъ. Въ изданіи литературнаго фонда (т. II, стр. 27), въ числѣ черновыхъ набросковъ, отнесенныхъ къ 1827 году, напечатаны четыре шестистопные стиха, по видимому, имѣющіе отношеніе къ «Черни». Замѣтимъ кстати, что Пушкинъ, приготовляя, незадолго до смерти, новое изданіе своихъ стихотвореній, рѣшилъ измѣнить заглавіе „Черни“ и назвалъ эту піесу „Поэтъ и толпа“. Это видно изъ хранящейся въ Московскомъ публичномъ музеѣ рукописи № 2393.

одинъ—принадлежащій людямъ, не посвященнымъ въ тайны творчества, и другой—свойственный самому художнику. Сопоставленіе двухъ воззрѣній естественно требовало, чтобы каждое изъ нихъ было очерчено въ краскахъ рѣзко различныхъ, чтобы грубому требованію пользы было противопоставлено спокойное служеніе свободному вдохновенію. Между тѣмъ какъ въ желаніи толпы услышать смѣлые уроки звучитъ голосъ лицемѣрія, поэтъ отвѣчаетъ ей равнодушіемъ и презрѣніемъ и предпочитаетъ уйти въ свѣтлый, ему одному доступный міръ творчества. Таковъ смыслъ послѣднихъ четырехъ строкъ стихотворенія, тѣхъ самыхъ, которыя всего больше подвергались критическимъ пересудамъ. Въ упоминаніи «звуковъ сладкихъ и молитвъ» хотѣли видѣть убѣжденіе поэта, будто вся задача искусства заключается въ мастерствѣ изящнаго исполненія, въ художественной отдѣлкѣ формы. Но для того, чтобы признать, какъ далеко такое объясненіе отъ прямой мысли Пушкина, достаточно припомнить, что въ одинъ годъ съ «Чернью» написаны имъ «Воспоминаніе», «26-е мая 1828» (Даръ напрасный, даръ случайный), «Предчувствіе», «Анчаръ», «Опричникъ», «Полтава» и другія произведенія, въ которыхъ совершенство художественной формы сочетается съ глубокимъ нравственнымъ смысломъ. Такъ всегда было въ поэтической дѣятельности Пушкина послѣ того, какъ онъ пережилъ періодъ раннихъ юношескихъ увлеченій. А между тѣмъ, обвиненіе въ безнравственности было однимъ изъ обычныхъ пріемовъ нападенія, къ которымъ прибѣгали современные Пушкину критики, относившіеся къ нему враждебно.

Обвиненія такого рода начались еще очень давно, съ появленія «Руслана и Людмилы»; не прекращались они и во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда, по возвращеніи Пушкина изъ ссылки, различныя обстоятельства обязывали его къ особливой осторожности, чтобы не подвергаться новымъ стѣсненіямъ: это было время, когда онъ получалъ моральныя и литературныя наставленія даже отъ графа Бенкендорфа и оказывался въ необходимости оправдываться противъ выговоровъ [1]). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что стихотвореніе «Чернь» есть именно отвѣтъ со стороны поэта его непризваннымъ, лицемѣрнымъ судьямъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистикѣ. Что Пушкинъ обращался въ немъ не къ народной

[1]) См., напримѣръ, Сочиненія, т. VII, стр. 207.

черни, а къ пустой толпѣ свѣтской, это видно, между прочимъ, изъ любопытнаго разсказа Шевырева о чтеніи стихотворенія самимъ авторомъ въ салонѣ княгини З. А. Волконской. Что же касается журнальныхъ судей, толковавшихъ о безнравственности произведеній Пушкина,—достаточно будетъ привести слѣдующія строки, сказанныя въ защиту его въ первой книжкѣ *Московскаго Вѣстника* за 1828 годъ (стр. 69, 70): «Мы замѣтили изъ разныхъ отзывовъ о произведеніяхъ Пушкина странныя отъ него требованія. Хотятъ, чтобъ онъ создавалъ въ своихъ поэмахъ существа чисто нравственныя, образцы добродѣтели. Напомнимъ строгимъ аристархамъ, что не дѣло поэта преподавать уроки нравственности. Онъ изображаетъ всякое сильное ощущеніе въ жизни, всякій характеръ, носящій на себѣ оригинальную печать или одной мысли, или одного чувства. Если поэзія есть живая картина необыкновенной человѣческой жизни, то не ангеловъ совершенныхъ должны представлять намъ поэты, но человѣковъ съ ихъ добромъ и зломъ, разумѣется, выходящихъ изъ тѣснаго круга свѣтской жизни, не вседневныхъ, но такихъ людей, которые сильнѣе мыслятъ, сильнѣе чувствуютъ, и потому живѣе дѣйствуютъ. Если впечатлѣнія, произведенныя поэтомъ, привели душу въ желанное согласіе, они изящны, и поэтъ совершилъ свое дѣло. Если иногда таковыя впечатлѣнія производятъ дѣйствіе нравственно злое на душу человѣка,—не поэта обвиняйте, который воленъ, какъ сама природа, въ созданіи происшествій, картинъ порока или добра, но обвиняйте нечистую душу, нечисто принимающую сіи впечатлѣнія».

Эти умныя и справедливыя строки написаны Шевыревымъ. Но тутъ нѣтъ никакихъ особенныхъ слѣдовъ Шеллингова воззрѣнія на искусство: это просто разсужденія честнаго и добросовѣстнаго писателя. И едва ли ошибемся мы, сказавъ, что эти качества Пушкинъ цѣнилъ въ Шевыревѣ больше, чѣмъ его философскую подготовку. По этой простой причинѣ, а вовсе не изъ увлеченія идеями Шеллинга, Пушкинъ сблизился въ Москвѣ съ сотрудниками *Московскаго Вѣстника*, принялъ участіе въ ихъ журналѣ и постоянно поддерживалъ любезныя отношенія къ его редактору и главному сотруднику. Но тѣсной внутренней связи между ними и поэтомъ, связи, основанной на единствѣ убѣжденій, все-таки не образовалось.

Причиной разногласія послужило нѣкоторое различіе въ соб-

ственно литературныхъ мнѣніяхъ. Пушкинъ не одобрялъ многихъ критическихъ отзывовъ, появлявшихся на страницахъ *Московскаго Вѣстника* и принадлежавшихъ большею частью Шевыреву. Въ этомъ сознается и самъ Шевыревъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Такъ, въ написанномъ имъ обозрѣніи русской словесности за 1827 годъ (*Московскій Вѣстникъ* 1828 г., кн. I) онъ холодно отозвался о стихотвореніяхъ Баратынскаго,— и Пушкинъ, по прочтеніи этихъ строкъ, написалъ Погодину: «Грѣхъ Шевыреву не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья!» Еще строже, въ томъ же обозрѣніи, Шевыревъ отнесся къ трагедіи Катенина «Андромаха» и свой разборъ ея заключилъ слѣдующими жесткими словами: «Все, все обнаруживаетъ въ сей трагедіи не оригинальнаго поэта, а слабаго подражателя». Пушкинъ не былъ согласенъ съ такимъ приговоромъ: онъ имѣлъ высокое мнѣніе о литературныхъ способностяхъ Катенина и даже утверждалъ, что «изъ нашихъ Шлегелей одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло», то-есть, правильно понимаетъ пріемы драматическаго творчества; объ его «Андромахѣ», которая—кстати замѣтить—была не переводомъ изъ Расина, а попыткой самостоятельно обработать древнее сказаніе для сцены, Пушкинъ говорилъ, что это—«можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому» [1]. Наконецъ, не разъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* появлялись возраженія на статьи князя Вяземскаго, печатавшіяся въ *Московскомъ Телеграфѣ*; Пушкинъ и самъ расходился иногда съ мнѣніями своего друга, но ему, конечно, была не по сердцу полемика *Вѣстника* противъ Вяземскаго. Такимъ образомъ понятно, почему между Пушкинымъ и *Московскимъ Вѣстникомъ* могло произойти мало по малу охлажденіе; въ особенности обнаружилось оно въ 1830 году, когда возникла *Литературная Газета* Дельвига; здѣсь Пушкинъ помѣстилъ даже нѣсколько полемическихъ замѣтокъ противъ *Вѣстника* [2].

Какъ видно изъ воспоминаній Шевырева, нѣкоторыя литературныя сужденія Пушкина онъ объяснялъ исключительностью его литературныхъ симпатій. То же мнѣніе было высказано Шевыревымъ вскорѣ послѣ смерти поэта въ разборѣ первой книжки *Современника* на 1837 годъ: «Дружба была для него чѣмъ-то святымъ,

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 200 и 206; т. V, стр. 144

[2]) Сочиненія т. V, стр. 89—91.

религіознымъ. Она доходила въ немъ даже до литературнаго пристрастія: часто въ поэтѣ онъ любилъ и защищалъ только своего друга» [2]). Должно признать, что въ этомъ замѣчаніи есть значительная доля правды: дружеское одобреніе Пушкина переходило иногда черезъ край, но конечно, только по его добродушію, а не по односторонности или ограниченности его литературнаго пониманія. «Не всякій судья искусства есть геній; но всякій геній есть природный судья: проба всѣхъ правилъ въ немъ самомъ». Этотъ старый афоризмъ Лессинга вполнѣ примѣняется къ Пушкину—и косвенно имѣетъ приложеніе къ Шевыреву. Пушкинъ, когда его не соблазняло дружеское пристрастіе, являлся глубокимъ цѣнителемъ искусства и строгость своего критическаго сужденія обращалъ прежде всего на самого себя. «Ахъ, какую рецензію написалъ бы я на своихъ «Цыганъ», сказалъ онъ однажды Погодину по поводу разборовъ этой поэмы, появившихся вслѣдъ за изданіемъ ея въ 1827 году. «Онъ видно досадовалъ», прибавляетъ Погодинъ, вспоминая эти слова поэта [1]),—«что читатели его не понимаютъ, а онъ самъ не можетъ раскрыть имъ свои цѣли». Въ противоположность Пушкину Шевыревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ судей искусства, которымъ эстетическое чувство нерѣдко измѣняло; Пушкинъ намекнулъ на этотъ недостатокъ по поводу отзыва Шевырева о Баратынскомъ; другіе и не малочисленные примѣры могутъ быть безъ труда указаны въ критическихъ статьяхъ Шевырева, какъ ранняго, такъ и поздняго времени. Подобные промахи не могли ускользать отъ художнической проницательности Пушкина, и потому-то, читая въ *Московскомъ Вѣстникѣ* разборы Шевырева и отдавая полную справедливость его образованію и любви къ литературѣ, поэтъ все-таки долженъ былъ прійти къ заключенію, что не въ этомъ критикѣ онъ найдетъ настоящаго толкователя своихъ произведеній и—порой—совѣтника въ развитіи своей творческой дѣятельности. Въ тридцатыхъ годахъ, когда, при дѣятельномъ участіи Шевырева, возникъ *Московскій Наблюдатель*, Пушкинъ согласился принять въ немъ участіе, но въ то же время «тихонько отъ «Наблюдателей» заводилъ сношенія съ Бѣлинскимъ, только что выступившимъ на литературное поприще и уже открывшимъ полемику противъ Шевырева.

---

[1]) *Московскій Наблюдатель* 1837, іюнь, кн. 1-я, стр. 313.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ П. В. Анненкову (1874 г.).

V.

Сношенія Шевырева съ Пушкинымъ въ періодъ изданія *Московскаго Вѣстника* составляютъ главный моментъ во всей исторіи изъ знакомства. Поэтому и мы распространились о нихъ съ большею подробностью, и если нѣкоторыя изъ сообщеній Шевырева, относящихся къ тому времени, подали намъ поводъ къ возраженіямъ, то это объясняется значительною долей самомнѣнія въ Шевыревѣ, его желаніемъ дать понять, что онъ былъ дѣйствительно близкимъ человѣкомъ къ Пушкину и даже могъ имѣть вліяніе на него. Подобные намеки попадаются и въ печатныхъ статьяхъ Шевырева; но что̀ гораздо важнѣе, въ этихъ послѣднихъ можно найти кое-какія фактическія дополненія къ воспоминаніямъ, записаннымъ со словъ Шевырева для Анненкова. Примѣры тому уже были приведены выше. Воспользуемся здѣсь остальнымъ разбросаннымъ матеріаломъ въ этомъ родѣ и сопоставимъ его со свидѣтельствами воспоминаній.

О личномъ характерѣ Пушкина и объ его положеніи въ обществѣ Шевыревъ сообщаетъ немногое, но понялъ онъ ихъ вѣрно. Еще въ 1841 году, говоря о «Египетскихъ ночахъ», онъ первый высказалъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Въ Чарскомъ Пушкинъ едва ли не представилъ собственныхъ своихъ отношеній къ свѣту: онъ не любилъ, когда въ гостиной обращеніемъ напоминали ему о высокомъ его званіи, и предпочиталъ обыкновенное обхожденіе свѣтское» [1]). Безъ сомнѣнія, не ошибался Шевыревъ, находя, что свѣтскія отношенія много повредили Пушкину и приблизили катастрофу его кончины. Очень цѣнно свидѣтельство Шевырева объ охлажденіи московскаго общества къ поэту послѣ первыхъ успѣховъ его въ зиму 1826—1827 годовъ. Къ сожалѣнію, подробностей объ этомъ обстоятельствѣ извѣстно очень мало, но даже коротенькое замѣчаніе Шевырева можетъ служить подтвержденіемъ тому объясненію происхожденія «Черни», какое представлено выше.

Тотъ же самый Пушкинъ, который готовъ былъ скрывать свой высокій даръ въ свѣтскомъ обществѣ, производилъ обаятельное впечатлѣніе своимъ умомъ среди людей, способныхъ понимать его геніальную природу. Шевыревъ запомнилъ кое-какіе отрывки изъ его бесѣдъ въ тѣсномъ кружкѣ. Такъ, къ первой порѣ ихъ знакомства

---

[1]) *Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 264.

относятся ихъ разговоры о Шекспирѣ, въ которыхъ Пушкинъ обнаружилъ «геніальное» пониманіе великаго англійскаго драматурга. Извѣстно, что въ 1826 году Пушкинъ явился въ Москву съ только что оконченнымъ «Борисомъ Годуновымъ» и съ замыслами о цѣломъ еще рядѣ драмъ историческихъ и иныхъ. Шевыревъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ о намѣреніи Пушкина продолжать драматическую хронику Смутнаго времени, а въ одной изъ своихъ критическихъ статей утверждаетъ, что еще въ 1826 году поэтъ задумывалъ «Каменнаго гостя» и «Русалку». «Еще», читаемъ мы въ той же статьѣ,—«былъ у него проектъ драмы «Ромулъ и Ремъ», въ которой однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ намѣревался онъ вывести волчиху, кормилицу двухъ близнецовъ» [1]). Эти показанія Шевырева отличаются точностью: въ относящемся къ 1826 году собственноручномъ спискѣ драмъ, задуманныхъ Пушкинымъ, названы между прочимъ: «Ромулъ и Ремъ», «Донъ-Гуанъ», «Дмитрій и Марина»; ошибся Шевыревъ, вѣроятно, лишь относительно «Русалки»: по крайней мѣрѣ, такого заглавія не оказывается въ упомянутомъ спискѣ, и есть основательные поводы считать, что это произведеніе было задумано позже.

Выше мы замѣтили, что Пушкинъ, встрѣтившись въ Москвѣ съ членами Веневитиновскаго кружка, близко сошелся съ ними, но не слишкомъ увлекся ихъ эстетическими теоріями, возникшими на почвѣ нѣмецкаго романтизма. Изъ позднѣйшаго признанія Шевырева оказывается, что непосредственное общеніе съ геніальнымъ поэтомъ положило начало отрезвленію самихъ молодыхъ эстетиковъ отъ крайнихъ умозрительныхъ увлеченій. По свидѣтельству одного изъ учениковъ Шевырева, Н. С. Тихонравова, онъ «съ жадностію прислушивался къ задушевнымъ домашнимъ импровизаціямъ Пушкина о поэзіи и искусствѣ; изъ нихъ онъ хотѣлъ извлечь матеріалы для теоріи поэзіи. «Бесѣды съ Пушкинымъ о поэзіи и русскихъ пѣсняхъ», говорилъ онъ,—«чтеніе Пушкинымъ этихъ пѣсенъ наизусть принадлежатъ къ числу тѣхъ плодотворныхъ впечатлѣній, которыя содѣйствовали образованію моего вкуса и развитію во мнѣ истинныхъ понятій о поэзіи» [2]).

---

[1]) *Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 245.

[2]) Памяти С. П. Шевырева, рѣчь *Н. С. Тихонравова*, помѣщенная при Отчетѣ Московскаго университета за 1864 годъ, стр. 4 и 5.

Къ тридцатымъ годамъ, къ одной изъ тогдашнихъ поѣздокъ Пушкина въ Москву, относится разговоръ съ нимъ Шевырева о новой французской словесности. «Изъ новыхъ поэтовъ Франціи», сообщаетъ Шевыревъ,—«сколько мы знаемъ, одинъ Альфредъ Мюссе нравился ему своимъ «Spectacle dans un fauteuil». Вѣроятно, послѣдняя часть этого сочиненія, маленькая поэма «Hassan» въ Байроновомъ стилѣ, пришлась особенно по вкусу Пушкина. Должно замѣтить, что А. Мюссе изо всей школы современныхъ стихотворцевъ Франціи болѣе отличается мастерствомъ и оконченностью въ отдѣлкѣ стиха. Прочіе поэты, по прежнему примѣру Гюго, этимъ пренебрегають, особенно въ драматическомъ родѣ... Пушкинъ, какъ истинный художникъ формы и первый мастеръ своего поколѣнія, не могъ сочувствовать такому искаженію формъ. Кромѣ того, онъ не могъ раздѣлять и воззрѣнія поэтовъ французскихъ на жизнь и искусство» [1]). Въ этихъ словахъ Шевырева слѣдуетъ однако различать его догадки отъ фактическихъ указаній. Пушкинъ дѣйствительно питалъ мало расположенія къ французскимъ романтикамъ, талантъ Гюго признавалъ лишь второстепеннымъ и только первые поэтическіе опыты Мюссе встрѣтилъ открытымъ сочувствіемъ, но и у него онъ хвалилъ не изящество формы, а самобытныя проявленія творчества въ драматическомъ очеркѣ «Les marrons de feu», «живость необыкновенную»—въ стихотворной повѣсти «Portia» и умѣнье схватить тонъ шуточныхъ произведеній Байрона, «что̀ вовсе не шутка»,—въ другой, тоже стихотворной повѣсти «Mardoche» [2]). Напротивъ того, въ своемъ отзывѣ о Мюссе Пушкинъ вовсе не упоминаетъ о той поэмѣ его въ Байроновомъ стилѣ, которую Шевыревъ называетъ «Hassan», хотя въ подлинникѣ ея названіе «Namouna».

Шевыреву случалось присутствовать при бесѣдахъ Пушкина съ Погодинымъ, въ которыхъ поэтъ обнаруживалъ свои глубокія познанія въ русской исторіи. Погодинъ самъ сохранилъ воспоминаніе объ одной изъ этихъ бесѣдъ. Въ 1841 году издателю *Москвитянина* пришлось разбирать въ своемъ журналѣ книжку Н. Д. Иванчина-Писарева «Вечеръ въ Симоновѣ», и онъ обратилъ здѣсь вниманіе на одно примѣчаніе, въ которомъ говорится, что авторъ «имѣлъ случай видѣть собственноручныя строки Петра Великаго,

---

[1]) *Московскій Наблюдатель* 1837 г. іюнь, кн. 1-я, стр. 318, 319.

[2]) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 363, 139, 140.

начертанныя въ минуты сильныхъ душевныхъ тревогъ о цѣлости и благѣ царства: такова инструкція Шафирову въ лагерѣ на берегахъ Прута... Строки отца отечества остались, дабы слезы русскихъ падали на нихъ, какъ и на безсмертное письмо его въ сенатъ». Къ этой нѣсколько высокопарной тирадѣ Писаревъ прибавляетъ: «Подлинникъ хранится въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ» [1]). Эта послѣдняя замѣтка особенно заинтересовала Погодина. «Я обрадовался», пишетъ онъ въ своей рецензіи,—«извѣстію г. Писарева, потому что Пушкинъ увѣрялъ меня въ противномъ; онъ съ горестію говорилъ мнѣ, что нашелъ доказательство о невѣрности извѣстія о письмѣ Петровомъ съ Прута. Письмо хранится въ Московскомъ архивѣ; въ слѣдующемъ же нумерѣ я извѣщу читателей, разсмотрѣвъ оное внимательно. Я до такой степени былъ увѣренъ Пушкинымъ, что даже на лекціи не смѣлъ говорить о происшествіи подъ Прутомъ безъ оговорки» [2]). Оказывается однако, что Пушкинъ былъ правъ, а Погодинъ введенъ въ заблужденіе неясностью послѣднихъ словъ Писарева: авторъ «Вечера въ Симоновѣ» видѣлъ въ Московскомъ архивѣ не письмо Петра въ сенатъ изъ Прутскаго лагеря, а инструкцію, данную царемъ Шафирову для переговоровъ съ визиремъ въ то время, когда турки окружали русское войско; въ архивѣ дѣйствительно существуетъ подлинникъ этой инструкціи, и съ него она была напечатана Соловьевымъ въ XVI-мъ томѣ его «Исторіи Россіи»; что же касается письма Петра въ сенатъ, то оно не извѣстно въ подлинникѣ, и хотя о содержаніи его разсказывается въ «Анекдотахъ» Штелина, однако самое существованіе этого документа отвергается весьма дѣльными возраженіями Устрялова [3]).

Живой интересъ, который обнаруживалъ Пушкинъ къ изученію русской старины, народности и языка, опережая въ этомъ отношеніи всѣхъ современныхъ ему писателей, долженъ былъ вызывать въ Шевыревѣ полнѣйшее сочувствіе по самому характеру его направленія. Шевыревъ упоминаетъ о томъ въ своихъ воспоминаніяхъ; неоднократно говорилъ онъ объ этомъ предметѣ и въ своихъ печатныхъ трудахъ, выставляя примѣръ Пушкина въ поученіе другимъ литераторамъ. Итакъ, соберемъ здѣсь эти свидѣтельства Шевырева.

---

[1]) Вечеръ въ Симоновѣ, стр. 84, 85.

[2]) *Москвитянинъ* 1841 т., ч. II, стр. 502.

[3]) Въ особой статьѣ, помѣщенной въ „Мѣсяцесловѣ“ на 1859 годъ.

«Никто такъ не уважалъ правильности формъ языка и русской просодіи, какъ Пушкинъ. Мы слышали отъ него много рѣзкихъ и остроумныхъ грамматическихъ замѣчаній, которыя показывали, какъ глубоко изучалъ онъ отечественный языкъ» [1]).

«Извѣстно, съ какимъ усердіемъ Пушкинъ изучалъ памятники древней словесности. «Слово о полку Игоревѣ» онъ помнилъ отъ начала до конца наизусть и готовилъ ему объясненіе. Оно было любимымъ предметомъ его послѣднихъ разговоровъ. Нерѣдко въ бесѣдѣ приводилъ онъ цѣликомъ слова̀ изъ государственныхъ грамотъ и лѣтописей. Начертать характеръ Пимена могъ онъ только по глубокомъ изученіи духа и языка нашихъ лѣтописей. Кто изъ знавшихъ коротко Пушкина не слыхалъ, какъ онъ прекрасно читывалъ русскія пѣсни? Кто не помнитъ, какъ онъ любилъ ловить живую рѣчь изъ устъ простого народа?» [2])

«Извѣстно, что Пушкинъ готовилъ изданіе «Слова о полку Игоревѣ. Съ глубокимъ уваженіемъ говорилъ онъ объ его поэтическихъ достоинствахъ и не сочувствовалъ нисколько мнѣніямъ скептиковъ, которые всего сильнѣе дѣйствовали въ его время. Нельзя не пожалѣть, что онъ не успѣлъ докончить труда своего... Я слышалъ лично отъ Пушкина объ его трудѣ. Онъ объяснилъ мнѣ изустно вступленіе, котораго смыслъ, по мнѣнію Пушкина, былъ тотъ, что авторъ Слова, отказываясь отъ *старыхъ словесъ* и *замышленія Боянова*, предпочитаетъ говорить о полку Игоревомъ по былинамъ своего времени» [3]).

Любопытныя слова эти не требуютъ объясненія: многочисленныя подтвержденія имъ легко могутъ быть найдены въ сочиненіяхъ Пушкина. Но сочувственное сужденіе Шевырева имѣетъ въ данномъ случаѣ серьезное значеніе, такъ какъ онъ самъ, въ свое время, много потрудился надъ изученіемъ нашей письменной старины и родного языка. Вообще, воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ, даже при нѣкоторой односторонности въ освѣщеніи извѣстныхъ фактовъ, представляютъ несомнѣнный интересъ и могутъ занять видное мѣсто въ числѣ матеріаловъ для біографіи великаго русскаго поэта.

---

[1]) *Московскій Наблюдатель* 1837 г., іюнь, кн. 1-я, стр. 318, примѣчаніе.

[2]) *Москвитянинъ* 1843 г., ч. III, стр. 237.

[3]) Исторія русской словесности. Лекціи *Ст. Шевырева*. Части первая и вторая. Изданіе 3-е, ч. II, стр. 145 и 173.

ПУШКИНЪ О БАТЮШКОВѢ.

Батюшковъ началъ печатать свои стихотворенія съ 1805 года, и съ появленія первыхъ же піесъ его въ разныхъ журналахъ и сборникахъ блестящій талантъ его былъ замѣченъ лучшею частью читателей; когда же, въ 1817 году, вышли въ свѣтъ его произведенія отдѣльнымъ изданіемъ, С. С. Уваровъ привѣтствовалъ появленіе «Опытовъ» Батюшкова критическою статьей, въ которой, проводя параллель между нимъ и Жуковскимъ, поставилъ ихъ обоихъ во главѣ молодого поколѣнія русскихъ поэтовъ.

Одинъ изъ первыхъ, на комъ сказалось литературное вліяніе Батюшкова еще до изданія его «Опытовъ», былъ тотъ геніальный юноша, который воспитывался въ ту пору въ Царскосельскомъ лицеѣ: самыя раннія стихотворенія Пушкина, относящіяся къ 1812—1815 годамъ, отзываются подражаніемъ Батюшкову. Еще въ 1814 году Пушкинъ пишетъ ему посланіе, въ которомъ наивно высказываетъ свое преклоненіе предъ его талантомъ:

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?...
. . . .
Довольный счастливымъ началомъ,
Цвѣтовъ Парнасскихъ вновь не рвешь;
Не слышанъ намъ Парни россійскій.
Пой, юноша! Пѣвецъ тіисскій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.

Съ тобою твой прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней отрада:
Пѣвцу любви любовь награда...
. . . .
Любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ;
Люби и пой ее на лирѣ...
. . . .
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,
Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
И стукъ блестящаго стекла...
. . . .
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ полѣ...
. . . .
Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ,
Подъ часъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай порокъ!
Шутя показывай смѣшное
И, если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
Увы, довольно безъ него
Найдемъ безсмысленныхъ поэтовъ;
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего!...
. . . .
Доколѣ, музами любимый,
Ты піэридъ горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты ни снидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя, младой Назонъ,
Эротъ и граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

Изъ этого стихотворенія видно, что въ пору своей ранней юности, Пушкинъ равно цѣнилъ у Батюшкова и его антологическія піесы въ эпикурейскомъ духѣ, и сатирическія, направленныя противъ бездарныхъ писателей старой школы. Значительнѣйшія изъ этихъ сатиръ, «Видѣніе на берегахъ Леты» (1809 г.) и «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славяноросcовъ» (1813 г.), оставались въ то время не

напечатанными, но ходили въ спискахъ, и любопытно, что Пушкинъ, при всемъ своемъ благоговѣніи къ Батюшкову, не воздержался по поводу ихъ отъ нѣкотораго критическаго намека: насмѣшки надъ бездарностью Тредіаковскаго еще въ то время показались ему запоздалымъ общимъ мѣстомъ.

По всему вѣроятію, это посланіе Пушкина доставило ему случай лично познакомиться съ Батюшковымъ, который съ половины 1814 года по февраль 1815 прожилъ въ Петербургѣ и уже давно состоялъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ отцомъ и особенно съ дядей своего юнаго поклонника. Однако, съ первой же встрѣчи новыхъ знакомцевъ обнаружилось между ними нѣкоторое разногласіе: въ 1814—1815 годахъ Батюшковъ былъ уже не тотъ, какимъ его знали по его раннимъ стихотвореніямъ. Подъ впечатлѣніемъ міровыхъ событій, совершавшихся на его глазахъ, и подъ бременемъ сердечныхъ треволненій, которыя отняли у него надежду на личное счастіе, въ немъ произошелъ нравственный переворотъ: онъ разстался со своимъ эпикурейскимъ міросозерцаніемъ прежнихъ лѣтъ и сталъ искать новыхъ путей для мысли и новыхъ мотивовъ для поэтическаго творчества; онъ готовъ былъ сомнѣваться, найдетъ ли онъ ихъ для своего собственнаго таланта, но по крайней мѣрѣ другимъ дарованіямъ онъ указывалъ болѣе возвышенныя задачи, чѣмъ одни страстные гимны любви и красотѣ. Такъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы Жуковскій принялся наконецъ за давно задуманную имъ поэму о Владимірѣ Святомъ; такъ, и юношѣ Пушкину подалъ онъ совѣтъ посвятить свой талантъ важной эпопеѣ.

А ты пѣвецъ забавы
И другъ пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

Таково свидѣтельство Пушкина о совѣтѣ, данномъ ему Батюшковымъ; оно находится во второмъ посланіи къ сему послѣднему, написанномъ въ 1815 году. Но этотъ совѣтъ не могъ быть понятенъ юношѣ, котораго еще манили къ себѣ всѣ радости жизни, и

со свойственною ему искренностью онъ отклонилъ сдѣланный ему вызовъ:

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота—скудный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ:
„Будь всякій при своемъ!"

Не подлежитъ сомнѣнію, что значеніе этого отказа, въ которомъ такъ ясно выразилось желаніе юноши сохранить за собою самостоятельность развитія, было оцѣнено Батюшковымъ по всей справедливости; года два спустя, говоря о своемъ талантѣ въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу, онъ почти буквально повторилъ слова Пушкина: «Ни за кѣмъ не брожу, иду своимъ путемъ».

Слова эти были сказаны Батюшковымъ въ одинъ изъ немногихъ счастливыхъ моментовъ его жизни, въ ту свѣтлую пору, когда онъ написалъ лучшія свои произведенія и могъ сознавать, что талантъ его достигъ полной зрѣлости. Эти произведенія — любовныя элегіи 1815 года, посланіе «Къ другу», «Пѣснь Гаральда Смѣлаго», «Переходъ черезъ Рейнъ», «Гезіодъ и Омиръ соперники», «Умирающій Тассъ»—еще не существовали въ то время, когда Пушкинъ сталъ подражать Батюшкову и писалъ ему посланія, а въ печати они появились большею частью въ «Опытахъ» 1817 года. Такимъ образомъ не ранѣе какъ къ этой эпохѣ должны быть отнесены послѣдніе уроки, полученные Пушкинымъ отъ Батюшкова въ искусствѣ выковывать русскій стихъ и сообщать ему плавность и гармонію. Но, какъ сказано выше, въ данный моментъ вліяніе Батюшкова на Пушкина не ограничивалось одною сферой стихотворной техники; оно касалось и выбора предметовъ для поэтическаго творчества. По всей вѣроятности, еще при первомъ свиданіи въ 1815 году они обмѣнялись мыслями о возможности поэмы на мотивы изъ русскаго сказочнаго міра; по крайней мѣрѣ Пушкинъ, вспоминая объ этой встрѣчѣ годъ спустя въ письмѣ къ князю Вяземскому, утверждалъ, что Батюшковъ тогда «завоевалъ у него Бову Королевича» [1]). Черезъ нѣсколько времени Батюшковъ, въ одномъ изъ

[1]) Сочиненія Пушкина, изданіе литературнаго фонда, т. VII, стр. 2. И Ба-

писемъ къ Гнѣдичу, выражаетъ желаніе пересмотрѣть сборники русскихъ сказокъ и былинъ, а въ 1817 году набрасываетъ планъ поэмы «Русалка»; въ то же время возникаетъ у него мысль и о другой поэмѣ уже не на сказочныя темы, а изъ древнѣйшей русской исторіи — о Рюрикѣ. Подобныя же теченія мысли замѣчаемъ мы одновременно у Пушкина: еще въ послѣдній годъ своего пребыванія въ лицеѣ задумываетъ онъ «Руслана», а осенью 1818 года уже оканчиваетъ его вчернѣ; какъ ни условно въ этомъ произведеніи изображеніе отдаленной русской древности, Пушкинъ для обработки поэмы, очевидно, занимался изученіемъ памятниковъ русскаго народнаго творчества. Немного позже онъ обращается и къ русскимъ историческимъ сюжетамъ и въ 1822 году пишетъ «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Сходство поэтическихъ задачъ у обоихъ поэтовъ не ограничивается одними указанными, спеціально русскими темами. Едва окончивъ «Умирающаго Тасса», Батюшковъ въ іюлѣ 1817 года пишетъ Гнѣдичу: «Овидій въ Скиѳіи: вотъ предметъ счастливѣе самого Тасса»; Пушкинъ, живя въ Бессарабіи, также вспоминаетъ о ссылкѣ римскаго поэта и въ 1821 году пишетъ посланіе «Къ Овидію». Не будемъ настаивать на томъ, чтобы во всѣхъ этихъ случаяхъ обнаружилось прямое вліяніе Батюшкова на Пушкина; но нельзя, кажется, не признать, что совпаденіе поэтическихъ задачъ, одновременно ихъ занимавшихъ, имѣетъ нѣкоторое значеніе; въ особенности склонны мы думать, что мысль о «Русланѣ и Людмилѣ» зародилась у Пушкина подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ съ Батюшковымъ. Познакомившись съ нѣкоторыми отрывками поэмы, Батюшковъ привѣтствовалъ ихъ горячими похвалами, но самому ему не суждено было написать ничего въ томъ же родѣ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ стали у Батюшкова обнаруживаться признаки умственнаго разстройства, которое отняло его у литературы и общества. Пушкинъ въ то время находился въ Кишиневѣ, и когда, въ половинѣ 1822 года, до него дошли извѣстія объ этой болѣзни, онъ сперва не хотѣлъ вѣрить печальной новости; но вскорѣ М. Ѳ. Орловъ, пріѣхавшій въ Бессарабію изъ Крыма, гдѣ онъ видѣлъ больного, подтвердилъ достовѣрность первыхъ смутныхъ сообщеній [1]). Послѣ того, Пушкину только однажды случилось

тюшковъ, и Пушкинъ, очевидно, считали тогда Бову за одного изъ героевъ національнаго русскаго эпоса.

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 37 и 47.

видѣть Батюшкова. Это было въ Москвѣ, въ 1830 году. 3-го апрѣля, въ домѣ, гдѣ жилъ Батюшковъ, была отслужена, по желанію его тетки Е. Ѳ. Муравьевой, всенощная; затѣмъ, присутствовавшій при службѣ Пушкинъ вошелъ въ комнату больного и заговорилъ съ нимъ; но Батюшковъ не узналъ его, какъ впрочемъ не узнавалъ обыкновенно и другихъ лицъ, прежде коротко ему знакомыхъ.

Тяжкая болѣзнь Батюшкова, въ которой онъ прожилъ почти тридцать-пять лѣтъ вдали отъ всѣхъ знавшихъ его прежде, была причиной тому, что исторія началась для него заживо. Задолго до его кончины о немъ стали судить, какъ о покойникѣ, о дѣятелѣ прошлаго; дважды перепечатывались собранія его сочиненій безъ его вѣдома; онъ не зналъ, что критика поставила его въ рядъ русскихъ классическихъ писателей, непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина. Но хорошо зналъ это самъ Пушкинъ и всегда сохранялъ глубокое уваженіе къ его таланту, къ «несозрѣвшимъ надеждамъ», имъ внушеннымъ, и къ его дѣйствительнымъ заслугамъ на литературномъ поприщѣ.

Памятникомъ этого уваженія остается экземпляръ «Опытовъ» Батюшкова, находившійся въ рукахъ Пушкина, и вторая часть котораго, содержащая въ себѣ стихи, испещрена его рукописными замѣтками. Экземпляръ этотъ принадлежитъ старшему сыну поэта А. А. Пушкину. Благодаря содѣйствію П. И. Бартенева, мы имѣли возможность разсмотрѣть эту драгоцѣнность, списали замѣтки Пушкина и предлагаемъ ихъ здѣсь, сопровождая нашими объясненіями.

Прежде всего скажемъ о томъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести замѣчанія Пушкина.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что вслѣдъ за появленіемъ въ свѣтъ «Опытовъ» Батюшкова осенью 1817 года они были прочтены Пушкинымъ; но нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что онъ впервые читалъ ихъ именно по экземпляру, нами разсмотрѣнному, и тогда же снабдилъ его своими замѣтками. Напротивъ того, есть полное основаніе думать, что онѣ написаны значительно позже. Такъ, по поводу «Умирающаго Тасса» Пушкинъ ссылается на стихотвореніе Байрона, а съ произведеніями британскаго поэта онъ познакомился не ранѣе 1820 года. Далѣе, въ одной изъ замѣтокъ Пушкина говорится, что такіе-то стихи — любимые самого Батюшкова, въ другой — что такіе-то особенно нравились князю Вяземскому, въ третьей приводится мнѣніе И. И. Дмитріева, осуждав-

шаго цезуру въ первыхъ стихахъ элегіи «Тѣнь друга». Пушкинъ вообще мало зналъ Дмитріева, а до 1826 года, кажется, вовсе не былъ знакомъ съ нимъ; съ самимъ Батюшковымъ знакомство Пушкина было не особенно короткое, и притомъ очень непродолжительное; поэтому можно предполагать, что мнѣнія Дмитріева и самого автора «Опытовъ» не лично слышаны отъ нихъ Пушкинымъ, а сообщены ему другимъ лицомъ, вѣроятнѣе всего, княземъ Вяземскимъ,— съ Вяземскимъ же Пушкинъ хотя подружился очень рано, но до 1826 года видался очень рѣдко. Какъ ни мелки эти обстоятельства, они достаточны для того, чтобы навести на мысль, что замѣчанія на разсмотрѣнномъ нами экземплярѣ «Опытовъ» сдѣланы Пушкинымъ около вышеозначеннаго года. Но есть тому еще болѣе вѣское доказательство. Въ экземплярѣ «Опытовъ», бывшемъ въ рукахъ Пушкина, обѣ части переплетены въ одну книгу, и на бѣломъ листѣ, находящемся передъ заднею доскою переплета, вписано рукою Пушкина извѣстное стихотвореніе Батюшкова:

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ...

Оно не вошло въ стихотворный отдѣлъ «Опытовъ», потому что было написано уже въ 1819 году; въ печати же оно появилось только въ 1828 году въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»; впрочемъ, еще года за два предъ тѣмъ оно стало извѣстно друзьямъ больного поэта: Вяземскій вписалъ его, какъ свѣжую новость, въ свою записную книжку въ іюлѣ 1826 года [1]). Что же касается Пушкина, онъ могъ узнать эту піесу лишь нѣсколько позже, то-есть, уже по своемъ пріѣздѣ въ Москву изъ деревенской ссылки, слѣдовательно, не ранѣе сентября того же года.

Таковы соображенія, заставляющія насъ думать, что замѣчанія, находящіяся въ разсмотрѣнномъ нами экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова, сдѣланы Пушкинымъ не ранѣе второй половины 1826 года и, можетъ быть, не позже 1828 года, когда вышеупомянутая піеса Батюшкова появилась въ печати. Весьма вѣроятно также, что замѣтки писались не въ одинъ пріемъ: по крайней мѣрѣ однѣ изъ нихъ, и притомъ бо́льшая часть, написаны карандашемъ, другія— перомъ; перомъ же вписана и піеса: «Есть наслажденіе...»

Единственное возраженіе, которое мы можемъ предвидѣть про-

---

[1]). Сочиненія князя Вяземскаго, т. IX, стр. 86.

тивъ изложенныхъ соображеній, заключается въ слѣдующемъ: въ 1825 году, когда подготовлялось первое изданіе мелкихъ стихотвореній Пушкина, онъ писалъ по этому поводу изъ Михайловскаго въ Петербургъ своему брату Льву и Плетневу: «Въ порядкѣ піесъ держитесь вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова—исключайте, марайте съ плеча» [1]). Изъ этихъ словъ можно заключать, что, по тогдашнему мнѣнію Пушкина, стихотворенія Батюшкова были выбраны для помѣщенія въ «Опытахъ» безъ достаточной критики. Такъ какъ подобное же мнѣніе высказано Пушкинымъ въ одномъ изъ замѣчаній на экземплярѣ «Опытовъ», бывшемъ у него въ рукахъ, то можно бы, пожалуй, предположить, что бо̀льшая часть этихъ замѣчаній набросана имъ около 1825 года. Но и такая догадка не приводила бы къ очень раннему ихъ происхожденію; во всякомъ случаѣ, пріурочивать эти замѣтки можно только къ серединѣ двадцатыхъ годовъ, когда дарованіе Пушкина окончательно созрѣло и вышло на свою настоящую дорогу.

Стихотворная часть «Опытовъ» дѣйствительно была издана довольно безтолково: піесы напечатаны безъ всякихъ хронологическихъ указаній и въ случайномъ порядкѣ; соотвѣтственно тому и замѣчанія Пушкина разбросаны на страницахъ книги также случайно; поэтому передавать ихъ здѣсь въ той же послѣдовательности нѣтъ никакого интереса, ни нужды. Самая форма ихъ изложенія очень отрывочна. Обыкновенно Пушкинъ ограничивается двумя-тремя словами одобренія или порицанія, нерѣдко даже однимъ; иногда лишь карандашная помѣта намекаетъ на то, что тѣ или другіе стихи обратили на себя вниманіе читателя: то сбоку отмѣтитъ онъ рядъ стиховъ, то подчеркнетъ отдѣльную строку или отдѣльное слово, то длинною чертой, проведенною черезъ все стихотвореніе, проявитъ свое неодобреніе. Но рядомъ съ этими отмѣтками, смыслъ которыхъ не всегда ясенъ, и съ краткими приговорами въ двухъ-трехъ словахъ попадаются замѣчанія болѣе значительнаго объема. Они, разумѣется, всего важнѣе, такъ какъ по нимъ можно уловить общій взглядъ Пушкина на поэзію Батюшкова. Они и для насъ послужатъ путеводною нитью для распредѣленія замѣчаній на извѣстныя группы [2]).

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 114.

[2]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи, рядомъ съ замѣтками Пушкина, намъ придется либо приводить стихи Батюшкова, ихъ вызвавшіе, либо дѣлать ссылки

Мы видѣли уже, что въ своей ранней молодости Пушкинъ восхищался не только піесами Батюшкова въ антологическомъ родѣ, но и его сатирическими стихотвореніями. Не такъ уже думалъ онъ въ то время, когда писалъ свои замѣчанія. Большія сатирическія піесы Батюшкова не были включены въ «Опыты», но мы встрѣчаемъ здѣсь нѣсколько его эпиграммъ; нѣкоторыя изъ нихъ Пушкинъ проходитъ молчаніемъ; три («Какъ трудно Бибрису...», Оп., 222; Соч., I, 72.— «Памфилъ забавенъ...», Оп., 222; Соч., I, 220.—«На книгу подъ названіемъ: Смѣсь», Оп., 207; Соч., I, 33) просто зачеркиваетъ въ знакъ неодобренія [1]); наконецъ, о трехъ остальныхъ дѣлаетъ замѣтки. Такъ, по поводу эпиграммы: «Всегдашній гость...» (Оп., 222; Соч., I, 128) сказано: «Это не Батюшкова, а Блудова, и то переводъ». Дѣйствительно, эпиграмма переведена изъ Лебрена. Кстати замѣтимъ, что Пушкинъ не довѣрялъ литературному вкусу «маркиза» Блудова [2]). По случаю «Мадригала новой Сафѣ» (Оп., 223; Соч., I, 72) замѣчено: «Переведенное остроуміе—плоскость». Эпиграмма эта, хотя и направлена Батюшковымъ противъ А. П. Буниной, основана на мотивѣ, тоже взятомъ у Лебрена. Такое же замѣчаніе: «какая плоскость!» читаемъ мы и по поводу «Мадригала Мелинѣ, которая называла себя нимфою» (Оп., 207; Соч., I, 72).

Подтвержденіе этимъ строгимъ приговорамъ объ эпиграммахъ Батюшкова находимъ въ слѣдующей замѣткѣ Пушкина по поводу шутливаго «Отвѣта» А. И. Тургеневу (Оп., 153—156; Соч., I, 148—150): «Какъ неудачно почти всегда шутитъ Батюшковъ! Но его «Видѣніе» умно и смѣшно». Сатира «Видѣніе на берегахъ Леты» принадлежитъ къ числу стихотвореній, составившихъ первоначальную славу Батюшкова, и отзывъ Пушкина примыкаетъ къ общему мнѣнію объ этой піесѣ; но самъ авторъ, хотя и былъ до-

---

на его стихотворенія. Ссылки сдѣланы какъ на вторую часть „Опытовъ", такъ и на I-й томъ того изданія сочиненій Батюшкова, которое вышло въ 1885—1887 годахъ. Это послѣднее изданіе гораздо полнѣе «Опытовъ; но замѣчанія Пушкина имѣли въ виду поэтическую дѣятельность Батюшкова лишь въ томъ объемѣ, въ какомъ она явилась во II-й части «Опытовъ».

[1]) По поводу эпиграммы: «Памфилъ забавенъ...» кстати будетъ напомнить, что существуетъ похожая на нее эпиграмма на Льва Сергѣевича Пушкина, сочиненіе которой прежде приписывалось его брату-поэту; однако по новѣйшимъ свѣдѣніямъ оказывается, что сочинилъ ее С. А. Соболевскій (Соч. Пушкина, т. VII, стр. 342).

[2]) Сочиненія, т. VII, стр. 130.

воленъ ею, однако сознавался, что «этакіе стихи слишкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ».

Въ «Опытахъ» было помѣщено нѣсколько стихотворныхъ посланій Батюшкова къ друзьямъ, и въ томъ числѣ: «Мои Пенаты. Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому» (Оп., 121—137; Соч., I, 130—141). Въ этомъ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1811 году, поэтъ воспѣваетъ прелести мирной жизни у сельскаго домашняго очага. «Я назвалъ свое посланіе», писалъ Батюшковъ къ Вяземскому, —«посланіемъ къ Пенатамъ», потому что ихъ призываю въ началѣ, подъ ихъ покровительство зову къ себѣ въ гости и друзей, и дѣвокъ, и нищихъ, и, наконецъ, умирая, желаю, чтобъ они лежали и на моей гробницѣ». Посланіе вызвало стихотворные отвѣты со стороны тѣхъ, къ кому было обращено, и затѣмъ породило множество подражаній разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ Пушкина, когда онъ былъ еще въ лицеѣ и даже позже, напримѣръ, стихотвореніе 1821 года: «Къ моей чернильницѣ». Вотъ какое сужденіе о «Моихъ Пенатахъ» находимъ мы въ замѣткахъ Пушкина: «Главный порокъ въ семъ прелестномъ посланіи есть слишкомъ явное смѣшеніе древнихъ обычаевъ миѳологіи съ обычаями жителя подмосковной деревни. Музы—присущества идеальныя; христіанское воображеніе наше къ нимъ привыкло; но *норы* и *кельи*, гдѣ лары разставлены, слишкомъ переносятъ насъ въ греческую хижину, гдѣ съ неудовольствіемъ находимъ столъ съ изорваннымъ сукномъ и передъ каминомъ—Суворовскаго солдата съ двуструнной балалайкой. Это все другъ другу слишкомъ уже противорѣчитъ». Упоминаніе образовъ изъ греко-римской миѳологіи составляло необходимую принадлежность въ стихотворствѣ псевдоклассическаго періода и не выходило изъ обычая даже ближайшихъ предшественниковъ Пушкина; онъ самъ, въ раннюю пору своей дѣятельности, еще грѣшилъ этою привычкой, но онъ же впослѣдствіи освободилъ отъ нея русскую лирику. Въ этомъ смыслѣ и любопытно, между прочимъ, его сужденіе о «Пенатахъ» Батюшкова».

Далѣе, перечитывая это посланіе, Пушкинъ останавливается на его отдѣльныхъ мѣстахъ. Онъ перечеркиваетъ стихи 45—48:

Развратные счастливцы,
Придворныя друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!

какъ бы считая эти строки неумѣстными, однако сбоку пишетъ: «Сильные стихи». Стихи 139—143 также перечеркнуты, вѣроятно, по своей неудовлетворительности. Въ концѣ посланія, по поводу стиховъ 301—304:

Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?

находимъ такую замѣтку: «Стихи прекрасные, но опять тоже противурѣчіе». Этими словами Пушкинъ возвращается къ своей прежней мысли о смѣщеніи образовъ христіанскихъ съ языческими. Дѣло въ томъ, что Батюшковъ, за нѣсколько строкъ предъ описаніемъ панихиды, намекаетъ на свою смерть тѣмъ, что

Парки тощи
Нить жизни допрядутъ.

Заключительное замѣчаніе Пушкина показываетъ всю ту цѣну, какую онъ придавалъ знаменитому посланію: «Это стихотвореніе дышетъ какимъ-то упоеньемъ роскоши, юности и наслажденья, слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется, гармонія очаровательна».

Изъ другихъ стихотвореній Батюшкова въ томъ же родѣ Пушкину нравилось посланіе къ Жуковскому (Оп., 148—152; Соч., I, 145—147), написанное вслѣдъ за «Пенатами» и отчасти служащее дополненіемъ къ этой піесѣ. Вотъ какъ отзывается Пушкинъ объ этомъ посланіи: «Прекрасно, достойно блестящихъ и небрежныхъ шалостей французскаго остроумія,—и вездѣ языкъ поэзіи».

Менѣе благосклонны отзывы Пушкина объ остальныхъ посланіяхъ, помѣщенныхъ въ «Опытахъ». Такъ, о стихахъ, обращенныхъ къ графу М. Ю. Веліегорскому (Оп., 138—141; Соч., I, 65—66), находимъ такое строгое сужденіе: «Преглупая піеса». Многія строки этого стихотворенія подчеркнуты въ знакъ неодобренія, а иныя снабжены замѣтками. Такъ, по поводу стиха 7:

И новый *регламентъ*, и новые законы

сказано: «Mauvais goût—это рѣдкость у Батюшкова». О стихѣ 15:

Какими бъ и у насъ гордилась красота

замѣтка: «Какъ дурно!» По поводу стиховъ 25—29:

О мой любезный другъ, отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней и съ прежними бѣдами,

Съ любовью и войной!
Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой пѣснопѣнье...

читаемъ: «Не понимаю этого перехода». По поводу стиховъ 32 и 33:

И камни приводить въ движенье,
И горы, и лѣса!

замѣтка: «плоско». Къ стиху 34:

Тогда я съ сильфами взлечу на небеса

приписано: «Вотъ сунуло куда!» Наконецъ, стихи 39—43 отмѣчены чертою съ боку и вызываютъ слѣдующее восклицаніе Пушкина «Сильваны, нимфы и наяды—*межъ* сыромъ выписнымъ и гамбургскимъ журналомъ!» Указывая на странное сочетаніе всѣхъ этихъ предметовъ въ стихахъ Батюшкова, Пушкинъ очевидно имѣлъ ту же мысль, которую высказалъ по поводу «Моихъ Пенатовъ».

Также строги замѣчанія на посланіе къ А. И. Тургеневу (Оп., 142—145; Соч., I, 243—245). Къ стихамъ 19 и 20:

Лишь «дайте имъ!» промолви—въ мигъ
Онѣ очутятся съ серьгами

приписано: «какъ плоско!» Къ стихамъ 27 и 28:

Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Онъ слѣдственно спокоенъ

относится замѣтка: «Какая холодная шутка!» Слово *но*, дважды встрѣчающееся въ стихахъ 29 и 30, даетъ поводъ къ отмѣткѣ: «Что̀ за слогъ!» Стихи 37—39:

Прекрасно, славно, спору нѣтъ!
Но... здѣшній свѣтъ
Не рай—мнѣ сказывать мой дѣдъ

снабжены ироническою замѣткой: «Стихи достойные В. Л.» (то-есть, Василья Львовича Пушкина). Въ стихѣ 50:

И стала грація *точь въ точь*

послѣднія слова подчеркнуты, и къ нимъ приписано: «опять!» потому что тотъ же оборотъ рѣчи уже встрѣчался выше въ стихѣ 21. Заключительные стихи піесы:

Онѣ предъ образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу

За чье здоровье—умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

сопровождаются такою припиской: «Я не угадаю; если за здоровье Тургенева, то это плоско; если нѣтъ, такъ изъяснись. Охота печатать всякій вздоръ! Батюшковъ не виноватъ!» Изъ послѣднихъ словъ надобно заключать, что Пушкинъ приписывалъ редакцію «Опытовъ» не самому автору, а Гнѣдичу; на самомъ же дѣлѣ послѣдній былъ только издателемъ и печаталъ сборникъ по рукописи, доставленной Батюшковымъ; Гнѣдича можно винить лишь за то, что онъ не удержалъ своего друга отъ помѣщенія въ «Опыты» нѣсколькихъ слабыхъ пьесъ.

Въ стихотвореніи «Отвѣтъ Гнѣдичу» (Оп. 147; Соч., I, 67—68) начальные стихи:

Твой другъ тебѣ на вѣкъ отнынѣ
Съ рукою сердце отдаетъ

вызываютъ со стороны Пушкина шутку: «Батюшковъ женится на Гнѣдичѣ!»

О посланіи къ И. М. Муравьеву-Апостолу (Оп., 160—166; Соч., I, 205—206) Пушкинъ отозвался такъ: «Цѣль посланія не довольно ясна; недостаточно то, что выполнено прекрасно». Дѣйствительно, въ первыхъ строкахъ піесы Батюшковъ говоритъ, что

Отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній,

а далѣе, въ стихахъ 33—36, предлагаетъ слѣдующій вопросъ:

Не тамъ ли, гдѣ роскошная природа
И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
Обиліемъ поля счастливыя даритъ,
Таланта колыбель и область піэридъ?

Эти стихи кажутся Пушкину не соотвѣтствующими основной мысли піесы, и по поводу ихъ онъ замѣчаетъ: «Это дѣло десятое; не о томъ дѣло; см. ст. 1». Неясность мысли находитъ онъ и въ послѣднихъ двухъ строкахъ посланія и пишетъ противъ нихъ: «темно». Кромѣ этихъ замѣчаній, относящихся къ неопредѣленной идеѣ стихотворенія, еще двѣ замѣтки касаются слога. Противъ стиха 72:

И день, чудесный день, безъ ночи, безъ *зарей*

поставлена поправка «зорь», а противъ стиховъ 79—81 написано: «вяло».

Посланіе къ Гнѣдичу (Оп. 75—76; Соч., I, 41—42: «Только дружба обѣщаетъ...») было написано Батюшковымъ въ раннюю пору его поэтической дѣятельности, въ 1807 году. Пушкинъ угадалъ это своимъ критическимъ чутьемъ и противъ первыхъ строкъ этой піесы отмѣтилъ: «Что за дѣтскіе стихи!» Но заключительныя строки посланія ему понравились, и онъ пишетъ: «Послѣдніе 4 стиха очень милы».

Къ посланію къ Д. В. Дашкову (Оп., 77—80; Соч., I, 151—153) Пушкинъ отнесся съ похвалою. По поводу стиховъ 6—8:

Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ,
Я на распутьи видѣлъ ихъ...

онъ замѣчаетъ: «прекрасное повтореніе», а противъ стиховъ 23—26:

И тамъ, гдѣ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ...

пишетъ: «прелесть!» Въ Пушкинскихъ набpóскахъ 1822 года есть даже подражаніе этимъ стихамъ:

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей, вѣнчанныя крестами,
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами.
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи;
Издавна почивали тамъ
Угодниковъ святыя мощи...[1]).

Менѣе нравилось Пушкину посланіе къ Н. М. Муравьеву (Оп., 199—201; Соч., I, 270—271). Въ припискѣ къ заглавію онъ называетъ его: «подражаніе старымъ трубадурамъ» и отмѣчаетъ неловкое выраженіе въ стихахъ 31 и 32:

Что вы для нихъ, для сихъ *сердецъ*,
Природой *вскормленныхъ* для сѣчи?

По поводу стиха 40:

Мы «хвалимъ Господа» поемъ

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 289.

онъ пишетъ: «*Te Deum laudamus*, а по нашему должно бы: *Царю Небесный*». За то стихъ 53:

Спокойся! Съ первыми громами

встрѣтилъ его одобреніе и сопровождается словомъ: «прекрасно!»

Совершенно не по вкусу Пушкина пришлось посвященіе, которое Батюшковъ предпослалъ стихотворному отдѣлу своихъ «Опытовъ», подъ заглавіемъ: «Къ друзьямъ» (Соч., I, 275 — 276); онъ отмѣтилъ въ этой піесѣ слабыя риѳмы въ стихахъ 2 и 3 (*драгоцѣненъ* и *увѣренъ*), а подъ послѣднею строкой подписалъ: «весьма дурные стихи».

Какъ всѣ писатели стараго времени, Батюшковъ испытывалъ свой талантъ въ различныхъ родахъ поэзіи, писалъ даже басни и сказки. Въ «Опытахъ» была помѣщена его басня «Сонъ Могольца» (Оп., 186—188; Соч., I, 47—48); хотя и переведенная изъ Лафонтена, она встрѣтила со стороны Пушкина очень неблагосклонное сужденіе: «Монгольская басня, какъ называетъ ее самъ Батюшковъ». Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что эта піеса, написанная еще въ 1808 году, была включена въ «Опыты» противъ воли автора, по желанію Гнѣдича.

Немного снисходительнѣе отзывъ Пушкина о сказкѣ «Странствователь и домосѣдъ» (Оп., 208—229; Соч., I, 207—219). Пушкинъ читалъ ее очень внимательно и снабдилъ многими замѣтками. Такъ, по поводу стиха 4:

Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ

написано: «Стихъ не сказочный, натянутый». По поводу стиха 24:

Такіе завели другъ съ другомъ разговоры

читаемъ: «*Они* тутъ необходимо; *другъ съ другомъ* — нарѣчіе, а не существительныя имена». Въ стихахъ 34 и 35 подчеркнуты бѣдныя риѳмы: *несходенъ* и *неспособенъ*. Въ стихѣ 97:

Отъ скуки самъ съ собой въ полголосъ разсуждая

сдѣлана поправка: вмѣсто *въ полголосъ* поставлено «въ полголоса». Съ этого же стиха начинаются указанія на растянутость піесы; такъ, стихи 97—163 перечеркнуты и сопровождаются надписями: «лишнее», «дурно», «холодно», «все это лишнее». Затѣмъ, противъ сти-

ховъ 210—219, означенныхъ чертою сбоку, отмѣчено: «прекрасно»; но далѣе опять длинные ряды зачеркнутыхъ строкъ: стихи 226—246, 249—251, 268—276, 296—300, и надпись: «лишнее». Противъ стиховъ 307—315 примѣчаніе: «прекрасно, но не въ томъ дѣло». Подъ послѣдними стихами піесы читается окончательный приговоръ Пушкина: «Конецъ прекрасенъ. Но плана никакого нѣтъ, цѣли не видно — все вообще холодно, растянуто, ничего не доказываетъ и пр.» Батюшкову хотѣлось показать своею сказкой, что стремленіе къ славѣ и общественнымъ успѣхамъ становится дѣломъ безплоднымъ, если оно не опирается на дѣйствительныя заслуги предъ обществомъ; но развивая эту старую истину въ своемъ повѣствованіи, авторъ не сумѣлъ удержаться въ предѣлахъ своей задачи и обременилъ свое произведеніе множествомъ отступленій, невсегда удачныхъ. Обстоятельства личной жизни поэта объясняютъ отчасти, почему вздумалось ему взяться за разработку этой темы, и въ этомъ кроется причина, въ силу которой ему нравилось написанное; къ тому же, ему казалось, что онъ сумѣлъ удачно сладить со сказочною рѣчью. Оттого хотѣлъ онъ знать сужденіе Крылова о «Странствователѣ и домосѣдѣ»: но кажется, отзывъ баснописца остался неизвѣстенъ Батюшкову. За то не безъ горечи узналъ онъ мнѣніе Вяземскаго, что сказка его «никуда не годится». Вяземскому, безъ сомнѣнія, не понравилось то, что въ ней проскальзываетъ мѣстами сомнѣніе въ плодотворности умственнаго просвѣщенія. По всему вѣроятію, и Пушкинъ осудилъ сказку Батюшкова съ той же точки зрѣнія.

Батюшковъ не оставилъ бы замѣтнаго слѣда въ нашей литературѣ, еслибъ его поэтическое наслѣдіе заключалось только въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя были до сихъ поръ помянуты; поэтому и отзывы о нихъ Пушкина представляютъ интересъ лишь относительный. Обращаемся теперь къ важнѣйшей части замѣчаній Пушкина, относящейся къ тѣмъ произведеніямъ Батюшкова, въ которыхъ наиболѣе проявилась сила его дарованія: это—піесы въ антологическомъ родѣ, оригинальныя и переводныя, подражанія древнимъ и, наконецъ, рядъ элегій.

Извѣстно, что Батюшковъ воспитался на французской литературѣ: онъ много изучалъ Парни и немало переводилъ изъ него; кое-что заимствовалъ онъ изъ Мильвуа, и наконецъ, при помощи французскихъ переводовъ, знакомился съ Горацiемъ и Тибулломъ, загля-

дывая впрочемъ и въ латинскіе подлинники. Пушкинъ, въ ранней юности, шелъ отчасти тѣмъ же путемъ. Посмотримъ же, какъ онъ оцѣнивалъ достоинство переводовъ Батюшкова.

Изъ Тибулла Батюшковъ заимствовалъ три элегіи; переводы его неблизкіе, что̀ называлось въ старину *вольные*, но они удачно сохраняютъ характеръ подлинника. Переводъ X-й элегіи I-й книги далъ Пушкину поводъ лишь къ слѣдующимъ замѣткамъ. Къ стиху 29:

Мы *учинимъ* предъ нимъ обильны *возліянья*

—«проза». Къ стихамъ 30 и 31:

Иль на чело его, въ знакъ *мирнаго вѣнчанья*
Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей

приписано: «Увѣнчаемъ въ знакъ вѣнчанья!!!» Къ стиху 44:

Обрызганъ кровію, *выигрываетъ бой*,

—«проза». Наконецъ, стихи 46—48:

О подвигахъ своихъ разсказываетъ древній воинъ,
Товарищъ юности и, сидя за столомъ,
Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чашъ виномъ

вызываютъ со стороны Пушкина слѣдующую любопытную оговорку: «Было прежде: *чашъ пролитыхъ виномъ*—точнѣе». По этому примѣру можно судить, какъ внимательно младшій поэтъ изучалъ старшаго, и какъ хорошо помнилъ то, что̀ особенно нравилось ему и что̀ особенно поражало въ произведеніяхъ учителя. Въ первоначальной редакціи Батюшковскаго перевода, помѣщенной въ *Вѣстникѣ Европы* 1810 года и въ «Образцовыхъ Сочиненіяхъ», стихъ 48 дѣйствительно читается такъ:

Пусть ратный станъ чертитъ *чашъ пролитыхъ виномъ*

«Точнѣе» въ словахъ Пушкина слѣдуетъ разумѣть не по отношенію къ болѣе вѣрной передачѣ подлинника, а къ большей точности русскаго выраженія; переводъ же Батюшкова въ обоихъ случаяхъ неблизокъ, какъ можно видѣть по сравненію съ настоящими стихами Тибулла:

Ut mihi potanti possit sua dicere facta
Miles, et in mensa pingere castra mero.

Переводъ III-й элегіи III-й книги вызвалъ со стороны Пушкина

также немного замѣчаній. Онъ подчеркнулъ въ немъ два плохіе стиха, а именно стихъ 23:

Въ богатствѣ ль счастіе? Въ немъ призракъ, тщетный видъ!

и стихъ 39:

Когда суровыхъ *сестръ противно веретено...*

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ послѣдній стихъ поразилъ Пушкина своею какофоніей, столь необычною въ гармоническихъ стихахъ Батюшкова. Кромѣ того, въ стихѣ 25:

Колѣнъ *предъ случаемъ* во вѣкъ не преклоняетъ

Пушкинъ нашелъ неудачнымъ или, можетъ быть, слишкомъ архаичнымъ употребленіе слова *случай* и приписалъ: «faveur—не то»; а въ стихѣ 38:

...... Когда же паркъ *сужденье*

предложилъ замѣнить послѣднее слово другимъ болѣе точнымъ выраженіемъ «приговоръ». Всего же любопытнѣе приписка, сдѣланная Пушкинымъ въ концѣ піесы: «Стихи замѣчательные по счастливымъ усѣченіямъ; мы слишкомъ остерегаемся усѣченій, придающихъ много живости стихамъ». Эти слова могутъ служить примѣромъ того, какъ изъ наблюденій надъ стихомъ Батюшкова Пушкинъ выводилъ общія правила стихотворной техники.

Третье заимствованіе Батюшкова изъ Тибулла, вольный переводъ III-й элегіи I-й книги (Оп., 19—26; Соч., I, 194—198), также вызвалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній со стороны Пушкина. Стихи 29 и 30 сопровождаются отмѣткой: «вяло»; противъ стиха 54 приписано: «лишній стихъ»; стихи 67, 68, 72, 74—76 подчеркнуты какъ слабые или сопровождающіеся плохими риѳмами; противъ стиха 83:

До гроба я носилъ твои оковы нѣжны

приписано съ боку: «узы»; а къ стихамъ 104 и 105:

Ужасный *Энкеладъ* и *Тифій преогромный*
Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей

предложена поправка: «и Тифій тамъ» (огромный) и сдѣлано примѣчаніе: «Ошибка миѳологическая и грамматическая». Въ отношеніи

грамматики критикъ призналъ здѣсь погрѣшностью, вѣроятно, употребленіе сказуемаго въ единственномъ числѣ при двухъ подлежащихъ; что же касается ошибки миѳологической, то Пушкинъ едва ли былъ правъ въ ея указаніи. Правда, въ подлинникѣ Тибулла Энкеладъ не упоминается рядомъ съ Тифіемъ (Tityus): онъ прибавленъ Батюшковымъ; но упоминаніе двухъ гигантовъ вмѣсто одного не противорѣчитъ смыслу, такъ какъ, по миѳу, оба они были повержены Зевсомъ подъ Этну. Далѣе, стихи 119—127 отчеркнуты съ боку, и противъ нихъ отмѣчено: «прелесть»; въ концѣ же піесы заключительный отзывъ: «прекрасный переводъ».

Переводы Батюшкова изъ Парни также встрѣчаютъ себѣ большею частью одобрительный отзывъ Пушкина, что̀ впрочемъ не мѣшаетъ ему высказывать частныя замѣчанія разнаго рода, иногда довольно строгія. Больше всего сдѣлано ихъ по поводу піесы «Мщеніе» (Оп., 35—38; Соч., I, 240—242). Такъ, въ стихахъ 4 и 5 подчеркнуты бѣдныя риѳмы: *невозвратно* и *пріятной*. О стихахъ 9 и 10 замѣчено: «лишнее и вялое». Стихи 12—15:

Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,
Взлелѣянной Авророй и весной,
Подъ сѣнью безмятежной
Цвѣла невинностью близъ матери *твоей*

сопровождаются критическимъ замѣчаніемъ: «И у Парни это мѣсто дурно, у Батюшкова хуже. Любовь не изъясняется пошлыми и растянутыми сравненіями». Кромѣ того, къ послѣднему слову стиха: 15 предложена поправка: «своей» вмѣсто *твоей*. Далѣе, противъ стиха 17:

Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей

замѣчено: «Что такое?» Въ стихѣ 22 подчеркнуто некрасивое слово *краснѣяся*, а стихъ 23:

Тому сей дикій боръ нѣмой свидѣтель былъ

сопровождается восклицаніемъ: «Какой оборотъ!» Къ стиху 48:

И жребій съ трепетомъ читаетъ

опять приписана поправка: «Должно быть: *свой* жребій». О стихѣ 55:

Гдѣ юность пылкая *и взоръ считаетъ свой*

замѣчено: «темно,» а по поводу заключительныхъ строкъ піесы:

Скажу: будь счастлива, въ послѣдній жизни часъ,
И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы

читаемъ:

„Je dirai: qu'elle soit heureuse!
„Et ce voeu ne pourra te donner le bonheur!

«Какая разница!»

Въ стихотвореніи «Источникъ» (Оп., 81—83; Соч., I, 115—116), переведенномъ съ прозы Парни, подчеркнуто нѣсколько слабыхъ стиховъ, а въ концѣ замѣчено: «Не стоитъ ни прелестной прозы Парни, ни даже слабаго подражанія Мильвуа».

Въ піесѣ «Привидѣніе» (Оп., 39—42; Соч., I, 98—100) отмѣчены бѣдныя рифмы въ стихахъ 40 и 41: *томной* и *подобной*, и подчеркнутъ дурной стихъ 58:

Часъ блаженнѣйшій!... но ахъ!

За то стихи 31—34:

Если пламень потаенной
По ланитамъ пробѣжалъ,
Если поясъ сокровенной
Развязался и упалъ

сопровождаются отзывомъ: «прелесть».

Стихотвореніе «Ложный страхъ» (Оп. 183—185; Соч., I, 108—109) заслужило со стороны Пушкина только похвалы; такъ, противъ стиховъ 21—28 написано: «очень мило», а противъ стиховъ 29—44: «прекрасно». Кромѣ того, о стихѣ 16 замѣчено: «стихъ Муравьева» (то-есть, Михаила Никитича Муравьева, воспитателя Батюшкова), а въ стиху 44:

Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой

предложена такая поправка:

Подѣлился бы съ тобой.

Наконецъ, знаменитая «Вакханка» (Оп., 175—176; Соч., I, 261—262) дала поводъ лишь къ слѣдующимъ замѣткамъ Пушкина. Къ стихамъ 11 и 12:

Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ

—«смѣло и счастливо», а къ стихамъ 27 и 28:

И по рощѣ раздавались
„Эвоэ" и нѣги гласъ

— «можетъ быть, слишкомъ громкое слово». Кромѣ того, въ концѣ

стихотворенія читаемъ: «Подражаніе Парни, но лучше подлинника, живѣе». Самымъ яркимъ доказательствомъ тому, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ мастерскую отдѣлку этой піесы, служитъ сдѣланный имъ совершенно въ той же манерѣ переводъ стихотворенія Парни «Прозерпина».

У современника Парни, но не равнаго ему по таланту Мильвуа Батюшковъ взялъ два стихотворенія: «Послѣдняя весна» и «Гезіодъ и Омиръ соперники», но перевелъ ихъ, по мнѣнію Пушкина, далеко не съ равнымъ успѣхомъ. О «Послѣдней веснѣ» (Оп., 72—74; Соч., I, 231 — 232) онъ прямо говоритъ: «неудачное подражаніе Мильвуа» и, подчеркнувъ въ этой піесѣ стихи 26—30, пишетъ съ боку: «чортъ знаетъ что такое», а противъ стиховъ 33 и 34 отмѣчаетъ: «дурно».

За то переводъ «Гезіода и Омира» (Оп., 91 — 100; Соч., I, 247—251) встрѣченъ горячими похвалами Пушкина. Изъ сдѣланныхъ къ нему замѣтокъ лишь одна содержитъ въ себѣ неодобреніе, да и тутъ погрѣшность падаетъ, можетъ быть, не на самого Батюшкова, а на его издателя Гнѣдича. Дѣло въ томъ, что въ стихѣ 1 говорится о *Колхидѣ*, что подало поводъ къ такому восклицанію Пушкина: «невѣжество непростительное». Дѣйствительно, вмѣсто Колхиды слѣдовало упомянуть Халкиду (городъ на островѣ Евбеѣ), ибо въ подлинникѣ читается Chalcis, а не Colchide. Далѣе, стихи 17—22 сопровождаются замѣткой: «прекрасно». Къ стиху 23:

Пройдя изъ края въ край *гостепріимный міръ*

относится слѣдующее замѣчаніе: «Въ концѣ сказано: *Рожденный въ Самосѣ* и пр.: противурѣчіе». Это ссылка на послѣднія строки стихотворенія, въ которыхъ дѣйствительно говорится, что слѣпецъ Гомеръ нигдѣ въ Элладѣ не находитъ себѣ пристанища, а потому міръ въ отношеніи къ нему не можетъ быть названъ «гостепріимнымъ». Затѣмъ, къ стихамъ 35 — 39 замѣтка: «прекрасно». Къ стиху 42:

О нѣжны дочери суровой Мнемозины!

—«зачѣмъ *суровой*?» Къ стихамъ 65 и 66:

и вѣчны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги,

—«вотъ примѣръ удачной перемѣны цезуры». Къ ст. 67:

И что жь? Въ юдоли сей страдалецъ искони

—«библеизмъ неумѣстный». Общее сужденіе Пушкина объ этомъ

стихотвореніи видно изъ слѣдующихъ словъ, набросанныхъ подъ послѣдними строками піесы: «Вся элегія превосходна — жаль, что переводъ».

Вліяніе французской поэзіи, современной Батюшкову, сказалось еще на тѣхъ его стихотвореніяхъ, которыя написаны въ формѣ романсовъ: подобные сентиментальные романсы сочинялись въ то время во Франціи въ большомъ количествѣ. Мы видѣли уже, что этотъ «style troubadour» Пушкинъ подмѣтилъ въ посланіи Батюшкова къ Н. М. Муравьеву. Еще рѣзче тотъ же характеръ выступаетъ въ такихъ піесахъ, какъ «Разлука» (Гусаръ, на саблю опираясь...), «Любовь въ челнокѣ» и «Плѣнный». Піесы эти не удовлетворяли Пушкина, хотя въ ранней юности онъ самъ грѣшилъ подражаніемъ имъ, напримѣръ, въ стихотвореніи 1816 года «Слеза». «Любовь въ челнокѣ» (Оп., 189 — 191; Соч., I, 201—202) онъ просто зачеркнулъ въ знакъ неодобренія, а о «Разлукѣ» (Оп., 180—182; Соч., I, 181 — 182) отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Цирлихъ манирлихъ; съ Д. Давыдовымъ не должно и спорить». «Плѣнный» (Оп., 86—90; Соч., I, 183—185) подалъ ему поводъ къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ, любопытнымъ въ разныхъ отношеніяхъ. Во 2-й строфѣ этой піесы ему не понравились стихи 2 и 4, а въ 3-й—стихъ 8; по крайней мѣрѣ, строки эти подчеркнуты. За то строфа 8-я сопровождается отмѣткой: «прекрасно». Въ строфѣ 7-й къ стиху 5:

Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ

приписано: «было прежде: *бѣлымъ снѣгомъ*». И дѣйствительно, такой варіантъ находится въ «Образцовыхъ Сочиненіяхъ», гдѣ стихотвореніе Батюшкова было сперва напечатано. Въ строфѣ 8-й, въ стихѣ 2:

Гдѣ ждетъ меня *краса*

указано неправильное словоупотребленіе: «вмѣсто *красавица;* неудачно». Въ совершенно другомъ родѣ замѣтка къ послѣднимъ строкамъ строфы 2-й:

Съ полей побѣды похищенный
Одинъ толпой враговъ

—«любимые стихи князя Петра Вяземскаго». Затѣмъ, въ концѣ стихотворенія набросано нѣсколько строкъ, въ которыхъ Пушкинъ соединилъ извѣстіе о происхожденіи піесы съ общимъ о ней отзывомъ:

«Левъ Васильевичъ Давыдовъ въ плѣну у французовъ говорилъ одной женщинѣ: «Rendez-moi mes frimas». Батюшкову это подало мысль написать своего *Плѣннаго*. Онъ неудаченъ, хотя полонъ прекрасными стихами. Русскій казакъ поетъ какъ трубадуръ, слогомъ Парни, куплетами французскаго романса». Л. В. Давыдовъ, братъ партизана, подобно ему былъ близокъ съ Батюшковымъ и Вяземскимъ, который въ 1815 году также воспѣлъ его плѣнъ въ стихотвореніи «Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа».

Кромѣ переводовъ изъ Тибулла и съ французскаго, есть въ «Опытахъ» Батюшкова два подражанія италіанскому поэту Касти. Одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Счастливецъ» (Оп., 192 — 195; Соч., I, 122—124), Пушкинъ, очевидно, находилъ слабымъ: оно все, кромѣ двухъ послѣднихъ четверостишій, перечеркнуто въ его экземплярѣ «Опытовъ». Напротивъ того, другое заимствованіе изъ Касти, озаглавленное «Радость» (Оп., 196—198; Соч., I, 120—121), нравилось ему по стиху, и онъ написалъ: «Вотъ Батюшковская гармонія!»

Мелкія стихотворенія Батюшкова въ антологическомъ родѣ—то, что̀ онъ называлъ «легкою поэзіей»,—вошли въ «Опыты» лишь въ небольшомъ числѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ вовсе оставлены Пушкинымъ безъ вниманія, и лишь о двухъ онъ обронилъ свое сужденіе. О стихотвореніи: «Въ день рожденія N» (Оп., 65; Соч., I, 106) онъ замѣтилъ: «есть чувство», а о піесѣ «Бесѣдка музъ» (Оп., 254 — 256; Соч., I, 272 — 273) выразился однимъ, но вѣскимъ словомъ: «прелесть». Воспоминаніе объ этой «прелести» находится и въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ», но здѣсь оно окрашено нѣсколько инымъ оттѣнкомъ. Надобно сказать, что «Бесѣдка музъ» написана Батюшковымъ весной 1817 года, когда, среди сельской жизни, онъ оканчивалъ отдѣлку сборника своихъ стихотвореній и, подъ освѣжающими впечатлѣніями поэтическаго труда, успѣлъ на время возвратить миръ и спокойствіе своей вѣчно мятущейся душѣ. Поэтъ умоляетъ музъ сохранить ему эту душевную тишину и вдохновеніе и въ концѣ стихотворенія выражаетъ такое желаніе:

Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
Безпеченъ, какъ дитя всегда безпечныхъ грацій,
Онъ нѣкогда придетъ вздохнуть *въ тѣни густой*
Своихъ черемухъ и акацій.

Такое же идиллическое настроеніе Пушкинъ придаетъ одному изъ дѣйствующихъ лицъ своего романа. Въ VI-й его главѣ, въ которой

глубокое чувство соединяется съ самымъ тонкимъ юморомъ, нѣсколько строфъ посвящено характеристикѣ Зарѣцкаго, являющагося къ Онѣгину въ качествѣ секунданта отъ Ленскаго. Вотъ въ это-то изображеніе остепенившагося удальца и буяна, списанное отчасти съ извѣстнаго графа Ѳ. И. Толстого, Пушкинъ и вставилъ намекъ на стихотвореніе Батюшкова:

Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей.

Намекъ очевиденъ, но сдѣланъ онъ, конечно, безъ злого умысла и лишь для того, чтобы воспоминаніемъ о личности автора «Бесѣдки музъ», столь противоположной съ личностью Зарѣцкаго, усилить комическія черты въ характеристикѣ послѣдняго.

Лучшія жемчужины поэзіи Батюшкова находятся въ его элегіяхъ. Изъ всѣхъ родовъ лирики Батюшковъ всегда ставилъ элегію особенно высоко, и едва ли не первымъ его стихотвореніемъ была элегія «Мечта», написанная, когда ему было всего семнадцать лѣтъ. Онъ особенно любилъ своего первенца, неоднократно передѣлывалъ эту піесу и пожелалъ помѣстить ее даже въ «Опыты» 1817 года (Оп., 106—118; Соч., I, 263—269). Пушкинъ зналъ это стихотвореніе и въ его ранней редакціи, и въ позднѣйшей переработкѣ, но ни въ томъ, ни въ другомъ видѣ оно ему не нравилось. Вотъ что̀ написалъ онъ о «Мечтѣ» на экземплярѣ «Опытовъ», бывшемъ у него въ рукахъ: «Писано въ молодости поэта. Самое слабое изъ всѣхъ стихотвореній Батюшкова». Этому строгому приговору соотвѣтствуютъ и частныя замѣтки Пушкина объ отдѣльныхъ мѣстахъ піесы; порицаній здѣсь гораздо больше, чѣмъ похвалъ. Правда, противъ стиховъ 8—14 написано: «гармонія»; противъ стиховъ 26 и 27—«прекрасно». Но далѣе все чаще и чаще выражается неодобреніе; такъ, послѣ стиховъ 32—39, гдѣ упоминается скальдъ, «царь пѣвцовъ», читаемъ: «Скальдъ и бардъ одно и то же, по крайней мѣрѣ для нашего воображенія». Стихи 46—66 зачеркнуты, и надъ первыми изъ нихъ надпись: «дѣтскіе стихи». Противъ стиха 74:

Въ восторгѣ скальдъ поетъ

—«опять все то же». Стихи 104—108 сопровождаются отмѣткою «дурно», дважды написанною. Противъ стиховъ 109—137 трижды означено: «какая дрянь!» Къ стихамъ 138—143 замѣтка: «немного опять похоже на Батюшкова», а о стихахъ 143 и 144:

Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки
И нектаромъ любви кропитъ лѣнивы маки

говорится: «Катенинъ находилъ эти два стиха достойными Баркова». Это, вѣроятно, воспоминаніе изъ 1817—1819 годовъ, когда Пушкинъ часто встрѣчался въ Петербургѣ съ П. А. Катенинымъ, въ которомъ вообще признавалъ большое критическое дарованіе. Далѣе опять рядъ строгихъ большею частью сужденій; такъ, къ стихамъ 145—149 замѣтка: «дурно, вяло», къ стихамъ 151—172: «дурно, слабо, дурно, пошло»; только о стихахъ 174—177 сказано: «хорошіе 4 стиха». Стихи 178—186 зачеркнуты, а стихи 187 и 188 сопровождаются припиской: «прекрасно». Наконецъ, противъ стиховъ 188—199 дважды отмѣчено: «дрянь».

Не нравилась Пушкину и другая элегія Батюшкова «Воспоминаніе» (Оп., 27—29), написанная въ 1809 году и также впослѣдствіи неоднократно подвергавшаяся авторскимъ передѣлкамъ. Въ «Опытахъ» была помѣщена только первая половина ея, которую и имѣлъ въ виду Пушкинъ [1]). На своемъ экземплярѣ «Опытовъ» онъ отмѣтилъ въ концѣ стихотворенія: «писано въ первой молодости поэта», подчеркнулъ въ разныхъ мѣстахъ піесы строки, показавшіяся ему особенно неудовлетворительными (стихи 12, 20, 24, 28—30, 32 и 33), противъ стиха 20 написалъ: «слабо», а противъ стиховъ 27—31 —«неудачный оборотъ и дурные стихи».

Между ранними стихотвореніями Батюшкова встрѣчается однако піеса, о которой мы имѣемъ самый благосклонный отзывъ Пушкина: это—«Выздоровленіе» (Оп., 33—34; Соч., I, 49), стихотвореніе, написанное въ 1808 году. «Одна изъ лучшихъ элегій Батюшкова», говоритъ о немъ Пушкинъ. Въ текстѣ элегіи подчеркнутъ только стихъ 1:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца...

сопровождаемый любопытнымъ замѣчаніемъ, свидѣтельствующимъ о

[1]) Болѣе полный и болѣе исправный текстъ этого стихотворенія см. въ Сочиненіяхъ Батюшкова, I, 89—90.

томъ, какъ строго Пушкинъ наблюдалъ точность въ поэтическихъ изображеніяхъ и поэтической рѣчи: «Не подъ *серпомъ*, а подъ *косою*: ландышъ растетъ въ лугахъ и рощахъ—не на пашняхъ засѣянныхъ». Не одинъ Пушкинъ, но и Вяземскій, и Жуковскій находили, что Батюшковъ недостаточно отдѣлываетъ свои стихи; но эти упреки, по видимому, задѣвали ихъ друга за живое, и однажды онъ отвѣчалъ Жуковскому слѣдующими словами, въ которыхъ обнаружилось его затронутое самолюбіе: «Твои отеческія наставленія—какъ писать стихи, я принимаю съ истинною благодарностью; признаюсь однакоже, что ими воспользоваться не могу. Я пишу мало и пишу довольно медленно; но останавливаться на всякомъ словѣ, на всякомъ стихѣ, переписывать, марать, скоблить... нѣтъ, мой милый другъ, это не стóитъ того: стихи не стóятъ того времени, которое погубишь за ними, а я знаю, какъ его употреблять съ пользою: у меня есть, благодаря Бога, вино, друзья, табакъ...» Объясненіе едва ли вполнѣ искренное и вполнѣ правдивое. Черновыхъ рукописей Батюшкова не сохранилось; но безъ сомнѣнія, онъ не могъ бы выработать своего прекраснаго стиха, еслибы вмѣстѣ съ вдохновеніемъ не отдавался и поэтическому труду, тому же упорному труду, о которомъ живое свидѣтельство представляютъ намъ черновыя рукописи Пушкина; не даромъ же Батюшковъ сознавался, что пишетъ медленно, и что только такіе стихи, какъ «Видѣніе на берегахъ Леты», которые онъ самъ цѣнилъ невысоко, легко выливались изъ-подъ его пера.

Полное развитіе таланта Батюшкова относится къ тѣмъ немногимъ годамъ послѣ Отечественной войны, въ которые онъ еще предавался творчеству. Въ 1814 году написана элегія «Тѣнь друга», а въ 1815—рядъ любовныхъ элегій, которыя еще до появленія въ печати были сообщены Батюшковымъ на судъ Жуковскаго и встрѣчены послѣднимъ съ горячимъ одобреніемъ. Такими же похвалами сопровождаетъ ихъ и Пушкинъ въ разсмотрѣнномъ нами экземплярѣ «Опытовъ»; здѣсь сосредоточены его главныя сужденія объ особенностяхъ таланта Батюшкова, и если среди многихъ выраженій одобренія встрѣчаются иногда замѣчанія отрицательнаго свойства, то они имѣютъ лишь самое ограниченное значеніе. Такъ, о «Тѣни друга» (Оп. 48—51; Соч., I, 186—188) Пушкинъ говоритъ: «Прелесть и совершенство—какая гармонія!» Кромѣ того, о начальныхъ

строкахъ этого стихотворенія онъ записалъ слѣдующее: «Дмитріевъ осуждалъ цезуру двухъ этихъ стиховъ. Кажется, несправедливо».

Къ 1813—1815 годамъ относится, какъ извѣстно, періодъ несчастной любви Батюшкова. Поэтъ нелегко пережилъ свою сердечную драму, какъ свидѣтельствуетъ рядъ написанныхъ имъ въ 1815 году элегій; мы разумѣемъ слѣдующія піесы: «Таврида», «Разлука» (Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ...), «Пробужденіе» «Воспоминанія», «Мой геній». О «Тавридѣ» (Оп., 68—70; Соч., I, 221—222) Пушкинъ написалъ: «По чувству, по гармоніи, по искусству стихосложенія, по роскоши и небрежности воображенія — лучшая элегія Батюшкова». И тутъ же, по поводу стиховъ 21—24, сообщается: «Любимые стихи Батюшкова самого». О «Разлукѣ» (Оп., 66—67; Соч., I, 223—224) отзывъ въ одномъ словѣ: «прелесть». «Пробужденіе» (Оп., 65; Соч., I, 225) дало случай къ двумъ замѣткамъ: къ стиху 9:

Ни быстрый бѣгъ коня ретива

—«усѣченіе гармоническое», и къ послѣднимъ стихамъ:

И гордый умъ не побѣдитъ
Любви, холодными словами

—«смыслъ выходитъ: *холодными словами любви*; запятая не поможетъ».

Къ «Воспоминанію» (Оп., 38—32; Соч., I, 226—229), піесѣ, которая въ «Опытахъ» была напечатана безъ второй, лучшей своей половины, относится лишь нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Такъ, о стихахъ 10 и 11 сказано: «вяло»; къ стиху 24:

Средь *бурей* и *недугъ*

приписаны поправки: «бурь», «недуговъ»; къ стиху 48:

Обитель древняя и доблести, и *нравовъ*!

отмѣтка: «галлицизмъ». Затѣмъ о стихахъ 50—55, которыми піеса кончается въ «Опытахъ», читаемъ: «Послѣдніе стихи славны своей гармоніей».

Элегія «Мой геній» (Оп., 44; Соч., I, 230) вызываетъ такое сужденіе Пушкина: «прелесть, кромѣ первыхъ 4» (стиховъ).

Къ 1815 году относятся еще два стихотворенія Батюшкова, замѣчательныя не только своимъ поэтическимъ достоинствомъ, но и

тѣмъ, что въ нихъ особенно ярко выразилась перемѣна, совершившаяся въ ту пору въ душевномъ настроеніи и въ міросозерцаніи поэта. По поводу одного изъ нихъ, названнаго «Надежда» (Оп., 9—10; Соч., I, 233—234), Пушкинъ приписалъ къ заглавію: «Точнѣе бы: *Вѣра*». Но такая поправка едва ли вполнѣ справедлива: данное Батюшковымъ заглавіе, по видимому, указываетъ на то, что въ тревожной душѣ поэта еще не было полной и твердой вѣры.

Дополненіемъ къ этому стихотворенію является другое, надписанное «Къ другу» (Оп., 101 — 105; Соч., I, 235 — 237), въ которомъ поэтъ говоритъ, что онъ утратилъ способность наслажденія, что для него изчезла возможность земного счастія, и онъ стремится въ иной міръ, къ жизни загробной. Это стихотвореніе произвело сильное впечатлѣніе на Пушкина, какъ своимъ возвышеннымъ строемъ, такъ и красотою своей формы, что̀ ясно видно изъ тѣхъ замѣчаній, которыми онъ сопровождаетъ строфы этой дѣйствительно прекрасной піесы. Такъ, послѣ строфы 7-й онъ пишетъ: «Прелесть!— Да и все прелесть!» Къ первымъ двумъ стихамъ строфы 9-й:

Нравъ тихій ангела, даръ слова, тонкій вкусъ,
Любви и очи, и ланиты

онъ приписываетъ: «Звуки италіанскіе! Что за чудотворецъ этотъ Батюшковъ!» Въ 11-й строфѣ стихъ 2-й:

Она въ страданіяхъ почила

даетъ поводъ къ восклицанію: «прекрасно!» Въ 14-й строфѣ даже нѣсколько сомнительный стихъ 2:

И *Кліи* мрачныя скрижали

комментированъ въ пользу Батюшкова: «*Кліо*, какъ *депо*, не склоняется; но это правило было бы затруднительно». Сравненіе, развитое въ строфѣ 15-й, вызываетъ Пушкина на такое замѣчаніе: «подражаніе «Torrismondo» и Ломоносову». «Torrismondo» — трагедія Тасса, изъ которой Батюшковъ взялъ эпиграфъ къ «Умирающему Тассу»; на эти стихи и намекаетъ Пушкинъ. Что же касается Ломоносова, то очевидно, имѣется въ виду вторая строфа изъ его «Вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ». Весь этотъ рядъ похвалъ Пушкинъ заключаетъ слѣдующими словами въ концѣ піесы: «Сильное, полное и блистательное стихотвореніе».

Оканчиваемъ изложеніе замѣчаній Пушкина на произведенія

Батюшкова сообщенiемъ его отзывовъ о такъ-называемыхъ историческихъ элегiяхъ, которыхъ у Батюшкова насчитывается нѣсколько. Такъ въ тѣ времена называли лирическiя пiесы, въ которыхъ вдохновенiе поэта избирало своимъ предметомъ какое-нибудь достопамятное событiе или лицо, способное возбудить скорбное воспоминанiе. Наиболѣе подходятъ къ этому типу слѣдующiя элегiи Батюшкова: «На развалинахъ замка Швецiи», «Пѣснь Гаральда Смѣлаго», «Умирающiй Тассъ» и «Переходъ черезъ Рейнъ». Самъ авторъ очень дорожилъ этими своими произведенiями и говорилъ, что желалъ ими «расширить область элегiи»; что же касается Пушкина, то есть полное основанiе думать, что историческая элегiя не пользовалась его сочувствiемъ. Изъ его произведенiй видно, что скорбное настроенiе вовсе не представлялось ему обязательнымъ при обращенiи къ прошлому: онъ относился къ нему свободно, съ тою широкою объективностью, которая свойственна эпосу, тогда какъ историческая элегiя по самой своей сущности предполагаетъ извѣстную узость или односторонность чувства, которымъ вдохновляется поэтъ. Эту особенность воззрѣнiй Пушкина нельзя не имѣть въ виду при обзорѣ его сужденiй объ историческихъ элегiяхъ Батюшкова. Такъ, въ элегiи «На развалинахъ замка въ Швецiи» (Оп., 11—18; Соч., I, 189—193) Пушкину нравились многiя отдѣльныя мѣста; противъ послѣднихъ четырехъ стиховъ 9-й строфы онъ пишетъ: «вотъ стихи прелестные, собственно Батюшкова—вся строфа прекрасна»; противъ послѣднихъ стиховъ 11-й строфы опять: «прекрасно»; противъ стиховъ 5 и 6 въ строфѣ 13-й: «живо, прекрасно», и только первые стихи 7-й строфы сопровождаются замѣткой: «вяло»; но въ цѣломъ элегiя не удовлетворяетъ Пушкина, и окончательный приговоръ его таковъ: «Вообще мысли пошлыя и стихи не довольно живы». Пошлость мысли въ этой пiесѣ заключается въ томъ, что поэтъ оплакиваетъ проходимость всего земного: тема слишкомъ избитая, развитiя которой, на взглядъ Пушкина, не искупаютъ ни красота стиховъ, ни яркость образовъ.

«Пѣснь Гаральда Смѣлаго» (Оп., 172—174; Соч., I, 238—239) дала Пушкину поводъ лишь къ частнымъ замѣткамъ. Въ 1-й строфѣ стихъ 7:

Когда мы, *содвинувъ стѣной корабли,*

сопровождается вопросительнымъ знакомъ; стихи 8 во 2-й строфѣ и

4 въ строфѣ 3-й подчеркнуты, но безъ всякихъ объясненій, и только стихъ 6 въ 3-й строфѣ отмѣченъ словомъ: «прекрасно».

Самая извѣстная изъ элегій Батюшкова, его любимое произведеніе, «Умирающій Тассъ» (Оп., 243—253; Соч., I, 253—258), встрѣтила въ Пушкинѣ очень строгаго критика. Частныхъ замѣчаній тутъ немного: только къ стиху 66 въ первой рѣчи Тасса, гдѣ онъ жалуется, что нигдѣ не могъ спасти себя отъ преслѣдованій судьбы, приписано: «добродушіе историческое, но вовсе не поэтическое»; да въ концѣ Тассовой рѣчи, къ стихамъ 147 и 148:

Тамъ, тамъ—о счастіе!—средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ Элеонора встрѣтитъ

сдѣлана замѣтка: «Остроуміе, а не чувство. Это—покровенная глава Агамемнона въ картинѣ» (намекъ на извѣстную картину Лемуана, изображающую принесеніе Ифигеніи въ жертву ея отцомъ, который представленъ тутъ съ покрытою головой). За то въ началѣ элегіи читаемъ общее о ней сужденіе очень неблагосконное: «Эта элегія, конечно, ниже своей славы. Я не видалъ французской элегіи, давшей Батюшкову поводъ къ своему стихотворенію; но сравните «Сѣтованія Тасса» поэта Байрона съ этимъ тощимъ произведеніемъ. Тассъ дышалъ любовью и всѣми страстями, а здѣсь, кромѣ славолюбія и добродушія (см. замѣчанія), ничего не видно. Это — умирающій Василій Львовичъ, а не Торквато».

Не будемъ входить въ полную оцѣнку того, на сколько справедливо это сужденіе Пушкина, но нѣсколько объясненій все-таки кажутся намъ не лишними.

Пушкинъ правъ, когда указываетъ на существованіе французской элегіи на тему о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ Тассомъ: такая элегія, подъ заглавіемъ: «Les malheurs et le triomphe du Tasse», была написана Лагарпомъ, извѣстнымъ авторомъ «Лицея», то-есть, курса словесности [1]). Пушкину не случилось читать ее, Батюшковъ же вѣроятно, зналъ эту весьма слабую піесу; но сходства между нею и элегіей русскаго поэта нѣтъ ни въ чемъ, кромѣ общаго основного мотива. Какъ бы предвидя возможность указаній на подража-

[1]) Элегія Лагарпа не была намъ извѣстна, когда мы составляли примѣчанія къ „Умирающему Тассу“ въ изданіи сочиненій Батюшкова 1885—1887 гг.; впослѣдствіи мы ее нашли въ сборникѣ „Encyclopédie poétique“, составленномъ де-Гинемъ (de Guigne) и изданномъ въ Парижѣ въ 1780 году, въ 17 томахъ.

ніе, Батюшковъ говорилъ въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу въ 1816 году: «И сюжетъ, и все — мое. Собственная простота». Извѣстно, что судьба Тасса занимала Батюшкова съ ранней юности; онъ прочелъ о немъ все, что̀ могъ, и видѣлъ въ немъ олицетвореніе дарованія, преслѣдуемаго завистью и клеветой. Батюшкову нравилось проводить параллель между несчастіями Тасса и печальными обстоятельствами своей собственной жизни. Конечно, онъ сильно преувеличивалъ степень этого сходства; за то, изображая страданія «пѣвца Іерусалима», онъ тѣмъ охотнѣе и тѣмъ свободнѣе вносилъ въ это изображеніе свои чувства и свои настроенія; несомнѣнно, что въ элегіи Батюшкова много есть чертъ автобіографическихъ. При такихъ условіяхъ образъ Тасса, созданный Батюшковымъ, естественно оказался не таковъ, какимъ является авторъ «Освобожденнаго Іерусалима» въ стихахъ Байрона; но вѣдь и Байронъ сдѣлалъ въ сущности то же, что̀ нашъ поэтъ: онъ также представилъ Тасса по своему подобію, также вложилъ въ его душу свои собственныя чувства; различіе же между двумя изображеніями опредѣляется, съ одной стороны, глубокимъ различіемъ въ характерѣ обоихъ авторовъ, а съ другой—конечно, степенью ихъ дарованія. Во всякомъ случаѣ, оба они мало заботились объ исторической правдѣ, и каждый изъ нихъ довольствовался тѣмъ, что по своему толковалъ общераспространенное преданіе о гонимомъ поэтѣ. Нѣтъ повода осуждать Пушкина за то, что толкованію Батюшкова онъ предпочиталъ образъ, созданный Байрономъ, но конечно, только ради шутки назвалъ онъ Батюшковскаго Тасса умирающимъ Василіемъ Львовичемъ. Строгій приговоръ Пушкина о знаменитой элегіи всего проще объясняется нерасположеніемъ критика къ самому роду исторической элегіи, допускавшему подмѣсь чисто личнаго чувства къ объективному поэтическому представленію историческихъ событій и лицъ.

Послѣднее изъ стихотвореній Батюшкова, о которомъ мы имѣемъ отзывъ Пушкина, есть «Переходъ черезъ Рейнъ» (Оп., 231—241; Соч., I, 176—180). Вовсе не существенно, принадлежитъ ли оно къ разряду историческихъ элегій, но замѣчательно, что это произведеніе, вообще мало оцѣненное въ нашей литературѣ, заслужило отъ Пушкина столь высокую похвалу: «Лучшее стихотвореніе поэта—сильнѣйшее и болѣе всѣхъ обдуманное». Кромѣ этого общаго отзыва, противъ строфы 15-й написано: «прелесть», а противъ 11-й

замѣчено: «темно; дѣло идетъ о Елизаветѣ Алексѣевнѣ». Быть можетъ, эту строфу, посвященную супругѣ императора Александра, Пушкинъ вспоминалъ въ 1819 году, когда самъ писалъ «Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны».

Таковы замѣчанія Пушкина; какъ ни отрывочны они, по нимъ все-таки можно составить ясное понятіе объ его взглядѣ на поэзію Батюшкова. Написанныя въ ту пору, когда самъ Пушкинъ вполнѣ достигъ самостоятельности въ творчествѣ, они свободны отъ преклоненія предъ оцѣниваемымъ поэтомъ; ко многому, что̀ въ юности безусловно восхищало Пушкина въ стихахъ Батюшкова, онъ, болѣе созрѣвшій, относится критически; онъ уже не сталъ бы теперь подражать тому, кто прежде былъ его любимымъ образцомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе Пушкина къ таланту своего предшественника стало и глубже, и сознательнѣе; немногими, но мѣткими отзывами онъ выставляетъ на видъ особенности и достоинства его дарованія. Содержаніе поэзіи Батюшкова уже мало удовлетворяетъ Пушкина: отъ его проницательности не ускользаетъ ни сентиментальность въ романсахъ Батюшкова, ни обнаруживающаяся у него иногда холодная напыщенность, ни неопредѣленность и даже бѣдность его мысли. Самъ Пушкинъ такъ широко раздвинулъ кругозоръ русской поэзіи, внесъ такъ много простоты и искренности въ нашу лирику, что уже не могъ мириться съ тою условностью образовъ и выраженій, которая еще замѣтна въ лирикѣ Батюшкова. Между тѣмъ какъ послѣдній искалъ только внѣшнихъ способовъ, чтобъ расширить область элегіи, подъ вліяніемъ Пушкина даже его послѣдователи и сверстники сумѣли это сдѣлать безъ большого труда: вспомнимъ сосредоточенный, глубокій лиризмъ поэзіи Баратынскаго, котораго Пушкинъ любилъ сравнивать съ Батюшковымъ, и которому еще въ 1822 году предсказывалъ, что онъ превзойдетъ автора «Тѣни друга» и «Тавриды» [1]).

Но если содержаніе лирики Батюшкова казалось Пушкину скуднымъ, если въ произведеніяхъ его онъ находилъ невыдержанность, а иные изъ его поэтическихъ пріемовъ считалъ устарѣлыми, за то художественную технику его цѣнилъ онъ очень высоко. Онъ восхищался «гармоніей» стиховъ Батюшкова и любовался его искусствомъ

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 27 и 28.

пользоваться даже такъ-называемыми поэтическими вольностями въ родѣ усѣченія окончаній или переноса цезуры для того, чтобы придать своимъ стихамъ новыя красоты—гибкость и звучность. Въ этомъ смыслѣ трудно было бы сказать въ пользу Батюшкова что-нибудь сильнѣе той высокой похвалы, которая выражена въ слѣдующихъ словахъ Пушкина: «Батюшковъ, счастливый соперникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что̀ и Петрарка для италіанцевъ» [1]). Сравненіе это тѣмъ удачнѣе, что Батюшковъ дѣйствительно любилъ наслаждаться «музыкальными звуками авзонійскаго языка»; именно въ италіанской словесности искалъ онъ образцовъ для гармоніи русскаго стиха. Въ его письмахъ къ друзьямъ разсѣяно много указаній на этотъ предметъ, сильно его занимавшій. Стремленіе выработать гармоническій стихъ онъ одинъ изъ первыхъ угадалъ въ «маленькомъ» Пушкинѣ и въ вопросахъ этого рода не затруднялся ссылаться на «чуткое ухо» юнаго поэта. Со своей стороны и Пушкинъ, даже въ періодъ полнаго развитія своего дарованія, не отказывался признавать Батюшкова своимъ учителемъ въ стихотворной техникѣ. Въ 1828 году московскій литераторъ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, желая имѣть стихи Пушкина въ своемъ альбомѣ, просилъ его объ этомъ: Пушкинъ вписалъ свою піесу «Муза» и на вопросъ: отчего именно эти стихи пришли ему на память прежде всѣхъ другихъ, отвѣчалъ: «Я ихъ люблю: они отзываются стихами Батюшкова» [2]).

---

[1]) Сочиненія, т. V, стр. 20.
[2]) Сочиненія Батюшкова, I (біографія), стр. 255—257.

О ПОѢЗДКѢ ПУШКИНА НА КАВКАЗЪ ВЪ 1829 ГОДУ.

«Мы лѣнивы и нелюбопытны», говорилъ Пушкимъ, сожалѣя о бѣдности нашей біографической и автобіографической литературы; произведеніямъ этого рода онъ всегда придавалъ большое значеніе и самъ неоднократно принимался вести дневникъ и писать свои мемуары. Но, къ сожалѣнію, его собственныя записки остались только въ черновыхъ набраскахъ и отрывкахъ, либо совершенно утратились, а нѣкоторыя ихъ части даже уничтожены самимъ авторомъ. Только дневникъ Кавказской поѣздки 1829 года былъ имъ вполнѣ обработанъ и пущенъ въ печать: «Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года» составляетъ не только прекрасное литературное произведеніе, но и драгоцѣнный матеріалъ для біографіи поэта. Значеніе этого путеваго дневника возвышается еще однимъ обстоятельствомъ: при посѣщеніи Кавказскаго края въ 1829 году Пушкинъ встрѣтилъ тамъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ и пріобрѣлъ не мало новыхъ; нѣкоторые изъ нихъ записали свои воспоминанія о тогдашнихъ сношеніяхъ своихъ съ нимъ, и ихъ разсказы служатъ полезнымъ дополненіемъ къ тому, что̀ самъ поэтъ сообщилъ о своемъ пребываніи въ Грузіи, въ арміи Паскевича и на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Одинъ изъ такихъ разсказовъ, доселѣ не изданный, представляемъ здѣсь; но предварительно изложимъ нѣсколько замѣчаній о путевыхъ запискахъ самого Пушкина.

I.

«Путешествіе въ Арзрумъ» было напечатано Пушкинымъ лишь въ 1836 году, въ первой книжкѣ предпринятаго имъ *Современника*. Но еще прежде того, въ 1830 году, отрывокъ изъ этой

статьи, подъ заглавіемъ «Военная Грузинская дорога (извлеченіе изъ путевыхъ записокъ А. Пушкина)», былъ помѣщенъ въ *Литературной Газетѣ* барона Дельвига (№ 8). Изданіе этого отрывка чисто описательнаго характера было косвеннымъ отвѣтомъ на воззванія газетъ, которыя, извѣщая о поѣздкѣ Пушкина въ Кавказскую армію, приглашали его воспѣвать подвиги русскихъ войскъ. По справедливому замѣчанію Анненкова, «поэтъ сдѣлалъ наперекоръ ожиданіямъ ихъ. Онъ не терпѣлъ посторонняго вмѣшательства въ дѣло творчества, и обращенія газетъ къ его музѣ производили на него непріятное впечатлѣніе. Онъ никакъ не могъ понять, а еще менѣе допустить права распоряжаться его вдохновеніемъ, назначать предметы для труда и преслѣдовать жизнь его такимъ образомъ до самыхъ тайныхъ его помысловъ и побужденій». Воздерживаясь отъ печатанія стихотвореній, внушенныхъ поѣздкой, и давая только отрывокъ изъ путевого дневника, поэтъ, разумѣется, не удовлетворилъ журналистовъ,—и *Сѣверная Пчела* не замедлила выразить ему свое негодованіе. Въ разборѣ VII-й главы «Евгенія Онѣгина», помѣщенномъ въ № 37 этой газеты за 1830 годъ, было сказано: «Мы думали, что авторъ «Руслана и Людмилы» устремился на Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбудятъ геній нашихъ поэтовъ: мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи опять явился Онѣгинъ, блѣдный, слабый...» Пушкинъ не забылъ этого упрека и отвѣчалъ на него въ предисловіи къ «Путешествію», написанномъ уже въ 1835 году: «*Искать вдохновенія*», говорилъ тутъ Пушкинъ, — «всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудой. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня, съ одной стороны, слишкомъ самолюбиво, а съ другой — слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло». Въ черновомъ проектѣ предисловія отвѣтъ Пушкина изложенъ въ выраженіяхъ еще болѣе рѣзкихъ [1]).

Однако, эта попытка Пушкина установить на «Путешествіе»

---

[1]) *Русская Старина* 1884 г., ноябрь, стр. 373 и 374.

взглядъ какъ на простой дорожный дневникъ, откровенно и безпритязательно излагающій впечатлѣнія очевидца, но совершенно чуждый задней мысли восхвалять либо порицать видѣнное, не достигла цѣли. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ *Сѣверная Пчела* стояла рѣшительно во главѣ той литературной партіи, которая избрала Пушкина мишенью для своихъ нападеній. Когда появилась въ свѣтъ первая книжка *Современника* на 1836 годъ, Булгаринъ, въ своей газетѣ (№ 129), отозвался о дорожномъ дневникѣ Пушкина въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Есть ли что-нибудь... въ «Путешествіи въ Арзрумъ»? Виденъ ли тутъ поэтъ съ пламеннымъ восторгомъ, съ сильною душою? Гдѣ геніальные взгляды, гдѣ дивныя картины, гдѣ пламень? И въ какую пору былъ авторъ въ этой чудной странѣ! Во время знаменитаго похода! Кавказъ, Азія и война! Ужь въ этихъ трехъ словахъ есть поэзія, а «Путешествіе въ Арзрумъ» есть не что иное, какъ холодныя записки, въ которыхъ нѣтъ и слѣда поэзіи. Новаго здѣсь — извѣстія о тифлисскихъ баняхъ; но люди, бывшіе въ Тифлисѣ, говорятъ, что и это не вѣрно».

Пусть бы однако таково было мнѣніе одного критика *Сѣверной Пчелы*. Но «Путешествіе въ Арзрумъ» показалось вещью заурядною даже такому почитателю Пушкина, каковъ былъ Бѣлинскій. Вотъ что̀ писалъ онъ въ статьѣ о первой книжкѣ *Современника*: «Путешествіе въ Арзрумъ» самого издателя есть одна изъ тѣхъ статей, которыя хороши не по своему содержанію, а по имени, которое подъ ними подписано. Въ самомъ дѣлѣ, если есть на свѣтѣ такіе люди, которые за что̀ бы не принялись, все портятъ, которые ничего не умѣютъ порядочно сдѣлать, то есть и такіе, которые ничего не умѣютъ сдѣлать дурно. Статья Пушкина не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что̀ бы вы, прочтя ее, могли пересказать, что̀ бы васъ особенно поразило; но ее нельзя читать безъ увлеченія, нельзя не дочитать до конца, если начнешь читать» [2]).

Окончательная обработка путевого дневника Пушкина относится уже къ 1835 году. Но при помѣщеніи его въ *Современникѣ* авторъ не могъ издать его въ совершенной полнотѣ, какъ онъ былъ написанъ; пришлось сдѣлать два значительные пропуска въ I-й главѣ и нѣсколько мелкихъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ I-й главѣ были

---

[2]) Сочиненія Бѣлинскаго, т. II, стр. 264. Первоначально статья Бѣлинскаго появилась въ *Молвѣ* при *Телескопѣ* 1836 г., т. 32.

исключены: разсказъ о свиданіи съ Ермоловымъ (этотъ пропускъ былъ сдѣланъ, очевидно, самимъ Пушкинымъ) и разсужденіе о необходимости христіанской проповѣди на Кавказѣ (выпущено по указанію А. Х. Бенкендорфа). Съ такими сокращеніями «Путешествіе» вошло въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина и въ изданіе Анненкова, и лишь нѣсколько лѣтъ спустя по выходѣ послѣдняго указанные отрывки появились въ печати (въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 года и въ *Русскомъ Архивѣ* 1863 года). Впослѣдствіи они были включены, вмѣстѣ съ другими, болѣе мелкими дополненіями, въ дальнѣйшія изданія сочиненій Пушкина; наиболѣе согласно съ бѣловымъ автографомъ «Путешествія», сохранившимся въ бумагахъ поэта въ Московскомъ публичномъ музеѣ, текстъ этой статьи воспроизведенъ въ изданіи литературнаго фонда.

Кромѣ указанныхъ пропусковъ, при первомъ изданіи «Путешествія» фамиліи всѣхъ почти лицъ, упоминаемыхъ Пушкинымъ, были означены лишь начальными буквами. Такъ было сдѣлано и въ изданіи Анненкова, но еще онъ высказалъ въ примѣчаніи надежду, что будущіе издатели Пушкина, вѣроятно, раскроютъ эти анонимы. Надежда эта исполнилась до сихъ поръ только отчасти: даже въ изданіи литературнаго фонда разъяснены не всѣ сокращенія въ означеніи фамилій. Восполнить эти пробѣлы можно только при содѣйствіи лицъ, коротко знакомыхъ съ исторіей русскаго владычества на Кавказѣ. Одинъ изъ знатоковъ ея, живущій въ Тифлисѣ, почтенный Е. Г. Вейденбаумъ, любезно доставилъ намъ нѣсколько цѣнныхъ указаній по этому предмету, и мы предлагаемъ ихъ здѣсь, отчасти дополнивъ собственными справками, а также свѣдѣніями, сообщенными намъ П. И. Бартеневымъ со словъ участника кампаніи 1829 года, покойнаго Михаила Владиміровича Юзефовича.

Въ главѣ I-й (т. IV, стр. 420 и 425) лицо, означенное буквою Ш. и въ разговорѣ съ Пушкинымъ упоминавшее объ Иматрѣ, есть финляндецъ Эмилій Карловичъ Шернваль, зять тутъ (и выше на стр. 415) упомянутаго графа Владиміра Алексѣевича Мусина-Пушкина и братъ извѣстной красавицы Авроры Карловны Карамзиной. Въ той же главѣ (стр. 422 и 424) подъ буквою Ч. слѣдуетъ разумѣть маіора Бориса Чиляева, управлявшаго въ 1829 году горскими народами, обитающими близъ Военно-Грузинской дороги. Г. Ог., также упоминаемый въ I-й главѣ (стр. 423), есть командиръ піонерной роты путей сообщенія подполковникъ Николай Гавриловичъ Огаревъ,

впослѣдствіи состоявшій при Паскевичѣ. Во II-й главѣ два лица обозначены буквою С.: одно изъ нихъ, упоминаемое какъ покойникъ (стр. 428), есть Тифлисскій военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ Николай Мартьяновичъ Сипягинъ, умершій въ Тифлисѣ 10-го октября 1828 года, а другое, по выраженію Пушкина, «извѣстный гастрономъ» (стр. 429), генералъ-адъютантъ Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, преемникъ Сипягина по должности Тифлисскаго губернатора. Въ той же главѣ (стр. 432) говорится о графѣ Николаѣ Александровичѣ Бутурлинѣ, который въ то время былъ адъютантомъ военнаго министра А. И. Чернышева; преданіе приписываетъ Бутурлину сообщеніе въ Петербургъ извѣстія о томъ, что Н. Н. Раевскій оказывалъ покровительство находившимся на Кавказѣ декабристамъ. Въ главахъ III-й и V-й неоднократно рѣчь идетъ, подъ буквою П., о Михаилѣ Ивановичѣ Пущинѣ: это братъ лицейскаго товарища Пушкина, Ив. Ив. Пущина, подобно ему декабристъ. Въ главѣ V-й (стр. 452) вмѣстѣ съ М. И. Пущинымъ поминается еще нѣкто Д.: это Руфинъ Ивановичъ Дороховъ, сынъ партизана 1812 года; онъ былъ извѣстенъ своимъ неукротимымъ и буйнымъ нравомъ, изъ-за котораго имѣлъ нѣсколько дуэлей, нѣсколько столкновеній со своими начальниками и нѣсколько разъ подвергался разжалованію въ рядовые; едва ли не бóльшую часть своего служебнаго поприща провелъ онъ солдатомъ; онъ былъ убитъ 18-го января 1852 года въ Малой Чечнѣ, во время одного неудачнаго набѣга, при р. Гойтѣ. Въ главахъ IV-й и V-й (стр. 441, 443, 449 и 450) Пушкинъ говоритъ о полковникѣ А., котораго Паскевичъ между прочимъ посылалъ навѣстить женъ Арзрумскаго паши: это—флигель-адъютантъ Романъ Романовичъ Анрепъ, командиръ своднаго уланскаго полка, умершій въ 1830 году въ чинѣ генералъ-маіора. Наконецъ, въ главѣ V-й (стр. 450) мелькомъ упомянутъ К.: это—графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, въ то время рядовой одного изъ полковъ кавказской арміи; онъ былъ разжалованъ въ нижніе чины за участіе въ дѣлѣ 14-го декабря и умеръ на Кавказѣ въ 1830 году.

Кромѣ этихъ лицъ, еще нѣсколько упоминаются Пушкинымъ въ разныхъ мѣстахъ «Путешествія въ Арзрумъ»; но эти анонимы, впрочемъ уже не многочисленные, остаются пока не раскрытыми.

Однако, и этимъ рядомъ послѣдовательныхъ дополненій и разъясненій еще не вполнѣ исчерпывается исторія текста «Путешествія въ Арзрумъ» въ печати. Въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1885 года

(№ 11) П. К. Мартьяновъ сообщилъ еще одну дотолѣ неизвѣстную «страничку», которую онъ считаетъ принадлежащею къ «Путешествію въ Арзрумъ», и въ которой разсказывается о встрѣчѣ Пушкина съ А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ). Подлинность этой «странички» г. Мартьяновъ признаетъ несомнѣнною. «Копія съ нея», говоритъ онъ,—«снята въ 1835 году поэтомъ (?) Александромъ Дмитріевичемъ Комовскимъ (впослѣдствіи сенаторъ и статсъ-секретарь), когда подлинная рукопись Пушкина, по возвращеніи отъ императора Николая, съ его помарками, находилась въ канцеляріи шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Отъ Комовскаго она дошла и до насъ».

Нельзя не согласиться, что «страничка», изданная г. Мартьяновымъ, представляетъ интересъ: Пушкинъ питалъ дружескія чувства къ Бестужеву и, безъ сомнѣнія, встрѣтился бы съ нимъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ встрѣчался на Кавказѣ съ другими своими старыми знакомыми изъ декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, изданіе литературнаго фонда не включило отрывокъ, найденный г. Мартьяновымъ, въ составъ «Путешествія въ Арзрумъ» и въ примѣчаніи къ этой статьѣ объяснило, что не извѣстно, куда именно слѣдуетъ помѣстить его.

По словамъ г. Мартьянова, встрѣча двухъ друзей произошла въ то время, когда Пушкинъ еще только направлялся въ армію Паскевича: «Проѣхавъ Тифлисъ и углубившись, слѣдуя направленію военной дороги, въ горы, онъ встрѣтилъ тамъ совершенно неожиданно Александра Александровича Бестужева». Изъ III-й главы «Путешествія въ Арзрумъ» видно, что Пушкинъ пріѣхалъ изъ Тифлиса въ лагерь Паскевича при Инжа-су 13-го іюня; слѣдовательно, съ Бестужевымъ онъ долженъ былъ бы встрѣтиться за нѣсколько дней передъ тѣмъ, то-есть, въ первыхъ числахъ того же мѣсяца. Между тѣмъ, изъ письма Бестужева къ матери, отъ 15-го августа 1829 года [1], оказывается, что въ іюнѣ этого года онъ еще не былъ на Кавказѣ, а проживалъ въ Иркутскѣ, озабоченный хлопотами о своемъ переводѣ въ Кавказскую дѣйствующую армію.

Указанія на столь грубое хронологическое разногласіе было бы совершенно достаточно, чтобъ отвергнуть всякую вѣроятность встрѣчи, а слѣдовательно, и подлинность разсказа о ней. Но предположимъ

[1]) *Русскій Вѣстникъ* 1870 г., № 6, стр. 495.

нѣкоторое недоразумѣніе со стороны г. Мартьянова и допустимъ, что онъ ошибся только тѣмъ, что пріурочилъ загадочное свиданіе къ первому времени пребыванія Пушкина на Кавказѣ. Допустить это вполнѣ возможно, ибо дѣйствительно Бестужевъ прибылъ на Кавказъ прежде, чѣмъ Пушкинъ успѣлъ покинуть его. Переѣздъ свой изъ Иркутска до границъ Кавказа Бестужевъ совершилъ съ удивительною быстротой: изъ вышеупомянутаго письма его къ матери обнаруживается, что 4-го іюля Бестужевъ оставилъ Иркутскъ, а 3-го августа прибылъ уже въ Екатериноградъ, гдѣ въ то время начиналась Военно-Грузинская дорога. Между тѣмъ Пушкинъ уже находился въ это время на обратномъ пути изъ арміи: 1-го августа онъ возвратился въ Тифлисъ, 6-го выѣхалъ оттуда на сѣверъ и 10-го достигъ Владикавказа. Если предположить, что Бестужевъ выѣхалъ изъ Екатеринограда безотлагательно, то-есть, въ самый день прибытія туда—3-го августа, и что затѣмъ по Военно-Грузинской дорогѣ онъ слѣдовалъ съ быстротой своего прежняго путешествія, то въ Тифлисъ онъ могъ явиться 7-го или 8-го августа. Такимъ образомъ, встрѣчу друзей можно предполагать лишь на Военно-Грузинской дорогѣ, а время ея—около 7-го или 8-го числа.

Но состоялась ли эта встрѣча на самомъ дѣлѣ? Категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующихъ словахъ Бестужева въ письмѣ его къ Н. А. Полевому, отъ 9-го марта 1833 года: «Давно ли, часто ли вы съ Пушкинымъ? Мнѣ онъ очень любопытенъ: я не сержусь на него именно потому, что его люблю. Скажите, что нѣтъ судьбы! Я сломя голову скакалъ по утесамъ Кавказа, встрѣтя его повозку: мнѣ сказали, что онъ у Бориса Чиляева, моего стараго однокашника; спѣшу, пріѣзжаю—гдѣ онъ?... Сейчасъ лишь уѣхалъ, и какъ нарочно, ему дали провожатаго по новой околесной дорогѣ, такъ что онъ со мной и не встрѣтился!... Я рвалъ на себѣ волосы отъ досады,—сколько вещей я бы ему высказалъ, сколько узналъ бы отъ него, и случай развелъ насъ на долгіе, можетъ быть, на безконечные годы!» [1])

Итакъ, Пушкинъ и Бестужевъ дѣйствительно проѣзжали по Военно-Грузинской дорогѣ одновременно, но тѣмъ не менѣе свиданія между ними не произошло. Слѣдовательно, и пресловутая «страничка», отысканная г. Мартьяновымъ, и въ которой онъ «узналъ

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ* 1861 г., № 4, стр. 436.

перо» Пушкина, есть не болѣе какъ вымыселъ, поддѣлка, совершенная чьею-то чужою рукой. О включеніи этой «странички» въ путевой дневникъ Пушкина не должно быть и рѣчи.

II.

Изъ всѣхъ лицъ, оставившихъ воспоминанія о своихъ встрѣчахъ съ Пушкинымъ на Кавказѣ въ 1829 году, первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Михаилу Ивановичу Пущину. Между тѣмъ какъ М. В. Юзефовичъ лишь впервые познакомился съ поэтомъ «на боевыхъ поляхъ Малой Азіи» [1]), а Н. Б. Потоксkій хотя и видѣлъ его прежде, въ 1824 году, но ни тогда, ни позже не былъ съ нимъ сколько-нибудь близокъ [2]),—М. И. Пущинъ еще въ Петербургѣ, до 1820 года, принадлежалъ къ тому же кругу, въ которомъ Пушкинъ вращался по преимуществу.

М. И. Пущинъ воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1816 году былъ выпущенъ въ офицеры, а въ 1824 году уже командовалъ гвардейскимъ конно-піонернымъ эскадрономъ въ чинѣ капитана. Замѣшанный въ дѣло 14-го декабря, онъ былъ разжалованъ въ рядовые и сосланъ въ Сибирь, но вскорѣ переведенъ на Кавказъ, такъ что могъ принять участіе въ Персидской и Турецкой кампаніяхъ 1827—1829 годовъ подъ начальствомъ Паскевича. Объ этомъ періодѣ жизни Пущина сохранился его собственный разсказъ или, точнѣе сказать, извлеченіе изъ его записокъ, составленное барономъ А. Е. Розеномъ [3]). Изъ этого разсказа видно, что Пущинъ пользовался большимъ вниманіемъ и даже довѣріемъ Паскевича; такія отношенія ихъ подтверждаются и свидѣтельствомъ другихъ лицъ: о дѣятельности Пущина въ 1828 и 1829 годахъ неоднократно упоминается въ «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи», написанной генераломъ Ушаковымъ подъ руководствомъ самого Паскевича, а о характерѣ этой дѣятельности говоритъ декабристъ А. С. Гангебловъ въ своихъ запискахъ. «Болѣе всѣхъ»—сказано тамъ—

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1880 г., ч. III, стр. 430—446: «Памяти Пушкина».

[2]) *Русская Старина* 1880 г., т. XXVIII, стр. 575—584: «Встрѣчи съ А. С. Пушкинымъ въ 1824 и 1829 годахъ». Слѣдуетъ замѣтить, что воспоминанія г. Потокскаго содержатъ въ себѣ нѣсколько свѣдѣній, требующихъ подтвержденія, напримѣръ, объ «открытой ссорѣ» между Пушкинымъ и Паскевичемъ.

[3] *Русская Старина* 1884 г., т. XLI, стр. 303—338: «Декабристы на Кавказѣ».

«былъ на виду Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, бывшій командиръ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона. Съ самаго поступленія въ отрядъ, еще въ Персіи, онъ оставленъ былъ при штабѣ. Паскевичъ далъ полный просторъ дѣятельности и энергіи Пущина. Въ своей солдатской шинели, Пущинъ распоряжался въ отрядѣ, какъ у себя дома, переводя офицеровъ и генераловъ съ ихъ частями войскъ съ мѣста на мѣсто по своему усмотрѣнію; онъ руководилъ и мелкими, и крупными работами, отъ вязанія фашинъ и туровъ, отъ работъ киркой и лопатой до устройства переправъ и мостовъ, до трасировки и возведенія укрѣпленій, до веденія апрошей, и кромѣ того, исполнялъ множество важныхъ порученій. Онъ же, въ той же солдатской шинели, присутствовалъ на военныхъ совѣтахъ у главнокомандующаго, гдѣ его мнѣнія почти всегда одерживали верхъ (о чемъ мнѣ извѣстно было чрезъ Вальховскаго и Ушакова). Этотъ человѣкъ какъ бы имѣлъ даръ одновременно являться въ разныхъ мѣстахъ. Штурмъ Ахалцыха (15-го августа 1828 года) положилъ конецъ его дѣятельности: тамъ (какъ и на другихъ штурмахъ—впереди колонны) Пущинъ былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ» [1]). Въ этой характеристикѣ есть впрочемъ неточности: Пущинъ, хотя и не совсѣмъ исцѣлившійся послѣ раны, участвовалъ въ кампаніи 1829 года съ прежнимъ успѣхомъ; поэтому-то онъ и могъ встрѣтиться съ Пушкинымъ въ лагерѣ Паскевича. Еще по окончаніи Персидской кампаніи Пущинъ былъ произведенъ въ прапорщики, а по окончаніи второй Турецкой—въ поручики. Въ 1831 году онъ оставилъ Кавказъ и военную службу; впослѣдствіи онъ находился въ службѣ гражданской, но въ 1865 году переименованъ въ генералъ-маіоры и умеръ комендантомъ Бобруйской крѣпости 25-го мая 1869 года. М. И. Пущинъ былъ женатъ на Марьѣ Яковлевнѣ Подколзиной.

Въ вышеупомянутомъ извлеченіи изъ записокъ М. И. Пущина можно найдти нѣсколько извѣстій о пребываніи Пушкина въ походѣ 1829 года; но гораздо болѣе подробно Пущинъ описалъ свои тогдашнія сношенія съ Пушкинымъ въ особой запискѣ, которая сохранилась въ бумагахъ П. В. Анненкова. Записка эта была доставлена ему въ 1857 году чрезъ посредство графа Л. Н. Толстого, изъ письма котораго позволяемъ себѣ привести нѣсколько строкъ: «Посылаю вамъ, дорогой Павелъ Васильевичъ, записку Пу-

---

[1]) Воспоминанія декабриста А. С. Гангеблова, стр. 199 и 200.

щина, съ которымъ мы живемъ вмѣстѣ въ Clarens, canton de Vaud. Записка презабавная, но разсказы его изустные—прелесть. Вообще это видно была безалаберная эпоха Пушкина. Пущинъ этотъ—прелестный и добродушный человѣкъ. Они съ женой здѣсь трогательно милы, и я ужасно радъ ихъ сосѣдству».

Печатаемъ записку Пущина безъ всякихъ сокращеній. Лишь въ концѣ выпущено нѣсколько стиховъ Пушкина, неудобныхъ къ печати.

Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ за Кавказомъ.

Въ 1829 году, въ маѣ мѣсяцѣ, дождавшись главнокомандующаго на границѣ въ крѣпости Цалкѣ, съ нимъ я отправился въ Карсъ, откуда сдѣлано было нами движеніе къ Ардагану, — гдѣ, отдѣливъ отъ себя Муравьева на подкрѣпленіе Бурцова подъ Ахалцыхомъ, мы съ главнокомандующимъ возвратились въ Карсъ; Бурцовъ же, подкрѣпленный Муравьевымъ, не замедлилъ разбить турецкаго пашу, желавшаго отнять у насъ Ахалцыхъ, и прибылъ къ намъ въ Карсъ, подкрѣпивши Бебутова гарнизонъ въ Ахалцыхѣ. По собраніи всего отряда въ Карсѣ мы присоединились къ Панкратьеву, который выдвинутъ былъ на Арзерумскую дорогу. Тутъ, не смотря на всѣ убѣжденія двигаться впередъ, Паскевичъ откладывалъ движеніе со дня на день, боясь Гагки-Паши, расположеннаго влѣво отъ насъ, въ урочищѣ Дели-муса-фурни, чтобы при движеніи впередъ не имѣть его въ тылу нашемъ.

Во время этого бездѣйствія я, который занимался развѣдываніемъ о непріятелѣ и составлялъ карты движенія къ Арзеруму, по обязанности своей долженъ былъ дѣлать рекогносцировки и каждую ночь ихъ удачно дѣлалъ съ партіей линейныхъ казаковъ, чаще всего съ Гребенскими. Однажды, уже въ іюнѣ мѣсяцѣ, возвращаясь изъ разъѣзда, на этотъ разъ очень удачнаго, до самаго лагернаго расположенія турокъ на высотѣ Меллдюза, которое въ подробности имѣлъ возможность разсмотрѣть, — я сошелъ съ лошади прямо въ палатку Николая Раевскаго, чтобы перваго его порадовать скорою неминуемою встрѣчею съ непріятелемъ, встрѣчею, которой всѣ въ отрядѣ съ нетерпѣніемъ ожидали. Не могу описать моего удивленія и радости, когда тутъ А. С. Пушкинъ бросился меня цѣловать, и первый его вопросъ былъ: «Ну, скажи, Пущинъ: гдѣ турки, и увижу

ли я ихъ; я говорю о тѣхъ туркахъ, которые бросаются съ крикомъ и оружіемъ въ рукахъ. Дай пожалуйста мнѣ видѣть то, за чѣмъ сюда съ такими препятствіями пріѣхалъ!» «Могу тебя порадовать: турки не замедлятъ представиться тебѣ на смотръ; полагаю даже, что они сегодня вызовутъ насъ изъ нашего бездѣйствія; если же они не атакуютъ насъ, то я съ Бурцовымъ завтра непремѣнно постараюсь заставить ихъ бросить свою позицію, съ фронта неприступную, движеніемъ обходнымъ, планъ котораго отсюда же понесу къ Паскевичу, когда онъ проснется».

Живые разговоры съ Пушкинымъ, Раевскимъ и Сакеномъ (начальникомъ штаба, вошедшимъ въ палатку, когда узналъ, что я возвратился), за стаканами чая, приготовили насъ встрѣтить турокъ грудью. Пушкинъ радовался какъ ребенокъ тому ощущенію, которое его ожидаетъ. Я просилъ его не отдѣляться отъ меня при встрѣчѣ съ непріятелемъ, обѣщалъ ему быть тамъ, гдѣ болѣе опасности, между тѣмъ какъ не желалъ бы его видѣть ни раненымъ, ни убитымъ. Раевскій не хотѣлъ его отпускать отъ себя, а самъ на этотъ разъ, по своему высокому положенію, хотѣлъ держать себя какъ можно дальше отъ выстрѣла турецкаго, особенно же отъ ихъ сабли или курдинской пики,—Пушкину же мое предложеніе болѣе улыбалось. Въ это время вошелъ Семичевъ (маіоръ Нижегородскаго драгунскаго полка, сосланный на Кавказъ изъ Ахтырскаго гусарскаго полка) и предложилъ Пушкину находиться при немъ, когда онъ выѣдетъ впередъ съ фланкерами полка. На чемъ Пушкинъ остановился—не знаю, потому что меня позвали къ главнокомандующему, который вслѣдствіе моихъ донесеній послалъ подкрѣпить аванпосты, приказавъ соблюдать величайшую бдительность; всему отряду приказано было готовиться къ дѣйствію.

По сказанному какъ по писанному. Еще мы не кончили обѣда у Раевскаго съ Пушкинымъ, его братомъ Львомъ и Семичевымъ, какъ пришли сказать, что непріятель показался у аванпостовъ. Всѣ мы бросились къ лошадямъ, съ утра осѣдланнымъ. Не успѣлъ я выѣхать, какъ уже попалъ въ схватку казаковъ съ наѣздниками турецкими, и тутъ же встрѣчаю Семичева, который спрашиваетъ меня: не видалъ ли я Пушкина? Вмѣстѣ съ нимъ мы поскакали его искать и нашли отдѣлившагося отъ фланкирующихъ драгунъ и скачущаго, съ саблею на-голо̀, противъ турокъ, на него летящихъ. Приближеніе наше, а за нами уланъ съ Юзефовичемъ, скакавшимъ насъ выру-

чать, заставило турокъ въ этомъ пунктѣ удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли надъ турецкою башкой, и онъ, хотя съ неудовольствіемъ, но насъ болѣе не покидалъ, тѣмъ болѣе, что нападеніе турокъ съ всѣхъ сторонъ было отражено, и кавалерія наша, преслѣдовавъ ихъ до самого укрѣпленнаго ихъ лагеря, возвратилась на прежнюю позицію до наступленія ночи.

Быстрое отраженіе Гагки-Паши, съ незначительною потерею нѣсколькихъ казаковъ убитыхъ и раненыхъ, вывело главнокомандующаго изъ бездѣйствія, всѣхъ сердившаго. Мы стали подвигаться впередъ, но съ большою осторожностію. Черезъ нѣсколько дней, въ ночномъ своемъ разъѣздѣ, я наткнулся на все войско сераксира, выступившее изъ Гассанъ-Кале намъ на встрѣчу. По сообщеніи извѣстія объ этомъ Пушкину, въ немъ разыгралась африканская кровь, и онъ сталъ прыгать и бить въ ладоши, говоря, что на этотъ разъ онъ непремѣнно схватится съ туркомъ; но схватиться опять ему не удалось, потому что онъ не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ его отпускать отъ себя не только во время сраженія, но на привалахъ, въ лагерѣ, и вообще всегда, на всѣхъ repos и въ свободное отъ занятій время, за нимъ посылалъ и порядочно—по словамъ Пушкина—ему надоѣлъ. Правду сказать, со всѣмъ желаніемъ Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что непріятель уже болѣе насъ не атаковалъ, а вездѣ, до самой сдачи Арзерума, безъ оглядки бѣжалъ, и всѣ сраженія, громкія въ реляціяхъ, были только преслѣдованія непріятеля, который бросалъ на дорогѣ орудія, обозы, лагери и отсталыхъ своихъ людей. Всегда, когда мы сходились съ Пушкинымъ у меня или Раевскаго, онъ бѣсился на турокъ, которые не хотятъ принимать столь желаннаго имъ сраженія,—я же, напротивъ, радовался тому, что могъ чаще ѣхать въ коляскѣ и отдыхать, потому что дѣлалъ походъ 1829 года еще съ не залѣченною раной въ грудь, полученною въ 1828 году на штурмѣ Ахалцыха, и всякая усиленная верховая ѣзда чрезвычайно мнѣ вредила.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ занятія Арзерума, имѣвъ обѣщаніе Паскевича, по занятіи его, меня отпустить къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Терпѣніе мое не истощилось: 27-го іюня занятъ Арзерумъ. Но мнѣ еще оставалось на нѣсколько дней работы: по порученію главнокомандующаго, долженъ былъ составить проектъ укрѣпленія города на случай нападенія турокъ. Проектъ составить

было легко, потому что нападенія со стороны турокъ никакъ нельзя было ожидать; армія ихъ такъ вся разбрелась, что никакая человѣческая воля не могла ее собрать.

Въ первыхъ числахъ іюля я выѣхалъ изъ Арзерума съ порученіемъ отъ главнокомандующаго проводить плѣнныхъ пашей до Тифлиса: порученіе непріятное, которое задержало меня въ дорогѣ и въ карантинѣ болѣе, чѣмъ я желалъ. Въ Тифлисъ я прибылъ съ пашами въ концѣ іюля. Тамъ ко мнѣ, для слѣдованія въ Пятигорскъ къ водамъ, присоединился Дороховъ, съ которымъ я впередъ условился ѣхать вмѣстѣ въ моей коляскѣ до первой драки съ кѣмъ бы то ни было.

Изъ Тифлиса выѣхали мы вдвоемъ съ Дороховымъ; но его денщикъ и мой человѣкъ, вмѣстѣ и поваръ, остались въ Тифлисѣ закупать провизію на дорогу черезъ горы. Въ Душетѣ они должны были догнать, а мы ихъ ожидать. Люди наши замѣшкались и прибыли съ провизіей и вьюками Дорохова довольно поздно вечеромъ. Дороховъ, котораго желчь уже давно разыгрывалась, началъ тузить своего денщика; тотъ сложилъ вину промедленія на повара моего Степана, который въ несовершенно трезвомъ видѣ ему что-то грубо отвѣчалъ. Увидавъ это, я приказалъ денщику своему Кирилову запрягать лошадей и объявилъ Дорохову, что такъ какъ условіе нарушено и не желая другой разъ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, я его оставляю и предпочитаю ѣхать одинъ, чтобъ оборонить отъ побоевъ людей моихъ и его не вводить въ искушеніе. Дороховъ давалъ мнѣ новыя клятвенныя обѣщанія вести себя прилично, только чтобы я позволилъ ему вмѣстѣ со мною ѣхать, но я остался непреклоненъ: сѣлъ въ коляску, весьма скоро запряженную четверкою лошадей, отдохнувшихъ въ теченіе цѣлаго дня, и пустился по ночи впередъ по дорогѣ ко Владикавказу.

Во Владикавказѣ пришлось мнѣ ожидать нѣсколько дней оказіи. На канунѣ того дня, какъ я долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ отрядомъ, при орудіи, назначенномъ конвоировать собравшихся со мной путешественниковъ и обозы, неожиданно прибѣгаетъ ко мнѣ Пушкинъ, объявляя, что онъ меня догонялъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать на воды. Понятно, какъ я обрадовался такому товарищу. Послѣ первыхъ распросовъ другъ у друга, Пушкинъ мнѣ объявляетъ, что у него есть до меня просьба, и впередъ проситъ не отказать въ исполненіи ея. Конечно, я порадовался чѣмъ-нибудь служить ему. Дѣло

состояло въ томъ, чтобы я позволилъ Дорохову ѣхать вмѣстѣ съ нами, что Дороховъ проситъ у меня прощенья и позволяетъ мнѣ прибить себя, если онъ кого-нибудь при мнѣ ударитъ. Долго я не хотѣлъ на это согласиться, увѣряя Пушкина, что Дороховъ по натурѣ своей не можетъ не драться. Пушкинъ все свое краснорѣчіе употреблялъ, чтобы меня уговорить согласиться на его просьбу, находя тьму грацій въ Дороховѣ и много прелести въ его товариществѣ. Въ этомъ я былъ совершенно съ нимъ согласенъ и наконецъ согласился на убѣдительную его просьбу принять Дорохова въ наше товарищество. Пушкинъ побѣжалъ за Дороховымъ и привелъ его ко мнѣ съ повинною вытянутою фигурою, до того комическою, что мы съ Пушкинымъ расхохотались, и я Дорохову на мировую протянулъ руку, но только позволилъ себѣ сдѣлать съ обоими новый уговоръ—во все время нашего слѣдованія въ товариществѣ до водъ въ карты между собою не играть. Скрѣпя сердце, оба дали мнѣ въ этомъ честное слово. Пушкинъ приказалъ притащить ко мнѣ свои и Дорохова вещи, и между прочимъ, ящикъ отличнаго рейнвейна, который ему Раевскій далъ на дорогу. Мы тутъ же роспили нѣсколько бутылокъ.

Все прекрасно обошлось во время медленнаго нашего слѣдованія отъ Владикавказа до Екатеринограда и оттуда до Горячеводска или Пятигорска. Ѣхали мы втроемъ въ коляскѣ; иногда Пушкинъ садился на казачью лошадь и ускакивалъ отъ отряда, отыскивая приключеній или встрѣчи съ горцами, встрѣтивъ которыхъ намѣревался, ускакивая отъ нихъ, навести ихъ на нашъ конвой и орудіе; но ни приключеній, ни горцевъ во всю дорогу онъ не нашелъ. Тяжело было обоимъ во время приваловъ и ночлеговъ: одинъ не смѣлъ бить своего денщика, а другой не смѣлъ заикнуться о картахъ, пытаясь однако у меня нѣсколько разъ о сложеніи тягостнаго для него уговора. Одинъ рейнвейнъ услаждалъ общую нашу скуку, и въ ящикѣ немного его осталось, когда четверка лошадей уже не шагомъ, а рысью повезла насъ изъ Екатеринограда въ Пятигорскъ.

Въ Пятигорскѣ я не намѣренъ былъ оставаться; для раны моей мнѣ надлежало ѣхать прямо въ Кисловодскъ. Пріѣхавши въ Пятигорскъ, я собрался сейчасъ же все осмотрѣть и приглашалъ съ собою Пушкина; но онъ отказался, говоря, что знаетъ тутъ все, какъ свои пальцы, что очень усталъ и желаетъ отдохнуть. Это уже было въ началѣ августа; мнѣ нужно было спѣшить къ Нарзану, и потому я

объявилъ Пушкину, что на другой же день намѣренъ туда ѣхать, и если онъ со мной не поѣдетъ, то когда мнѣ его ожидать? «Могу тебѣ только то сказать, что не замедлю здѣсь лишняго дня; только завтра съ тобою ѣхать не въ состояніи: хочу здѣсь день-другой отдохнуть».

Получивши этотъ отвѣтъ Пушкина, я пошелъ осматривать источники, гулянья и городъ, что̀ заняло меня на нѣсколько часовъ. Возвращаясь домой послѣ заката солнца къ вечернему чаю, нахожу Пушкина, играющаго въ банкъ съ Дороховымъ и офицеромъ Павловскаго полка Астафьевымъ. «La glace est rompue», говоритъ мнѣ Пушкинъ;—«довольно мы терпѣли, связанные словомъ, но вѣдь слово дано было до водъ; на водахъ мы выходимъ изъ-подъ твоей опеки, и потому не хочешь ли поставить карточку? Вотъ господинъ Астафьевъ мечетъ отвѣтный». «Ты совершенно правъ, Пушкинъ. Слово было дано — не играть между собою до водъ; ты сдержалъ слово благородно, и мнѣ остается только удивляться твоему милому и покладливому характеру». Пушкинъ въ этотъ вечеръ выигралъ нѣсколько червонцевъ; Дороховъ проигралъ, кажется, болѣе, чѣмъ желалъ проиграть; Астафьевъ и Пушкинъ кончили игру въ веселомъ расположеніи духа, а Дороховъ отошелъ угрюмый отъ стола.

Когда Астафьевъ ушелъ, я просилъ Пушкина разсказать мнѣ, какъ случилось, что, не будучи никогда знакомъ съ Астафьевымъ, я нашелъ его у себя съ нимъ играющаго. «Очень просто», отвѣчалъ Пушкинъ;—«мы, какъ ты ушелъ, послали за картами и начали играть съ Дороховымъ; Астафьевъ, проходя мимо, зашелъ познакомиться; мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что онъ—добрый малый и любитъ въ карты поиграть». «Какъ бы я желалъ, Пушкинъ, чтобы ты скорѣй пріѣхалъ въ Кисловодскъ и далъ мнѣ обѣщаніе съ Астафьевымъ въ карты не играть». «Нѣтъ, братъ, дудки! Обѣщанія не даю, Астафьева не боюсь и въ Кисловодскъ пріѣду скорѣй, чѣмъ ты думаешь». Но на повѣрку вышло не такъ: болѣе недѣли Пушкинъ и Дороховъ не являлись въ Кисловодскъ, наконецъ пріѣхали вмѣстѣ, оба продувшіеся до копѣйки. Пушкинъ проигралъ тысячу червонцевъ, взятыхъ имъ на дорогу у Раевскаго. Пріѣхалъ ко мнѣ съ твердымъ намѣреніемъ вести жизнь правильную и много заниматься; приказалъ моему Кирилову приводить ему по утрамъ одну изъ лошадей моихъ и ѣздилъ кататься верхомъ (лошади мои паслись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кисло-

водска). Мнѣ странна показалась эта новая прихоть; но скоро узналъ я, что въ Солдатской слободкѣ около Кисловодска поселился Астафьевъ, и Пушкинъ всякое утро къ нему заѣзжалъ. Ожидая, что̀ изъ этого выйдетъ, я скрывалъ отъ Пушкина мои розысканія о немъ. Однажды, возвратившись съ прогулки, онъ высыпалъ при мнѣ нѣсколько червонцевъ на столъ. «Откуда, Пушкинъ, такое богатство?» «Долженъ тебѣ признаться, что я всякое утро заѣзжаю къ Астафьеву и довольствуюсь каждый разъ выигрышемъ у него нѣсколькихъ червонцевъ. Я его мелкимъ огнемъ бью, и вотъ сколько ужь вытащилъ у него моихъ денегъ». Всего было имъ наиграно червонцевъ двадцать. Долго бы пришлось Пушкину отыгрывать свои тысячу червонцевъ, еслибъ Астафьевъ не разсудилъ скоро оставить Кисловодскъ.

Не смотря на намѣреніе свое много заниматься, Пушкинъ, живя со мною, мало чѣмъ занимался. Вообще мы вели жизнь разгульную, часто обѣдали у Шереметева, Петра Васильевича, жившаго съ нами въ домѣ Реброва. Шереметевъ кормилъ насъ отлично и къ обѣду своему собиралъ всегда довольно большое общество. Разумѣется, послѣ обѣда

...въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ:
И приписывали,
И отписывали
Мѣломъ.

Тутъ явилась замѣчательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина, сарапульскій городничій Дуровъ, братъ той Дуровой, которая служила въ какомъ-то гусарскомъ полку во время 1812 года, получила георгіевскій крестъ и послѣ не оставляла мужского платья, въ которомъ по наружности ея, рябой и мужественной, никто не могъ ее принять за дѣвицу. Цинизмъ Дурова восхищалъ и удивлялъ Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь разсказывать изъ своихъ приключеній, которыя заставляли Пушкина хохотать отъ души; съ утра онъ отыскивалъ Дурова и поздно вечеромъ разставался съ нимъ.

Приближалось время отъѣзда; онъ условился съ нимъ ѣхать до Москвы; но ни у того, ни у другаго не было денегъ на дорогу. Я снабдилъ ими Пушкина на путевыя издержки; Дуровъ пріютился

къ нему. Изъ Новочеркасска Пушкинъ мнѣ писалъ, что Дуровъ оказался chevalier d'industrie, выигралъ у него пять тысячъ рублей, которые Пушкинъ досталъ у наказного атамана, и заплативши Дурову, въ Новочеркасскѣ съ нимъ разъѣхался, поскакалъ одинъ въ Москву и, вѣроятно, съ Дуровымъ никогда болѣе не встрѣтится.

Въ память нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ со мною на водахъ, Пушкинъ написалъ стихи на виньеткахъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ бывшемъ у меня «Невскомъ Альманахѣ». Альманахъ этотъ не сохранился, но сохранились въ памяти нѣкоторые стихи, карандашемъ имъ написанные. Вотъ они:

Вотъ, перешедши мостъ Кокушкинъ,
Опершись ..... о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ monsieur Онѣгинымъ стоитъ.
Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ...
Не плюй въ колодезь, милый мой!

На виньеткѣ представлена была набережная Невы съ видомъ на крѣпость и Пушкинъ, стоящій опершись о гранитъ и разговаривающій съ Онѣгинымъ. Другая надпись, которую могу припомнить, была сдѣлана къ виньеткѣ, представляющей Татьяну въ рубашкѣ, спущенной съ одного плеча, печатающую записку при лунѣ, свѣтящей въ раскрытое окно, и состояла изъ двѣнадцати стиховъ, изъ которыхъ первыхъ четырехъ не могу припомнить...

Записка М. И. Пущина дѣйствительно составляетъ прекрасный комментарій къ «Путешествію въ Арзрумъ»: ея содержаніе обнимаетъ собою почти все время пребыванія Пушкина на Кавказѣ, или по крайней мѣрѣ, періодъ съ момента его появленія въ лагерѣ Паскевича (13-го іюня) до отъѣзда поэта съ минеральныхъ водъ въ исходѣ сентября 1829 года. Эта послѣдняя часть кавказской экскурсіи Пушкина только и извѣстна, что изъ записки Пущина. Нѣкоторые изъ его разсказовъ находятъ себѣ подтвержденіе въ другихъ источникахъ. Такъ, о внезапномъ появленіи Пушкина на аванпостахъ во время перестрѣлки съ турками 14-го іюня упомянуто вскользь въ «Путешествіи въ Арзрумъ» и болѣе подробно въ сочиненіи генерала Ушакова. «Перестрѣлка 14-го іюня 1829 года»—говорится здѣсь—

«замѣчательна потому, что въ ней участвовалъ славный поэтъ нашъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ прибылъ къ нашему корпусу въ день выступленія на Саганлугъ и былъ обласканъ графомъ Эриванскимъ. Когда войска, совершивъ трудный переходъ, отдыхали въ долинѣ Инжа-су, непріятель внезапно атаковалъ передовую цѣпь нашу, находившуюся подъ начальствомъ подполковника Басова. Поэтъ, въ первый разъ услышавъ около себя столь близко звуки войны, не могъ не уступить чувству энтуізазма. Въ поэтическомъ порывѣ онъ тотчасъ выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ. Опытный маіоръ Семичевъ, посланный генераломъ Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противъ непріятельскихъ всадниковъ. Можно повѣрить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ предъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и въ буркѣ. Это былъ первый и послѣдній военный дебютъ любимца музъ на Кавказѣ» [1]). Едва ли не слѣдуетъ отдать преимущество предъ этимъ повѣствованіемъ простому разсказу Пущина: послѣдній, можетъ быть, ошибся лишь тѣмъ, что изобразилъ поэта съ саблей на-голо̀; по крайней мѣрѣ самъ Пушкинъ, безъ сомнѣнія, припоминая описанный случай, нарисовалъ себя съ пикой, въ буркѣ и въ круглой шляпѣ—въ альбомѣ Е. Н. Ушаковой [2]). Другой разсказъ Пущина—о похожденіяхъ поэта съ городничимъ Дуровымъ—находитъ себѣ если не подтвержденіе, то соотвѣтствіе въ воспоминаніяхъ самого Пушкина о знакомствѣ съ этимъ Дуровымъ [3]).

Вообще, записка Пущина по своей правдивости достойна стать на ряду съ «Путешествіемъ въ Арзрумъ». Быть можетъ, Пущинъ и не слишкомъ увлекался поэзіей своего друга; по свидѣтельству барона Розена, этотъ стойкій и мужественный человѣкъ «дышалъ геройскою и боевою жизнью», но «не былъ поэтомъ, не восхищался красотами природы»; за то онъ любилъ Пушкина какъ человѣка и, зная его по-

[1]) Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. Варшава. 1843, ч. II, стр. 303.

[2]) Рисунокъ этотъ изданъ въ альбомѣ Московской Пушкинской выставки 1880 г.

[3]) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 198.

рывистыя увлеченія, нянчился съ нимъ, ходилъ за нимъ, какъ старый дядька за молодымъ барченкомъ. Эта трогательная черта дружбы ярко выступаетъ въ печатаемой запискѣ—разумѣется, помимо воли ея автора. Пушкину минуло уже тридцать лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ на Кавказъ; но пылкая его натура далеко еще не перекипѣла, и тогдашняя жизнь его была дѣйствительно безалаберная: еще не одинъ годъ послѣ того ему приходилось расплачиваться за увлеченія той поры. Удержать его отъ нихъ вполнѣ Пущинъ оказался не въ силахъ, но ему все же удалось охранить поэта отъ нѣкоторыхъ крайностей.

Любопытно замѣчаніе Пущина, что на водахъ Пушкинъ намѣревался много заниматься, а на самомъ дѣлѣ занимался очень мало. Творческая работа художника, съ ея своеобразнымъ процессомъ, по видимому, ускользала отъ вниманія его друга; но по собственнымъ записямъ Пушкина видно, что и въ Кисловодскѣ, среди увлеченія карточною игрой, его посѣщало вдохновеніе и претворяло его путевыя впечатлѣнія въ художественные образы: числовыя помѣты подъ стихотвореніями: «Делибашъ», «Монастырь на Казбекѣ», «Кавказъ» относятся къ сентябрю 1829 года. Это были первые поэтическіе итоги кавказской поѣздки Пушкина, и за ними должны были послѣдовать другіе: задуманы были созданія болѣе крупныя, какъ видно по не конченному и не вполнѣ отдѣланному отрывку «Галуба»; но обстоятельства сложились такъ, что этимъ проектамъ не суждено было осуществиться.

ПУШКИНЪ И ДАЛЬ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора

пришлось Пушкину провести послѣдніе годы своей жизни, послѣ женитьбы. Но въ немъ постоянно горѣлъ яркій пламень творчества и высокой мысли. Отвлекаемый свѣтскими обязанностями, онъ особенно дорожилъ тѣми счастливыми минутами, когда могъ свободно отдаваться художественному или умственному труду, или наконецъ, живой бесѣдѣ съ людьми, способными возвыситься до глубокихъ созерцаній его мысли. Онъ искалъ такихъ людей не только среди старыхъ пріятелей, кругъ которыхъ уже начиналъ рѣдѣть и разсѣеваться, но и между новыми знакомыми, съ которыми сводили его обстоятельства. Къ числу новыхъ лицъ, сблизившихся съ нимъ въ эти годы, принадлежалъ, между прочимъ, Владиміръ Ивановичъ Даль. Далю было въ то время тридцать лѣтъ. Онъ еще не пользовался извѣстностью въ литературномъ мірѣ, но умственный складъ его уже вполнѣ опредѣлился; онъ не искалъ покровительства Пушкина, какъ многіе начинающіе писатели, но радъ былъ найти въ немъ нравственную поддержку тѣмъ занятіямъ, которымъ съ раннихъ лѣтъ посвящалъ свой досугъ, и которыя мало по малу сдѣлались господствующимъ интересомъ его жизни.

Датчанинъ по происхожденію, но русскій по воспитанію, сперва кадетъ Морского корпуса и мичманъ флота, а затѣмъ студентъ Дерптскаго университета и, въ качествѣ военнаго врача, участникъ Турецкой и Польской кампаній, Даль въ своихъ многочисленныхъ странствованіяхъ по разнымъ концамъ Россіи пріобрѣлъ страстную охоту къ наблюденіямъ надъ народнымъ языкомъ и бытомъ. Дѣло

это, еще совершенно новое у насъ въ то время, уже давно занимало Пушкина, который самъ, во время своей невольной деревенской жизни, записывалъ съ устъ народа пѣсни и сказки, прислушивался къ народному говору и даже, къ немалому смущенію своихъ критиковъ, вносилъ въ свои произведенія плоды своихъ наблюденій—живыя черты народнаго языка и быта. Къ сознательному убѣжденію въ пользѣ и необходимости этихъ изученій Пушкинъ пришелъ совершенно самостоятельно и раньше многихъ ученыхъ. То же убѣжденіе, и также не изъ книгъ, а изъ живого опыта, выработалось у Даля, и онъ съ увлеченіемъ отдался занятіямъ народностью. Въ 1830 году онъ напечаталъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* небольшую повѣсть «Цыганка», занимательный, просто и тепло написанный разсказъ изъ быта молдаванъ и молдавскихъ цыганъ. По обилію этнографическихъ чертъ повѣсть эта обнаруживала въ авторѣ внимательнаго и тонкаго наблюдателя народныхъ обычаевъ, нравовъ и типовъ, но она прошла въ литературѣ не замѣченною; только самъ издатель *Телеграфа* назвалъ ее «превосходною», отдавая читателямъ отчетъ о своемъ журналѣ за 1830 годъ [1]). Въ 1832 году Даль рѣшилъ сдѣлать первое примѣненіе изъ своего знакомства съ русскою народною рѣчью, издавъ въ Петербургѣ небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Русскія сказки, изъ преданія изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приноровленныя и поговорками ходячими украшенныя казакомъ Луганскимъ. Пятокъ первый». Появленіе этой книжки и подало поводъ къ сближенію Даля съ Пушкинымъ на почвѣ дѣла, которое ихъ обоихъ занимало.

Вскорѣ послѣ изданія «Русскихъ сказокъ» Даль оставилъ Петербургъ, но въ 1833 году, когда Пушкинъ предпринялъ путешествіе въ восточную Россію для осмотра мѣстностей, гдѣ происходилъ Пугачевскій бунтъ, Даль встрѣтился съ поэтомъ въ Оренбургѣ, объѣхалъ съ нимъ окрестности города и провелъ нѣсколько дней въ дружескихъ бесѣдахъ. Наконецъ, предъ самою кончиной Пушкина, Далю

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. 36, стр. 544. Повѣсть Даля помѣщена въ той же части; впослѣдствіи авторъ перепечатывалъ ее въ сборникахъ своихъ разсказовъ съ нѣкоторыми передѣлками и прибавкой новыхъ этнографическихъ подробностей. Въ изданіи сочиненій Даля, вышедшемъ въ 1861 году, повѣсть эта помѣщена въ III-мъ томѣ.

случилось пріѣхать въ Петербургъ и быть свидѣтелемъ послѣднихъ дней поэта.

Итакъ, сношенія Даля съ Пушкинымъ были непродолжительны, даже не особенно коротки, но Даль сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе и, семь лѣтъ спустя послѣ его смерти, написалъ разсказъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Дѣло это онъ справедливо считалъ долгомъ всѣхъ, кто близко зналъ великаго поэта, и со своей стороны исполнилъ его, какъ умѣлъ. Къ сожалѣнію, прочіе друзья Пушкина не сдѣлали того же, и потому, вмѣсто цѣльнаго образа, начертаннаго дружескою рукой, мы имѣемъ о Пушкинѣ только отрывочные разсказы. Благодаря тонкой наблюдательности Даля и его глубокому уваженію къ Пушкину, а также благодаря тому, что Пушкинъ проявлялся въ бесѣдахъ съ нимъ самыми существенными чертами своей личности, воспоминанія Даля, не смотря на свою краткость, должны занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи величайшаго представителя русской литературы. Рукопись своихъ воспоминаній Даль передалъ въ распоряженіе П. В. Анненкова, когда послѣдній сталъ собирать матеріалы для біографіи Пушкина. Но Анненкову не пришлось воспользоваться этимъ источникомъ, и рукопись Даля осталась въ его бумагахъ не изданная [1]. Печатаемъ этотъ разсказъ Даля цѣликомъ, а за нимъ помѣщаемъ нѣсколько замѣчаній и дополненій, къ которымъ онъ подаетъ поводъ.

Воспоминанія о Пушкинѣ.

Крыловъ былъ въ Оренбургѣ младенцемъ; Скобелевъ чуть ли не стаивалъ въ немъ на часахъ; у Карамзиныхъ есть въ Оренбургской губерніи родовое помѣстье. Пушкинъ пробылъ въ Оренбургѣ нѣсколько дней въ 1833 году, когда писалъ Пугача, а Жуковскій — въ 1837 году, провожая государя цесаревича.

Пушкинъ прибылъ нежданный и нечаянный и остановился въ загородномъ домѣ у военнаго губернатора В. Ал. Перовскаго, а на другой день перевезъ я его оттуда, ѣздилъ съ нимъ въ историческую Бердинскую станицу, толковалъ, сколько слышалъ и зналъ мѣстность,

[1]) Напечатана была только другая записка Даля—о смерти Пушкина. См. *Московскую Медицинскую Газету* 1860 г.

обстоятельства осады Оренбурга Пугачевымъ; указывалъ на Георгіевскую колокольню въ предмѣстіи, куда Пугачъ поднялъ было пушку, чтобы обстрѣливать городъ, на остатки земляныхъ работъ между Орскихъ и Сакмарскихъ воротъ, приписываемыхъ преданіемъ Пугачеву, на Зауральскую рощу, откуда воръ пытался ворваться по льду въ крѣпость, открытую съ этой стороны; говорилъ о незадолго умершемъ здѣсь священникѣ, котораго отецъ высѣкъ за то, что мальчикъ бѣгалъ на улицу собирать пятаки, коими Пугачъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ городъ вмѣсто картечи, о такъ-называемомъ секретарѣ Пугачева Сычуговѣ, въ то время еще живомъ, и о бердинскихъ старухахъ, которыя помнятъ еще «золотыя» палаты Пугача, то-есть, обитую мѣдною латунью избу.

Пушкинъ слушалъ все это—извините, если не умѣю иначе выразиться,—съ большимъ жаромъ и хохоталъ отъ души слѣдующему анекдоту: Пугачъ, ворвавшись въ Берды, гдѣ испуганный народъ собрался въ церкви и на паперти, вошелъ также въ церковь. Народъ разступался въ страхѣ, кланялся, падалъ ницъ. Принявъ важный видъ, Пугачъ прошелъ прямо въ въ алтарь, сѣлъ на церковный престолъ и сказалъ вслухъ: «Какъ я давно не сидѣлъ на престолѣ!» Въ мужицкомъ невѣжествѣ своемъ онъ воображалъ, что престолъ церковный есть царское сѣдалище. Пушкинъ назвалъ его за это свиньей и много хохоталъ...

Мы поѣхали въ Берды, бывшую столицу Пугача, который сидѣлъ тамъ — какъ мы сейчасъ видѣли — на престолѣ. Я взялъ съ собою ружье, и съ нами было еще человѣка два охотниковъ. Пора была рабочая, казаковъ ни души не было дома; но мы отыскали старуху, которая знала, видѣла и помнила Пугача. Пушкинъ разговаривалъ съ нею цѣлое утро; ему указали, гдѣ стояла изба, обращенная въ золотой дворецъ, гдѣ разбойникъ казнилъ нѣсколько вѣрныхъ долгу своему сыновъ отечества; указали на гребни, гдѣ, по преданію, лежитъ огромный кладъ Пугача, зашитый въ рубаху, засыпанный землей и покрытый трупомъ человѣческимъ, чтобы отвесть всякое подозрѣніе и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это—простая могила. Старуха спѣла также нѣсколько пѣсенъ, относившихся къ тому же предмету, и Пушкинъ далъ ей на прощанье червонецъ.

Мы уѣхали въ городъ, но червонецъ надѣлалъ большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что̀ было чужому, прі-

ѣзжему человѣку распрашивать съ такимъ жаромъ о разбойникѣ и самозванцѣ, съ именемъ котораго было связано въ томъ краю столько страшныхъ воспоминаній; но еще менѣе постигали они, за что̀ было отдать червонецъ. Дѣло показалось имъ подозрительнымъ: чтобы-де послѣ не отвѣчать за такіе разговоры, чтобы опять не дожить до грѣха да напасти! И казаки на другой же день снарядили подводу въ Оренбургъ, привезли и старуху, и роковой червонецъ и донесли: «Вчера-де пріѣзжалъ какой-то чужой господинъ, примѣтами: собой не великъ, волосъ черный, кудрявый, лицомъ смуглый, и подбивалъ подъ «пугачевщину» и дарилъ золотомъ; долженъ быть антихристъ, потому что вмѣсто ногтей на пальцахъ когти» [1]). Пушкинъ много тому смѣялся.

До пріѣзда Пушкина въ Оренбургъ я видѣлся съ нимъ всего только раза два или три; это было именно въ 1832 году, когда я, по окончаніи Турецкаго и Польскаго походовъ, пріѣхалъ въ столицу и напечаталъ первые опыты свои. Пушкинъ, по обыкновенію своему, засыпалъ меня множествомъ отрывчатыхъ замѣчаній, которыя всѣ шли къ дѣлу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что̀, казалось, у всякаго изъ насъ на умѣ вертится, только что съ языка не срывается. «Сказка сказкой», говорилъ онъ, — «а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать?.. Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!»

По пути въ Берды Пушкинъ разсказывалъ мнѣ, чѣмъ онъ занятъ теперь, что̀ еще намѣренъ и надѣется сдѣлать. Онъ усердно убѣждалъ меня написать романъ и — я передаю слова его въ его память, забывая въ это время, къ кому они относятся, — и повторялъ: «Я на вашемъ мѣстѣ сейчасъ бы написалъ романъ, сейчасъ; вы не повѣрите, какъ мнѣ хочется написать романъ, но нѣтъ, не могу: у меня начато ихъ три, — начну прекрасно, а тамъ недостаетъ терпѣнія, не слажу». Слова эти вполнѣ согласуются съ пылкимъ духомъ поэта и думнымъ творческимъ долготерпѣніемъ художника; эти два рѣдкія качества соединялись въ Пушкинѣ, какъ двѣ край-

---

[1]) Пушкинъ носилъ ногти необыкновенной длины: это была причуда его.
Примѣчаніе Даля.

ности, два полюса, которые дополняютъ другъ друга и составляютъ одно цѣлое. Онъ носился во снѣ и на яву цѣлые годы съ какимъ-нибудь созданіемъ, и когда оно дозрѣвало въ немъ, являлось передъ духомъ его уже созданнымъ вполнѣ, то изливалось пламеннымъ потокомъ въ слова и рѣчь: металлъ мгновенно стынетъ въ воздухѣ, и созданіе готово. Пушкинъ потомъ воспламенился въ полномъ смыслѣ слова, коснувшись Петра Великаго, и говорилъ, что непремѣнно, кромѣ дѣеписанія объ немъ, создастъ и художественное въ память его произведеніе: «Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ умомъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ близорукихъ, и мы стоимъ еще къ нему близко—надо отодвинуться на два вѣка,—но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться съ предметомъ и постоянно имъ заниматься; время это исправитъ. Но я сдѣлаю изъ этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сдѣлаю! Вѣдь даромъ что товарищи мои всѣ посѣдѣли да оплѣшивѣли, а я только что перебѣсился; вы не знали меня въ молодости, каковъ я былъ; я не такъ жилъ, какъ жить бы должно; бурный небосклонъ позади меня, какъ оглянусь я...»

Послѣднія слова свѣжо отдаются въ памяти моей, почти въ ушахъ, хотя этому прошло уже семь лѣтъ. Слышавъ много о Пушкинѣ, я никогда и нигдѣ не слыхалъ, какъ онъ думаетъ о себѣ и о молодости своей, оправдываетъ ли себя во всемъ, доволенъ ли собою, или нѣтъ; а теперь услышалъ я это отъ него самого, видѣлъ передъ собою не только поэта, но и человѣка. Переломъ въ жизни нашей, когда мы, проспавъ нѣсколько лѣтъ дѣтьми въ личинкѣ, сбрасываемъ съ себя кожуру и выходимъ на свѣтъ вновь родившимся, полнымъ твореніемъ, дѣлаемся изъ дѣтей людьми,—переломъ этотъ не всегда обходится безъ насилій и не всякому становится дешево. Въ человѣкѣ буднишнемъ перемѣна не велика; чѣмъ болѣе необыкновеннаго готовится въ юношѣ, чѣмъ онъ болѣе изъ ряду вонъ, тѣмъ сильнѣе порывы закованной въ желѣзныя путы души.

Мнѣ достался отъ вдовы Пушкина дорогой подарокъ: перстень его съ изумрудомъ, который онъ всегда носилъ послѣднее время и называлъ—не знаю почему—талисманомъ; досталась отъ В. А. Жуковскаго послѣдняя одежда Пушкина, послѣ которой одѣли его,

только чтобы положить въ гробъ. Это черный сюртукъ съ небольшою, въ ноготокъ, дырочкою противъ праваго паха. Надъ этимъ можно призадуматься. Сюртукъ этотъ должно бы сберечь и для потомства; не знаю еще, какъ это сдѣлать; въ частныхъ рукахъ онъ легко можетъ затеряться, а у насъ некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохраненіе [1]).

Пушкинъ, я думаю, былъ иногда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суевѣренъ; онъ говаривалъ о примѣтахъ, которыя никогда его не обманывали, и угадывая глубокимъ чувствомъ какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явленіями, въ коихъ, по видимому, нѣтъ ничего общаго, уважалъ тысячелѣтнее преданіе народа, доискивался въ немъ смыслу, будучи убѣжденъ, что смыслъ въ немъ есть и быть долженъ, если не всегда легко его разгадать. Всѣмъ близкимъ къ нему извѣстно странное происшествіе, которое спасло его отъ неминуемой большой бѣды. Пушкинъ жилъ въ 1825 году въ псковской деревнѣ, и ему запрещено было изъ нея выѣзжать. Вдругъ доходятъ до него темные и несвязные слухи о кончинѣ императора, потомъ объ отреченіи отъ престола цесаревича; подобныя событія проникаютъ молніемъ сердца каждаго, и мудрено ли, что въ смятеніи и волненіи чувствъ участіе и любопытство деревенскаго жителя неподалеку отъ столицы возросло до не одолимой степени? Пушкинъ хотѣлъ узнать положительно, сколько правды въ носящихся разнородныхъ слухахъ, что̀ дѣлается у насъ и что̀ будетъ; онъ вдругъ рѣшился выѣхать тайно изъ деревни, разчитавъ время такъ, чтобы прибыть въ Петербургъ поздно вечеромъ и потомъ черезъ сутки же возвратиться. Поѣхали; на самыхъ выѣздахъ была уже не помню какая-то дурная примѣта, замѣченная дядькою, который исполнялъ приказаніе барина своего на этотъ разъ очень неохотно. Отъѣхавъ немного отъ села, Пушкинъ сталъ уже раскаяваться въ предпріятіи этомъ, но ему совѣстно было отъ него отказаться, казалось малодушнымъ. Вдругъ дядька указываетъ съ отчаяннымъ возгласомъ на зайца, который перебѣжалъ впереди коляски дорогу; Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ дядьки, сказавъ, что, кромѣ того, позабылъ что-то нужное до̀ма, и воротился. На другой день

[1]) Я подарилъ его М. П. Погодину.

Позднѣйшее примѣчаніе Даля.

никто уже не говорилъ о поѣздкѣ въ Питеръ, и все осталось по старому. А еслибы Пушкинъ не послушался на этотъ разъ зайца, то пріѣхалъ бы въ столицу поздно вечеромъ 13-го декабря и остановился бы у одного изъ товарищей своихъ по лицею, который кончилъ жалкое и бѣдственное поприще свое на другой же день... Прошу сообразить всѣ обстоятельства эти и найти средства и доводы, которые бы могли оправдать Пушкина впослѣдствіи по крайней мѣрѣ отъ слишкомъ естественнаго обвиненія, что онъ пріѣхалъ не безъ цѣли и зналъ о преступныхъ замыслахъ своего товарища.

Пусть бы всякій сносилъ въ складчину все, что знаетъ не только о Пушкинѣ, но и о другихъ замѣчательныхъ мужахъ нашихъ. У насъ все родное теряется въ молвѣ и памяти, и внуки наши должны будутъ искать назиданія въ жизнеописаніяхъ людей не русскихъ, къ своимъ же по неволѣ охладѣютъ, потому что ознакомиться съ ними не могутъ: свои будутъ для нихъ чужими, а чужіе сдѣлаются близкими. Хорошо ли это?

Много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; иныя уже угасли и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его извѣстно на разныхъ концахъ Россіи: ихъ надо бы снести въ одно мѣсто. А. П. Брюлловъ сказалъ мнѣ однажды, говоря о Пушкинѣ: «Читая Пушкина, кажется, видишь, какъ онъ жжетъ молніею выжигу изъ обносковъ: въ одинъ ударъ тряпье въ золу, и блеститъ чистый слитокъ золота».

Было уже упомянуто, что поводомъ къ знакомству Пушкина съ Далемъ послужило появленіе въ 1832 году «перваго пятка» «Русскихъ сказокъ» казака Луганскаго. Въ этомъ сборникѣ заключались слѣдующія сказки: 1) «О Иванѣ молодомъ сержантѣ, удалой головѣ, безъ роду, безъ племени, спроста безъ прозвища»; 2) «О Шемякинскомъ судѣ и о воеводствѣ и о прочемъ; была когда-то быль, а нынѣ сказка буднишняя»; 3) «О Рогволодѣ и Могучанѣ царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ княжествѣ и княженіи»; 4) «Новинка-диковинка или невиданное чудо, неслыханное диво», и 5) «О похожденіяхъ чортопослушника, Сидора Поликарповича, на морѣ и на сушѣ, о неудачныхъ соблазнительныхъ попыткахъ его и объ

окончательной пристройкѣ его по части письменной». Изданіе этихъ «Сказокъ» произвело нѣкоторое волненіе въ обществѣ и въ литературѣ. Едва вышли онѣ въ свѣтъ, какъ Булгаринъ подалъ на автора доносъ, въ которомъ содержаніе двухъ сказокъ (именно первой и пятой) было безсовѣстно перетолковано; вслѣдствіе того Даль былъ арестованъ, и только ходатайство Жуковскаго и академика Паррота, знавшихъ автора по Дерпту, выручило его изъ бѣды [1]). Книжка была изъята изъ обращенія въ публикѣ; понятно поэтому, что журналы ни словомъ не упомянули о ней, но въ литературныхъ кружкахъ она подала поводъ къ толкамъ. По словамъ самого Даля, за «Сказки» «и похвалили, и побранили писателя, погладили по головѣ и попросили садиться, между тѣмъ какъ другіе просили его ходить и жаловать только на задній дворъ» [2]). Это послѣднее мнѣніе принадлежало, разумѣется, литературнымъ старовѣрамъ, которымъ введеніе выраженій простонароднаго языка въ изящную словесность казалось непозволительною ересью. И самому Пушкину не разъ высказывались осужденія въ томъ же смыслѣ. О мнѣніи тѣхъ, кто хвалилъ «Сказки» Даля, мы имѣемъ свидѣтельство—нѣсколько позднѣйшее—И. С. Тургенева. Въ своемъ разборѣ сочиненій Даля, напечатанномъ въ 1846 году, онъ сообщаетъ слѣдующее: «Когда... появились первыя розсказни казака Луганскаго, онѣ обратили на себя всеобщее вниманіе читателей русскимъ складомъ ума и рѣчи, изумительнымъ богатствомъ чисто русскихъ поговорокъ и оборотовъ. Нельзя было признать въ нихъ особеннаго художественнаго достоинства со стороны содержанія, но своимъ неподдѣльнымъ и свѣжимъ колоритомъ онѣ рѣзко отличались отъ пошлаго балагурства не признанныхъ народныхъ писателей» [3]). Пушкинъ, разумѣется, былъ на сторонѣ Даля; по словамъ П. И. Мельникова, онъ былъ въ восхищеніи отъ «Сказокъ» Луганскаго, подъ вліяніемъ ихъ написалъ лучшую свою сказку «О рыбакѣ и рыбкѣ» и подарилъ ее Далю въ

---

[1]) «Воспоминанія о В. И. Далѣ» П. И. Мельникова—*Русскій Вѣстникъ* 1873 г., № 3, стр. 299. Въ 1861 году «Сказки» Даля были перепечатаны въ собраніи его сочиненій.

[2]) «Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ», статья Даля въ *Москвитянинѣ* 1842 г., кн. II, стр. 549.

[3]) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, издано 1891 г., т. X, стр. 365.

рукописи, съ надписью: «Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ» [1]).

Не смотря на успѣхъ «Сказокъ», Даль находилъ, что никто не понялъ цѣли, съ какою онъ издалъ ихъ. Десять лѣтъ спустя по выходѣ ихъ въ свѣтъ онъ объяснялъ эту цѣль слѣдующимъ образомъ [2]): «Не сказки по себѣ были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода,—и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ, съ говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ. Еслибы тотъ же самый писатель вздумалъ когда-нибудь издать собраніе русскихъ сказокъ, то конечно, написалъ бы ихъ проще и незатѣйливѣе. Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь изъ благомыслящихъ людей, не искавшій въ помянутыхъ «Сказкахъ» того, о чемъ здѣсь говорится, прочелъ ихъ теперь съ особеннымъ вниманіемъ на языкъ, на духъ и складъ рѣчи и на самыя слова. Можетъ быть, это былъ бы и не совсѣмъ напрасный трудъ. Но здѣсь опять необходима оговорка, чтобы не выворотили на нашемъ братѣ тулупъ на изнанку, изъ *Луки* сдѣлали *акулу*: сказочникъ никогда не ставилъ «Сказки» свои въ примѣръ слога и языка, не говорилъ и не говоритъ, что такъ именно должно писать по русски. Нѣтъ, онъ хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ—и право, не съ казоваго конца—образчикъ *запасовъ,* о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ рано или поздно безъ нихъ не обойтись» [3]).

Дѣйствительно, читая Далевы «Сказки» 1832 года, нельзя не видѣть, вопервыхъ, что это не подлинныя народныя сказки, записанныя съ устъ народа, а собственное сочиненіе казака Луганскаго, а едва-едва намекающее на народные мотивы, и вовторыхъ, что авторъ ихъ обладалъ богатымъ знаніемъ словъ и оборотовъ народной рѣчи. Но что касается ея «склада» или слога, то очевидно, Даль имѣлъ въ этомъ отношеніи понятія очень односторонния. Складъ рѣчи въ Далевыхъ «Сказкахъ»—говоря его же словами—затѣйливъ, непростъ и даже кудрявъ. По большей части это особенная, раз-

[1]) Мельниковъ—въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1873 г., № 3, стр. 298.

[2]) Даль говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

[3]) *Москвитянинъ* 1842 г., кн. II, стр. 540 и 550.

мѣренная или риѳмованная проза, притомъ обильно приправленная поговорками, присловьями и прибаутками, проза, въ концѣ концовъ столь же искусственная, однообразная и утомительная, какъ высокопарный слогъ старинныхъ риторовъ. Замѣчательно также, что при всемъ стараніи точно соблюсти народность своей рѣчи Даль далеко не вполнѣ выдерживаетъ этотъ пріемъ: нерѣдко въ «Сказкахъ» рядомъ съ русскою формою словъ встрѣчаются славянизмы, и произошло это, по видимому, отъ того, что образцами служили автору сказки не только изъ живой устной передачи, но и изъ лубочныхъ изданій, уже усвоившихъ себѣ нѣкоторую долю книжности. Короче говоря, своими «Сказками» Даль показалъ, что онъ много наблюдалъ и изучалъ народную рѣчь, но свободно владѣть ею не умѣлъ.

Это обстоятельство не могло ускользнуть отъ вниманія такого великаго мастера русскаго языка, какимъ былъ Пушкинъ, и его необходимо имѣть въ виду, читая разсказъ Даля о томъ, что говорилъ ему Пушкинъ по поводу «Сказокъ» казака Луганскаго: не о сочиненіи Даля повелъ онъ рѣчь, не о томъ, на сколько сказочникъ умѣетъ владѣть народнымъ языкомъ, а о самомъ этомъ языкѣ, о его богатствѣ и выразительности. Даль интересовалъ Пушкина какъ собиратель сокровищъ, «запасовъ» народнаго слова, и въ этомъ направленіи поэтъ горячо поддерживалъ его, какъ и свидѣтельствуетъ о томъ самъ Даль въ своей автобіографической запискѣ, доставленной имъ Я. К. Гроту [1]).

Мы привели выше слова Даля, которыми онъ отстраняетъ отъ себя приписанное ему притязаніе дать въ «Сказкахъ» 1832 года образцы настоящаго слога для русской прозы, и думаемъ, что онъ не кривилъ душой въ этомъ случаѣ: по крайней мѣрѣ свои повѣсти и бытовые очерки онъ писалъ обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ, а тотъ особенный «складъ рѣчи», который употребленъ въ книжкѣ 1832 года, приберегалъ онъ исключительно для сказокъ [2]). Даль былъ упрямъ и не отступалъ отъ этой манеры даже въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ такого рода,—за то и критика, въ лицѣ Бѣлинскаго, постоянно преслѣдовала его за эту искусственность,

---

[1]) «Воспоминаніе о В. И. Далѣ» *Я. К. Грота*—въ *Сборникѣ II-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ*, т. X, стр. 42.

[2]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что настоящія народныя сказки, вошедшія съ записей Даля въ сборникъ А. Н. Аѳанасьева, отличаются простотой рѣчи, безъ всякихъ кудрявыхъ прикрасъ.

хотя тотъ же Бѣлинскій очень цѣнилъ и хвалилъ бытовые очерки и разсказы казака Луганскаго—не только за содержаніе, но и за изложеніе. Что же касается Пушкина, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ вовсе не былъ расположенъ къ коренной и притомъ искусственной перестройкѣ русскаго литературнаго языка; еще въ 1825 году, говоря объ его историческомъ развитіи, онъ выразился слѣдующими словами: «Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго, но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей» [1]). Онъ впрочемъ не отрицалъ, что языкъ нашей прозы еще не выработанъ; но постепенное, а не насильственное сближеніе книжной рѣчи съ народною всегда оставалось его твердымъ убѣжденіемъ; это же убѣжденіе, какъ основанное не на отвлеченномъ принципѣ, а на здравомъ смыслѣ и живомъ художественномъ чувствѣ, унаслѣдовали отъ геніальнаго поэта лучшіе писатели послѣпушкинскаго періода: напомнимъ Тургенева [2]).

Послѣ всего сказаннаго считаемъ себя въ правѣ не согласиться съ мнѣніемъ Далева біографа Мельникова о томъ, что сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ» написана подъ вліяніемъ перваго пятка «Сказокъ» казака Луганскаго. Можно только предположить, что отъ Даля Пушкинъ получилъ матеріалъ для своей сказки. Но еще раньше знакомства съ Далемъ и съ его сборникомъ Пушкинъ сталъ перекла-

[1]) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 27.

[2]) Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ силы и средства русскаго языка. Такой же отзывъ находимъ у Тургенева въ его обращеніи къ молодымъ писателямъ: „Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, преданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ... Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи творить чудеса!“ (Сочиненія Тургенева, изд. 1891 г., т. X, стр. 113). Авторъ «Записокъ Охотника» является достойнымъ ученикомъ автора „Онѣгина“ въ художественномъ умѣньи пользоваться народною рѣчью для литературнаго языка. Замѣчательно между прочимъ, что эстетическое чувство, столь тонкое у Бѣлинскаго, измѣнило ему въ оцѣнкѣ этого искусства Тургенева: въ письмѣ къ П. В. Анненкову, 1847 года, Бѣлинскій, по поводу первыхъ очерковъ изъ „Записокъ Охотника“, замѣчалъ, что авторъ ихъ «пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово *зеленя*, которое также безсмысленно, какъ *мясня* и *хлѣбена* вмѣсто мяса и хлѣба“ (П. В. Анненковъ и его друзья. I. С.-Пб. 1892, стр. 610). Позднѣйшая критика отвергла этотъ строгій приговоръ (ср. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, *А. Н. Пыпина*, т. II, стр. 324).

дывать въ стихи народныя сказки, слышанныя имъ отъ своей няни; затѣмъ попалась ему въ руки книга Мериме съ псевдо-сербскими пѣснями и тоже дала матеріалъ для нѣсколькихъ переложеній, но рядомъ съ нею Пушкинъ пользовался сборникомъ и настоящихъ сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича. Разнообразя въ этихъ опытахъ характеръ и тонъ изложенія и самый размѣръ, поэтъ, очевидно, искалъ наиболѣе подходящей формы для подобныхъ произведеній въ духѣ народнаго творчества. Сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ» была однимъ изъ такихъ опытовъ, и безъ сомнѣнія, самымъ счастливымъ. Извѣстно, что Пушкинъ первоначально предполагалъ включить эту сказку въ составъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» [1]); она и сложена тѣмъ же сербскимъ эпическимъ размѣромъ, который онъ употребилъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ. Простота рѣчи, какъ и вымысла, въ этомъ превосходномъ произведеніи не встрѣчаетъ ничего подобнаго себѣ въ «Сказкахъ» казака Луганскаго. Итакъ, не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что подарокъ, сдѣланный Пушкинымъ Далю, заключалъ въ себѣ нѣкоторый косвенный урокъ ему или, по крайней мѣрѣ, наглядный примѣръ того, какъ слѣдуетъ пересказывать народныя сказки? Даль, къ сожалѣнію, не воспользовался этимъ урокомъ и не освободился отъ своихъ искусственныхъ пріемовъ изложенія даже тогда, когда вздумалъ написать сказку «О Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ», содержаніе которой было сообщено ему Пушкинымъ [2]).

Когда, черезъ годъ послѣ своихъ петербургскихъ бесѣдъ съ авторомъ «Русскихъ сказокъ», Пушкинъ встрѣтился съ нимъ во время поѣздки въ восточную Россію, то имѣлъ случай узнать и оцѣнить Даля съ новой стороны—на поприщѣ непосредственныхъ сношеній съ народомъ и собиранія живой народной старины. Какъ видно изъ разсказа Даля, онъ неразлучно провелъ съ Пушкинымъ тѣ пять дней, которые поэтъ прожилъ въ Оренбургѣ—съ 18-го по 23-е сентября [3]). Собираясь писать «Исторію Пугачевскаго бунта», Пушкинъ желалъ прислушаться къ мѣстнымъ преданіямъ и народнымъ разсказамъ о Пугачевщинѣ. Онъ хорошо зналъ, что народныя преданія драгоцѣнны и незамѣнимы для историка, потому что даютъ его разсказу печать живой современности, но не забывалъ также,

[1]) Сочиненія Пушкина, т. III, стр. 514, примѣчаніе.
[2]) Сочиненія Даля, изданіе 1861 г., ч. IV, стр. 311.
[3]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326, 327.

что они требуютъ строгой повѣрки и осмотрительности [1]); поэтому, собственно въ «Исторіи» онъ пользовался ими умѣренно: изъ преданій, сообщенныхъ Далемъ или при его посредствѣ, онъ внесъ въ нее только одно—о пушкѣ, поднятой на колокольню въ предмѣстьи Оренбурга, для обстрѣливанія города [2]). За то народныя воспоминанія о Пугачевской смутѣ, которыхъ Пушкинъ собралъ во время своей поѣздки немало, отразились очень ярко въ «Капитанской дочкѣ».

Съ особенною силой эти воспоминанія охватили поэта, когда онъ посѣтилъ Бердскую слободу и нашелъ здѣсь живыхъ свидѣтельницъ дикаго бунта. Объ одной изъ нихъ онъ писалъ тогда же своей женѣ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ шесть мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-ти-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виноватъ, и про тебя не подумалъ» [3]). Разсказы о былыхъ ужасахъ, услышанные на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они совершались, могущественнымъ образомъ подѣйствовали на воображеніе Пушкина: въ «Исторіи» онъ пріурочиваетъ къ Бердской слободѣ изображеніе внутренняго состоянія пугачевскихъ скопищъ, а въ повѣсти цѣлая глава, подъ названіемъ «Мятежная слобода», рисуетъ рядъ яркихъ картинъ этого быта; тутъ, между прочимъ, упоминается о золотыхъ палатахъ Пугачева, про которыя разсказывала Пушкину бердская казачка. Въ эпиграфахъ къ нѣкоторымъ главамъ повѣсти и въ ея текстѣ авторъ помѣстилъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ — быть можетъ, изъ числа тѣхъ, которыя пѣла ему та же бердская его знакомка [4]). Въ главѣ восьмой, гдѣ описанъ военный

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VI, стр. 207.

[2]) Тамъ же, стр. 20. Кромѣ того, въ 22-мъ примѣчаніи къ „Исторіи" приведенъ отрывокъ изъ одной солдатской пѣсни записанной Пушкинымъ во время поѣздки на Уралъ.

[3]) Тамъ же, т. VII, стр. 327.

[4]) По разсказу Даля, старуха пѣла пѣсни, относившіяся до Пугачевщины. Должно однако замѣтить, что въ народѣ сохранилось мало пѣсенъ касательно этого событія: въ 9-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго помѣщено всего восемь пѣсенъ, имѣющихъ отношеніе къ Пугачевскому бунту и связаннымъ съ нимъ событіямъ, да еще одна пѣсня сообщена М. Л. Михайловымъ въ его «Уральскихъ очеркахъ» (*Морской Сборникъ* 1859 г., № 9). Изъ пѣсенъ, находящихся въ сборникѣ Кирѣевскаго, только двѣ записаны въ Оренбургскомъ краѣ, и въ томъ числѣ одна—Далемъ. Поэтому можно думать, что бердская старуха пѣла Пушкину вообще казацкія пѣсни, а не только изъ временъ Пугачевщины.

совѣтъ у Пугачева и слѣдовавшая за нимъ попойка, приводится «заунывная бурлацкая пѣсня», которую на прощанье передъ сномъ затянули пировавшіе, и вслѣдъ затѣмъ разсказчикъ—герой повѣсти—прибавляетъ: «Не возможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ,—все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ». Въ этихъ словахъ Гринева легко угадать собственное настроеніе поэта въ ту пору, когда народныя воспоминанія переносили его воображеніе ко временамъ и въ обстановку Пугачевской смуты.

Разсказъ Даля прекрасно передаетъ живость и силу впечатлѣній, пережитыхъ Пушкинымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходило народное волненіе; отъ вниманія наблюдательнаго собесѣдника не ускользнуло и то, что эти впечатлѣнія претворялись уже въ душѣ Пушкина въ поэтическіе образы. Едва пріѣхавъ въ Оренбургъ, онъ писалъ своей женѣ: «Ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ — я и въ коласкѣ сочиняю, что̀ жь будетъ въ постелѣ?» [1]) Извѣстно, что сюжетъ «Капитанской дочки» взятъ Пушкинымъ изъ анекдота, который былъ ему разсказанъ въ Оренбургскомъ краѣ [2]). Въ бесѣдахъ съ Далемъ поэтъ совѣтовалъ ему приняться за романъ и сознался, что самъ занятъ такою же задачей, что у него начато цѣлыхъ три романа. Дѣйствительно, къ 1831 и 1832 годамъ относится рядъ его набросковъ повѣствовательнаго содержанія, а два года спустя послѣ этого разговора, онъ набросалъ программу «Русскаго Пелама», большаго романа, въ которомъ должна была развернуться картина русскаго общества двадцатыхъ годовъ. Но всѣ эти замыслы не было суждено Пушкину выполнить, какъ не осуществилъ онъ и другого своего намѣренія—написать исторію Петра Великаго.

Въ высшей степени любопытно въ разсказѣ Даля то, что̀ Пушкинъ говорилъ ему о Петрѣ. Подготовительными работами для его исторіи Пушкинъ сталъ заниматься съ 1831 года и не покидалъ ихъ почти до самой смерти. Но едва ли можно утвердительно сказать, чтобы задуманный имъ историческій трудъ былъ непремѣнно доведенъ до конца, еслибы даже судьба продлила дни автора. Вѣрно

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326. Пушкинъ любилъ писать, лежа въ постелѣ.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 275.

лишь то, что Пушкинъ много размышлялъ о значеніи и характерѣ Петровскаго переворота, и что онъ старался постигнуть во всей полнотѣ личность великаго преобразователя; а еще вѣрнѣе, что рядомъ съ выясненіемъ исторической задачи въ немъ развивалась потребность художественной обработки того же предмета. Первыя замѣчанія о личности и дѣлѣ Петра были набросаны Пушкинымъ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, и вскорѣ затѣмъ явились у него первыя попытки поэтически изобразить геніальную личность — въ главахъ не оконченнаго романа объ арапѣ Ганнибалѣ, въ извѣстныхъ «Стансахъ». Попытки эти продолжались и позже, въ періодъ архивныхъ разысканій; но чѣмъ болѣе расширялся кругъ историческихъ свѣдѣній Пушкина, тѣмъ менѣе удовлетворялся онъ своимъ прежнимъ представленіемъ о царѣ Петрѣ, въ которомъ живой человѣкъ, со всею его геніальностью и пороками, еще заслонялся условными чертами обычной апоѳеозы. Это смутное состояніе мысли Пушкина отразилось на словахъ о Петрѣ, сказанныхъ имъ Далю. Но прозрѣніе художника опережало въ немъ кропотливость изслѣдователя, и изъ той же бесѣды Даль сохранилъ драгоцѣнное свидѣтельство, что у Пушкина возникла уже мысль о большомъ поэтическомъ произведеніи, въ которомъ Петръ явился бы въ цѣльномъ образѣ. Припоминая совершенно черновой характеръ всего того, что̀ осталось отъ исторической работы Пушкина надъ Петромъ, только этимъ свидѣтельствомъ можно объяснить слѣдующія слова поэта въ его письмѣ къ женѣ, писанномъ въ маѣ 1834 года: «Ты спрашиваешь меня о «Петрѣ»? Идетъ по маленьку; скопляю матеріалы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ» [1]. Конечно, ближайшій смыслъ этихъ словъ имѣетъ въ виду только предпринятый Пушкинымъ историческій трудъ, но смыслъ болѣе глубокій, внутренній мѣтитъ, безъ сомнѣнія, на творческое созданіе. Какъ изъ разысканій о Пугачевщинѣ возникла не только «Исторія» бунта, но и «Капитанская дочка», такъ историческое изученіе «крутого и кроваваго переворота, произведеннаго мощнымъ самодержавіемъ Петра» [2]), быть можетъ, вдохновило бы Пушкина на созда-

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 351.

[2]) Слова Пушкина, сказанныя въ 1834 году (Сочиненія, т. V, стр. 250).

ніе поэтической картины той эпохи въ формѣ романа или драмы, съ личностью самого преобразователя на первомъ планѣ и съ яркимъ изображеніемъ тѣхъ противорѣчій и борьбы, какія представляла русская жизнь Петрова времени.

П. В. Анненковъ, въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», замѣтилъ, что черновая подготовка матеріаловъ для творческаго созданія длилась у великаго поэта иногда очень долго, пока наконецъ счастливый порывъ вдохновенія не обращалъ ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства. Это глубокое сочетаніе размышленія и вдохновенія Анненковъ подмѣтилъ, изучая рукописи Пушкина. Изъ воспоминаній Даля видно, что онъ путемъ живого наблюденія пришелъ къ тому же заключенію. Тонкое замѣчаніе Даля свидѣтельствуетъ, что онъ не только питалъ глубокое уваженіе къ Пушкину, но и прекрасно понималъ его геніальную природу; поэтому-то онъ и желалъ, чтобы обстоятельства жизни Пушкина были изучены подробно, и чтобы свѣдѣнія о нихъ были тщательно собраны прежде, чѣмъ они изгладятся изъ памяти людей, близкихъ къ поэту. Оттого къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о немъ Даль присоединилъ нѣсколько чужихъ разсказовъ—о суевѣріи Пушкина, объ его попыткѣ выѣхать изъ деревни при первомъ извѣстіи о кончинѣ императора Александра. Любопытно также, что Даль въ своихъ воспоминаніяхъ обратилъ вниманіе на непрерывно совершавшееся развитіе Пушкина, на то, какъ поэтъ на четвертомъ десяткѣ своей жизни судилъ самъ о годахъ своей молодости. Существуетъ мнѣніе, что Пушкинъ не только сложился вполнѣ въ Александровскую эпоху, но и впослѣдствіи неизмѣнно оставался представителемъ того времени. Если вообще справедливо, что обстоятельства молодыхъ лѣтъ образуютъ основу характера въ каждомъ человѣкѣ, и если это, конечно, должно быть примѣнено и къ Пушкину, то съ другой стороны, совершенство его поэтическихъ созданій, написанныхъ въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни, должно служить доказательствомъ, что пора полнаго разцвѣта и зрѣлости наступила для Пушкина именно въ эти позднѣйшіе годы. Такъ смотрѣлъ на себя и самъ великій художникъ, и потому тѣ слова осужденія, съ которыми онъ отнесся о своей молодости въ дружеской бесѣдѣ съ Далемъ за четыре года до своей смерти, должны обратить на себя вниманіе его біографовъ.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ПУШКИНА «ТУЧА» и «АКВИЛОНЪ».

Стихотвореніе «Туча»—одно изъ самыхъ общеизвѣстныхъ произведеній Пушкина; оно помѣщается во всѣхъ хрестоматіяхъ, школьники выучиваютъ его наизусть, и учителя пытаются растолковать имъ смыслъ этой небольшой піесы. Въ русской литературѣ она имѣетъ свою исторію, не лишенную своеобразнаго интереса.

«Туча» написана Пушкинымъ въ 1835 году и тогда же была напечатана въ *Московскомъ Наблюдателѣ* (№ 3), который издавался въ ту пору В. П. Андросовымъ при ближайшемъ сотрудничествѣ С. П. Шевырева. Отсюда стихотвореніе перешло въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина и безъ измѣненій повторено всѣми послѣдующими изданіями.

Первый извѣстный намъ критическій отзывъ о «Тучѣ» принадлежитъ Бѣлинскому. Въ своей извѣстной статьѣ «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», написанной въ 1841 году, Бѣлинскій привелъ «Тучу» въ примѣръ чисто лирическаго произведенія и не обинуясь назвалъ эту піесу «великимъ созданіемъ искусства», а немного лѣтъ спустя, въ 1844 году (въ пятой статьѣ о Пушкинѣ), опредѣлилъ ее какъ образецъ «живописи въ поэзіи».

Въ 1847 году мы встрѣчаемся съ новымъ отзывомъ о «Тучѣ», принадлежащимъ А. П. Милюкову. Въ своемъ «Очеркѣ исторіи русской поэзіи», говоря о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, онъ неоднократно проводитъ параллель между ними, при чемъ нѣсколько отрицательно относится къ позднѣйшимъ произведеніямъ Пушкина, признавая за ними достоинство не по внутреннему содержанію, а только «по искусству», между тѣмъ какъ предъ Лермонтовымъ онъ преклоняется почти безусловно. «Въ Пушкинѣ», говоритъ г. Милюковъ,—

«сочувствіе къ общественнымъ интересамъ выражалось только въ одинъ (молодой) періодъ его жизни, и то неполно, не съ твердымъ убѣжденіемъ; у Лермонтова оно проявлялось въ бо̀льшихъ размѣрахъ, но было проникнуто отчаяніемъ въ успѣхѣ вліянія на общество и охлажденіемъ къ жизни вслѣдствіе безсильной борьбы». Въ связи съ такою общею точкою зрѣнія г. Милюкова находится и слѣдующее его заключеніе: «Пушкинъ былъ поэтъ по преимуществу объективный и всегда почти скрывался за своими созданіями; Лермонтовъ былъ поэтомъ субъективнымъ и въ каждомъ произведеніи выражалъ черты собственнаго характера. Сравните, напримѣръ, «Тучу» Пушкина съ «Тучами» Лермонтова: въ одной вы увидите только прекрасную художественную картинку, въ другихъ—минуту изъ жизни самого поэта».

Не будемъ касаться различныхъ эстетическихъ и историческихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ этою параллелью; но позволимъ себѣ замѣтить, что рѣшеніе г. Милюкова не отличается отчетливостью. Если въ піесѣ Лермонтова онъ угадалъ отраженіе впечатлѣній личной жизни поэта, то почему же не пожелалъ онъ допустить отраженія такихъ же впечатлѣній и въ стихотвореніи Пушкина? Безотчетное рѣшеніе г. Милюкова не подтверждается историческими справками, и въ оправданіе автора «Очерка» можно только сказать, что онъ не могъ ихъ сдѣлать.

«Тучи» Лермонтова написаны вскорѣ по отъѣздѣ поэта, въ концѣ апрѣля 1840 года, изъ Петербурга на Кавказъ, куда онъ былъ переведенъ на службу за дуэль съ Барантомъ. Въ біографіи Пушкина найдется аналогическій фактъ, объясняющій происхожденіе его «Тучи». Вотъ что̀ читаемъ мы въ одной изъ статей В. П. Гаевскаго [1]: «Въ 1834 году Пушкинъ писалъ женѣ изъ Петербурга въ Москву о семейныхъ дѣлахъ. Письмо было, по обыкновенію, распечатано на почтѣ и по̀ совпаденію именъ послужило поводомъ къ новымъ подозрѣніямъ и непріятностямъ. Потребовалось объясненіе, но обвиненія были такъ нелѣпы, что разсѣялись немедленно. Эта набѣжавшая тучка дала мысль для прелестнаго стихотворенія:

Послѣдняя туча разсѣянной бури...»

---

[1]) «О вліяніи лицея на творчество Пушкина» въ изданной Александровскимъ лицеемъ брошюрѣ: Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. С.-Петербургъ. 1887.

Мы не знаемъ подробностей происшествія, о которомъ Гаевскій впервые сообщилъ въ печати; но въ письмахъ Пушкина къ женѣ, относящихся къ 1834 году, есть дѣйствительно рѣзкіе намеки на вскрытіе его корреспонденціи; слѣдовательно, основа сообщеннаго факта не можетъ подлежать сомнѣнію.

«По видимому», заключаетъ Гаевскій свой разсказъ,—«между послѣдствіями письма и стихотвореніемъ не существуетъ никакой внутренней связи, но въ подобныхъ необъяснимыхъ процессахъ мысли и заключается непроницаемая тайна художественнаго творчества». Замѣчаніе совершенно вѣрное: созданію обоихъ стихотвореній, какъ Пушкина, такъ и Лермонтова, предшествовали грубые реальные факты, отразившіеся въ ихъ душѣ, и это отраженіе претворено ихъ фантазіей въ поэтическіе образы. Наша критика не разъ пыталась объяснить этотъ творческій процессъ именно въ примѣненіи къ тому стихотворенію Пушкина, о которомъ идетъ рѣчь. Такъ, Бѣлинскій въ упомянутой выше статьѣ 1841 года писалъ: «Въ лирическомъ произведеніи, какъ и во всякомъ произведеніи поэзіи, мысль выговаривается словомъ; но эта мысль скрывается за ощущеніемъ и возбуждаетъ въ насъ созерцаніе, которое трудно перевести на ясный и опредѣленный языкъ сознанія. И это тѣмъ труднѣе, что чисто лирическое произведеніе представляетъ собою какъ бы картину, между тѣмъ какъ въ немъ главное дѣло не самая картина, а чувство, которое она возбуждаетъ въ насъ... Такова, напримѣръ, лирическая піеса Пушкина: «Туча». Сколько есть людей на бѣломъ свѣтѣ, которые, прочтя эту піесу и не найдя въ ней нравственныхъ апоѳегмъ и философскихъ афоризмовъ, скажутъ: «Да что тутъ такого? Препустенькая піеска!» Но тѣ, въ душѣ которыхъ находятъ свой отзывъ бури природы, кому понятнымъ языкомъ говоритъ «таинственный громъ», и кому «послѣдняя туча разсѣянной бури», которая одна печалитъ ликующій день, тяжела, какъ грустная мысль при общей радости,—тѣ увидятъ въ этомъ маленькомъ стихотвореніи великое созданіе искусства». Нельзя однако сказать, чтобъ эта попытка существенно подвигала дѣло истолкованія піесы. Бѣлинскій справедливъ лишь въ томъ отношеніи, что за нарисованною поэтомъ картиной онъ подмѣтилъ присутствіе чувства, но его характера онъ не угадалъ.

Глубже и полнѣе Бѣлинскаго понялъ и живописную красоту стихотворенія, и его внутренній смыслъ Фетъ. Въ своей статьѣ о по-

эзіи Тютчева[1]) онъ касается, между прочимъ, вопроса о взаимномъ отношеніи образа и мысли въ поэтическомъ произведеніи. По мнѣнію Фета, мѣсто, занимаемое ими въ перспективѣ произведенія, зависитъ отъ «устройства души» художника и отъ его настроенія въ данный моментъ: у одного поэта мысль выдвигается на первый планъ, у другого непосредственно за образомъ носится чувство, и лишь за нимъ свѣтится мысль. «Въ иныхъ художественныхъ произведеніяхъ», продолжаетъ Фетъ,—«мысль такъ тонка и до того сливается съ чувствомъ, что, даже написавши много, трудно высказать ее ясно, что однако нисколько не вредитъ богатству содержанія и достоинству цѣлаго. Вспомните «Тучу» Пушкина. Кто не видитъ чудной замкнутости этого образа, не чувствуетъ свѣжести, которою онъ вѣетъ, и не подозрѣваетъ *мысли о просвѣтлѣніи*, тому я ничего не могу сказать. Нельзя, безумно желать болѣе роскошнаго содержанія».

Если послѣ этихъ разсужденій мы возвратимся къ тому факту грубой дѣйствительности, который, какъ говорятъ, послужилъ основнымъ мотивомъ стихотворенію и, разумѣется, не былъ извѣстенъ Фету, то должны будемъ признать, что поэтъ-толкователь чутко угадалъ сокровенную мысль поэта, автора «Тучи»: объясненіе Фета вполнѣ совпадаетъ съ разсказомъ Гаевскаго.

Еще въ 1824 году, живя въ своемъ Михайловскомъ, Пушкинъ написалъ стихотвореніе, сходное съ «Тучей» по содержанію; но въ печати оно появилось лишь въ январѣ 1837 года, въ первомъ нумерѣ *Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду*, только что перешедшихъ тогда подъ редакцію А. А. Краевскаго. Пушкинъ далъ эту піесу «на зубокъ» обновленному изданію, извлекши ее изъ старыхъ запасовъ и, очевидно, не желая дѣлиться произведеніями болѣе значительными, такъ какъ самъ въ это время предпринялъ изданіе *Современника*. Впрочемъ, въ «Аквилонѣ» находилось нѣсколько измѣненій, сдѣланныхъ авторомъ осенью 1830 года, во время пребыванія Пушкина въ Болдинѣ.

Сравненіе между двумя стихотвореніями сдѣлано Л. И. Поливановымъ [2]). По его мнѣнію, «Аквилонъ» отличается отъ «Тучи» «образомъ надменнаго дуба, низвергнутаго промчавшеюся грозою. И здѣсь призывается покой и радостный блескъ природы. Но слѣды

---

[1]) *Русское Слово* 1859 г., кн. 2.

[2]) Сочиненія Пушкина. Изданіе *Поливанова*, т. I, стр. 161.

бури здѣсь изображены болѣе сильными красками: они представлены какъ остатки гнѣва природы, который послѣ истребленія гордеца представляется поэту уже безцѣльнымъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что основный мотивъ «Аквилона», какъ и «Тучи», слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ личной жизни поэта. Извѣстно, какъ сильно роптал онъ на свою ссылку въ деревню изъ Одессы, послѣдовавшую по распоряженію изъ Петербурга; стихотвореніе составляетъ какъ бы обращеніе къ императору Александру, при чемъ подъ тростникомъ, клонимымъ долу, поэтъ разумѣетъ самого себя, а подъ дубомъ—Наполеона, побѣжденнаго Русскимъ царемъ. Покоя, который призывается въ послѣдней строфѣ, нѣтъ еще ни въ природѣ, ни въ душѣ поэта: онѣ еще полны тревоги. Таково именно было чувство, которое Пушкинъ переживалъ въ первое время по своемъ прибытіи въ Михайловское:

Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила;
Я былъ ожесточенъ...

Такъ говорилъ поэтъ о той порѣ своей жизни впослѣдствіи, а вотъ что писалъ онъ своему брату изъ деревни въ октябрѣ 1824 года: «Я не прошу отъ правительства полумилостей: это было бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и несправедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его».

Принимая во вниманіе такой смыслъ «Аквилона», можно объяснить себѣ, почему это стихотвореніе такъ долго оставалось не напечатаннымъ. Даже когда оно появилось наконецъ въ печати въ январѣ 1837 года, С. С. Уваровъ выразилъ свое неудовольствіе по этому поводу и сказалъ предсѣдателю цензурнаго комитета: «Развѣ господинъ Краевскій не знаетъ, что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полиціи, какъ человѣкъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношеніе съ людьми столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ» [1]).

---

[1]) *Русская Старина* 1880 г., т. XXVIII, стр. 538. Приведенный выше от-

Такимъ образомъ, «Аквилонъ» и «Туча» возникли подъ различными впечатлѣніями: въ первомъ нѣтъ той твердой увѣренности въ просвѣтлѣніи, которая такъ ясно выступаетъ въ послѣднихъ стихахъ второй. Кромѣ того, между двумя стихотвореніями есть различіе и въ самыхъ пріемахъ поэта рисовать картину природы: въ «Аквилонѣ» буря изображена дѣйствительно болѣе рѣзкими чертами, чѣмъ въ «Тучѣ»; но въ послѣдней изображеніе ярче, хотя въ то же время отличается поразительною простотой рѣчи. Въ этомъ отношеніи «Туча» представляется однимъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ позднѣйшей поэтической манеры Пушкина.

Ни «Аквилонъ», ни «Туча» не сохранилась въ черновыхъ записяхъ Пушкина; даже упомянутые выше первоначальные варіанты къ первому извѣстны лишь по свидѣтельству Анненкова, еще видѣвшаго ихъ въ рукописи, намъ уже неизвѣстной. Одинъ изъ этихъ варіантовъ заслуживаетъ однако особаго вниманія; два первые стиха второй строфы читались сперва такъ:

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба *мрачно облегался*.

Въ 1830 году послѣднія слова были замѣнены слѣдующими: «глухо облекался». Но въ «Тучѣ» Пушкинъ возвратился къ первоначальному образу, и тутъ мы находимъ такой стихъ:

Ты небо недавно кругомъ *облегала*.

Подобные случаи пользованія своимъ собственнымъ старымъ добромъ нерѣдки у Пушкина и свидѣтельствуютъ о томъ, какъ долго хранились въ его памяти однажды созданные имъ образы.

Что касается «Тучи», то въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ числѣ автографовъ Пушкина, хранится листокъ, на которомъ онъ переписалъ набѣло это стихотвореніе; листокъ вышелъ изъ его рукъ уже безъ малѣйшихъ помарокъ, и притомъ два послѣдніе стиха послѣдней строфы читаются здѣсь въ такомъ видѣ:

И вѣтеръ, *колебля вершины* древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

рывокъ изъ письма Пушкина сообщенъ здѣсь по рукописи; до сихъ поръ онъ печатался съ грубымъ искаженіемъ смысла.

Но на этомъ же листкѣ слова «колебля вершины» зачеркнуты, и надъ ними чужою рукой надписано: «лаская листочки»,—какъ и напечатано во всѣхъ изданіяхъ.

При первомъ взглядѣ на упомянутый листокъ мы не могли не обратить вниманія на прекрасное первоначальное чтеніе: «колебля вершины»; нѣсколько лицъ, умѣющихъ цѣнить красоту поэтическаго выраженія, ознакомившись съ этимъ варіантомъ, подтвердили, что наше впечатлѣніе насъ не обманываетъ. Все это заставило насъ усумниться въ принадлежности Пушкину той поправки, которая замѣнила указанный варіантъ въ печатномъ текстѣ. Но вскорѣ намъ пришлось разубѣдиться въ возникшемъ сомнѣніи. Въ поступившихъ въ 1889 году въ Библіотеку бумагахъ А. А. Краевскаго нашлась записка къ нему Пушкина слѣдующаго содержанія:

«Не писалъ я ничего братіи московской. Но сдѣлайте милость: поправьте предпослѣдній стихъ въ «Тучѣ»:

И вѣтеръ, *лаская листочки* древесъ...»

Итакъ, поправка исходитъ несомнѣнно отъ самого Пушкина, а внесена она въ его автографъ рукою Краевскаго. Разумѣется, ее и слѣдуетъ считать за окончательную. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ: почему вздумалось поэту сдѣлать такое исправленіе? Вопросъ тѣмъ болѣе любопытный, что о достоинствѣ поправки могутъ быть различныя мнѣнія. Единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ заключаться въ томъ, что слова «лаская листочки» представляютъ образъ болѣе спокойный, болѣе умѣстный въ картинѣ прекращающейся бури, чѣмъ тотъ, какой рисуется словами: «колебля вершины».

Въ этой поправкѣ нельзя не видѣть той изумительной внимательности, съ какою великій поэтъ отдѣлывалъ свои произведенія, и какъ заботливо онъ устранялъ изъ нихъ даже мелкія черты, прекрасныя сами по себѣ, но нарушавшія общую гармонію поэтической картины. Чѣмъ болѣе изучается Пушкинъ, тѣмъ обильнѣе и плодотворнѣе оказываются уроки, завѣщанные имъ писателямъ послѣдующихъ поколѣній.

ПАМЯТИ П. А. ПЛЕТНЕВА [1].

10-го августа 1892 года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Петра Александровича Плетнева. Онъ принадлежалъ къ составу второго отдѣленія Академіи Наукъ со времени его образованія въ 1841 году и скончался 29-го декабря 1865 года. Почтить его память въ день присужденія Пушкинскихъ премій тѣмъ умѣстнѣе, что дѣятельность Плетнева относится главнымъ образомъ къ тому блестящему періоду нашей литературы, который освященъ именемъ великаго русскаго поэта.

Плетневъ происходилъ изъ духовнаго званія и получилъ образованіе сперва въ Тверской семинаріи, а потомъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Служебная дѣятельность его была исключительно педагогическая: онъ былъ учителемъ русскаго языка и словесности въ женскихъ институтахъ и кадетскихъ корпусахъ и профессоромъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; кромѣ того, онъ преподавалъ тѣ же предметы наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу и другимъ особамъ Царскаго дома. На литературное поприще онъ выступилъ стихотворными опытами, а затѣмъ обратился къ трудамъ по литературной критикѣ и исторіи новой русской словесности.

Личность Плетнева не поражаетъ блескомъ необыкновенныхъ дарованій: онъ не былъ вдохновеннымъ поэтомъ, а въ наукѣ не проложилъ новыхъ путей глубокомысленными изысканіями. Онъ просто былъ человѣкъ яснаго и трезваго ума, обладавшій хорошимъ образованіемъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Образованіе онъ

---

[1]) Читано въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1892 года, въ день восьмого присужденія Пушкинскихъ премій.

пріобрѣлъ не столько на школьной скамьѣ, сколько постояннымъ и разностороннимъ чтеніемъ; вкусъ свой онъ развилъ главнымъ образомъ среди тѣхъ даровитыхъ писателей, которыхъ былъ современникомъ. Критика его не служила оправданіемъ извѣстнаго эстетическаго ученія и вообще не опиралась на философскую основу. «Теорія у меня», говорилъ онъ,—«не занятая, не изученная, а явившаяся въ умѣ отъ наблюденій, отъ разговоровъ, отъ вниманія къ дѣламъ и ихъ слѣдствіямъ». Критика Плетнева служила только отраженіемъ тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя воспринимала его душа при изученіи творческихъ созданій. Эта живая чуткость его къ произведеніямъ поэзіи имѣла особую цѣну въ глазахъ художниковъ слова, и они дорожили спокойными, мѣткими сужденіями Плетнева. «У васъ», писалъ ему Гоголь,—«много внутренняго, глубоко эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства».

Искренняя, глубокая любовь къ литературѣ соединялась у Плетнева съ благодушіемъ и ровностью личнаго характера, съ дружественною простотой его обращенія. Очень рано сблизился онъ съ лучшими представителями русской литературы своего времени и былъ оцѣненъ въ ихъ средѣ по достоинству. Онъ зналъ Карамзина въ послѣдніе годы его жизни; онъ пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Крылова и князя Вяземскаго, а къ Гнѣдичу, Дельвигу и Баратынскому находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Жуковскому, Пушкину и Гоголю онъ былъ вѣрнымъ и надежнымъ другомъ, всегда готовымъ на одолженіе и помощь. Въ извѣстныхъ стихахъ Пушкина прекрасно выражено то, чего всѣ близкіе къ Плетневу люди не могли не признать въ немъ—

души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты.

Тургеневъ (И. С.) находилъ нѣсколько неяснымъ значеніе второго изъ приведенныхъ стиховъ, но онъ же прибавлялъ, что стихъ этотъ «въ самой своей неясности вѣрно характеризуетъ то нѣчто, неопредѣленное, но хорошее и благородное, которое многіе лучшіе люди того времени носили въ своихъ сердцахъ». Подъ святою мечтою, оче-

видно, слѣдуетъ разумѣть то идеальное созерцаніе жизни, ту вѣру въ человѣчество и въ будущее, которыя были присущи Плетневу. Эту высокую черту его нравственнаго характера справедливо указалъ одинъ изъ его немногихъ друзей, нынѣ здравствующій [1]). «Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія», говоритъ тотъ же почтенный другъ Плетнева,—«облегчилъ ему стремленіе къ самоусовершенствованію, которое было главною цѣлью его жизни». Столь же вѣрный идеалу добра и истины, какъ любви къ прекрасному, Плетневъ выработалъ себѣ характеръ, въ которомъ благодушіе не исключало твердости и независимости. «Ни для какихъ благъ въ мірѣ»—скажемъ еще словами Я. К. Грота—«онъ не приносилъ въ жертву своихъ убѣжденій и правилъ; для внѣшняго успѣха онъ никогда не позволялъ себѣ ни искательства, ни преклоненія; вообще всякое униженіе своего достоинства было ему ненавистно».

Цѣльность нравственнаго характера Плетнева объясняетъ многое въ его литературной дѣятельности. Положительныя, отрадныя явленія въ литературѣ всегда больше привлекали его вниманіе, чѣмъ отрицательныя, дурныя. «Братъ Плетневъ, не пиши *добрыхъ* критикъ! Будь зубастъ и бойся приторности!» писалъ ему Пушкинъ въ 1825 году, когда Плетневъ еще занимался разборомъ текущихъ явленій словесности. Но Плетневъ не въ состояніи былъ послѣдовать этому совѣту; онъ всегда чуждался полемики, не старался навязывать свои мнѣнія другимъ и не стремился обличать то, что̀ считалъ ошибочнымъ въ чужихъ сужденіяхъ. «Вообще», говорилъ онъ,—«я или очень гордъ, или очень хладнокровенъ; потому что всякое вознагражденіе нахожу у себя только въ сердцѣ, будучи убѣжденъ, что въ умѣ другого нѣтъ истины для оцѣнки моихъ словъ и мыслей, которыя, являясь отрывчато, никогда не доставятъ постороннему лицу возможности взвѣсить мое цѣлое». Потому-то еще при жизни Пушкина Плетневъ предпочелъ удалиться съ поля литературной борьбы, послѣ того какъ въ литературѣ обнаружились новыя, мало сочувственныя ему теченія. Правда, послѣ смерти поэта Плетневъ рѣшился продолжать начатый имъ *Современникъ*, но журналъ этотъ въ его рукахъ мало принималъ участія въ новомъ литературномъ движеніи.

Между тѣмъ, все болѣе и болѣе рѣдѣлъ прежній кругъ писате-

[1]) Я. К. Гротъ, скончавшійся 25-го мая 1893 года.

лей, сверстниковъ Плетнева. Года черезъ два по смерти Пушкина пріѣхалъ въ Петербургъ Баратынскій послѣ многолѣтняго отсутствія и посѣтилъ между прочимъ Плетнева, но не засталъ его дома. «Мой добрый, мой милый Плетневъ», разсказывалъ потомъ этотъ нежданный дорогой гость,—«часовъ въ семь послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ. Ни въ чемъ не измѣнился—ни въ дружбѣ ко мнѣ, ни въ общемъ своемъ святомъ добродушіи. Звалъ меня во вторникъ обѣдать *вдвоемъ*. Не правда ли, что этотъ зовъ—цѣлая характеристика? Говорилъ мнѣ о своей дочери, вздыхаетъ по старымъ товарищамъ: «Теперь, послѣ долгихъ трудовъ, я имѣю независимость и даже болѣе—все есть, чего я желалъ, да не съ кѣмъ подѣлиться этимъ благосостояніемъ». Уже въ эту пору умственный взоръ Плетнева былъ обращенъ къ прошлому, и такимъ остался онъ до конца своей жизни. «Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ», замѣчалъ князь Вяземскій,—«не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда».

Не слѣдуетъ однако думать, чтобъ этотъ періодъ добровольнаго отчужденія Плетнева отъ новаго движенія былъ для него періодомъ умственнаго застоя. Не отъ новыхъ идей сторонился онъ, а только отъ новыхъ дѣятелей. Самъ по себѣ, онъ съ прежнимъ интересомъ продолжалъ слѣдить за литературой и едва ли не болѣе прежняго расширилъ кругъ своего чтенія. Нечего и прибавлять, что связи его со старшимъ поколѣніемъ писателей сохранялись въ прежней силѣ. Но всего важнѣе то, что въ эту позднюю пору своей жизни онъ нашелъ въ себѣ силы для новыхъ трудовъ, которые и составляютъ его лучшее литературное наслѣдіе.

Въ своемъ университетскомъ преподаваніи Плетневъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на обзорѣ словесности текущаго вѣка. «Въ чтеніяхъ объ исторіи русской литературы», говорилъ онъ о своихъ лекціяхъ,—«интереснѣйшее начинается съ Державина—не юноши, а старика. Я почти засталъ его въ эту эпоху. Находясь въ связи со всѣми изъ лучшихъ дѣйствователей, я очень живо сохраняю все, что̀ касается до фактовъ». Въ университетскую аудиторію Плетневъ являлся съ томикомъ сочиненій того или другого изъ русскихъ писателей Екатерининскаго или Александровскаго времени, читалъ изъ него отрывки и сопровождалъ ихъ своими замѣчаніями эстетическими и историческими, порою даже анекдотическими

разсказами. Это былъ живой комментарій къ произведеніямъ новой русской литературы, которыя создавались на глазахъ самого толкователя, или о происхожденіи которыхъ до него дошло свѣжее преданіе. Тотъ же пріемъ разработки литературнаго преданія перенесъ онъ и въ свои сочиненія позднѣйшаго времени. При составленіи отчетовъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ Плетневу не разъ приходилось говорить о писателяхъ старой школы, бывшихъ еще членами Россійской академіи: характеристики ихъ онъ дѣлалъ большею частью на основаніи своихъ собственныхъ воспоминаній, не преувеличивая заслугъ второстепенныхъ дѣятелей, но и не пренебрегая заботой дать нѣсколько точныхъ свѣдѣній о лицахъ, память о которыхъ могла бы изчезнуть безслѣдно. Смерть Крылова въ 1844 году побудила Плетнева написать большую статью о жизни и сочиненіяхъ знаменитаго баснописца. Біографъ даетъ въ ней ясное и точное понятіе о своеобразной личности Крылова, живыми чертами оттѣняетъ всѣ стороны его сложнаго характера и прекрасно объясняетъ ходъ его развитія изъ общественныхъ условій той среды, въ которой Крылову приходилось жить. Тонкій психологическій анализъ соединяется здѣсь съ богатствомъ историческихъ и бытовыхъ подробностей и съ вѣрною и отчетливою оцѣнкой произведеній Крылова. Въ томъ осторожномъ, но мѣткомъ выборѣ выраженій, которыми біографъ обозначилъ темныя стороны въ личномъ характерѣ баснописца, Плетневъ показалъ себя большимъ мастеромъ повѣствовательнаго изложенія. По всѣмъ этимъ достоинствамъ его статья должна быть признана однимъ изъ немногихъ образцовыхъ произведеній въ нашей біографической литературѣ.

Вслѣдъ за статьей о Крыловѣ Плетневъ намѣревался написать такіе же очерки о Карамзинѣ и Жуковскомъ. Озабочиваясь собираніемъ матеріаловъ для этихъ трудовъ, онъ искалъ свѣдѣній о юности исторіографа, а Жуковскаго побуждалъ къ составленію своихъ воспоминаній. Но авторъ «Свѣтланы» рѣшительно отказался послѣдовать этому предложенію, а въ семьѣ Карамзина Плетневъ не встрѣтилъ сочувствія своему намѣренію. Отъ исполненія его пришлось отступиться, и только по смерти Жуковскаго въ 1852 году Плетневъ имѣлъ возможность составить очеркъ его жизни и сочиненій. Благодушная натура біографа, созвучная, такъ сказать, натурѣ поэта, особенно благопріятствовала успѣшному исполненію этой задачи. Правда, по обстоятельствамъ времени не во власти Плетнева

было дать своему очерку необходимую полноту; о многихъ событіяхъ, существенно важныхъ въ жизни Жуковскаго, онъ долженъ былъ ограничиться только намеками. Но, даже стѣсненный въ этомъ отношеніи, онъ нашелъ въ своихъ воспоминаніяхъ и перепискѣ драгоцѣнные матеріалы для изображенія личности Жуковскаго и такимъ образомъ могъ намѣтить по крайней мѣрѣ главныя черты для его вѣрной характеристики.

Живя въ воспоминаніяхъ прошлаго и перерабатывая ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, Плетневъ и въ позднѣйшіе годы своей жизни не терялъ изъ виду новыхъ явленій въ области изящной словесности и даже порой высказывалъ о нихъ свое сужденіе въ печати. Одинъ изъ первыхъ онъ понялъ и оцѣнилъ удивительное дарованіе Гоголя и навсегда остался его горячимъ почитателемъ. Тотъ же критикъ, который въ свои молодые годы восторженно привѣтствовалъ появленіе «Кавказскаго Плѣнника», написалъ въ 1842 году замѣчательный разборъ «Мертвыхъ Душъ» и защищалъ въ немъ право художника изображать въ своихъ созданіяхъ не прикрашенную дѣйствительность жизни. Впослѣдствіи онъ призналъ достоинство талантовъ новаго литературнаго поколѣнія, развившагося уже подъ вліяніемъ Гоголя. «Горькая Судьбина» Писемскаго и «Гроза» Островскаго нашли себѣ въ Плетневѣ сочувственнаго цѣнителя. Выставляя на видъ ихъ достоинства со стороны воспроизведенія дѣйствительной жизни и глубокаго анализа души человѣческой, онъ указывалъ на драмы Писемскаго и Островскаго какъ на поэтическія созданія, вполнѣ достойныя академическихъ премій. Произнося это сужденіе, Плетневъ доказалъ, что и въ преклонныхъ лѣтахъ онъ въ полной свѣжести сохранилъ то чувство изящнаго, которое воспиталъ въ себѣ въ молодые годы, когда видѣлъ во всемъ блескѣ разцвѣтъ художественной дѣятельности Жуковскаго, Пушкина и Гоголя. Сужденіе Плетнева какъ бы установляло осязательную связь между тѣмъ временемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ русскаго поэтическаго творчества.

Съ своей стороны, и новое литературное поколѣніе всегда съ уваженіемъ относилось къ этому достойному представителю минувшей славной эпохи. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ молодежью по своимъ обязанностямъ профессора и ректора университета, Плетневъ любилъ угадывать среди нея будущихъ писателей. Еще на страницахъ своего *Современника* онъ назвалъ имена

двухъ даровитыхъ питомцевъ С.-Петербургскаго университета. Одинъ изъ нихъ—знаменитый впослѣдствіи авторъ «Дворянскаго Гнѣзда», другой—поэтъ «Двухъ міровъ». Оба они сохранили въ своихъ сочиненіяхъ свѣтлую память о своемъ почтенномъ наставникѣ. Романистъ разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ Плетневымъ и въ теплыхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ его личность. Поэтъ изобразилъ Плетнева въ слѣдующихъ стихахъ:

За стаею орловъ Двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа.
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
И грустный, между насъ, задумчивый ты бродишь,
И прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчалися, не сводишь.

МАЛОРУССКІЙ ТИТЪ ЛИВІЙ.

Въ *Кіевской Старинѣ* 1893 года (№ 1) В. П. Горленко, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка», издалъ нѣсколько писемъ трехъ видныхъ представителей образованнаго малорусскаго общества начала текущаго столѣтія—В. И. Чарныша, А. И. Чепы и В. Г. Полетики, и снабдилъ эти документы обширными и подробными объясненіями. Самые документы извлечены изъ богатаго архива князя Н. В. Репнина, находящагося въ мѣстечкѣ Яготинѣ, Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи; но сюда они попали случайно; въ сущности же, это—частица бумагъ А. И. Чепы, именно—черновые отпуски его писемъ къ двумъ другимъ вышеназваннымъ лицамъ и затѣмъ ихъ подлинныя письма къ Чепѣ.

Адріанъ Ивановичъ Чепа былъ уроженцемъ Полтавской губерніи; съ 1779 года онъ служилъ при графѣ П. А. Румянцовѣ во время его многолѣтняго управленія Малороссійскимъ краемъ, затѣмъ жилъ въ своемъ имѣньѣ въ Пирятинскомъ уѣздѣ и умеръ около 1820 года. Въ теченіе многихъ лѣтъ Чепа занимался собираніемъ историческихъ документовъ касательно своей родины; но коллекція его растерялась, частію еще при его жизни; извѣстно только, что нѣкоторыми матеріалами изъ ея состава пользовался Д. Н. Бантышъ-Каменскій при обработкѣ перваго изданія своей «Исторіи Малой Россіи» (1822 г.). Изъ корреспондентовъ Чепы Василій Ивановичъ Чарнышъ былъ полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а Василій Григорьевичъ Полетика—роменскимъ маршаломъ въ начальные годы настоящаго вѣка.

Переписка между этими тремя лицами завязалась сперва по вопросу объ утвержденіи малороссійскихъ войсковыхъ чиновъ во дво-

рянствѣ, а потомъ продолжалась между Чепой и Полетикой, главнымъ образомъ, по вопросамъ малороссійской исторіи, которая сильно занимала ихъ обоихъ. Чепа былъ по преимуществу собирателемъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ, Полетика же не только собиралъ ихъ, но и старался дать имъ извѣстную историческую обработку. Вообще, это былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, учился въ Виленскомъ университетѣ, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ; интересы образованія были для него, такъ сказать, наслѣдственными: его отецъ тоже былъ человѣкъ умный и образованный, занимался литературой и игралъ видную роль въ Екатерининской коммиссіи для сочиненія новаго уложенія, какъ депутатъ отъ шляхетства Лубенскаго полка, горячо защищавшій права и привилегіи малороссійскаго шляхетства, будто бы дарованныя ему Польскими королями [1]). Сынъ благоговѣлъ предъ отцовскою памятью. «Между моими рукописями», писалъ однажды Василій Полетика Чепѣ,—«я нахожу лучшими писанныя покойнымъ отцемъ моимъ. Въ нихъ блеститъ вездѣ умъ человѣка ученаго, говоритъ духъ патріота великодушнаго От него учусь я любить людей и отечество и черпаю по большой части нужныя къ защищенію ихъ познанія. Лестно и пріятно для сына имѣть въ отцѣ своемъ такого учителя и наставника!»

Въ томъ же письмѣ отъ 23-го апрѣля 1809 года В. Г. Полетика сообщилъ Чепѣ о своихъ историческихъ занятіяхъ. «Вездѣ», писалъ онъ,—«стараюсь я сыскивать свѣдѣнія, до малороссійской исторіи относящіяся, но мало оныхъ нахожу. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего. Вѣрные и важнѣйшіе слѣды оныхъ теряются, по примѣчанію моему, столько жь почти въ несчастныхъ опустошеніяхъ края нашего и истребленіяхъ оныхъ, сколько и въ самыхъ запущеніяхъ. Писатель сей исторіи находитъ для себя препоны сіи и бросаетъ перо свое. Кромѣ того, что безпристрастнаго будетъ только читать потомство, малая способность, слабыя знанія мои и то отвлекаютъ меня отъ труда сего, сколько я о предпріятіи его ни думаю». На эти колебанія Полетики Чепа отвѣчалъ слѣдую-

---

[1]) Свѣдѣнія о Григоріѣ Андреевичѣ Полетикѣ собраны *А. М. Лазаревскимъ* въ статьѣ: «Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ» (*Кіевская Старина* 1891 г., № 4), къ которой намъ придется обращаться и далѣе; нѣкоторыя дополненія къ этимъ свѣдѣніямъ могутъ быть почерпнуты изъ брошюры акад. *Пекарскаго*: „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ“ (С.-Пб. 1867), стр. 45.

щими убѣжденіями: «Ежели вы пріймете великій трудъ написать славную вѣтвь россійской исторіи—«Исторію Малороссіи», то тѣмъ совершите дѣло достойное васъ, одолжите современниковъ, а потомство, коему предоставлена честь воздать должное добродѣтелямъ, достоинствамъ и заслугамъ покойнаго родителя вашего, съ прочими подвижниками нашего отечества не забудетъ и васъ. По моему заключенію, вы имѣете многіе матеріалы, къ сему прекрасному зданію потребные. Хотя я никакъ не могу уже имѣть всѣхъ тѣхъ документовъ, которые потерялъ, однако могу еще служить остающимися у меня. Жалѣю, что не успѣлъ сдѣлать реестра для представленія вамъ и явлюсь къ вамъ безъ онаго. Но возвратившись сюда, надѣюсь не медля представить оный вамъ».

Намеки, заключающіеся въ приведенныхъ отрывкахъ, даютъ поводъ къ вопросу: привелъ ли В. Г. Полетика въ исполненіе свое намѣреніе, и если послѣднее было исполнено, то сохранился ли трудъ В. Г. Полетики, и гдѣ онъ находится?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ г. Горленко высказываетъ предположеніе, что историческое сочиненіе, написанное В. Г. Полетикою, есть та извѣстная «Исторія Русовъ», которая была издана въ 1846 году О. М. Бодянскимъ, съ означеніемъ, что это—произведеніе знаменитаго Могилевскаго архіепископа Георгія Конискаго.

Давно уже были выражаемы сомнѣнія какъ на счетъ достовѣрности многихъ сообщеній этой «Исторіи», такъ и въ томъ, что авторомъ ея можетъ быть признанъ Конискій. Г. Горленко въ своей брошюрѣ разсказываетъ литературную судьбу «Исторіи Русовъ» и характеризуетъ послѣдовательное отношеніе къ ней исторической критики. Въ этомъ эпизодѣ нашего умственнаго движенія нашли себѣ выраженіе различныя направленія нашей общественной мысли и оттѣнки мѣстныхъ національныхъ симпатій. Остановиться на немъ любопытно, хотя не всегда можно согласиться съ тѣмъ освѣщеніемъ, какое г. Горленко даетъ излагаемымъ имъ обстоятельствамъ.

Сперва, съ исхода двадцатыхъ годовъ, «Исторія Русовъ» была извѣстна только въ рукописныхъ копіяхъ. Въ такомъ видѣ познакомился съ нею Д. Н. Бантышъ-Каменскій и воспользовался ею при второмъ изданіи (1830 г.) своего историческаго труда о Малороссіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ и нѣсколько поправокъ къ ошибкамъ «Исторіи Русовъ». Точно также И. И. Срезневскій пользовался ею въ рукописи при изданіи своей «Запорожской Старины»

въ 1834 году; многое взято имъ сюда изъ этого источника, но къ нѣкоторымъ по крайней мѣрѣ разсказамъ послѣдняго Срезневскій отнесся скептически и назвалъ ихъ «повѣстями Конискаго».

Такъ стояло дѣло до тѣхъ поръ, пока Бодянскій не сдѣлалъ «Исторіи Русовъ» общедоступною, напечатавъ ее въ *Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей*. Появленіе ея въ печати не могло не вызвать дѣятельности исторической критики. До тѣхъ поръ «Исторія Русовъ» возбуждала только восторги, предъ которыми совершенно стушевывалось случайное указаніе ея неточностей; теперь наступилъ періодъ строгаго разбора ея. Въ 1848 и 1849 годахъ С. М. Соловьевъ напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* «Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу», въ которомъ, по его собственнымъ словамъ, поставилъ себѣ цѣлью «внести сколько-нибудь критическій взглядъ въ исторію Малороссіи, при чемъ первымъ дѣломъ было показать ложность извѣстій Конискаго, такъ долго пользовавшагося не заслуженнымъ авторитетомъ». Указанія Соловьева имѣли въ свое время столь важное значеніе, что заставили П. А. Кулиша, нѣсколько лѣтъ спустя, заявить такое признаніе: «Его заслуга, какъ критика лѣтописи Конискаго, велика, хотя до сихъ поръ не оцѣнена малороссіянами, которые униженіе своего Тита Ливія приняли, по старой памяти, за недоброжелательство къ ихъ родинѣ... Съ Конискаго снята священная мантія историка» [1]. Отрицательное отношеніе г. Кулиша къ «Исторіи Русовъ» объясняется его своеобразнымъ народническимъ взглядомъ на прошлое его родины, еще въ 1846 году выраженнымъ въ его «Повѣсти объ Украинскомъ народѣ», которая тогда надѣлала не мало шума и далеко не всѣмъ соплеменникамъ автора понравилась своимъ демократическимъ направленіемъ.

Вслѣдъ за Соловьевымъ и другіе историки, занимавшіеся въ послѣднія сорокъ лѣтъ изученіемъ судебъ Малороссіи, между прочимъ Н. И. Костомаровъ, стали также указывать на ошибки и «выдумки» въ «Исторіи Русовъ». Всѣхъ строже отнесся къ ней покойный Г. Ѳ. Карповъ въ своемъ «Критическомъ очеркѣ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся» (М. 1870);

[1]) Черная Рада. М. 1857, эпилогъ, стр. 240 и 241. Слѣдуетъ замѣтить, что еще въ 1846 году г. Кулишъ относился къ „Исторіи Русовъ“ отрицательно и писалъ о томъ Погодину (см. Жизнь и труды М. П. Погодина, *Н. Барсукова*, кн. VIII, стр. 401).

онъ не только разоблачилъ ложность множества показаній въ «Исторіи Русовъ», но и обстоятельно выяснилъ, что это не болѣе какъ историко-политическій памфлетъ, съ оттѣнкомъ шляхетскихъ симпатій. Г. Горленко отзывается о трудѣ Карпова съ рѣшительною враждебностью. «Для фактическихъ поправокъ», говоритъ онъ,— «озлобленіе его (Карпова) излишне, а значеніе «Исторіи Русовъ», какъ явленія общественнаго и литературнаго, не умалилось послѣ его разбора ни на волосъ». Не будемъ защищать чрезмѣрную горячность нападеній Карпова, это—дѣло личное; но замѣтимъ, что его главная и важная заслуга въ томъ и состоитъ, что, выяснивъ своею критикой фактическую недостовѣрность «Исторіи Русовъ», онъ исключилъ ее изъ круга историческихъ источниковъ и открыто перенесъ этотъ памфлетъ въ область политической литературы. Къ этому взгляду приближаются въ своихъ сужденіяхъ объ этой «Исторіи» писатели совсѣмъ несходнаго съ Карповымъ оттѣнка—Н. И. Костомаровъ и А. Н. Пыпинъ [1]).

За произведеніе Конискаго «Исторія Русовъ» прослыла нѣсколько случайно—потому только, что въ старинномъ предисловіи къ ней было сказано, будто «сей-то архіерей сообщилъ господину Полетыкѣ «Лѣтопись» или «Исторію» сію, увѣряя архипастырски, что она ведена съ давнихъ лѣтъ въ каѳедральномъ Могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, сносившимись о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами Кіевской академіи и разныхъ знатнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей, а паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывшій гетманъ Малороссійскій, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего, гетмана Зиновія Хмельницкаго, и самые журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что при томъ она вновь имъ пересмотрѣна и исправлена». Не смотря на темный смыслъ этихъ словъ, «Исторія» долгое время считалась за сочиненіе Конискаго, и только обличеніе ея многочисленныхъ ошибокъ заставило усумниться въ принадлежности ея архіепископу Георгію. Особенно рѣзко и отчетливо формулировалъ это отрицательное заключеніе почтенный М. А. Максимовичъ въ слѣдующихъ словахъ, напечатанныхъ въ 1865 году, за пять лѣтъ до появленія книги Карпова: «Я долженъ заявить мое

---

[1]) Исторія славянскихъ литературъ *А. Н. Пыпина* и *В. Д. Спасовича*. Изданіе второе. Т. I, стр. 366 и 367.

сомнѣніе объ «Исторіи Русовъ»: въ самомъ ли дѣлѣ она есть сочиненіе Георгія Кониского? Не напрасно ли помыкается его имя за недостатки ея со стороны фактической и превозносится за ея достоинства со стороны художественной, за которыя самъ Пушкинъ назвалъ Кониского великимъ живописцемъ? Достопамятный мужъ знакомъ былъ хорошо съ старинными актами, относящимися къ исторіи церкви въ Западной Россіи, и обладалъ большою начитанностью польскихъ историческихъ писателей: о томъ свидѣтельствуютъ намъ его книга «Prawa i wolnosci», изданная 1767 года въ Варшавѣ, и небольшое сочиненіе его объ уніи, изданное въ *Чтеніяхъ*. Да и могъ ли Кониский безъ историко-фактическаго запаса вступить на то поприще, на которомъ подвизался съ такою славой? Его историческое познаніе неизбѣжно отозвалось бы въ сочиненной имъ исторіи, какого бы ни была она направленія и духа. А въ «Исторіи Русовъ» совсѣмъ не видно близкаго знакомства ни съ современными актами, ни съ польскими историками, ни съ главнѣйшими малороссійскими лѣтописями: все взято не изъ первыхъ рукъ, какъ будто по наслышкѣ, и перестроено на свой ладъ, безъ соблюденія вѣрности и точности историческаго факта. Не по характеру Кониского, мнѣ кажется, было сочинять такую исторію и предлагать ее депутату Полетикѣ на то важное дѣло, на которое она требовалась [1]), и съ тѣми архипастырскими увѣреніями, о которыхъ говорится въ предисловіи неизвѣстнаго намъ лица... Мнѣ сдается, что «Исторія Русовъ» сочинена неизвѣстнымъ для насъ авторомъ, укрывшимъ свое имя подъ двумя малороссійскими именитостями, дабы сказать въ предисловіи, что прошедшая черезъ эти «отличные умы исторія»—«кажется быть достовѣрною» [2]).

За устраненіемъ авторства Георгія Кониского естественно было возникнуть вопросу: кто же настоящій сочинитель «Исторіи Русовъ»? И тутъ передовымъ искателемъ явился Максимовичъ, всегда столь отзывчивый на всѣ запросы о прошлыхъ судьбахъ своей родины. Отказавшись связывать «Исторію» съ именемъ Кониского, онъ не хотѣлъ думать и того, «чтобы Григорій Андреевичъ Полетика, человѣкъ ума положительнаго, знакомый съ лучшими малороссійскими лѣтописями, въ томъ числѣ и съ Величковою, могъ предпочесть

---

[1]) То-есть, для дѣловыхъ справокъ при работахъ въ коммиссіи по составленію новаго уложенія.

[2]) Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 305 и 306.

имъ неисправную со стороны фактической «Исторію Русовъ» и придержаться ея въ своихъ дѣловыхъ справкахъ и писаніяхъ». Тѣмъ не мѣнѣе, Максимовичъ считалъ полезными для рѣшенія загадки поиски въ архивѣ рода Полетикъ, часть котораго уже была пріобрѣтена любителемъ малороссійской старины М. О. Судіенкомъ. Вотъ что̀ по этому поводу Максимовичъ писалъ Бодянскому 29-го декабря 1870 года: «Мои бесѣды съ Судіенкомъ и покушенія проникнуть въ переписку лубенскаго депутата Полетики не послужили дѣлу и вопросу; а чрезвычайно мнѣ интересно было бы узнать имя многоталантливаго анонима, сложившаго эту фактически невѣрную, но высокохудожественную подмалевку исторіи Малороссіи. А что она написана не Георгіемъ Конискимъ, а другимъ лицомъ, чуть ли не въ первой четверти XIX вѣка еще живымъ,—о томъ я такъ убѣжденъ, что и противъ вашихъ возраженій готовъ выдержать диспутъ, пожалуй, хоть и на степень доктора» [1]. По сообщенію А. Н. Пыпина, послѣднее заключеніе Максимовича состояло въ томъ, «что всѣ слѣды, на какіе онъ нападалъ, распрашивая о первыхъ рукописяхъ «Исторіи», приводили его къ князю Н. Г. Репнину, который былъ Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и какъ-то загадочно оставилъ эту должность. Максимовичъ подозрѣвалъ въ Репнинѣ, или лицѣ ему близкомъ, автора или передѣлывателя «Исторіи Русовъ» [2].

Эта догадка Максимовича не нашла себѣ подтвержденія, равно какъ и другая, сообщаемая также г. Пыпинымъ, догадка о связи «Исторіи» съ идеями и направленіемъ декабристовъ украинскаго происхожденія. Шляхетно-памфлетическій характеръ сочиненія указывалъ, въ какомъ мѣстномъ общественномъ слоѣ слѣдуетъ искать автора «Исторіи Русовъ». Новѣйшія изслѣдованія оказываются не безплодными въ этомъ отношеніи.

Достойный преемникъ Максимовича въ области изысканій о малороссійской старинѣ, А. М. Лазаревскій, имѣвшій случай нѣсколько лѣтъ тому назадъ ознакомиться съ остатками семейнаго архива Полетикъ, нашелъ въ числѣ этихъ бумагъ весьма любопытное письмо В. Г. Полетики къ графу Н. П. Румянцову, отъ 25-го ноября 1812 года, въ которомъ пишущій разсказываетъ о по-

---

[1]) Матеріалы для исторіи Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Переписка гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества. Сообщены *А. А. Титовымъ*. М. 1887, стр. 177.

[2]) Исторія славянскихъ литературъ, т. I, стр. 366.

жарѣ отцовскихъ книгъ и рукописей (въ 1771 году, въ Петербургѣ) и затѣмъ прибавляетъ: «Нѣкоторая только часть исторгнутыхъ изъ пламени уцѣлѣла. Собранныя жъ съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцомъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни его и напослѣдокъ мною и присовокупленныя къ первымъ относятся по большей части до малороссійской исторіи, начертаніе которой было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ». Опираясь на эти слова, г. Лазаревскій высказалъ предположеніе, что Григорій Андреевичъ Полетика, депутатъ Екатерининской коммиссіи, началъ писать исторію Малороссіи, а старшій сынъ его и наслѣдникъ его библіотеки, Василій Григорьевичъ, продолжалъ отцовскій трудъ, и что трудъ этотъ есть именно «Исторія Русовъ», ложно приписанная Георгію Конискому. Косвенное подтвержденіе своей догадкѣ г. Лазаревскій нашелъ въ томъ, что въ этомъ сочиненіи вымышленно разсказывается о смерти и почетномъ погребеніи въ Батуринѣ гетмана Многогрѣшнаго въ 1672 году, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ это время Многогрѣшный былъ лишь арестованъ своею же старшиной за измѣну, а затѣмъ отвезенъ въ Москву и оттуда сосланъ въ Сибирь. Такое искаженіе истины г. Лазаревскій считаетъ возможнымъ именно со стороны Полетикъ, ибо предки ихъ были въ родствѣ съ Многогрѣшнымъ. Вообще говоря, смыслъ догадки г. Лазаревскаго состоитъ въ томъ, что «Исторія Русовъ» вышла изъ дома Полетикъ и была сочинена двумя представителями этого рода—Григоріемъ Андреевичемъ и Василіемъ Григорьевичемъ.

Какъ мы уже видѣли, г. Горленко, въ свою очередь, вноситъ поправку къ предположенію г. Лазаревскаго: онъ отрицаетъ авторство Григорія Полетики и сыну его Василію предоставляетъ весь трудъ сочиненія «Исторіи Русовъ». Поправку свою г. Горленко основываетъ на перепискѣ В. Полетики съ Чепой и еще на томъ, что составленная В. Полетикой записка «о началѣ, происхожденіи и достоинствѣ малороссійскаго дворянства» (она напечатана въ приложеніи къ статьѣ г. Горленка) содержитъ въ себѣ тѣ самыя историческія указанія и отчасти тѣ выраженія, какія находятся въ сообщеніяхъ «Исторіи» о томъ же предметѣ.

Намъ кажется, что по сущности своей поправка г. Горленка не заключаетъ въ себѣ ничего особенно важнаго: очевидно, онъ слишкомъ увлекся тѣмъ, что̀ встрѣтилъ въ найденныхъ имъ документахъ, и придалъ слишкомъ мало значенія тому, что̀ сказано въ

изданномъ г. Лазаревскимъ письмѣ В. Г. Полетики къ графу П. П. Румянцову. А между тѣмъ, свидѣтельство этого письма совершенно ясно: Полетика-сынъ говоритъ, что еще его отецъ началъ писать малороссійскую исторію, а онъ, сынъ, продолжаетъ отцовскій трудъ. При томъ уваженіи, какое В. Г. Полетика питалъ къ памяти своего отца, онъ, очевидно, ставилъ себѣ за честь быть довершителемъ его работы. Можно даже сказать, что поправка г. Горленка какъ бы нарушаетъ то представленіе о единомысліи отца и сына, какое получается изъ писемъ послѣдняго; между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что относительно національныхъ симпатій и сословныхъ преимуществъ чувства и мысли обоихъ Полетикъ были одинаковы, и слѣдовательно, Василію Григорьевичу не трудно было вѣсти дѣло, начатое Григоріемъ Андреевичемъ, въ одномъ съ нимъ духѣ.

Къ сожалѣнію, «Исторія Русовъ» еще недостаточно изучена со стороны своихъ источниковъ и своего состава,—тогда какъ, очевидно, разсмотрѣніе этого вопроса могло бы содѣйствовать разъясненію и самого происхожденія памятника. Такъ, напримѣръ, послѣдняя глава «Исторіи», гдѣ говорится о гетманствѣ Разумовскаго и объ управленіи Малороссіи графомъ П. А. Румянцовымъ, поражаетъ живостью и наглядностью своихъ подробностей, указывающихъ, что предъ нами повѣствованіе очевидца; такое повѣствованіе легко могло выйдти изъ-подъ пера Григорія Андреевича Полетики, современника тѣхъ происшествій. На изученіе «Исторіи Русовъ» въ отношеніи чисто литературномъ до сихъ поръ также не было обращено вниманія; ближайшее изслѣдованіе этой стороны дѣла, быть можетъ, покажетъ, что второму изъ участниковъ труда, В. Г. Полетикѣ, принадлежитъ главнымъ образомъ литературная отдѣлка сочиненія.

Вообще говоря, догадка г. Лазаревскаго о послѣдовательномъ трудѣ двухъ Полетикъ надъ однимъ произведеніемъ представляется намъ болѣе вѣроятною, чѣмъ предположеніе г. Горленка объ авторствѣ одного младшаго представителя этой семьи. Но въ частности, мы охотно готовы признать, что г. Горленкомъ высказано одно любопытное и важное соображеніе: мы разумѣемъ его указаніе на сходство записки В. Г. Полетики о малороссійскомъ дворянствѣ съ соотвѣтственными страницами «Исторіи Русовъ»; принимая это обстоятельство во вниманіе, легко допустить, что именно въ семьѣ Полетикъ, при тѣхъ воззрѣніяхъ и тѣхъ историческихъ пособіяхъ,

какія у нихъ имѣлись, могло быть въ самомъ дѣлѣ написано сочиненіе такого характера и направленія, какими отличается «Исторія Русовъ».

Таинственность окружаетъ не только личность автора или авторовъ книги, ложно означенной именемъ Георгія Конискаго, но и происхожденіе предисловія къ ней, полнаго неясныхъ намековъ и очевидныхъ выдумокъ, и странныя обстоятельства появленія «Исторіи Русовъ» въ видѣ рукописи.

Г. Лазаревскій полагаетъ, что предисловіе написано В. Г. Полетикою. Того же мнѣнія держится и г. Горленко. Подтвержденіе тому можно найдти и въ письмахъ Василія Григорьевича. Выше приведена выписка изъ письма его къ Чепѣ о причинахъ, по коимъ не имѣется «полныхъ бытописаній» Малороссіи; сходныя замѣчанія есть и въ предисловіи. Въ томъ же предисловіи, по поводу неправильнаго изображенія малороссійской исторіи у польскихъ писателей, говорится, что «всякое твореніе имѣетъ право защищать бытіе свое, собственность и свободу»; подобная же мысль, въ примѣненіи къ обязанностямъ историка своей родины, высказана В. Г. Полетикой въ вышеупомянутомъ письмѣ его къ Чепѣ. Отмѣтимъ еще своеобразное употребленіе слова *наконецъ*, повторяющееся какъ въ предисловіи, такъ и въ письмѣ В. Г. Полетики къ графу Н. П. Румянцову. Гг. Лазаревскій и Горленко согласно признаютъ, что въ утвержденіи предисловія, будто лѣтопись ведена въ Могилевскомъ монастырѣ и пр., заключается морочанье, мистификація. По мнѣнію г. Лазаревскаго, морочанье могло быть нужно «только тому, кто зналъ имя дѣйствительнаго автора «Исторіи Русовъ», и кому почему-то нужно было закрыть слѣды къ имени». По замѣчанію г. Горленка, «съ самаго появленія «Исторіи Русовъ» въ обращеніи авторство Конискаго выставлялось только какъ отводъ, на первой страницѣ рукописи, а сейчасъ же вслѣдъ, въ самомъ текстѣ придисловія, о такомъ авторствѣ не говорилось ничего». Однако, ни тотъ, ни другой изъ изслѣдователей не даютъ намъ объясненія, почему понадобилась такая мистификація. Только г. Горленко проронилъ мимоходомъ глухой намекъ, что «Исторія» писана «при иномъ режимѣ», то-есть, позже 1809—1810 годовъ, времени переписки В. Г. Полетики съ Чепой, и «кончена, надо думать, въ половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда появленіе ея, особенно послѣ 1825 года, было уже не возможно и самое сочиненіе требовало авторской тай-

ны». Все это очень мало уясняетъ дѣло. Не слѣдуетъ ли думать, что если не сочинить, то пустить въ ходъ историко-политическій памфлетъ въ шляхетскомъ духѣ казалось полезнымъ именно въ то время, когда въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ разсматривался вопросъ объ утвержденіи малороссійскихъ войсковыхъ чиновъ во дворянствѣ? А вопросъ этотъ, какъ мы уже видѣли, былъ возбужденъ въ первомъ десятилѣтіи текущаго вѣка, рѣшенъ же закономъ 20-го марта 1835 года. Излишне прибавлять, что В. Г. Полетика, авторъ исторической записки по этому дѣлу, желалъ его окончанія въ самомъ благопріятномъ смыслѣ для потомства казачьей старшины. Василію Григорьевичу суждено было дожить до его законодательнаго разрѣшенія: онъ умеръ только въ 1845 году.

Свѣдѣнія о томъ, какъ «Исторія Русовъ» стала впервые извѣстна въ рукописи, собраны А. М. Лазаревскимъ. «Въ первый разъ», говоритъ онъ,—«рукопись «Исторіи Русовъ» найдена была около 1828 года въ библіотекѣ мѣстечка Гринева (Стародубскаго уѣзда), при описи гриневскаго имущества, когда оно переходило отъ князя Лобанова-Ростовскаго (получившаго Гриневъ въ приданное отъ графа И. А. Безбородка) къ князю Голицыну; нашли рукопись описывавшіе гриневскую движимость два члена одного изъ стародубскихъ судовъ (Ст. Лайкевичъ и Ал. Гамалѣя), которые эту рукопись показали стародубскому помѣщику Ст. Мих. Шираю (тогдашнему губернскому предводителю); послѣдній, снявъ съ этого списка копію, оригиналъ затѣмъ вернулъ въ гриневскую библіотеку. Съ копіи Ширая снимали для себя копіи и нѣкоторые стародубскіе помѣщики; одну изъ первыхъ копій снялъ Яковъ Павловичъ Полетика (родной внукъ Г. А. Полетики), а съ этой копіи снялъ копію для себя и А. И. Ханенко, отославшій потомъ свой списокъ Бодянскому, когда тотъ задумалъ напечатать «Исторію Русовъ»... Ширай послалъ копію «Исторіи Русовъ» и Бантышу-Каменскому» [1]). Максимовичъ, въ упомянутомъ письмѣ къ Бодянскому, также свидѣтельствуетъ, что со списка, полученнаго Бантышемъ отъ Ширая, «началась извѣстность въ книжномъ мірѣ этой замѣчательной «Исторіи»; только

[1]) Дальнѣйшее сообщеніе г. Лазаревскаго, будто Бантышъ-Каменскій получилъ отъ Ширая списокъ „Исторіи", доведенный только до 1708 года, ошибочно: Бантышъ прямо говоритъ, что эта рукопись „кончится 1768 годомъ", и дѣйствительно, ссылки его на „Исторію Русовъ" идутъ до конца гетманства Разумовскаго.

оглашеніе ея Максимовичъ, въ одной изъ своихъ печатныхъ статей, относилъ не къ 1828, а къ 1825 году [1]); впрочемъ, это его показаніе не имѣетъ характера строгой точности. Мало по малу списки «Исторіи Русовъ» такъ размножились, что Бодянскій имѣлъ ее не только въ великорусскомъ, но и въ малорусскомъ и въ бѣлорусскомъ изводахъ [2]); очевидно, это сочиненіе удовлетворяло въ сильной степени мѣстному патріотическому чувству.

Въ печати, какъ выше было сказано, «Исторія Русовъ» впервые была помянута Бантышемъ-Каменскимъ во второмъ изданіи его «Исторіи Малой Россіи», выпущенномъ въ 1830 году. Но слѣды литературнаго пользованія ею могутъ быть указаны нѣсколько ранѣе. Это обстоятельство ускользнуло отъ вниманія г. Горленка. Въ концѣ 1828 года появилась «Полтава» Пушкина, вызвавшая въ журналахъ рядъ критическихъ статей; нѣкоторыя изъ нихъ были неблагопріятны для автора; Надеждинъ въ *Вѣстникѣ Европы* и Средній-Камашевъ въ *Сынѣ Отечества* укоряли Пушкина въ невѣрномъ изображеніи гетмана Мазепы и другихъ историческихъ подробностей поэмы. Максимовичъ, уже знакомый въ то время съ Пушкинымъ, вступился за него въ статьѣ: «О поэмѣ Пушкина «Полтава» въ историческомъ отношеніи», которая была напечатана въ журналѣ *Атеней* (1829 г., № 6). Окончательный выводъ этой любопытной статьи заключается въ томъ, что «характеры дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ Пушкина совершенно таковы, какими представляетъ ихъ исторія». Чтобы доказать это, Максимовичъ провѣряетъ изображенія поэта историческими свидѣтельствами, а эти послѣднія почерпаетъ изъ «Исторіи Русовъ», впрочемъ не называя ея. Максимовичъ тогда еще не былъ въ состояніи отнестись критически къ этому сочиненію, и потому, ссылаясь на него, онъ выражается такими словами: «по преданіямъ болѣе другихъ вѣроятнымъ»; въ нѣкоторыхъ случаяхъ критикъ пользуется даже выраженіями «Исторіи Русовъ» и тѣмъ прямо обнаруживаетъ, какой именно историческій источникъ былъ у него подъ руками. Въ небольшой статейкѣ Максимовича можно насчитать не менѣе четырехъ случаевъ пользованія псевдо-Конискимъ [3]); приведемъ изъ нихъ одинъ для примѣра.

---

[1]) Сочиненія М. А. Максимовича, т. II, стр. 190.

[2]) Исторія Русовъ, оглавленіе.

[3]) Вотъ эти случаи: 1) о приписываемой Мазепѣ пѣснѣ „Чайка“; 2) о причинѣ ненависти Мазепы къ Петру; 3) о ранѣ, полученной Карломъ XII предъ

«Для критиковъ», говоритъ Максимовичъ,—«страннымъ кажется гнѣвъ Мазепы на Петра за то, что онъ схватилъ его за усы—*за эту шутку* (*Сынъ Отечества*, 48). Но это было совсѣмъ не въ шутку, и Петръ схватилъ за усы или, по словамъ другихъ, далъ пощечину Мазепѣ не просто какъ Ивану Степанычу, но какъ гетману малороссійскому, съ угрозой.

Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые;
Царь вспыхнулъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ...

«Такъ», продолжаетъ Максимовичъ, —«говоритъ и исторія. Мазепа приближеннымъ своимъ открывалъ гнѣвъ свой и ненависть къ Петру; въ возмутительной рѣчи своей къ войскамъ казачьимъ онъ говорилъ о сей обидѣ, какъ объ оскорбленіи Малороссіи даже въ лицѣ гетмана. Нѣтъ сомнѣнія, что Мазепа, поднявши знамя бунта для другой цѣли, хотѣлъ вмѣстѣ и отмстить Петру за свою личную обиду».

Пушкинъ упомянулъ въ поэмѣ объ усѣ Мазепы, потому что встрѣтилъ характерный разсказъ о томъ въ Вольтеровой «Исторіи Карла XII»; Максимовичъ же привелъ въ своей статьѣ и варіантъ этого разсказа, потому нашелъ его въ «Исторіи Русовъ»; только въ ней могъ онъ прочесть слѣдующее повѣствованіе: «Былъ Мазепа на одномъ пиру съ государемъ у князя Менщикова, и за противорѣчіе въ разговорахъ ударилъ государь Мазепу по щекѣ, и хотя за то скоро и помирился съ нимъ, но Мазепа, скрывъ наружно злобу, запечатлѣлъ ее въ сердцѣ своемъ». Тотъ же случай съ пощечиной помянутъ псевдо-Конискимъ и въ сочиненной имъ возмутительной рѣчи Мазепы. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1829 году (если не ранѣе) Максимовичъ уже былъ знакомъ съ «Исторіей Русовъ» и, придавая ей въ ту пору большое значеніе, предупредилъ даже Бантыша-Каменскаго въ печатномъ пользованіи этимъ источникомъ.

Полтавскимъ сраженіемъ; 4) объ упрекахъ Карла Мазепѣ послѣ пораженія (*Атеней* 1829 г., № 6, стр. 507, 508, 514 и 515; Исторія Русовъ, стр. 201, 199, 215 и 217).

Г. Горленко утверждаетъ, что Пушкинъ получилъ приписанную Конискому «Исторію» отъ Гоголя въ началѣ тридцатыхъ годовъ, и при томъ ссылается на показаніе, сдѣланное будто бы въ такомъ смыслѣ Н. С, Тихонравовымъ въ его изданіи сочиненій Гоголя. Но ничего подобнаго не сообщается въ первомъ томѣ этого изданія, гдѣ, въ своихъ обширныхъ примѣчаніяхъ, Тихонравовъ дѣлаетъ сравненіе между «Тарасомъ Бульбой» и «Исторіей Русовъ». Напротивъ того, есть извѣстіе, что послѣдняя была сообщена Пушкину Максимовичемъ[1]). Послѣдовало это, вѣроятно, въ томъ же 1829 году, во время проѣзда Пушкина черезъ Москву на Кавказъ[2]). Въ одной замѣткѣ, написанной не позже осени 1830 года по поводу тѣхъ самыхъ стиховъ «Полтавы», которые приведены выше въ цитатѣ Максимовича, авторъ поэмы говорилъ слѣдующее: «Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были въ высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду Московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытный, жестокій и постоянный. Дернуть поляка или казака за усы все равно было, что схватить россіянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ обиды, имъ претерпѣнныя, помнится, отъ Чаплицкаго (Чернѣцкаго), получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Кониского)»[3]). Эти строки, обнаруживающія знакомство Пушкина съ «Исторіей Русовъ» не позже 1830 года, были напечатаны въ началѣ слѣдующаго года въ альманахѣ «Денница», изданномъ Максимовичемъ, и не трудно понять, почему именно съ нимъ поэтъ подѣлился своими собственными оправдательными объясненіями къ «Полтавѣ». Н. С. Тихонравовъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что тотъ самый разсказъ «Исторія Русовъ», на который ссылается Пушкинъ

---

[1]) *Пыпинъ.* Исторія славянскихъ литературъ, т. I, стр. 366.

[2]) Въ 1833 году Пушкинъ, случайно встрѣтившись въ Москвѣ со своимъ пріятелемъ Н. Н. Раевскимъ, съ которымъ видѣлся предъ тѣмъ въ 1829 году на Кавказѣ, требовалъ отъ него какую-то свою „малороссійскую рукопись“ („mon manuscript petit-russien“; Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 322). По всей вѣроятности, это и была „Исторія Русовъ“; только что получивъ ее въ Москвѣ отъ Максимовича, Пушкинъ могъ имѣть ее при себѣ во время кавказской поѣздки и сообщить Раевскому, который занимался исторіей казачества.

[3]) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 133. Въ этомъ же томѣ помѣщена и позднѣйшая (1836 г.) статья Пушкина о Кониском.

въ приведенной замѣткѣ, долженъ былъ дать Гоголю содержаніе для задуманной имъ «запорожской трагедіи» подъ заглавіемъ: «Выбритый усъ» [1]). Легко допустить, что этотъ сюжетъ, какъ и многіе другіе, былъ указанъ Гоголю Пушкинымъ.

Г. Кулишъ, въ своемъ «Эпилогѣ» къ «Черной Радѣ» упрекалъ Пушкина за то, что поэтъ, говоря въ 1836 году о сочиненіяхъ Георгія Конискаго и превознося похвалами повѣствовательныя достоинства «Исторіи Русовъ», не обмолвился никакимъ намекомъ на ея недостатки съ фактической стороны. На этотъ упрекъ г. Кулиша отвѣчалъ Максимовичъ, что Пушкинъ какъ великій художникъ, цѣнилъ «Исторію» съ художественной стороны и не имѣлъ надобности излагать мелочныя замѣтки объ ея фактическихъ ошибкахъ, хотя бы и зналъ о нихъ [2]). Г. Горленко справедливѣе г. Кулиша; онъ указываетъ въ сужденіи Пушкина и критическую сторону. «Нельзя», говоритъ онъ, — «не подивиться критической проницательности великаго поэта, когда онъ говоритъ: «сердце дворянина еще бьется въ немъ (въ авторѣ «Исторіи Русовъ») подъ иноческою рясою», и объясняетъ эту черту происхожденіемъ Конискаго». Это наблюденіе Пушкина получаетъ дѣйствительное значеніе въ связи съ указаннымъ выше направленіемъ «Исторіи». Но г. Горленко могъ бы сослаться и на нѣкоторыя другія замѣчанія, которыми Пушкинъ ограничиваетъ свои похвалы. По словамъ поэта, «Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія... Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости». Не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что главною цѣлью статьи Пушкина о Конискомъ была оцѣнка «Исторіи Русовъ», какъ блестящаго живописнаго изображенія казацкихъ войнъ. Странное удовольствіе долженъ былъ испытывать таинственный авторъ «Исторіи» (если онъ дѣйствительно здравствовалъ еще въ 1836 году), когда до него дошелъ похвальный отзывъ поэта. Сужденіе Пушкина о высокомъ литературномъ достоинствѣ псевдо-Конискаго нашло себѣ полное подтвержденіе во вліяніи, оказанномъ этимъ сочиненіемъ на творчество Гоголя и Шевченка и на дѣятельность разныхъ второстепенныхъ писателей, бравшихъ содержаніе своихъ произведеній изъ жизни старой Малороссіи. Г. Горленко очень вѣрно отмѣтилъ зна-

---

[1]) Сочиненія Гоголя, изданіе 10-е, т. I, стр. 663 и 664; Исторія Русовъ, стр. 50.

[2]) Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 523.

ченіе псевдо-Конискаго для русской романической литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Обстоятельства появленія «Исторіи Русовъ» въ печати г. Горленко описываетъ кратко и лишь на основаніи позднѣйшаго разсказа Бодянскаго. Мы укажемъ далѣе, что современное свидѣтельство послѣдняго можетъ имѣть больше значенія въ данномъ случаѣ; но прежде всего замѣтимъ, что ни покойный Бодянскій, ни г. Горленко при этомъ не вспомнили о томъ писателѣ, который дѣйствительно первый высказалъ гласно намѣреніе напечатать «Исторію Русовъ». Мы разумѣемъ Н. А. Маркевича. Вотъ что писалъ онъ еще въ первой половинѣ 1830 года, въ одномъ изъ примѣчаній къ своимъ «Украинскимъ мелодіямъ»: «Не думаю, чтобы многіе имѣли у себя списокъ «Исторіи Малороссійской» архіепископа Конискаго; жаль впрочемъ, что онъ не изданъ; имѣя это предположеніе, едва ли рѣшусь исполнить его скоро, ибо не знаю, есть ли тѣ наслѣдники, которые могутъ пользоваться исключительнымъ правомъ издавать книгу своего тестатора въ продолженіе 25 лѣтъ по его смерти. Эта книга достойна большей извѣстности по полнотѣ обзора и любопытнымъ подробностямъ, или выпущеннымъ другими историками, или изложеннымъ слишкомъ кратко» [1]. Маркевичу не пришлось, впрочемъ, осуществить свое намѣреніе; вмѣсто того, въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ самъ составилъ «Исторію Малороссіи», въ которой, по жесткому слову г. Горленка, «совершенно обобралъ» псевдо-Конискаго или, по болѣе ѣдкому выраженію Максимовича, сдѣлалъ попытку «придержаться его ошибокъ».

Осуществить давнее желаніе всѣхъ почитателей «Исторіи Русовъ» выпало на долю Бодянскаго, и дѣло ея печатанія онъ исполнилъ съ благоговѣніемъ истиннаго малороссійскаго патріота. Объ этомъ всего лучше свидѣтельствуютъ его собственныя слова въ письмѣ къ И. П. Сахарову, писанномъ 6-го іюня 1846 года, то-есть, едва только было довершено печатаніе «Исторіи»: «Слава Богу, что удалось провесть сквозь Термопилы своихъ «Русовъ», въ полномъ смыслѣ цѣлыхъ и невредимыхъ, безъ малѣйшей раночки, даже оцарапочки. А признаюсь, начиная, самъ душой болѣлъ впередъ о тѣхъ ударахъ и потеряхъ, какіе они должны будутъ понесть впослѣдствіи... Спасибо тому, кто понялъ важность Конискаго вполнѣ и далъ

[1]) Украинскія мелодіи. М. 1831, стр. 135.

мнѣ возможность издать его такъ, какъ самъ сочинитель, можетъ быть, не мечталъ видѣть себя въ такомъ видѣ раньше ста, полтораста лѣтъ! Спасибо и спасибо ему! Теперь всѣ списки его замѣчательны развѣ для однихъ охотниковъ до списковъ, а не печатнаго, потому что при печатаніи я пользовался почти десятью списками разнаго рода, сдѣлалъ всѣ важнѣйшія и полуважныя разнословія; а все прочее напечатано безъ малѣйшаго опущенія, даже до запятой, до архаизма» [1]. Возможность издать полный текстъ псевдо-Конискаго доставилъ Бодянскому графъ С. Г. Строгановъ, тогдашній предсѣдатель Московскаго общества исторіи и древностей, въ то же время попечитель Московскаго учебнаго округа и, слѣдовательно, начальникъ московской цензуры. Даже двадцать-пять лѣтъ спустя, Бодянскій, вспоминая о своемъ изданіи «Исторіи Русовъ», считалъ это дѣло героическимъ подвигомъ своей жизни и повѣствовалъ о немъ въ побѣдномъ тонѣ. «Въ тѣ поры», говорилъ онъ въ 1871 году,— «то и дѣло слышались разсказы, какъ тотъ, другой, третій пытались издать ее («Исторію Русовъ»), но безуспѣшно; а между тѣмъ, особенности этой «Исторіи» заставляли всѣхъ, кто имѣлъ случай читать ее въ ходившихъ по рукамъ спискахъ, желать ея оглашенія; выставлялись въ такомъ заманчивомъ свѣтѣ особливо смѣлость сужденій сочинителя о событіяхъ и двигателяхъ событіями, равно какъ и самый языкъ его, вовсе не похожій на языкъ прочихъ подобныхъ исторій, что естественно было отважиться, нельзя ли этотъ запретный плодъ сдѣлать доступнымъ всѣмъ и каждому... Не скрою и того тайнаго побужденія начать изданіе малороссійскихъ лѣтописныхъ и другихъ памятниковъ именно симъ сочиненіемъ, по коему расчитывалось на слѣдующее: изданіе печатью «Исторіи Русовъ», чего напрасно добивались Устряловъ, Пушкинъ, Гоголь, быть можетъ, удастся Обществу, пользовавшемуся тогда собственной цензурой... Вышло... вполнѣ удачно, не смотря на то, что съ каждою книжкою *Чтеній* больше и больше стращали печатавшаго всякими страхами» [2]. По правдѣ сказать, эти наивныя похвальбы Бодянскаго имѣютъ нѣсколько комическій характеръ, но онѣ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что чудакъ-профессоръ былъ искренно

---

[1]) Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ. *Ник. Барсукова.* С.-Пб. (1880 г.), стр. 82 и 83.

[2]) *Чтенія въ Моск. обществѣ исторіи и древностей* 1881 г., кн. I: „Объясненіе“ (противъ Карпова).

убѣжденъ въ чрезвычайной отважности своего дѣла: этимъ и объясняется восторженно-фантастическій характеръ его позднѣйшаго разсказа о печатаніи псевдо-Конискаго.

Устряловъ, въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ (напечатанныхъ въ *Древней и Новой Россіи* 1880 г.), ничего не говоритъ о своемъ намѣреніи издать «Исторію Русовъ»; но фактъ этотъ вполнѣ достовѣренъ; о немъ сохранилось, между прочимъ, свидѣтельство И. П. Сахарова [1]). Что же касается утвержденія Бодянскаго, будто Пушкинъ и Гоголь стремились къ тому же, мы считаемъ это его фантазіей, рѣшительно ни на чемъ не основанною. Вѣдь не себя же самого имѣлъ въ виду Пушкинъ, когда въ своей статьѣ выражалъ надежду, что «великій историкъ Малороссіи найдетъ себѣ, наконецъ, достойнаго издателя»! Не могъ онъ разумѣть тутъ и Гоголя, такъ какъ около того времени Гоголь самъ собирался писать исторію своей родины, а объ изданіи историческихъ источниковъ никогда не думалъ [2]). Что «Исторія Русовъ», подобно запискѣ Карамзина о древней и новой Россіи или знаменитой комедіи Грибоѣдова въ ея полной редакціи, никогда не считалась произведеніемъ строго запретнымъ, о томъ свидѣтельствуетъ обиліе списковъ псевдо-Конискаго, распространенныхъ какъ въ Малороссіи, такъ и въ столицахъ. Это хорошо зналъ графъ Строгановъ; потому-то онъ и дозволилъ «Исторіи» безвозбранный ходъ; потому-то и изъ Петербурга, отъ графа Уварова, враждебно расположеннаго къ Строганову, не было сдѣлано ему никакого замѣчанія за пропускъ этого сочиненія въ печать. Какъ видно изъ происшествія съ «Повѣстью объ Украинскомъ народѣ» г. Кулиша, въ то же время изданною, не шляхетный націонализмъ «Исторіи Русовъ» признавался въ ту пору предосудительнымъ, а демократическій взглядъ на исторію Ма-

---

[1]) Матеріалы для исторіи Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому. М. 1893, стр. 67.

[2]) Всего вѣроятнѣе, что вызовъ Пушкина былъ обращенъ къ Н. А. Маркевичу. Пушкинъ былъ съ нимъ знакомъ еще до 1820 года, когда Маркевичъ воспитывался въ Петербургскомъ благородномъ пансіонѣ при Главномъ педагогическомъ институтѣ, вмѣстѣ съ Л. С. Пушкинымъ, С. А. Соболевскимъ и М. И. Глинкой. Впослѣдствіи поэтъ могъ встрѣчаться съ Маркевичемъ въ Москвѣ въ 1829—1831 годахъ, въ періодъ изданія „Украинскихъ мелодій" (*Основа* 1861 г., № 1, стр. 292 и 293). Въ примѣчаніяхъ къ этому собранію своихъ стихотвореній Маркевичъ говоритъ о Пушкинѣ съ великимъ восторгомъ.

лороссіи. Стало быть, г. Горленко напрасно довѣрился только позднѣйшему разсказу Бодянскаго, не приложивъ къ нему никакой критики.

Въ заключеніе своей дѣльной и любопытной статьи г. Горленко высказываетъ свое окончательное сужденіе объ «Исторіи Русовъ». Онъ признаетъ ложность основной идеи этой книги—идеи отожествленія стараго казацкаго строя съ понятіемъ о «вольности», и ложность взгляда на представителей «старины», какъ на творцовъ «самобытности». «Наука и факты исторіи», замѣчаетъ г. Горленко,—«выяснили фальшь этого взгляда, показали истинный характеръ малороссійской исторіи и ея демократическія начала. Но за этою книгой остается горячая любовь къ родинѣ, живость и блескъ разказа, подробности, взятыя изъ не писанныхъ источниковъ и преданій, которыя служили подспорьемъ цѣлой серіи историковъ».

Въ общемъ слѣдуетъ, конечно, согласиться съ такимъ умѣреннымъ сужденіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно признать, что съ обличеніемъ фактическихъ невѣрностей въ «Исторіи Русовъ» утрачивается значеніе преданій, въ ней помѣщенныхъ, но не подтверждаемыхъ писанными источниками. Не даромъ даже такой страстный любитель южно-русской старины, какимъ былъ покойный Н. И. Костомаровъ, говорилъ по поводу третьяго изданія своего «Богдана Хмельницкаго», что онъ старался очистить свое сочиненіе отъ вымышленныхъ преданій, почерпнутыхъ между прочимъ у псевдо-Конискаго, и все-таки не успѣлъ очистить его совершенно [1]).

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1890 г., № 10, стр. 219.

ПОГОДИНЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ СВОЕГО ПРОФЕССОРСТВА [1].

Почтенный трудъ Н. П. Барсукова о жизни и трудахъ М. П. Погодина отличается общирными размѣрами, рѣдко встрѣчаемыми въ сочиненіяхъ біографическаго содержанія, по крайней мѣрѣ въ нашей литературѣ. Но было бы совершенно несправедливо сѣтовать за то на г. Барсукова. Работа его разрослась отъ того, что онъ счелъ нужнымъ соединить біографію Погодина съ обзоромъ культурнаго движенія русскаго общества за все продолжительное время жизни Погодина. И это—совершенно правильно: Погодинъ былъ очень отзывчивъ на все, что̀ совершалось вокругъ него на Руси; сношенія его съ людьми самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, самаго разнороднаго образа мыслей были очень обширны; многочисленные слѣды этихъ сношеній сохранились въ его литературныхъ трудахъ, въ его дневникахъ и перепискѣ. Какъ же было біографу не воспользоваться этимъ богатымъ матеріаломъ доступнаго ему Погодинскаго архива? Какъ было не дорожить всѣмъ тѣмъ, что̀ въ этомъ матеріалѣ характеризуетъ извѣстный періодъ времени и его дѣятелей, съ которыми Погодинъ соприкасался въ большей или меньшей степени? Какъ, наконецъ, было не постараться дополнить данныя Погодинскаго архива изъ другихъ источниковъ? Такъ и поступилъ г. Барсуковъ. Вѣрно оцѣнивъ значеніе того, что̀ онъ нашелъ въ своемъ главномъ источникѣ, онъ разработалъ его съ любовію и около своего основнаго матеріала сгруппировалъ другія, относящіяся къ нему, свѣдѣнія, почерпнувъ ихъ не только изъ

[1]) Написано по поводу VII-й книги сочиненія *Н. П. Барсукова:* Жизнь и труды М. П. Погодина (С.-Пб. 1893).

печатной литературы но частью и изъ источниковъ рукописныхъ, постороннихъ Погодинскому архиву.

Такимъ образомъ, г. Барсуковъ въ своемъ сочиненіи даетъ гораздо больше, чѣмъ можно было бы ожидать отъ простой біографіи; но его отступленія вообще такъ занимательны и такъ содержательны, заключаютъ въ себѣ столько новаго или малоизвѣстнаго, что не хватаетъ духу упрекать автора за излишество подробностей. Исторія нашей внутренней жизни за текущее столѣтіе еще очень мало изучена, и даже сырой матеріалъ для знакомства съ нею обнародованъ въ недостаточномъ количествѣ. Своею попыткой изобразить личность Погодина на общемъ фонѣ его времени г. Барсуковъ проливаетъ обильный свѣтъ не только на своего героя, но и на всю ту общественную и умственную обстановку, среди которой жилъ этотъ человѣкъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Барсуковъ воздержался отъ соблазна назвать свое сочиненіе: «Погодинъ и его время», или какъ-нибудь въ этомъ родѣ. Какъ ни широко раздвинулъ онъ рамки своей картины, какъ ни чутокъ былъ Погодинъ ко всѣмъ явленіямъ современной ему русской жизни, было бы преувеличеніемъ выставлять его центральнымъ лицомъ его эпохи. Г. Барсуковъ не задавался цѣлью написать панегерикъ Погодину, ни памфлетъ противъ него; онъ просто желалъ быть правдивымъ лѣтописцемъ его многосторонней дѣятельности—и исполняетъ свою задачу съ большимъ успѣхомъ.

Погодинъ, надобно сказать, представляетъ собою личность, чрезвычайно заманчивую для біографа тѣмъ, что характеръ его сложенъ и многообразенъ. Это былъ человѣкъ большого, проницательнаго ума и еще большей даровитости; быть можетъ, ему недоставало склонности къ усидчивому, систематическому труду, но по богатству своихъ умственныхъ интересовъ онъ никогда не оставался безъ дѣла; напротивъ того, самолюбивый и хорошо знавшій себѣ цѣну, онъ былъ увѣренъ въ своей пригодности на любомъ поприщѣ общественной дѣятельности, и дѣйствительно, онъ брался за очень многое, хотя по подвижности своей натуры рѣдко доводилъ свои предпріятія до конца. Мечтатель, увлекавшійся самыми широкими, благородными замыслами, сживался въ немъ съ дѣльцомъ, который обладалъ большимъ практическимъ смысломъ. Онъ былъ независимъ въ своихъ воззрѣніяхъ и умѣлъ ихъ высказывать съ прямотой и горячностью,—и въ то же время ему случалось падать до открытой

лести, до наивнаго преклоненія предъ властвующею силой, до самаго эгоистическаго разчета; нравственною выдержкой и тактомъ онъ вообще не отличался. Онъ привлекалъ къ себѣ ласковою простотой своего обращенія и—порой отталкивалъ отъ себя заносчивостью и рѣзкостью. Онъ былъ человѣкъ несомнѣнно добрый, умѣлъ дать хорошій совѣтъ, многимъ оказывалъ помощь и покровительство и—въ то же время беззастѣнчиво пользовался самыми близкими, самыми уважаемыми имъ людьми для своихъ исключительныхъ, личныхъ цѣлей. Внѣ сомнѣнія остается его пламенная любовь къ просвѣщенію и къ отечеству. Наукѣ онъ былъ преданъ горячо, и хотя въ ученыхъ трудахъ его не было законченности, но этотъ недостатокъ искупался обиліемъ разнообразныхъ, тонкихъ и глубокихъ наблюденій и замѣчаній, которыя будили чужую мысль. Не разъ случалось ему жаловаться, что другіе ученые развивали идеи, имъ первымъ высказанныя; но это зависѣло отъ самаго свойства его ученыхъ работъ, отъ ихъ отрывочности; его вліяніе на успѣхи нашей исторической науки было значительно, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствовалъ не только своими печатными книгами и статьями, но и живымъ словомъ и совѣтомъ. Патріотомъ онъ былъ не по заказу и не по разчету, а по глубокому убѣжденію и искреннему чувству. Онъ дорожилъ преданіями русской старины, какъ основой для будущаго развитія нашего отечества: онъ непоколебимо вѣрилъ въ Россію, въ русскій народъ, въ его самобытность. То, что̀ для многихъ другихъ служило лишь офиціальною формулой патріотизма или звучало пустою реторическою фразой, то было для Погодина насущною потребностью, живою правдой.

Многолѣтняя разнообразная дѣятельность Погодина доставила ему большую популярность въ русскомъ обществѣ; издавна были у него многочисленные горячіе почитатели, но не мало было и ожесточенныхъ враговъ; какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, одни хотѣли признавать въ немъ лишь великія достоинства, тогда какъ другіе не замѣчали ничего, кромѣ его жалкихъ недостатковъ. Но отъ людей, близко знавшихъ Погодина, не ускользало, что сущность его характера заключается именно въ какой-то странной, неорганической смѣси тѣхъ и другихъ. Едва ли не первые угадали эту его особенность два великіе русскіе художника, съ которыми онъ умѣлъ сблизиться—Пушкинъ и Гоголь. Даже изъ раннихъ писемъ Пушкина къ Погодину видно, что поэту, который отдавалъ

справедливость и его уму, и его познаніямъ, ясны были нѣкоторыя несимпатичныя стороны въ личности корреспондента; изъ писемъ же болѣе поздняго времени оказывается, что Пушкинъ относился къ нему только съ пріязнью, а не съ тѣмъ уваженіемъ, какое внушаетъ къ себѣ человѣкъ характера возвышеннаго. Отзывы Гоголя о Погодинѣ общеизвѣстны; нѣкоторые изъ нихъ очень рѣзки: они писаны въ пору большого раздраженія и переходятъ границы справедливости; но, взятыя въ цѣломъ, сужденія Гоголя о московскомъ профессорѣ очевидно недалеки отъ истины. Во всякомъ случаѣ, оцѣнка нравственной личности Погодина, сдѣланная этими двумя великими знатоками души человѣческой, имѣетъ значеніе важнаго историческаго свидѣтельства, и біографу Погодина нельзя оставлять ее безъ вниманія.

Подробное документальное изученіе жизни и дѣятельности Погодина доставило г. Барсукову возможность отнестись къ нему безпристрастно. Въ трудѣ біографа Погодинъ изображенъ очень полно, со всѣмъ, что̀ въ немъ было хорошаго и дурного. Многіе поступки его, въ свое время вызывавшіе осужденіе, находятъ себѣ въ книгѣ г. Барсукова оправданіе вполнѣ убѣдительное; но не скрыто въ ней и то, что̀ въ жизни и дѣятельности Погодина было темнаго, непріятнаго. Авторъ умѣетъ быть правдивымъ, не злоупотребляя словами ни въ ту, ни въ другую сторону; безыскусственностью своего разсказа, даже при высокопарности нѣкоторыхъ выраженій, онъ внушаетъ къ себѣ довѣріе въ читателѣ, а Погодина изображаетъ въ настоящемъ свѣтѣ и тѣмъ сооружаетъ ему такой именно памятникъ, какого въ правѣ желать себѣ историкъ, уважающій истину.

Въ первыхъ шести книгахъ сочиненія г. Барсукова разсказаны: молодость Погодина, ходъ его образованія, появленіе его на литературномъ и ученомъ поприщѣ, начало его профессорства, развитіе его общественныхъ связей, его путешествія по Россіи и за границей, основаніе имъ *Москвитянина*. Въ седьмой книгѣ описываются происшествія 1842—1844 годовъ. Тутъ мы видимъ Погодина въ полномъ расцвѣтѣ его силъ: онъ—ординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ русской исторіи, издатель журнала съ опредѣленнымъ русскимъ направленіемъ, одинъ изъ первыхъ авторитетовъ въ русскомъ ученомъ мірѣ; онъ отказался наконецъ отъ разныхъ увлеченій честолюбія, которыя грозили совратить его съ ученой дороги; его дѣятельность на профессорской каѳедрѣ уже

принесла плоды: онъ подготовилъ рядъ учениковъ, которые въ свою очередь выступаютъ на ученое поприще; на его глазахъ образуются новыя направленія въ наукѣ и въ общественной мысли; для Погодина настаетъ необходимость опредѣлить къ нимъ свое отношеніе, а также подумать о томъ, не пора ли ему удалиться на покой и вполнѣ отдаться давно задуманнымъ ученымъ трудамъ.

Эта пора перелома въ жизни Погодина была исполнена для него различныхъ треволненій. Долгое время Погодинъ принужденъ былъ играть въ Московскомъ университетѣ лишь второстепенную роль. Онъ читалъ сперва всеобщую исторію, которая не составляла для него предмета спеціальныхъ занятій, и лишь въ исходѣ тридцатыхъ годовъ занялъ каѳедру исторіи русской, ему особенно любезной. Съ полученіемъ этой каѳедры, онъ надѣялся пріобрѣсти наконецъ первенствующее значеніе по вліянію на студентовъ. Но какъ разъ въ то же время появились въ составѣ профессорской коллегіи новыя лица, которыя вскорѣ завоевали себѣ расположеніе слушателей. Успѣхъ такихъ даровитыхъ преподавателей, какими были Н. И. Крыловъ, Д. Л. Крюковъ, Т. Н. Грановскій, смутилъ Погодина и уязвилъ его самолюбіе: почва для безраздѣльнаго вліянія на молодежь стала уходить изъ-подъ его ногъ. Къ тому же Погодинъ опирался на расположеніе къ нему С. С. Уварова, а молодые профессора пользовались покровительствомъ графа С. Г. Строганова, который, въ качествѣ попечителя, правилъ университетомъ съ большою самостоятельностью, а съ Уваровымъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ. Нѣкоторое время Погодинъ надѣялся поладить и со Строгановымъ, увѣренный, что послѣдній безъ него «ничего не можетъ сдѣлать фундаментальнаго въ системѣ ученаго правленія»; но мало по малу ему пришлось разочароваться въ такомъ убѣжденіи. Въ половинѣ 1842 года отношенія между Строгановымъ и Погодинымъ достигли крайней степени натянутости, и профессоръ, «изнемогши» — по его выраженію — «подъ бременемъ трудовъ, хлопотъ, безпокойствъ и умножившихся до невѣроятности отношеній», рѣшился ѣхать въ заграничное путешествіе, «чтобъ отдохнуть, освѣжиться и полѣчиться». Строгановъ согласился на его просьбу о томъ не особенно охотно; Уваровъ же одобрилъ намѣреніе Погодина посѣтить между прочимъ Копенгагенъ, гдѣ общество сѣверныхъ антикваріевъ, не задолго предъ тѣмъ устроившееся, подготовляло изданіе древнихъ скандинавскихъ памятниковъ для русской исторіи.

Погодинъ за границей, куда онъ ѣздилъ неоднократно, является въ очень характерныхъ чертахъ. Онъ, разумѣется, не восхищался западною Европой слѣпо, какъ большая часть нашихъ соотечественниковъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его впечатлѣнія все-таки не были чужды наивности. Такъ, очень нравились ему мелкія матеріальныя удобства заграничной жизни; о городскихъ омнибусахъ, напримѣръ, онъ писалъ въ своемъ дорожномъ дневникѣ цѣлыя страницы, доказывая выгоды и дешевизну этого учрежденія; о пароходныхъ трубахъ, понижаемыхъ при проходѣ подъ мостами на Темзѣ, говорилъ даже съ нѣкоторымъ благоговѣйнымъ страхомъ: «У меня всякій разъ пробѣгала мгновенная дрожь по тѣлу; ну, какъ забудутъ опустить трубу, и пароходъ расшибется». Сильное впечатлѣніе производили на Погодина преимущества старой культуры Запада и любовь ко всему своему, національному, которую онъ замѣчалъ въ разныхъ странахъ Европы; онъ высоко цѣнилъ тамъ общедоступность музеевъ, библіотекъ, академій и вообще всякихъ ученыхъ и общеобразовательныхъ учрежденій, хвалилъ уваженіе къ памятникамъ народной старины и указывалъ на эти особенности западно-европейской жизни въ поученіе своимъ соотечественникамъ. Съ живымъ сочувствіемъ наблюдалъ онъ національное возрожденіе въ славянскихъ областяхъ Австрійской имперіи и обнаружилъ большую проницательность, еще въ тридцатыхъ годахъ указывая въ раздробленной на мелкія государства Германіи стремленіе къ общенѣмецкому единству. За то къ формамъ государственнаго устройства, преобладающимъ въ западной Европѣ, Погодинъ относился со строгостью; онъ питалъ убѣжденіе, что даже на родинѣ парламентаризма, въ Англіи, пренія въ палатахъ происходятъ только для виду: «всѣ члены приходятъ съ готовыми мнѣніями; въ рукѣ одинъ только шаръ—бѣлый или черный; голоса считаются заранѣе». Вообще, о всѣхъ чужеземныхъ народахъ Погодинъ судилъ только по сравненію съ русскими. Такъ, ораторскій талантъ онъ считалъ едва ли не главною способностью французовъ; «нѣмцы—думать мастера, англичане—считать, а мы», заключалъ онъ,—«мы, Богъ дастъ, выучимся всему». Въ подобныхъ сопоставленіяхъ западной Европы съ Россіей нерѣдко звучала у Погодина нота сентиментальности. Осматриваетъ ли онъ лондонскіе доки,—онъ приходитъ въ изумленіе отъ торговой дѣятельности англичанъ, отъ ихъ меркантильныхъ способностей, и тутъ же восклицаетъ: «Мареа, Мареа! Печешися и молвиши о мнозѣ

службѣ!» Посѣщеніе лондонскаго банка вызываетъ въ немъ такое размышленіе: «Никогда торговля наша не сравнится съ англійскою, потому что она не въ духѣ народа; и слава Богу, не во гнѣвъ политической экономіи! Купецъ у насъ чуть наживетъ капиталъ, бросаетъ торговлю, не хочетъ подвергаться ея опасностямъ и отказывается отъ оборотовъ, а живетъ себѣ покойно процентами. У англичанъ, напротивъ: капиталъ чѣмъ больше, тѣмъ сильнѣе безпокоитъ его, и онъ пускаетъ его въ ходъ. Отъ торговли перейдите, къ чему хотите: вездѣ тѣ же явленія. Мы можемъ быть счастливы только дома у себя, въ своемъ семействѣ, въ своей избѣ. И такъ было вездѣ у славянъ»... Подобныя самоублаженія не помѣшали однако безпощадному обличителю англійскаго торгашества, когда онъ попалъ въ Брюссель, особенно заинтересоваться широко развившеюся бельгійскою книжною контрафакціей: въ своемъ дорожномъ дневникѣ онъ говоритъ о ней съ очевиднымъ сочувствіемъ и даже распространяется о пользѣ отъ нея просвѣщенію, хотя, конечно, онъ хорошо понималъ, что это безчестное торговое дѣло было направлено въ прямой подрывъ парижскимъ издателямъ. Но такія противоположности нерѣдко совмѣщались въ понятіяхъ Погодина и налагали на его личность особенный характеръ.

Поѣздка 1842 года не измѣнила воззрѣній Погодина на западную Европу, вынесенныхъ имъ изъ прежнихъ путешествій. На этотъ разъ онъ посѣтилъ Галицію и Чехію, побывалъ въ Германіи, заглянулъ на пять дней въ Парижъ и провелъ нѣкоторое время въ Даніи. Важнѣйшіе результаты этой поѣздки заключались въ знакомствѣ съ копенгагенскими знатоками сѣверныхъ древностей и въ новыхъ наблюденіяхъ надъ національнымъ движеніемъ австрійскихъ славянъ. Съ датскими учеными Погодинъ толковалъ о томъ, какія полезныя для русской исторіи свѣдѣнія могутъ быть извлечены изъ памятниковъ древне-сѣверной литературы, и даже составилъ особую записку объ этомъ предметѣ. Бесѣды съ учеными датчанами о малой извѣстности скандинавской исторіи въ остальной Европѣ навели Погодина на справедливую мысль, что русскимъ ученымъ предстоитъ почетная задача—самостоятельно разработать и безпристрастно разрѣшить такіе вопросы въ исторіи Запада, которые разсматриваются нѣмецкими, французскими и другими историками съ неизбѣжною односторонностью вслѣдствіе ихъ особыхъ симпатій и антипатій національныхъ и вѣроисповѣдныхъ. Въ Чехіи Погодинъ съ

радостнымъ чувствомъ замѣтилъ значительные успѣхи національнаго возрожденія, а въ Галиціи ему пришлось во-очію убѣдиться въ крайне жалкомъ положеніи тамошнихъ русскихъ. Ознакомившись вообще съ политическими отношеніями и чаяніями австрійскаго славянства, онъ составилъ по этому предмету особую записку, въ которой коснулся общихъ условій внѣшней политики Россіи; Погодинъ проводилъ въ ней ту мысль, что западные и южные славяне суть лучшіе друзья Россіи въ Европѣ, что вообще въ сей послѣдней накопилось много горючихъ элементовъ, грозящихъ скорымъ взрывомъ, но что взрывъ этотъ не только безопасенъ для Россіи, а напротивъ того, можетъ быть для нея благопріятнымъ обстоятельствомъ: ей «предстоитъ открытое поле дѣйствовать на югѣ и востокѣ между славянами,—лишь только не принимай она непосредственнаго участія въ прочихъ западныхъ дѣлахъ европейскихъ и не трать своей силы на чужія дѣла». По возвращеніи въ отечество Погодинъ представилъ свою замѣчательную записку Уварову; но въ то время у насъ не существовало никакой политической печати, да и высказанныя имъ мысли, какъ онъ свидѣтельствовалъ впослѣдствіи, оказались «въ рѣзкомъ несогласіи съ общимъ тогдашнимъ мнѣніемъ»; поэтому записка Погодина могла появиться въ свѣтъ лишь тридцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ была написана.

Освѣженный заграничными впечатлѣніями, Погодинъ возвратился въ Москву въ ноябрѣ 1842 года; но на старомъ пепелищѣ ожидало его возобновленіе прежнихъ непріятностей. Нерасположеніе къ нему Строганова не прекращалось, а университетскія отношенія оставались по прежнему натянутыми. При такихъ условіяхъ едва ли могъ онъ вести свой курсъ съ тѣмъ воодушевленіемъ и усердіемъ, какія отличали прежде его преподованіе. Поэтому, въ теченіе 1843 года въ его головѣ созрѣла мысль покинуть университетъ. Въ февралѣ 1844 года онъ подалъ въ отставку, и она была принята Уваровымъ безъ возраженій. Погодинъ внутренно не ожидалъ такого рѣшительнаго исхода, такъ какъ въ сущности онъ вовсе не считалъ себя лишнимъ на университетской каѳедрѣ; при подачѣ прошенія объ отставкѣ онъ даже выразилъ готовность опять вернуться къ профессурѣ года черезъ два, когда здоровье его поправится, и тѣмъ давалъ министру поводъ не увольнять его окончательно, а лишь доставить ему болѣе или мѣнѣе продолжительный отпускъ. Но дѣло

повернулось иначе, и Погодину пришлось покинуть университетъ навсегда, послѣ двадцатилѣтняго въ немъ служенія.

Въ томъ же 1844 году, вслѣдъ за оставленіемъ профессорства, Погодину суждено было испытать два тяжелыя несчастія. Въ маѣ этого года онъ сломалъ себѣ ногу при паденіи съ дрожекъ и прохворалъ нѣсколько мѣсяцевъ, а въ ноябрѣ, едва оправившись отъ болѣзни, онъ лишился горячо любимой жены. Погодинъ мужественно перенесъ постигшее его горе; но это утрата, предшествовавшая ей болѣзнь и наконецъ самый выходъ его изъ университета имѣли весьма важное значеніе въ его жизни: для него преждевременно наступилъ періодъ старости.

Прямымъ виновникомъ своей вынужденной отставки Погодинъ считалъ графа Строганова: Ахиллъ московскаго профессорскаго сословія удалился въ свое уединеніе на Дѣвичьемъ полѣ послѣ того, какъ увидѣлъ, что ему не поладить съ Агамемнономъ московскаго университетскаго міра. Но если присмотрѣться къ дѣлу ближе, то станетъ ясно, что причина отставки Погодина заключалась не въ одномъ нерасположеніи къ нему попечителя, а въ цѣлой совокупности разныхъ предшествовавшихъ ей обстоятельствъ. Они обнаруживаются изъ книги г. Барсукова благодаря именно тому, что вмѣстѣ съ разсказомъ о жизни Погодина онъ вводитъ читателя во все умственное движеніе московскаго общества въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ.

То была пора, когда обозначились два разныя теченія въ развитіи нашего общественнаго сознанія, такъ называемыя западническое и славянофильское направленія,—пора безпрерывныхъ споровъ о значеніи Петровскаго переворота, о возможности самостоятельнаго развитія русской образованности, о томъ, примирима ли народная самобытность со стремленіемъ къ общечеловѣческому прогрессу, и т. п. Довольно назвать имена братьевъ Кирѣевскихъ, Хомякова, Аксаковыхъ, Самарина, Герцена, Грановскаго, чтобы дать понять, что представителями обѣихъ сторонъ въ этихъ преніяхъ являлись люди сильнаго ума, высокихъ дарованій и благороднаго характера. Различіе теоретическихъ убѣжденій не мѣшало имъ уважать другъ друга лично, и благодаря этой терпимости, возможны были между ними частыя сходки, на которыхъ друзья-противники въ искренней бесѣдѣ и горячихъ, но безобидныхъ спорахъ совмѣстно искали правильнаго разрѣшенія глубоко занимавшихъ ихъ

принципіальныхъ вопросовъ. Одно время сношенія между названными лицами были на столько близки, что, казалось, спорившіе могли даже прійти къ соглашенію своихъ воззрѣній.

Погодинъ держался въ сторонѣ отъ этихъ преній; по собственному его сознанію, онъ не былъ ни западникомъ, ни чистымъ славянофиломъ. Правда, еще въ тридцатыхъ годахъ онъ завязалъ сношенія съ западно-славянскими учеными и заговорилъ о древней славянской исторіи и новѣйшемъ національномъ возрожденіи у славянъ, о русской старинѣ и народныхъ началахъ; возбуждая эти вопросы, новые у насъ въ то время, онъ, безъ сомнѣнія, далъ толчекъ образованію славянофильскаго ученія. Но умъ Погодина вовсе не отличался философскою складкой; онъ не былъ бы въ состояніи выработать ту строгую систему, которую представило это ученіе. И когда она вполнѣ сложилась у Кирѣевскаго и Хомякова, Погодинъ отнесся къ ихъ воззрѣнію даже критически—съ исторической точки зрѣнія. Вотъ, напримѣръ, какія записи встрѣчаются въ его дневникѣ 1843 года: «*14-го мая.* Къ Хомякову. Умный разговоръ. Какъ жаль, что онъ тратитъ свою силу на болтовню. *21-го мая.* Къ Аксаковымъ. Говорилъ съ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ о русской исторіи. Слабы. О состояніи Россіи. Видны раны, да не знаемъ, гдѣ взять лѣкарство. Ужинать, и запоздалъ. Хомяковъ началъ говорить о *Москвитянинѣ*, но очень темно. «Я не понимаю тебя», отвѣчалъ я,—«вѣрно я не дошилъ». Еще въ 1841 году, при началѣ *Москвитянина*, Погодинъ высказалъ свой взглядъ на дѣло Петра Великаго; онъ признавалъ многія вредныя стороны и послѣдствія Петровскаго преобразованія, но дойти до полнаго отрицанія его пользы историкъ не былъ въ состояніи. Также продолжалъ онъ думать и теперь.

Что касается западниковъ, то въ ихъ воззрѣніяхъ Погодинъ осуждалъ чрезмѣрное преклоненіе предъ авторитетомъ западной науки, пренебреженіе къ народной самобытности, раціонализмъ или индифферентизмъ въ религіозной сферѣ. Въ ноябрѣ 1843 года Грановскій открылъ публичный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ и при началѣ его высказался по поводу вопросовъ, составлявшихъ предметъ спора между славянофилами и западниками; сочувствія его, какъ и слѣдовало ожидать, оказались на сторонѣ послѣднихъ. Погодину чрезвычайно не понравились какъ это вступительное чтеніе, такъ и послѣдующія. «Былъ на лекціи у Грановскаго», записываетъ

онъ въ своемъ дневникѣ подъ 23-мъ ноября, послѣ перваго чтенія.—«Такая посредственность, что изъ рукъ вонъ. Это не профессоръ, а нѣмецкій студентъ, который начитался французскихъ газетъ. Сколько пропусковъ, какія противорѣчія! Россіи какъ будто въ исторіи не бывало. Ай, ай, ай! А я считалъ его еще талантливѣе другихъ. Онъ читалъ точно Псалтырь по Западѣ». На третью лекцію Погодинъ уже не пошелъ, но о содержаніи ея узналъ со словъ своего пріятеля Шевырева и записалъ его впечатлѣніе въ такихъ выраженіяхъ: «Христіанство въ сторонѣ». Между тѣмъ, чтенія Грановскаго приводили московское общество въ восхищеніе; общій восторгъ раздѣляли славянофилы, и Хомяковъ писалъ по этому поводу въ Петербургъ: «Профессоръ и чтеніе достойны лучшаго европейскаго университета, и къ крайнему моему удивленію, публика оказалась достойною профессора. Я не ожидалъ ни такого успѣха, ни такого глубокаго сочувствія къ наукѣ о развитіи человѣческихъ судебъ и человѣческаго ума». На первыхъ порахъ Погодинъ думалъ было противопоставить курсу Грановскаго рядъ своихъ лекцій—«антизападныхъ», но очень скоро отказался отъ этого намѣренія. За то, когда Шевыревъ приготовилъ для *Москвитянина* статью о лекціяхъ Грановскаго, Погодинъ нашелъ ее недостаточно сильною и сталъ требовать, чтобы Шевыревъ «трактовалъ Грановскаго свысока, какъ молодаго человѣка»,—на что̀ авторъ, въ свою очередь, не согласился. Статья была напечатана безъ измѣненій; написанная въ приличныхъ выраженіяхъ, она съ нѣкоторыми возраженіями противъ Грановскаго, съ упреками ему за пристрастіе къ Гегелю соединяла и значительныя похвалы лектору. Тѣмъ не менѣе, статья эта возбудила разные толки: Грановскій принужденъ былъ съ каѳедры оправдываться касательно своего пристрастія къ Западу; Строгановъ потребовалъ объясненій отъ профессора и объявилъ, что будетъ всѣми мѣрами противодѣйствовать гегелизму и вообще нѣмецкой философіи; западники пришли въ смущеніе, а Самаринъ отозвался неодобрительно о поступкѣ Шевырева и Погодина, назвавъ его «оплошностью». Курсъ Грановскаго продолжался всю зиму 1843—1844 годовъ съ непрерывнымъ успѣхомъ. На послѣднемъ чтеніи лектору была сдѣлана настоящая овація, а затѣмъ ему данъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали не только его друзья западники, но и славянофилы—Кирѣевскіе, Хомяковъ, К. Аксаковъ, Самаринъ; былъ на обѣдѣ и Шевыревъ, но Погодина не было. Тутъ-

то и была сдѣлана попытка примиренія между западниками и славянофилами. Надежда на возможность такого примиренія продолжалась еще нѣсколько времени: по крайней мѣрѣ, когда, въ исходѣ 1844 года, И. В. Кирѣевскій рѣшилъ взять отъ Погодина *Москвитянинъ* въ свое завѣдываніе, онъ намѣревался предложить участіе въ журналѣ Грановскому, и если это не состоялось, то лишь по совѣту Хомякова.

Этотъ эпизодъ съ лекціями Грановскаго всего лучше характеризуетъ то положеніе, въ которое поставилъ себя Погодинъ въ моментъ горячей борьбы между двумя вновь народившимися направленіями: онъ оказался въ нѣкоторомъ умственномъ одиночествѣ, въ сторонѣ отъ того движенія мысли, которое оживляло тогдашнее московское общество. Невыгоды такого положенія были вполнѣ осязательны для самого Погодина, и онѣ-то еще болѣе, чѣмъ нерасположеніе Строганова, побудили его покинуть университетъ. Такъ онъ и поступилъ.

Было ли благоразумно принятое имъ рѣшеніе? Впослѣдствіи онъ не разъ выражалъ сожалѣніе о сдѣланномъ имъ шагѣ. Охотно вѣримъ его словамъ, что онъ подавалъ въ отставку «со слезами и размышленіями»; но никакъ не можемъ считать справедливыми слѣдующія слова, сказанныя имъ впослѣдствіи: «Этотъ шагъ долженъ я считать теперь совершенно опрометчивымъ и имѣвшимъ вредное вліяніе на гражданскую внѣшнюю мою жизнь». По крайней мѣрѣ, глядя на поступокъ Погодина изъ того историческаго отдаленія, въ которомъ мы теперь находимся, слѣдуетъ признать, что удаленіе изъ университета обратилось на пользу Погодину: оно доставило ему независимость — не матеріальную, а нравственную (при скромной жизни Погодина и при нѣкоторыхъ средствахъ, которыя онъ имѣлъ, прямая нужда не грозила ему), независимость же въ значительной степени помогла ему возстановить свой общественный авторитетъ, поколебленный въ послѣдніе годы его профессорской службы разными столкновеніями, въ которыхъ ему случалось быть и правымъ, и виноватымъ. Съ отставкою Погодина кончается его официальная дѣятельность, и открывается тотъ періодъ его жизни, въ которомъ онъ выступаетъ по преимуществу дѣятелемъ общественнымъ. И на этомъ поприщѣ Погодинъ умѣлъ проявить свою даровитость и показать себя вѣрнымъ слугой своей родной земли.

А. А. ФЕТЪ [1]).

21-го ноября 1892 года скончался въ Москвѣ, послѣ долгихъ и тяжкихъ страданій, Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ, столь извѣстный въ нашей литературѣ подъ именемъ Фета.

Это былъ одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ поэтическихъ талантовъ въ литературномъ поколѣніи, слѣдовавшемъ непосредственно за Пушкинымъ. Въ чрезвычайной оригинальности его дарованія заключается причина, почему о немъ судили такъ различно. Дѣйствительно, у него были и горячіе поклонники, и жесткіе порицатели. Осуждали его за тотъ кругъ поэтическаго содержанія, который онъ намѣтилъ себѣ въ удѣлъ, и въ которомъ неизмѣнно вращалось его дарованіе; его упрекали за равнодушіе къ интересамъ минуты, къ современнымъ общественнымъ вопросамъ, къ злобѣ дня; его осмѣивали и писали на него пародіи. Но, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ литературныхъ цѣнителей Фета, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ послѣпушкинскаго періода онъ былъ самымъ полнымъ воплощеніемъ той свободы творчества, той независимости отъ преходящихъ условій мѣста и времени, о которой неоднократно говорилъ Пушкинъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ коренныхъ свойствъ художника, и въ то же время, какъ о драгоцѣнномъ правѣ каждаго носителя истинной поэзіи:

Ты—царь. Живи одинъ, дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ...

---

[1]) Извлечено изъ Отчета о дѣятельности II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 годъ.

И Фетъ страстно дорожилъ этою поэтическою свободой, горячо и твердо отстаивалъ свое право на нее. Въ одномъ многочисленномъ собраніи въ Москвѣ, въ январѣ 1858 года, гдѣ много и съ жаромъ говорилось о способахъ разрѣшенія только что возбужденнаго тогда крестьянскаго вопроса, къ Фету подошелъ М. Н. Катковъ и съ одушевленіемъ сказалъ ему: «Вотъ бы вамъ вашимъ перомъ иллюстрировать это событіе». «Я», вспоминалъ впослѣдствіи Фетъ,— «не отвѣчалъ ни слова, не чувствуя въ себѣ никакихъ силъ иллюстрировать какія бы то ни было событія. Я никогда не могъ понять, чтобъ искусство интерсссовалось чѣмъ-либо, помимо красоты». Фетъ не разъ высказывалъ свои мысли объ отношеніи поэзіи къ обстоятельствамъ времени. Онъ полагалъ, что «художникъ, избирая предметомъ своего творчества вѣковѣчныя явленія міра внутренняго или внѣшняго, не рискуетъ, что ихъ узнаютъ въ его произведеніи; напротивъ того, съ не установившимися историческими образами, тѣмъ болѣе съ предметами современными, бѣда самому первоклассному поэту». Извѣстное стихотвореніе Тютчева:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа...

восхищало Фета своимъ поэтическимъ достоинствомъ независимо отъ мысли, которая можетъ быть въ немъ угадана. Оцѣнивая эти двѣнадцать строкъ со своей точки зрѣнія, Фетъ находилъ, что онѣ «были бы современными и за двѣ тысячи лѣтъ предъ симъ, какъ, вѣроятно, останутся таковыми же еще на не опредѣленное время». Уже на склонѣ лѣтъ, привѣтствуя посѣтившую его музу, Фетъ говорилъ:

Пришла и сѣла. Счастливъ и тревоженъ,
Ласкательный твой повторяю стихъ;
И если даръ мой предъ тобой ничтоженъ,
То ревностью не ниже я другихъ.

Заботливо храня твою свободу,
Не посвященныхъ я къ тебѣ не звалъ,
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не оскверняль.

Все та же ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, не зримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

Какъ Шиллеровъ пѣвецъ при раздѣлѣ міра, нашъ поэтъ взялъ на свою долю частицу неба—идеальное созерцаніе жизни, лирическое къ ней отношеніе.

Лиризмъ—естественная, и надобно прибавить, исключительная сфера творчества Фета, ибо, по его собственному признанію, лиризмъ есть «цвѣтъ и вершина жизни». И какъ бы ни казался порою тѣсенъ поэтическій кругозоръ Фета,—по силѣ лирическаго воодушевленія немного найдется поэтовъ, ему равныхъ. Корень тому—въ его глубокой и въ то же время дѣтски-наивной впечатлительности, въ неподдѣльной искренности и скрытой горячности его чувства. «Кто не въ состояніи броситься съ седьмого этажа внизъ головой, съ непоколебимою вѣрой въ то, что онъ воспаритъ по воздуху, тотъ—не лирикъ». Какъ ни поразителенъ самъ по себѣ этотъ парадоксъ, онъ не совсѣмъ страненъ подъ перомъ Фета. Слѣпая, безумная отвага и дерзость, по его понятію, присущи лирику, но въ художественномъ созданіи онѣ обуздываются тончайшимъ чувствомъ мѣры. Сочетаніе этихъ противоположностей характеризуетъ яркую изобразительность въ поэзіи самого Фета и въ то же время объясняетъ причудливость его фантазіи.

Фетъ любилъ называть свои стихотворенія пѣснями; поэзію онъ считалъ не только родственною съ музыкой, но и нераздѣльною отъ нея: въ моментъ творчества душа поэта приходитъ въ музыкальное настроеніе, онъ поетъ, и самый строй его риѳмъ не зависитъ отъ его произвола, а является въ силу необходимости. Я чувствую, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ о веснѣ,—

что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что̀ буду
Пѣть, но пѣсня зрѣетъ!

Трудно лучше, чѣмъ этими словами, выразить непосредственность Фетовскаго лиризма, въ которомъ мелодія почти опережаетъ вольное, крылатое слово.

О, еслибъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

жалуется онъ въ другомъ стихотвореніи, подавленный прозою будничной жизни. Но сила поэтическаго дарованія въ томъ и состоитъ,

чтобы душа высказывалась въ словѣ. Фетъ въ высокой степени обладалъ этимъ даромъ выраженія чувства.

Какъ настоящій лирикъ, онъ—по преимуществу созерцатель и мечтатель. Мысль и чувство, образъ и музыка стиха живутъ у него безраздѣльно. «Нѣтъ въ мірѣ предмета», говоритъ онъ,—«безъ соотвѣтственной ему идеи въ душѣ человѣка, нѣтъ перспективы безъ озаряющаго ее свѣта, нѣтъ поэтическаго созерцанія безъ поэтической мысли». Эту таинственную связь видимаго міра съ внутреннею жизнью души Фетъ угадываетъ поразительно чутко. Отсюда—его глубокое сочувствіе природѣ, почти подчиненіе ея властной силѣ, напоминающее суевѣрное чувство древняго человѣка. Фетъ любитъ природу, какъ дитя свою мать; но ея растительную жизнь онъ умѣетъ наблюдать съ зоркостью проницательнаго художника; и наблюдаетъ онъ природу не столько въ ея грозныхъ знаменіяхъ, сколько въ обыденныхъ явленіяхъ—въ мирной тишинѣ зимы, въ шумномъ весеннемъ разцвѣтѣ, въ замираніяхъ вечерняго свѣта, въ переливахъ ночного мрака. Если исключить Тютчева, ни у кого изъ нашихъ поэтовъ нѣтъ такого обилія картинъ природы, и никто, быть можетъ, не потратилъ столько роскоши и пестроты красокъ на ея изображеніе. Фетъ былъ уроженцемъ южной Великороссіи, и именно природу этой великорусской украйны, черноземной земледѣльческой полосы, видимъ мы въ его стихахъ. Правда, иныя изъ его картинъ слишкомъ причудливы или туманны, но никогда не являются онѣ только описаніями. Набрасывая черты реальнаго міра, Фетъ въ то же время уловляетъ тѣ мимолетныя впечатлѣнія, которыя оставляютъ эти явленія въ душѣ человѣка. Живописецъ не въ состояніи будетъ передать поэтическіе образы Фета на полотнѣ, но въ душѣ читателя они вызовутъ то же настроеніе, изъ котораго они возникли въ фантазіи самого поэта. Въ одной изъ повѣстей Тургенева очень тонко передано впечатлѣніе, производимое поэтическими картинами Фета. Помните ли вы, пишетъ герой повѣсти къ знакомой ему молодой дѣвушкѣ,—«помните вы, какъ однажды мы, стоя на дорогѣ, увидѣли облачко розовой пыли, поднятой легкимъ вѣтромъ противъ заходящаго солнца? «Облакомъ волнистымъ», начали вы, и мы всѣ тотчасъ притихли и стали слушать:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ въ дали....

Конный или пѣшій —
Не видать въ пыли.
Вижу, кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ....
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

«Вы замолкли.... Мы такъ и вздрогнули всѣ, какъ будто дуновеніе любви промчалось по нашимъ сердцамъ, и каждаго изъ насъ—я въ томъ увѣренъ—неотразимо потянуло въ даль, въ ту неизвѣстную даль, гдѣ призракъ блаженства встаетъ и манитъ среди тумана».

Конечно, Тургеневъ примѣнилъ Фетовскій мотивъ къ своей темѣ; пусть даже воображеніе романиста нѣсколько дополнило легкій набросокъ поэта; но сущность впечатлѣнія схвачена все-таки вѣрно. Пѣсни Фета, съ ихъ теплотою чувства, съ ихъ томною мечтательностью, облеченною въ пестрые, не всегда отчетливые образы, дѣйствительно способны возбуждать въ читателѣ это мирное, свѣтлое, нѣсколько грустное чувство; можно забыть и стихи піесы, и подробности ея содержанія, впрочемъ обыкновенно несложнаго, но вынесенное впечатлѣніе надолго остается въ душѣ, какъ въ слухѣ—впечатлѣніе внезапно раздавшагося и постепенно замершаго звука. Въ искусствѣ производить этотъ особый родъ поэтическаго впечатлѣнія Фетъ имѣлъ у насъ только одного предшественника, тоже поэта-мечтателя, автора «Эоловой арфы».

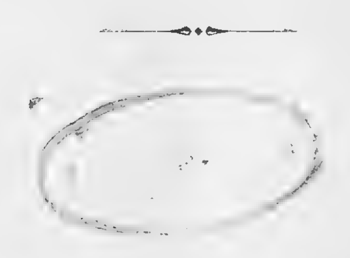
Какъ во взглядѣ на природу есть у Фета оттѣнокъ античнаго воззрѣнія, такъ и въ изображеніи человѣческихъ чувствъ. Древній ваятель представилъ могучаго Геркулеса отдыхающимъ послѣ тяжелаго подвига, который требовалъ чрезвычайнаго напряженія физической силы; такъ и поэзія Фета избѣгаетъ изображать страсти въ моментъ сильной нравственной борьбы. Она знаетъ сердечное влеченіе лишь въ его робкомъ, первичномъ видѣ, или напротивъ того, въ пору пережитого страданія, какъ свѣтлое воспоминаніе о невозвратно минувшемъ счастіи. Въ этомъ выборѣ для изображенія моментовъ любви нашъ поэтъ рѣзко отличается отъ Пушкина и Лермонтова, поэтовъ страсти кипучей, трагической, и опять сближается съ Жуковскимъ, при той однако разницѣ, что у Жуковскаго больше сосредоточенности въ самомъ чувствѣ, тогда какъ у Фета ярче краски и образы.

Вообще говоря, русская поэзія мало повліяла на Фета; гораздо

больше онъ обязанъ своимъ развитіемъ Гёте, какъ лирику, и римскимъ поэтамъ, которыхъ онъ любилъ переводить. Отъ нихъ Фетъ унаслѣдовалъ воззрѣнія на искусство и отчасти пріемы творчества. Быть можетъ, слѣдуетъ пожалѣть, что онъ не научился у нихъ большей строгости въ своемъ художественномъ трудѣ и потому нерѣдко оставался только импровизаторомъ. Но не отъ своихъ учителей взялъ онъ силу лиризма: это—его неотъемлемая собственность.

Обыкновенно называютъ поэзію нашего лирика проникнутою чувствомъ свѣтлой радости. Такое опредѣленіе едва ли справедливо; по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ признать его одностороннимъ. Правда, въ поэзіи Фета не слышно звуковъ негодованія и озлобленія,—за то ей далеко не чужды звуки глубокой скорби, душевнаго страданія отъ житейскихъ невзгодъ. Какъ для всякаго чуткаго сердцемъ человѣка нѣтъ радости безъ печали, такъ и въ поэзіи Фета свѣтлое чувство соединяется съ горькимъ въ свободномъ гармоническомъ сочетаніи; эта-то примирительная гармонія, вызывающая, по выраженію поэта, «плѣнительные сны на яву», и даетъ поэзіи Фета нравственный, гуманный смыслъ:

На землю сносятъ эти звуки
Не бурю страшную, не вызовы къ борьбѣ,
А исцѣленіе отъ муки!

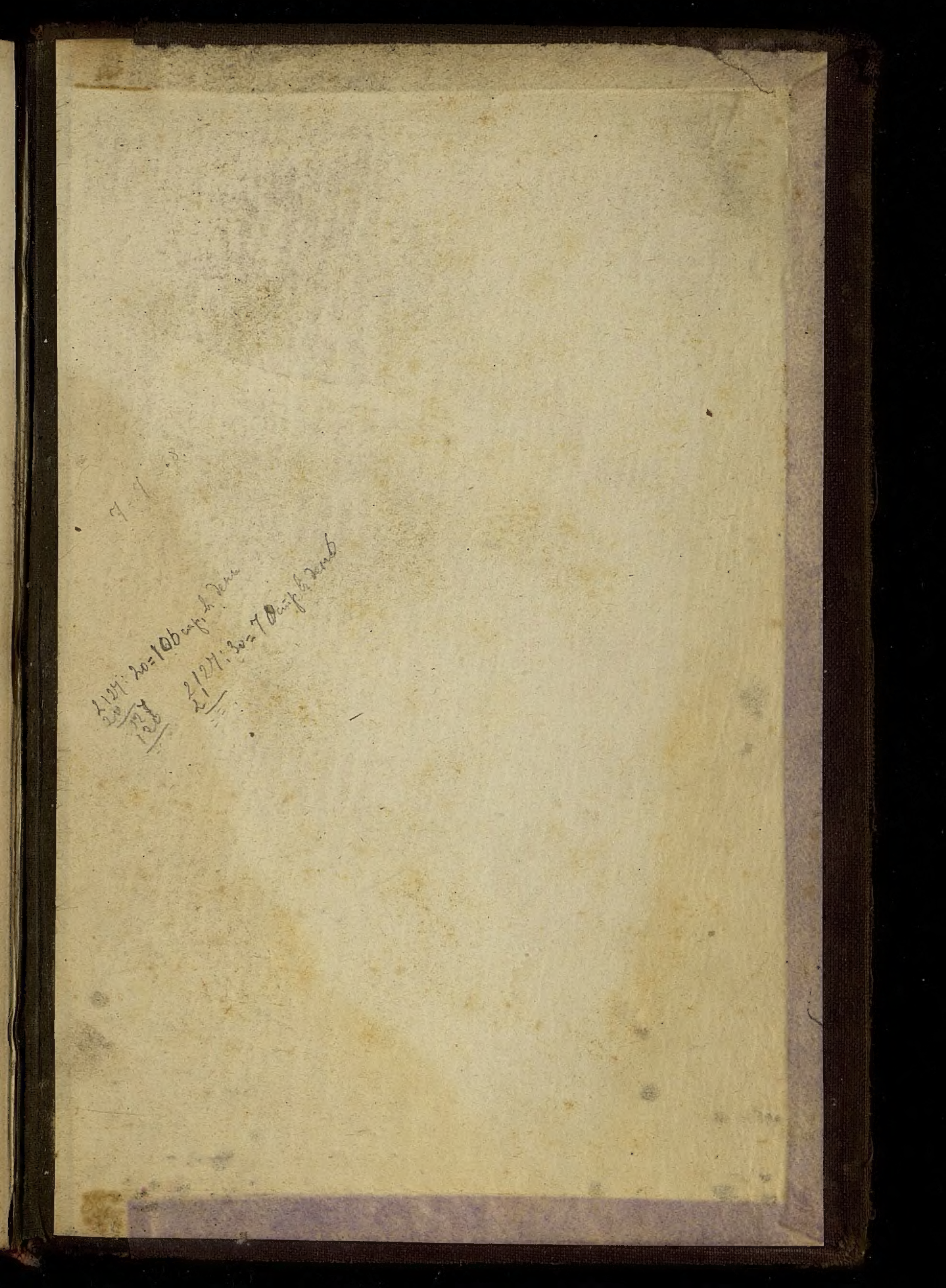

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ	1
Поэзія Жуковскаго	51
Характеристика Батюшкова какъ поэта	69
Бессарабскія воспоминанія Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ	86
Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ	130
Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ	153
Пушкинъ о Батюшковѣ	190
О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году	223
Пушкинъ и Даль	242
О стихотвореніяхъ Пушкина «Туча» и «Аквилонъ»	259
Памяти П. А. Плетнева	266
Малорусскій Титъ Ливій	273
Погодинъ въ послѣдніе годы своего профессорства	292
А. А. Фетъ	304

3/1 8 17 [5p]

10 3 20

2127 : 20 = 106 стр. в день
2127 : 30 = 70 стр. в день

